

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Пермский государственный национальный исследовательский университет»

Научный журнал издается
Пермским государственным
национальным исследовательским
университетом с 2010 г.

Тематика статей журнала отражает научные интересы специалистов в области социально-гуманитарного знания. В публикуемых материалах рассматриваются актуальные проблемы философии, психологии и социологии, обсуждаются результаты эмпирических исследований.

Издание включено в Перечень ВАК РФ по следующим научным специальностям, по которым принимаются статьи:

- 09.00.01 Онтология и теория познания
- 09.00.11 Социальная философия
- 09.00.03 История философии
- 09.00.13 Философская антропология, философия культуры
- 19.00.01 Общая психология, психология личности, история психологии
- 22.00.01 Теория, методология и история социологии
- 22.00.04 Социальная структура, социальные институты и процессы
- 22.00.08 Социология управления

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации средства
массовой информации ПИ № ФС77-66481
от 14 июля 2016 г.

Подписной индекс журнала
«Вестник Пермского университета.
Философия. Психология. Социология»
в Объединенном каталоге
«Пресса России» — 41011

Адрес редакционной коллегии
614990, Пермский край,
г. Пермь, ул. Букирева, д. 15.
Тел. +7(342) 2396-305.
E-mail: fsf-vestnik@yandex.ru,
fsf-nir@yandex.ru, dekanatfsf@psu.ru
Web-site: <http://www.philsoc.psu.ru/vestnik>

© ПГНИУ, 2021

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор
Александр Юрьевич Внутских (докт. филос. наук, доцент, чл.-кор. РАН, профессор кафедры философии, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь).

Заместитель главного редактора
Александра Юрьевна Бергфельд (канд. психол. наук, доцент, доцент кафедры общей и клинической психологии, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь).

ФИЛОСОФИЯ

Наталья Ириковна Береснева (докт. филос. наук, доцент, декан философско-социологического факультета, профессор кафедры культурологии и социально-гуманитарных технологий, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь).

Владимир Николаевич Железняк (докт. филос. наук, профессор, зав. кафедрой философии и права, Пермский национальный исследовательский политехнический университет, Пермь).

Лариса Павловна Кищенко (докт. филос. наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Институт философии РАН, Москва).

Сергей Владимирович Комаров (докт. филос. наук, доцент, профессор кафедры философии, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь).

Лева Асканазович Мусаевян (докт. филос. наук, доцент, зав. кафедрой философии, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь).

Сергей Анатольевич Никольский (докт. филос. наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель сектора философии культуры, Институт философии РАН, Москва).

Сергей Владимирович Орлов (докт. филос. наук, профессор, профессор секции философии кафедры истории и философии, Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, Санкт-Петербург).

Александр Владимирович Перцев (докт. филос. наук, профессор, акад. РАН, профессор кафедры истории философии и философии образования, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург).

ПСИХОЛОГИЯ

Юрий Петрович Зинченко (докт. психол. наук, профессор, акад. РАН, декан факультета психологии, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва).

Виктор Дмитриевич Балин (докт. психол. наук, профессор, профессор кафедры медицинской психологии и психофизиологии, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург).

Елена Васильевна Левченко (докт. психол. наук, профессор, профессор кафедры общей и клинической психологии, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь).

Наталья Анатольевна Логинова (докт. психол. наук, профессор, профессор кафедры психологии развития и дифференциальной психологии, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург).

Ирина Анатольевна Мироненко (докт. психол. наук, профессор, профессор кафедры психологии личности, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург).

Людмила Александровна Мосунова (докт. психол. наук, профессор, зав. кафедрой издательского дела и редактирования, Вятский государственный гуманитарный университет, Киров).

Александр Октабринович Прохоров (докт. психол. наук, профессор, зав. кафедрой общей психологии, Казанский государственный педагогический университет, Казань).

Елена Евгеньевна Сапогова (докт. психол. наук, профессор, профессор кафедры психологии образования, Московский педагогический государственный университет, Москва).

СОЦИОЛОГИЯ

Ольга Ивановна Бородкина (докт. социол. наук, доцент, профессор кафедры теории и практики социальной работы, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург).

Зинаида Петровна Замираева (докт. социол. наук, профессор, зав. кафедрой социальной работы и конфликтологии, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь).

Евгения Анатольевна Козыг (докт. филос. наук, профессор, зав. кафедрой социологии, Курский государственный университет, Курск).

Наталья Александровна Лебедева-Несевера (докт. социол. наук, доцент, профессор кафедры социологии, Пермский государственный национальный исследовательский университет, зав. лабораторией методов анализа социальных рисков, Федеральный научный центр медико-профилактических технологий управления рисками здоровью населения, Пермь).

Елена Леонидовна Омельченко (докт. социол. наук, профессор, директор Центра молодежных исследований, профессор Департамента социологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (филиал), Санкт-Петербург).

Сергей Александрович Судьин (докт. социол. наук, доцент, заведующий кафедрой общей социологии и социальной работы, Национальный исследовательский Нижегородский университет им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород).

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Дмитрий Иванович Широков (докт. филос. наук, профессор, акад. НАН Беларуси, Минск, Беларусь),

Александр Алексеевич Строканов (докт. наук, профессор Департамента криминальной юстиции, истории и глобальных исследований, директор Института русского языка, истории и культуры, университет Северного Вермонта-Линдона, Линдонвилл, Вермонт, США).

Дёрдь Сарвари (доктор философии, директор Bardo Consulting Organizational Development Office, Будапешт, Венгрия).

Джорджо Де Маркус (доктор наук, профессор департамента аудиовизуальных коммуникаций и рекламы, Мадридский университет Комплютенсе, Мадрид, Испания).

Стивен Д. МакДауэлл (доктор наук, профессор, директор Школы коммуникации, Университет штата Флорида, Таллахаси, Флорида, США).

Майкл Э. Рьюз (доктор наук, профессор философского факультета, университет штата Флорида, Таллахаси, Флорида, США).

Пол Эйткен (доктор наук, адъюнкт-профессор факультета бизнеса, Университет Бонд, Голд-Кост, Квинсленд, Австралия).

*Founder: Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education
«Perm State University»*

The scientific journal
has been published
by the Perm State University
since 2010

Subjects of articles of the journal reflect scientific interests of experts in the field of socially-humanitarian knowledge. Actual problems of philosophy, psychology and sociology are considered in published materials. Results of empirical researches are also discussed in the articles.

*The periodical is included
in the List of the Higher Attestation
Commission of the Russian Federation
in the following scientific specialties,
for which the articles are received:*

- 09.00.01 Ontology and theory of knowledge
- 09.00.11 Social philosophy
- 09.00.03 History of philosophy
- 09.00.13 Philosophical anthropology,
philosophy of culture
- 19.00.01 General psychology, personality
psychology, history of psychology
- 22.00.01 Theory, methodology and history of
sociology
- 22.00.04 Social structure, social institutions
and processes
- 22.00.08 Sociology of management

The periodical is registered
in the Federal Service for Supervision
of Communications, Information Technology,
and Mass Media (Roskomnadzor).
The Mass Media Registration Certificate
ПН № ФС77-66481, July 14, 2016.

Subscription index
for the «Perm University Herald.
Philosophy. Psychology. Sociology»
in the United Catalogue
«The Press of Russia» — 41011

Address of Editorial Board
Perm State University,
Bukirev st., build. 15, Perm,
Perm Krai, Russia, 614990.
Tel. +7(342) 2396-305.
E-mail: fsf-vestnik@yandex.ru,
fsf-nir@yandex.ru, dekanatfsf@psu.ru
Web-site: <http://www.philsoc.psu.ru/vestnik>

© Perm State University, 2021

EDITORIAL STAFF

Editor-in-Chief

Alexander Yu. Vnatskikh (Doctor of Philosophy, Corresponding Member of Russian Academy of Natural History, Professor of the Department of Philosophy, Perm State University, Perm).

Deputy Editor-in-Chief

Alexandra Yu. Bergfeld (Candidate of Psychology, Associate Professor of the Department of General and Clinical Psychology, Perm State University, Perm).

PHILOSOPHY

Natalya I. Beresneva (Doctor of Philosophy, Dean of the Faculty of Philosophy and Sociology, Professor of the Department of Culturology and Social and Humanitarian Technologies, Perm State University, Perm),
Vladimir N. Zheleznyak (Doctor of Philosophy, Head the Department of Philosophy and Law, Perm National Research Polytechnic University, Perm),

Larisa P. Kiyashchenko (Doctor of Philosophy, Leading Researcher of Institute of Philosophy of Russian Academy of Sciences, Moscow),

Sergey V. Komarov (Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Philosophy and Law, Perm National Research Polytechnic University, Perm),

Leva A. Musaelyan (Doctor of Philosophy, Head of the Department of Philosophy, Perm State University, Perm),

Sergey A. Nickolsky (Doctor of Philosophy, Chief Researcher - Head of the Department of Philosophy of Culture, Institute of Philosophy of Russian Academy of Sciences, Moscow),

Sergey V. Orlov (Doctor of Philosophy, Professor of the Section of Philosophy of the Department of History and Philosophy, Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Saint Petersburg),

Alexander V. Pertsev (Doctor of Philosophy, Academician of Russian Academy of Natural Sciences, Professor of the Department of History of Philosophy and Philosophy of Education, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg).

PSYCHOLOGY

Yury P. Zinchenko (Doctor of Psychology, Academician of Russian Academy of Education, Professor, Dean of Psychology Faculty, Lomonosov Moscow State University, Moscow),

Viktor D. Balin (Doctor of Psychology, Professor of the Department of Medical Psychology and Psychophysiology, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg),

Elena V. Levchenko (Doctor of Psychology, Professor of the Department of General and Clinical Psychology, Perm State University, Perm),

Natalya A. Loginova (Doctor of Psychology, Professor of the Department of Developmental Psychology, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg),

Irina A. Mironenko (Doctor of Psychology, Professor of the of the Department of Personality Psychology, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg),

Lyudmila A. Mosunova (Doctor of Psychology, Head of the Department of Publishing and Editing, Vyatka State University of Humanities, Kirov),

Alexander O. Prokhorov (Doctor of Psychology, Head of the Department of General Psychology, Kazan Federal University, Kazan),

Elena E. Sapogova (Doctor of Psychology, Professor, Professor of the Department of Educational Psychology, Moscow State Pedagogical University, Moscow).

SOCIOLOGY

Olga I. Borodkina (Doctor of Sociology, Professor of the Department of Theory and Practice of Social Work, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg),

Zinaida P. Zamaraeva (Doctor of Sociology, Head of the Department of Social Work and Conflictology, Perm State University, Perm),

Evgeniya A. Kogay (Doctor of Philosophy, Head of the Department of Sociology and Political Science, Kursk State University, Kursk),

Natalya A. Lebedeva-Neseyrya (Doctor of Sociology, Professor of the Department of Sociology, Perm State University, Head of Social Risk Analysis Laboratory, Federal Scientific Center for Medical and Preventive Health Risk Management Technologies, Perm),

Elena L. Omelchenko (Doctor of Sociology, Head of the Centre for Youth Studies, Head of the Department of Sociology, National Research University Higher School of Economics, Saint Petersburg),

Sergey A. Sudjin (Doctor of Sociology, Head of the Department of General Sociology and Social Work, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod).

EDITORIAL BOARD

Dmitriy I. Shirokanov (Doctor of Philosophy, Academician of National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus),

Alexandre A. Strokanov (Ph.D., Professor of Department of Criminal Justice, History and Global Studies, Director of the Institute of the Russian Language, History and Culture, Northern Vermont University – Lyndon, Lyndonville, VT, USA),

Gyorgy Sarvari (Ph.D., Director of Bardo Consulting Organizational Development Office, Budapest, Hungary),
Georgio De Marchis (Ph.D., Professor of the Department of Audiovisual Communication and Advertising, Complutense University of Madrid, Madrid, Spain),

Stefan D. McDowell (Ph.D., H. Phipps Professor of Communication, College of Communication and Information's Associate Dean for Academic Affairs, Florida State University, Tallahassee, FL, USA),

Michael E. Ruse (Ph.D., Lucyle T. Werkmeister Professor, Director of the History and Philosophy of Science Program, Florida State University, Tallahassee, FL, USA),

Paul Aitken (Ph.D., Adjunct Professor of the School of Business, Bond University, Gold Coast, QLD, Australia).

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ / PHILOSOPHY

«БУДУЩЕЕ ИСТОРИИ ФИЛОСОФИИ»
(Тематический выпуск)

«THE FUTURE OF HISTORY OF PHILOSOPHY»
(Special issue)

Будущее истории философии (от редакции) <i>Перцев А.В. (приглашенный редактор), Внутских А.Ю.</i>	489	The future of history of philosophy (an editorial) <i>Aleksandr V. Pertsev (guest editor), Alexander Yu. Vnutskikh</i>
Учение Платона о человеке revisited <i>Светлов Р.В.</i>	493	Anthropology of Plato Revisited <i>Roman V. Svetlov</i>
Ф. Ницше: теология, метафизика и психология в поисках жизненности <i>Перцев А.В.</i>	500	Friedrich Nietzsche: theology, metaphysics and psychology in search of vitality <i>Aleksandr V. Pertsev</i>
Австрийская литература как философия: Г. Броч о кризисе человека и обществе после распада империи <i>Черепанова Е.С.</i>	508	Austrian literature as philosophy: diagnosing social and human crisis in the post-imperial society («The Sleepwalkers» by Hermann Broch) <i>Ekaterina S. Cherepanova</i>
Мартин Бубер: проблемно-историческое понимание человека <i>Куликов В.Б.</i>	516	Martin Buber: problem-historical understanding of man <i>Vladimir B. Kulikov</i>

ФИЛОСОФИЯ / PHILOSOPHY

Пифагореизм в современной философии математики <i>Косилова Е.В.</i>	528	Pythagoreanism in modern philosophy of mathematics <i>Elena V. Kosilova</i>
Формирование идеи математической феноменологии в философии Эдмунда Гуссерля <i>Седов Ю.Г.</i>	541	Formation of the idea of mathematical phenomenology in Edmund Husserl's philosophy <i>Yuri G. Sedov</i>
Римские стоики и японские самураи об экзистенциалах человеческого бытия <i>Биричева Е.В.</i>	550	Roman stoics and Japanese samurai on the existentials of human being <i>Ekaterina V. Biricheva</i>
Хронотопность и топохронность власти в контексте социально-политических воззрений А. Кожева и Г.В.Ф. Гегеля <i>Шевченко О.К.</i>	561	Chronotopy and topochrony of power in the context of the socio-political views of A. Kozhev and G.V.F. Hegel <i>Oleg K. Shevchenko</i>
Политический морфогенез: случай трансдисциплинарной рефлексии <i>Киященко Л.П., Голофаст А.В.</i>	569	Political subjectness: a case of transdisciplinary reflection <i>Larisa P. Kiyashchenko, Anastasia V. Golofast</i>

«Это как бы два мира!»: овещненная и человеческая реальности <i>Лоскутов Ю.В.</i>	582	«It's like two worlds!»: reificated and human realities <i>Yuri V. Loskutov</i>
Между искусством и вандализмом: дискурсивная представленность граффити и стрит-арта <i>Кузовенкова Ю.А.</i>	592	Between art and vandalism: discourse representation of graffiti and street art <i>Yuliya. A. Kuzovenkova</i>
К проблемным вопросам философии танца: семиотический и онтологический аспекты танцевальных движений <i>Крысанков Т.Г.</i>	604	On problematic issues of dance philosophy: semiotic and ontological aspects of dance movements <i>Timofey G. Krysanov</i>

ПСИХОЛОГИЯ / PSYCHOLOGY

К вопросу об организации психолексического исследования русской таксономии черт <i>Мишкевич А.М., Щебетенко С.А., Калугин А.Ю.</i>	613	On the organization of a psycho-lexical study of the Russian personality trait taxonomy <i>Arina M. Mishkevic, Sergei A. Shchebetenko, Alexey Yu. Kalugin</i>
Имплицитные предсказания удовлетворенности браком по восприятию экспрессивных черт <i>Ветошкина Е.Е., Балева М.В.</i>	628	Implicit predictions of marriage satisfaction based on perception of expressive features <i>Ekaterina E. Vetoshkina, Milena V. Baleva</i>
Черты Темной триады и отношение к образу пользователя социальной сети «Инстаграм» <i>Корниенко Д.С., Стряпунина Н.А.</i>	643	Attitude to the image of the Instagram user and the Dark Triad <i>Dmitry S. Kornienko, Natalya A. Stryapunina</i>

СОЦИОЛОГИЯ / SOCIOLOGY

Роль организационного доверия в обеспечении эффективности и продуктивности деятельности современной организации (опыт зарубежных исследований) <i>Гордеева С.С., Маркова Ю.С.</i>	654	The role of organizational trust in ensuring the efficiency and productivity of the activities of a modern organization (experience of foreign research) <i>Yulia S. Markova, Svetlana S. Gordeyeva</i>
Мотивация студентов к выполнению научно-исследовательской работы и ее связь с установкой на построение академической карьеры в вузе <i>Лалин П.М., Балежина Е.А.</i>	662	Students' motivation for performing research work and its relationship with their orientation toward building an academic career at university <i>Pavel M. Lapin, Ekaterina A. Balezina</i>
Наши рецензенты	673	Our reviewers
Информация для авторов	674	Guidelines for English-speaking authors

ФИЛОСОФИЯ

«БУДУЩЕЕ ИСТОРИИ ФИЛОСОФИИ»
(Тематический выпуск)

УДК 1(091)

DOI: 10.17072/2078-7898/2021-4-489-492

БУДУЩЕЕ ИСТОРИИ ФИЛОСОФИИ (ОТ РЕДАКЦИИ)

*Перцев Александр Владимирович (приглашенный редактор)**Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург)**Внутских Александр Юрьевич**Пермский государственный национальный исследовательский университет (Пермь)*

В статье делается попытка обобщить в виде ключевых тезисов основное содержание статей авторов тематического выпуска «Будущее истории философии» — представителей уральской школы истории философии, учеников К.Н. Любутина — В.Б. Куликова, А.В. Перцева и Е.С. Черепановой, а также известного специалиста по Платону из Санкт-Петербурга Р.В. Светлова. Каждый из этих авторов по-своему ставит вопрос о будущем истории философии в условиях беспрецедентного динамизма социокультурных систем. Так, Р.В. Светлов исследует ситуацию «переоткрытия» истории философии в рамках ставшей философской традицией аналитической философии. Но в результате таких импактов и сама история философии не могла оставаться неизменной: общим местом в ней становится критическое переосмысление, казалось бы, навсегда установившихся идей. Обращаясь к фигуре Платона, Р.В. Светлов ставит под сомнение устоявшееся мнение о том, что платонизм базируется на идее доминанты разума в человеческой природе. Скорее, напротив, концепция Платона представляет собой рассказ о принципиальной неполноте и неутвержденности человека в бытии. В свою очередь, А.В. Перцев на примере Ф. Ницше демонстрирует ценность попыток воссоздания целостного мира известных философов, исходя из всего комплекса документов, фиксирующих обстоятельства его жизни. Такое историко-философское исследование оказывается эффективным средством для восстановления целостного человеческого в нашем атомизированном современнике. Исследуя философские аспекты творчества австрийского писателя Г. Броха, Е.С. Черепанова показывает бесчеловечность и антиинтеллектуализм позитивистской альтернативы буржуазного общества. «Деловитость» его индивидов не спасает их ни от экономических потрясений, ни от ужасов очередной мировой войны. В.Б. Куликов указывает на потенциал диалогического восприятия философской антропологии М. Бубера в периоды истории, подобные современности, — в периоды «бездомности», когда человек осознает бесприютность этого мира и проблематизируется, превращается в вопрос для самого себя. Вопрос, на который приходится отвечать каждому из нас.

Ключевые слова: перспективы истории философии, Платон, Ф. Ницше, Г. Брех, М. Бубер.

THE FUTURE OF HISTORY OF PHILOSOPHY (AN EDITORIAL)

*Aleksandr V. Pertsev (guest editor)**Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (Ekaterinburg)**Alexander Yu. Vnutskikh**Perm State University (Perm)*

This paper presents the key theses summarizing the main points of the articles written for the thematic issue «*The Future of History of Philosophy*». The authors of the articles are representatives of the Ural School of History of Philosophy — V.B. Kulikov, A.V. Pertsev, and E.S. Cherepanova, who were students of K.N. Lyubutin, and also the well-known expert on Plato's works from St. Petersburg R.V. Svetlov. Each of

these authors finds their own way to pose the question of the future of the history of philosophy in the context of unprecedented dynamism of sociocultural systems. For example, R.V. Svetlov explores the situation of 'rediscovering' of the history of philosophy within the framework of analytic philosophy, which has become a philosophical tradition. On the other hand, the history of philosophy itself could not remain unchanged under such impacts. Critical rethinking of established ideas is commonplace of contemporary research in the area of history of philosophy. R.V. Svetlov challenges the well-established view that Platonism is based on the idea of the dominance of reason in human nature. On the contrary, Plato's conception appears to be an account of the fundamental incompleteness and uncertainty of man's position in being. A.V. Pertsev demonstrates the value of attempts to reconstruct the holistic world of famous philosophers on the basis of the whole set of documents recording the circumstances of their life using the example of Friedrich Nietzsche. Such research is an effective means of restoring the integral human in our atomized contemporaries. E.S. Cherepanova explores the philosophical aspects of the work of Austrian writer G. Broch. She shows the inhumanity and anti-intellectualism of the positivist alternative to bourgeois society. The 'businesslike' nature of its individuals saves them neither from economic upheaval nor from the horrors of another world war. V.B. Kulikov points to the potential of dialogical perception of Buber's philosophical anthropology in periods of human 'homelessness', when a person realizes the homelessness of this world and becomes problematic, becomes a question for himself. The question each of us has to answer.

Keywords: perspectives of history of philosophy, Plato, F. Nietzsche, M. Broch, M. Buber.

Наш журнал продолжает практику публикации тематических выпусков, начатую корпусом текстов в вып. 3 за 2021 г. под общим названием «Проблематизация человека: незавершенный проект» (приглашенный редактор — д-р филос. наук, ведущий научный сотрудник ИФ РАН Л.П. Киященко, Москва).

Теперь мы представляем вниманию наших читателей четвертый выпуск, который также содержит тематическую часть — на этот раз историко-философскую, имеющую название «Будущее истории философии», собранную под руководством члена редколлегии и приглашенного редактора выпуска д-ра филос. наук, проф. А.В. Перцева (УрФУ, Екатеринбург). Трое из авторов тематического раздела — В.Б. Куликов, сам А.В. Перцев и Е.С. Черепанова — представители уральской школы историко-философских исследований. Главой этой школы на протяжении многих лет являлся доктор философских наук, профессор Константин Николаевич Любутин (1935–2018) — один из лучших специалистов по классической истории философии и по русскому неомарксизму. Сегодня мы предоставляем свои страницы его ученикам.

Есть ли будущее у истории философии? Или правы те, кто считает ее наиболее бессмысленной разновидностью в целом умирающего философского дела, — и потому этого будущего лишённой? Каждый из наших авторов — профессиональных историков философии — дает свой ответ на этот вопрос.

Начинается тематический раздел выпуска статьей замечательного исследователя Платона Р.В. Светлова, профессора Русской Христианской Гуманитарной Академии (Санкт-Петербург) и Балтийского федерального университета им. И. Канта (Калининград). В статье «Учение Платона о человеке revisited» Р.В. Светлов говорит об «историофобии», изначально характерной для аналитической философской традиции с ее критериями ясности, строгости, аргументированности, а также характерными для нее решительными суждениями о предшествующей философии как бессмысленной метафизике. Однако, с одной стороны, превращение самой аналитической философии в традицию, причем с трудноуловимыми границами, привели и ее к «переоткрытию» истории. В результате, аналитические инструменты и стили изложения стали само собой разумеющимся, при этом уже не привнося никакой «историофобии». С другой стороны, в собственно исторических исследованиях в последние десятилетия все чаще появляются работы, в названиях которых присутствуют слова «Revisited» или «Rethinking». Не стала исключением и статья самого Р.В. Светлова, в которой он ставит под сомнение устоявшееся мнение о том, что платонизм базируется на идее доминанты разума в человеческой природе. В рецепции автора учение Платона о человеке — это не гимн человеческому разуму, но рассказ о принципиальной неполноте и неутвержденности в бытии как коренной черте человеческого существования

[Светлов Р.В., 2021]. Думается, что такое прочтение великого грека весьма актуально в ситуации турбулентного мира начала XXI в., в котором каждый наш современник должен (вынужден) так или иначе состояться.

Тезис «о принципиальной неполноте и неутвержденности в бытии» человека можно считать одним из центральных и для философии Ф. Ницше, как известно, уподоблявшего человека канату, натянутому «между животным и сверхчеловеком». В статье «Ф. Ницше: теология, метафизика и психология в поисках жизненности» [Перцев А.В., 2021] А.В. Перцев демонстрирует ценность воссоздания целостного мира Ницше, исходя из всего комплекса документов, фиксирующих обстоятельства его жизни. Такое историко-философское исследование, основанное на «книжной» культуре и «медленном чтении» может оказаться весьма действенным средством для восстановления целостного человеческого и в нашем вечно спешащем современнике. Интересным представляется и выдвинутый автором тезис об интровертированном субъекте (распространенной характеристике философа вообще) как о «сверхсоциальном альтруисте», отвечающем за весь мир. Актуально для обстоятельств вызванного пандемией локдауна, не правда ли?..

Продолжает тематический раздел статья д-ра филос. наук, профессора Е.С. Черепановой (УрФУ) «Австрийская литература как философия: Г. Брех о кризисе человека и обществе после распада империи». На материале произведений австрийского писателя Германа Бреха, пик творчества которого пришелся на межвоенные годы XX в., автор показывает, насколько затруднительным на поверку оказывается существование человека, неспособного ставить метафизические вопросы, лишённого морали и «свободного» от ценностей. Современная Бреху позитивистская философия его не устраивает — он считает ее бесчеловечной и антиинтеллектуальной, хотя для подобных человеческих существ вполне подходящей. Ведь наш современник рационален, функционален и «деловит» — на место размышлений у него давно пришли умелые действия. Однако «прагматизм делового человека — теперь не надежен», поскольку мир массового производства становится все более иррациональным. «Деловитость» не уберет его ни от экономических потрясений, ни от ужасов новой мировой войны. Ведь «общность распалась, а на

ее месте теперь масса, в которой каждый индивид атомарен, то есть скрыт для другого, не предсказуем, но управляем и предсказуем для манипуляторов массой» [Черепанова Е.С., 2021]. И вновь складывается ощущение «узнавания» в этой картине, созданной историко-философской рецепцией литературы без малого столетней давности, чего-то до боли знакомого...

Что же философия может сделать для восстановления человеческого в человеке? Доктор филос. наук, профессор В.Б. Куликов (УрФУ, Екатеринбург) в статье «Мартин Бубер: проблемно-историческое понимание человека» [Куликов В.Б., 2021] указывает на потенциал диалогического восприятия философской антропологии, которая у Бубера органично дополняется и поддерживается древними духовными практиками хасидов. Буберу довелось работать в тот период развития нашей цивилизации, который он сам называет периодом «бездомности», когда человек осознает бесприютность этого мира и проблематизируется, превращается в вопрос для самого себя. Но не то ли мы видим и сейчас — во времени пандемии, морального, экономического и геополитического кризиса? Автор справедливо полагает, что все возрастающая сложность современной социальной реальности открывает новые возможности и проясняет необходимость диалога.

Итак, подлинная история философии — это отнюдь не собрание или собрание никому не нужных фактов о трудах давно умерших людей, занимавшихся таким «немодным» делом, как философия. В действительности, это мост, связывающий прошлое, настоящее и будущее культуры, а также уникальная практика по сборке человека, который в каждую эпоху общественного развития и в каждый день своей индивидуальной жизни вынужден отвечать на обращенный к нему вопрос: «Где ты?». А если так, то история философии будет существовать до тех пор, пока существует тот, кого об этом спрашивают.

Список литературы

Куликов В.Б. Мартин Бубер: проблемно-историческое понимание человека // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2021. Вып. 4. С. 516–527. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2021-4-516-527>

Перцев А.В. Ф. Ницше: теология, метафизика и психология в поисках жизненности // Вестник Пермского университета. Философия. Психология.

Социология. 2021. Вып. 4. С. 500–507. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2021-4-500-507>
 Светлов Р.В. Учение Платона о человеке revisited // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2021. Вып. 4. С. 493–499. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2021-4-493-499>
 Черепанова Е.С. Австрийская литература как философия: Г. Броч о кризисе человека и обществе после распада империи // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2021. Вып. 4. С. 508–515. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2021-4-508-515>

Получена: 01.11.2021. Принята к публикации: 30.11.2021

References

Cherepanova, E.S. (2021). [Austrian literature as philosophy: diagnosing social and human crisis in the post-imperial society («The Sleepwalkers» by Hermann Broch)]. *Vestnik Permskogo universiteta*.

Об авторах

Перцев Александр Владимирович
 доктор философских наук, профессор,
 профессор кафедры истории философии,
 философской антропологии, эстетики
 и теории культуры

Уральский федеральный университет
 им. первого Президента России Б.Н. Ельцина,
 620002, Екатеринбург, ул. Мира, 19;
 e-mail: apertzev@mail.ru
 ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7711-5098>

Внутских Александр Юрьевич
 доктор философских наук, доцент,
 профессор кафедры философии

Пермский государственный национальный
 исследовательский университет,
 614990, Пермь, ул. Букирева, 15;
 e-mail: avnut@inbox.ru
 ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4162-1033>
 ResearcherID: R-3075-2017

Filosofia. Psihologia. Sociologia [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology]. Iss. 4, pp. 508–515. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2021-4-508-515>

Kulikov, V.B. (2021). [Martin Buber: problem-historical understanding of Man]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologia. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology]. Iss. 4, pp. 516–527. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2021-4-516-527>

Pertsev, A.V. (2021). [Friedrich Nietzsche: Theology, Metaphysics and Psychology in Search of Vitality]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologia. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology]. Iss. 4, pp. 500–507. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2021-4-500-507>

Svetlov, R.V. (2021) [Anthropology of Plato Revised]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologia. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology] Iss. 4, pp. 493–499. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2021-4-493-499>

Received: 01.11.2021. Accepted: 30.11.2021

About the authors

Aleksandr V. Pertsev
 Doctor of Philosophy, Professor,
 Professor of the Department of History
 of Philosophy, Philosophical Anthropology,
 Aesthetics and Theory of Culture

Ural Federal University named after
 the first President of Russia B.N. Yeltsin,
 19, Mira st., Ekaterinburg, 620002, Russia;
 e-mail: apertzev@mail.ru
 ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7711-5098>

Alexander Yu. Vnutskikh
 Doctor of Philosophy, Docent,
 Professor of the Department of Philosophy

Perm State University,
 15, Bukirev st., Perm, 614990, Russia;
 e-mail: avnut@inbox.ru
 ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4162-1033>
 ResearcherID: R-3075-2017

Проблема ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Перцев А.В., Внутских А.Ю. Будущее истории философии (от редакции) // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2021. Вып. 4. С. 489–492. DOI: [10.17072/2078-7898/2021-4-489-492](https://doi.org/10.17072/2078-7898/2021-4-489-492)

For citation:

Pertsev A.V. Vnutskikh A.Yu. [The future of history of philosophy (an editorial)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologia. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2021, issue 4, pp. 489–492 (in Russian). DOI: [10.17072/2078-7898/2021-4-489-492](https://doi.org/10.17072/2078-7898/2021-4-489-492)

УДК: 1(091)

DOI: 10.17072/2078-7898/2021-4-493-499

УЧЕНИЕ ПЛАТОНА О ЧЕЛОВЕКЕ REVISITED

Светлов Роман Викторович

*Русская христианская гуманитарная академия (Санкт-Петербург),
Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта (Калининград)*

История философии в современности подвергается критическому переосмыслению. Для первых поколений аналитических философов вообще была свойственна истинная «историофобия». Однако, как часто бывает, критическое отношение не отменило интереса к мыслителям прошлого и не привело к отрицанию значимости истории философии как одной из форм философского дела. Более того, оно породило новые методологические подходы, которые сейчас активно осваиваются историками мысли. Все увеличивается число работ, названия которых включают слова «Revisited» или «Rethinking». Появляется возможность отказаться от власти классических оценок и классических иерархий значимостей в текстах мыслителей прошлого, которые были сформулированы исследователями XIX–XX вв. В качестве примера рассматриваются представления Платона о человеке. Выясняется, что привлечение более широкого диапазона текстов Платона разрушает традиционное представление о доминировании разума в составе человеческого существа. Платон описывает душу человека так, что непонятно, где находится ее периферия, а где — центр. Значимость разума безусловна, именно он подтверждает нам вечность душевной природы, но его использование оказывается вполне амбивалентным. И, главное, участие в философском деле не является гарантией того, что мы, как люди-марионетки из «Законов», уже «вытянули» и «преодолели» себя, ухватившись за «золотую нить». Учение Платона о человеке — это не гимн человеческому разуму, но рассказ о принципиальной неполноте и неутвержденности в бытии как коренной черте человеческого существования.

Ключевые слова: диалоги Платона, Лисид, учение о человеке, структура души.

ANTHROPOLOGY OF PLATO REVISITED

Roman V. Svetlov

*Russian Christian Academy for the Humanities (St. Petersburg),
Immanuel Kant Baltic Federal University (Kaliningrad)*

Today history of philosophy is undergoing critical rethinking. For the first generations of analytic philosophers, a true «historiophobia» was generally characteristic. However, as it often happens, the critical attitude did not abolish the interest to the thinkers of the past and did not lead to the denial of the significance of the history of philosophy as one of the forms of philosophical work. Moreover, it gave rise to new methodological approaches, which are now being actively assimilated by historians of thought. An increasing number of works have titles that include the words «Revisited» or «Rethinking». There arises an opportunity to abandon the power of classical assessments and classical hierarchies of the significant in the texts of thinkers of the past (which were formulated by authors of the 19th–20th centuries). This paper deals with Plato's ideas about man as an example. Familiarization with a wider range of Plato's texts destroys the traditional concept of the dominance of reason in the composition of the human being. Plato describes the human soul in such a way that it is not clear where its periphery is and where its center is. The significance of reason is unconditional, it confirms the eternity of the spiritual nature, but its use by us in earthly life is quite ambivalent. And, most importantly, participation in philosophical work is not a guarantee that we, as people-puppets from the *Laws*, have already «pulled out» and «overcome» ourselves, having grasped the «golden thread». Plato's doctrine of man is not a hymn to the human mind, but

a story about the fundamental incompleteness and certainly in being as fundamental features of human existence.

Keywords: dialogues of Plato, Lysis, doctrine of man, structure of the soul.

История довольно быстро стала одним из инструментов самоописания и самоопределения философии как особой сферы интеллектуальной деятельности. Ответ на вопрос «кто мы такие?» в случае философии не сводится только к указанию предмета собственной науки и характера исследовательской методологии. Поскольку философия — явление более сложное, чем наука (мы имеем в виду науку в ее новоевропейском понимании, ставшем доминирующим в XIX–XX столетиях), то для нее характерен взгляд назад не только ради исторической самоидентификации, но и с целью прояснения собственной природы. Две философские позиции, обычно рассматриваемые как крайние пункты философской мысли XX столетия, — «континентальная» и «аналитическая» — по-разному относятся к тезису: «чтобы понять, что такое философское дело, нужно обратиться к его прошлому». В отношении континентальной в основной ее массе это отношение очевидно — достаточно вспомнить работу М. Хайдеггера «Что такое философия». Аналитическая же традиция начиналась как отрицание за историей философии философской значимости (Б. Рассел, конечно, написал знаменитую «Историю Западной философии», но это было скорее политическое, чем собственно философское сочинение). «Историофобия» ряда философов, имеющих прямое отношение к этой традиции или близких к ней, хорошо известна [Говестон Ф., 2017, с. 83–84]. Если искать какую-то историческую метафору-параллель, то аналитический «поворот» похож на реформацию XVI в. в христианстве, решительно выступившую против ученого схоластического наследия. Аналогами принципов «только Писанием» и «только верой» у аналитиков стал анализ языка, соответствующий критериям ясности, строгости, аргументированности, а также отказ от радикальных обобщений (за исключением, например, решительных суждений о предшествующей философии как практически бессмысленной метафизике). Однако превращение аналитической философии в традицию, причем с трудноуловимыми границами, изменение ряда ее внутренних установок привели и ее к «пе-

реоткрытию» истории. В первую очередь это имело отношение к описанию собственно аналитического течения и его эволюции. Но вместе с этим целый ряд мыслителей прошлого оказался успешно включен в число философов, работавших в аналитическом ключе (особенно Аристотель, Фома Аквинский, Декарт). Г. Властос показал, что многие проблемы, поставленные в античной философии, вообще должны стать предметом аналитических исследовательских стратегий и решаться именно в их рамках [Vlastos G., 1954]. В.К. Шохин существенно расширяет понятие аналитической философии, что позволяет видеть через ее практики историко-философский процесс без его негации [Шохин В.К., 2015]. И даже фигуры Сократа и Платона, которые «ответственны» за «метафизиацию» греческой мысли, в аналитической философии начинают переоцениваться [Рахманин А.Ю., 2019].

Видимо поэтому, в текстах современных ученых, которые исследуют историю философии с аналитических позиций, сейчас активно обсуждаются возможные компромиссы между крайностями «апроприации» (т.е. анахронистического использования историко-философского материала для демонстрации или решения логико-философских проблем) и контекстуализации (как кружения по герменевтическому кругу постоянного уточнения и исторической спецификации «настоящего смысла» высказываний философов прошлого) [Берестов И.В. и др., 2019]. По опыту участия в международных конференциях по истории философии можно сказать, что аналитические инструменты и стили изложения материала стали само собой разумеющимся приемом при подготовке докладов, и особенно презентаций для них, без привнесения при этом в выступления ученых какой бы то ни было «историофобии».

В любом случае смена философских парадигм приводит и к существенной смене историко-философских подходов, и к трактовке самой истории философии в качестве одного из феноменов философского дела. На уровне собственно исторических исследований это видно в регулярном появлении в последние десятиле-

тия работ, в названиях которых присутствуют слова «Revisited» или «Rethinking». Настоящий материал станет одним из попыток демонстрации того, как может быть пересмотрена ключевая тема платоновского корпуса текстов: учение о человеке.

Прежде всего, обратим внимание на подходы в отношении наследия основателя Академии, которые становятся все более популярными и действенными в современном платоноведении. В настоящее время восприятие корпуса платоновских текстов в академической науке не выстраивается вокруг одного диалога, принятого за догматически центральный (такowymi в истории были «Тимей», «Парменид», «Государство»). Каждый отдельный диалог является предметом отдельного исследования. Сейчас для ученых Платон «Филеба» или «Политика» — не менее респектабельная тема, чем «Платон вообще». Корпус текстов Платона рассматривается чаще как некоторое условное целое, в котором, конечно, можно обнаружить следы реальной эволюции воззрений их автора, но далеко не столь очевидные, как это полагалось раньше (когда диалоги делили на «сократические» ранние, зрелые и поздние) [Пресс Дж., 2014]. Показательным примером является попытка выстроить принципиально новую хронологию написания текстов Платона представителями отечественного «институционального» подхода к истории Академии [Шичалин Ю.А., 2020; Мочалова И.Н., 2013]. Вместе с тем все более важный характер начинает приобретать литературная сторона платоновских сочинений, которые позволяют рассматривать весь комплекс диалогов как общий литературный нарратив с различными возможными «входами» в него, обнаруживать в нем различные скрытые сюжеты и маршруты в связи с разными концептуальными контекстами, которые нам оказываются интересны (О новых тенденциях в отечественном платоноведении см.: [Светлов Р.В., Протопопова И.А., 2020]). К тому же эти тенденции не отрицают необходимости учета «частотности» суждений Платона об интересующих нас темах, а также рассмотрения контекста, в котором эти суждения высказываются: полемического, иронического, мифологического или же логико-диалектического.

В данном случае мы, во-первых, постараемся избавиться от представлений о смысловой и

временной иерархии платоновских диалогов (менее – более важные, менее – более зрелые). Во-вторых, постараемся дистанцироваться от разработанных в истории платонизма и платоноведения оценок «человековедения» Платона (которые могут сами стать предметом отдельного исследования). И нам будет проще всего это сделать, если мы укажем на наиболее характерные черты этих оценок. В качестве примера можно выбрать небольшую книгу Джулии Эннес «Plato. A very short introduction», опубликованную в 2003 г. Дж. Эннес является безусловно серьезным и признанным специалистом по философии Платона, так что ее суждения в каком-то смысле можно назвать «модельными».

Прежде всего, Дж. Эннес отмечает очевидный факт, что когда Платон говорит о человеке, он рассматривает его как существо социальное (и потому столь важна для понимания Платона его моральная и политическая философия). Но не социальность делает людей разумными существами, а наличие в нас отдельной субстанции — души. Поэтому, когда Платон говорит о «нас», он имеет в виду прежде всего душу как самостоятельную сущность. Соответственно, изучение человека — это изучение прежде всего души и ее природы. Вот что, в частности, пишет Дж. Эннес:

«Платон развивает две очень разные идеи о том, что характеризует душу в отличие от тела. Именно моя душа позволяет мне стремиться к знаниям, превосходящим то, что может дать чувственный опыт. Но моя душа также является частью космической силы, которая сама все приводит в движение. Позднее платоники нашли более или менее академические способы согласования этих направлений мысли; Платон же нигде не делает этого в диалогах» [Annas G., 2003, p. 74]. Эта двойственность в описании души дублируется различием в оценке ее Платоном: то как движителя тела, то как узника, пребывающего в теле, как в темнице. Впрочем, по мнению Дж. Эннес, противостояние этих описаний — не более чем конфликт двух риторических стратегий Платона в его стремлении показать и подчеркнуть различие природ души и тела. При всей разнице между ними цель та же — показать, что душа выше. Точно также рассуждения Платона о бессмертии души и загробном суде не только имеют этико-

религиозный характер, но и подчеркивают указанное различие [Annas G., 2003, p. 76].

Таким образом, «антропологический» дискурс Платона разворачивается через цепочку суждений и метафор о душе как подлинном начале человека. В недавно изданной на русском языке книге Люка Бриссона о Платоне подобная идея поддерживается: человек — прежде всего его душа. С важным уточнением о том, что тело — это не только темница, но также, как говорится в «Кратиле» (Crat. 400b-c), инструмент, при помощи которого душа может что-то выразить, а также уцелеть в чувственном мире [Бриссон Л., 2019, с. 195–214]. Однако и в этом случае тема бессмертия, дуализма и доминирования разума сохраняется.

Постараемся посмотреть на эту проблему несколько шире, призывая к ответу на вопрос о природе человека не только те места из платоновских диалогов («Государство», «Федон», «Федр», «Тимей»), которые уже хрестоматийно известны. Вместе с тем будем аккуратно относиться к мифологическим нарративам, которые также говорят о человеке. Так, широко известное повествование о трех доисторических полах человека и о половинчатости его современного бытия из диалога «Пир» (миф о «половинках») звучит из уст Аристофана и противоречит «гендерной» трактовке души в других текстах Платона. В частности, из «Тимея» однозначно следует, что изначально все души имели андрогинную природу, выделение мужского или женского начал происходит в связи с характером их жизнедеятельности, но не заложено «от века» (Tim. 42b-c, 91a). Следовательно, в «Пире» этот рассказ Аристофана выражает не платоновскую «антропогонию». Скорее он отражает обыденное представление тогдашних афинян о гендерном полиморфизме. У Платона проблема гомосексуальных и гетеросексуальных отношений решается совсем иным образом.

Нам представляется, что ключом к решению вопроса о платоновской трактовке природы человека может стать фрагмент из «Лисида», который не часто становится предметом исследования. Привожу его в переводе Р.Б. Галанина (новый перевод «Лисида», готовящийся к изданию при поддержке РФФИ):

«Кажется мне, что существует как бы три неких рода — благое, дурное и ни благое ни дурное. Ну, как тебе такое?»

— И мне так кажется, — говорит он.

— И ни благое для благого, ни дурное для дурного, ни благое для дурного не есть друг, как и предыдущее рассуждение запрещает. Тогда остается, если только в самом деле что-то бывает другом чему-то, что ни благое ни дурное является другом либо для благого, либо для такого же, как оно само. Поскольку едва ли что-нибудь каким-то образом станет другом для дурного.

— Верно.

— И не подобное для подобного, как мы недавно говорили. Так ведь?

— Да.

— Следовательно, ни благое ни дурное не будет другом такому же, как оно само.

— Видимо, нет.

— Значит, получается, что одно только ни благое ни дурное становится другом благому.

— Кажется, это неизбежно» (Lysis 216d–217a).

Из выведения «рода» ни благого ни дурного не следует невозможности для него быть родственным чему-то. Потенциально средний род родственен как лучшему, так и худшему. Актуально же это проявляется, например, во влюбленности, ибо любить прекрасное является признаком того, что мы сами несем в себе возможность прекрасного, сами становимся в чем-то прекрасны (Lysis 221a–222e).

Эта способность души вместить в себя противоположные начала заложена Платоном уже на стадии описания ее творения. В «Тимее» говорится, что душа создана из природ неделимого и претерпевающего деление в телах, которые, в свою очередь, смешаны с природами тождественного и иного. При этом демиург силой принуждает тождественное и иное к смешению (Tim. 35a-b).

Двойственность и смешанность-срединность существа человеческой души может быть хорошо проиллюстрирована описаниями Платоном двух фундаментально важных для человека способностей — эроса и логоса. Эрос как сила, присущая человеку и движущая, мотивирующая его, смешана с удовольствием и страданием (Tim. 42b-c). В «Федоне» Сократ подтверждает, что демиург этого мира как бы срастил приятное и мучительное головами друг с другом (Phaed. 60b). Но и сам Эрот, согласно знаменитому месту из «Пира», представляет собой

некое воплощение противоположных начал, будучи рожден Пенией, «Нуждой», от Пороса, сына мудрости — Метиды (Plato. Symp. 203b и далее). Вечно нищий, неопрятный, нуждающийся в прекрасном, он постоянно стремится к лучшему и совершенному, к знанию и мудрости, но так и не может обрести все это в полное свое владение.

Логос, как и Эрос, оценивается Платоном как «двойная» сила. В «Кратиле», раскрывая этимологию имени Пана, божества, совмещающего человеческую и звериную природы, Сократ говорит, что Пан, сын Гермеса, или сам есть логос, или же является братом логоса. Как и в случае логоса, его «гладкая» часть находится среди богов, «косматая» же — среди толпы (Plato. Cratyl. 408b-d). К слову, практически то же самое говорит о логосе Платон и во второй книге «Государства». Там утверждается, что существует два вида логоса, истинный (диалектика, наука) и ложный (миф). Эта двойственность дублируется на уровне мифа, который может быть дурным и полезным (Rep. 376e–377c).

В «Федре» Платон уподобляет душу окрыленной упряжке (Phaedr. 253e). Однако этот прекрасный и очень влиятельный в последующей культуре образ при его обсуждении, например, на семинарском занятии, всегда вызывает вопрос: а где же мы сами расположены в этом образе? Не правильнее ли будет сказать так, что три стороны или «части» души — это не сама она, но некоторые инструменты или способности, которыми мы пользуемся? Поэтому мы сами и не видны — как в процессе любого самонаблюдения мы видим лишь важнейшие стороны нашего существования в их активности, которая и выражена Платоном в трех составляющих упряжки. Причем эти инструменты оказывают мощное обратное мотивирующее воздействие на нас. Душа как самодвижущееся начало (Phaedr. 245d) — как бы чистая способность, оформляющая свою действительность через конкурирующее взаимодействие трех указанных сторон — как нитей, которые тянут нас в разные стороны (Laws. 644d–645a). Более того, все они могут использоваться как во благо, так и во зло. В седьмой книге «Государства» Сократ утверждает, что «способность понимания, как видно, гораздо более божественного происхождения; она ни-

когда не теряет своей силы, но в зависимости от направленности бывает то полезной и пригодной, то непригодной и даже вредной. Разве ты не замечал у тех, кого называют хотя и дурными людьми, но умными, как проницательна их душонка и как они насквозь видят то, что им надо? Значит, зрение у них неплохое, но оно вынуждено служить их порочности, и, чем острее они видят, тем больше совершают зла» (Rep. 518e–519a, пер. А.Н. Егунова). То есть сама по себе разумность не является достаточным условием обретения праведности. В упомянутых текстах Платон описывает душу человека так, что непонятно, где находится его периферия, а где — центр. А в «Государстве» душа вообще сравнивается с многоликой Химерой (Rep. 588c и далее).

В связи с этим мы должны откорректировать мнение о том, что Платон является одним из самых активных античных философов, рационализировавших мораль. Лишь правильное использование разума является условием обретения добродетели. Ибо, хотя добродетель — это знание (т.е. добродетельный поступок характеризуется знанием истинной благой цели и пониманием правильного алгоритма ее достижения), не всякое знание есть добродетель. И мы вновь оказываемся перед проблемой того самого «третьего рода» из «Лисиды», который и ни благой, и ни дурной, но может стремиться к одному и ко второму.

Усиливает наше суждение о том, что человека и его душу нельзя свести к разуму как высшему нашему орудию, математическая шутка из «Законов», где Чужеземец, сравнивая природу человека и природу животного, геометрически уподобляет двуногую «человечность» квадрату, в отличие от прямоугольника, относящегося к четвероногости. Однако гипотенуза, на которой построен данный квадрат, оказывается иррациональным числом, в отличие, например, от вдвое большего квадрата, для которого эта гипотенуза является стороной. Иррациональность образа тут же оказывается связана Чужеземцем и Юным Сократом с тем, что они не в состоянии содержательно отделить род человека от некоего последнего рода животных (судя по всему, свиней), что вызывает осознание неверности стратегии их поиска наилучшего политика (Statesm. 266a-c). (См.

подробнее: [Светлов Р.В., 2020; Зеннхаузер В., 2016, с. 209–211].)

Похоже, Платон и не скрывает того, что род не дурной и благой не принадлежит к числу рационального. В «Тимее» смесь для душ смертных существ производится из некоторого «остатка», обладающего худшим составом, чем смесь для души космической (Tim. 41 d-e).

Не слишком ли много мы видим свидетельств в пользу того, что представления Платона о человеке далеки от выработанного в эпоху Просвещения мнения о том, что платонизм базируется на идее совершенной и даже навязчивой доминанты разума в человеческой природе? Значимость разума безусловна, именно он подтверждает нам вечность душевной природы, но его использование оказывается вполне амбивалентным. И главное, участие в философском деле не является гарантией того, что мы, как люди-марионетки из «Законов», уже «вытянули» и «преодолели» себя, ухватившись за «золотую нить». Фигура Сократа в текстах Платона — это фигура неустанного борца, каждодневно испытывающего себя и своих современников на соответствие образа жизни тому, что заповедан свыше: а именно умению сохранить способность рассуждать в любых обстоятельствах и при любых вызовах, теоретических и политических, с которыми мы сталкиваемся. Похоже, учение Платона о человеке — это не гимн человеческому разуму, но рассказ о принципиальной неполноте и неутвержденности в бытии, как коренной черте человеческого существования.

Список литературы

- Берестов И.В., Вольф М.Н., Доманов О.А. Аналитическая история философии: методы и исследования. Новосибирск: Офсет ТМ, 2019. 242 с.
- Бриссон Л. Платон: Писатель, который изобрел философию / пер. с фр. О. Алиевой. М.: Rosebud Publishing, 2019. 288 с.
- Говетсон Ф. Философия истории в аналитической традиции // История философии. 2017. Т. 22, № 1. С. 78–91. DOI: <https://doi.org/10.21146/2074-5869-2017-22-1-78-91>
- Зеннхаузер В. Платон и математика. СПб.: Изд-во РХГА, 2016. 614 с.
- Мочалова И.Н. Paideia в Афинах IV в. до н.э.: «высшее образование» между деятельностью и созерцанием // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 17. Философия. Конфликто-

логия. Культурология. Религиоведение. 2013. Вып. 2. С. 16–25.

Пресс Дж. Постановка вопроса в платоноведении / пер. А. Гараджи // Платоновский сборник: в 2 т. М.; СПб.: РГГУ; РХГА, 2014. Т. 1. С. 8–47.

Рахманин А.Ю. Фигуры Сократа и призраки Платона в философии обыденного языка после Витгенштейна // Платоновские исследования. 2019. Вып. 11(2). С. 153–174. DOI: <https://doi.org/10.25985/PI.10.2.08>

Светлов Р.В. Математическая шутка из «Политика» и пределы рациональности в философии Платона // Scholē. Философское антиковедение и классическая традиция. 2020. Т. 14, № 2. С. 665–673. DOI: <https://doi.org/10.25205/1995-4328-2020-14-2-665-673>

Светлов Р.В., Протопопова И.А. Исследование платоновского наследия в России: история, современность, перспективы // Платоновские исследования. 2020. Вып. 13(2). С. 11–55. DOI: <https://doi.org/10.25985/PI.13.2.01>

Шичалин Ю.А. Институциональный подход к античным философским текстам (на примере диалога «Ион») // Логос. 2020. Т. 30, № 6(139). С. 23–40. DOI: <https://doi.org/10.22394/0869-5377-2020-6-23-38>

Шохин В.К. Аналитическая философия: некоторые непроторенные пути // Философский журнал. 2015. Т. 8, № 2. С. 16–27.

Annas J. Plato. A very short introduction. Oxford: Oxford University Press, 2003. 144 p. DOI: <https://doi.org/10.1093/actrade/9780192802163.001.0001>

Vlastos G. The Third Man Argument in the Parmenides // Philosophical Review. 1954. Vol. 63, no. 3. P. 319–349. DOI: <https://doi.org/10.2307/2182692>

Получена: 01.11.2021. Принята к публикации: 30.11.2021

References

- Annas J. (2003) *Plato. A very short introduction*. Oxford: Oxford University Press, 144 p. DOI: <https://doi.org/10.1093/actrade/9780192802163.001.0001>
- Berestov, I.V., Vol'f, M.N. and Domanov, O.A. (2019). *Analiticheskaya istoriya filosofii: metody i issledovaniya* [Analytical history of philosophy: methods and research]. Novosibirsk: Ofset TM Publ., 242 p.
- Brisson, L. (2019). *Platon. Pisatel', kotoryy izobrel filosofiyu* [Plato. The writer who invented philosophy]. Moscow: Rosebud Publ., 288 p.

Gavetsson, F. (2017). [Philosophy of history in the analytic tradition]. *Istoriya filosofii* [History of Philosophy]. Vol. 22, no. 1, pp. 78–91. DOI: <https://doi.org/10.21146/2074-5869-2017-22-1-78-91>

Mochalova, I.N. (2013). [Paideia in Athens in the 4th century b.c.: «higher education» between activity and contemplation]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 17. Filosofiya. Konfliktologiya. Kul'turologiya. Religiovedenie* [Vestnik of Saint-Petersburg University. Philosophy. Conflictology. Cultural Studies. Religious Studies]. Iss. 2, pp. 16–25.

Press, G. (2014). [Formulation of the question in Plato's studies]. *Platonovskiy sbornik: v 2 t.* [Collection of Plato's works: in 2 vols]. Moscow, Saint Petersburg: RHSU, RCSA Publ., vol. 1. pp. 8–47.

Rakhmanin, A.Yu. (2019). [Figures of Socrates and phantoms of Plato in linguistic philosophy after Wittgenstein]. *Platonovskie issledovaniya* [Platonic Investigations]. Iss. 11(2), pp. 153–174. DOI: <https://doi.org/10.25985/PI.10.2.08>

Shichalin, Yu.A. (2020). [An institutional approach to ancient philosophical texts: Plato's Ion]. *Logos*. Vol. 30, no. 6(139), pp. 23–40. DOI: <https://doi.org/10.22394/0869-5377-2020-6-23-38>

Shokhin, V.K. (2015). [Analytic philosophy: some unbeaten tracks]. *Filosofskiy zhurnal* [Philosophy Journal]. Vol. 8, no. 2, pp. 16–27.

Svetlov, R.V. (2020). [Mathematical joke from the Statesman and the limits of rationality in the philosophy of Plato]. *Schole. Filosofskoe antikovedenie i klassicheskaya traditsiya* [Schole. Ancient Philosophy and the Classical Tradition]. Vol. 14, no. 2, pp. 665–673. DOI: <https://doi.org/10.25205/1995-4328-2020-14-2-665-673>

Svetlov, R.V. and Protopopova, I.A. (2020). [An overview of Plato's legacy in Russia: past, present, and prospects]. *Platonovskie issledovaniya* [Platonic Investigations]. Iss. 13(2), pp. 11–55. DOI: <https://doi.org/10.25985/PI.13.2.01>

Vlastos, G. (1954). The third man argument in the Parmenides. *Philosophical Review*. Vol. 63, no. 3, pp. 319–349. DOI: <https://doi.org/10.2307/2182692>

Zennhauzer, V. (2016). *Platon i matematika* [Plato and mathematics]. Saint Petersburg: RCSU Publ., 614 p.

Received: 01.11.2021. Accepted: 30.11.2021

Об авторе

Светлов Роман Викторович

доктор философских наук, профессор

профессор кафедры теологии,
Русская христианская гуманитарная академия,
191011, Санкт-Петербург, наб. реки Фонтанки, 15;

профессор Института гуманитарных наук,
Балтийский федеральный университет
им. Иммануила Канта,
236041, Калининград, ул. Александра Невского, 14;

e-mail: spatha@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7767-1441>

ResearcherID: N-3206-2015

About the author

Roman V. Svetlov

Doctor of Philosophy, Professor

Professor of the Department of Theology,
Russian Christian Academy for the Humanities,
15, Fontanka river emb., St. Petersburg, 191011, Russia;

Professor of the Institute for the Humanities,
Immanuel Kant Baltic Federal University,
Russian Christian Academy for the Humanities,
14, Alexander Nevsky st., Kaliningrad, 236041, Russia;

e-mail: spatha@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7767-1441>

ResearcherID: N-3206-2015

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Светлов Р.В. Учение Платона о человеке Revisited // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2021. Вып. 4. С. 493–499. DOI: [10.17072/2078-7898/2021-4-493-499](https://doi.org/10.17072/2078-7898/2021-4-493-499)

For citation:

Svetlov R.V. [Anthropology of Plato revisited]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psihologiya. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2021, issue 4, pp. 493–499 (in Russian). DOI: [10.17072/2078-7898/2021-4-493-499](https://doi.org/10.17072/2078-7898/2021-4-493-499)

УДК 141:1(091)

DOI: 10.17072/2078-7898/2021-4-500-507

Ф. НИЦШЕ: ТЕОЛОГИЯ, МЕТАФИЗИКА И ПСИХОЛОГИЯ В ПОИСКАХ ЖИЗНЕННОСТИ

Перцев Александр Владимирович

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург)

Автор рассматривает современную социокультурную ситуацию, обусловленную пандемией, как открывающую возможности для активизации историко-философских исследований. Однако важно ориентировать их на воссоздание целостного мира конкретного мыслителя, исходя из всего комплекса документов, фиксирующих обстоятельства его жизни. На примере Ф. Ницше показан процесс движения его мысли и деятельности по областям литературы, философии, психологии, музыки, медицины в контексте обстоятельств его личной жизни и отношений с близкими. Параллельно выясняются герменевтические составляющие современного биографического подхода. Сопоставляется содержание психологического понятия «интроверт» с его философским и теологическим смыслами. Показана ошибочность трактовки интроверта как субъекта замкнутого в себе, малополезного для общества. Напротив, исходя из текстов Ницше, автор обосновывает, что психологический тип интроверта подразумевает «сверхсоциального альтруиста», который расщепляет свое Я на множество частиц, помещая их во все вещи и все существа его/ее внутреннего мира. При этом «расщепленное Я» остается целостным, поддерживая во «внутреннем мире» связь всего со всем, и потому несет ответственность за него. Таким образом, мировоззрение драматурга, теолога, философа-интроверта оказывается своего рода «смыслообразующей пьесой», которую он/она предьявляет миру, чтобы мир жил в соответствии с ней.

Ключевые слова: Ф. Ницше, теология, метафизика и психология, интроверт, обособление собственного культурного смысла, герменевтика.

FRIEDRICH NIETZSCHE: THEOLOGY, METAPHYSICS AND PSYCHOLOGY IN SEARCH OF VITALITY

Aleksandr V. Pertsev

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (Ekaterinburg)

The author believes that the current socio-cultural situation caused by the pandemic opens up the potential for intensified research in the field of history of philosophy. However, it is important to orient this research toward reconstruction of the integral world of a particular thinker based on the entire set of documents that record the circumstances of his life. The paper demonstrates this approach as applied to the Friedrich Nietzsche: his reflections and the process of work in the fields of literature, philosophy, psychology, music, and medicine are demonstrated in the context of the circumstances of his personal life and relations with his relatives. In parallel, the hermeneutic components of the modern biographical approach are clarified. The content of the psychological concept of «introvert» is compared with its philosophical and theological meaning. The author considers the interpretation of an introvert as a subject closed in itself and not useful for the society to be wrong. Based on texts written by Nietzsche, the author substantiates that the psychological type of an introvert implies a «super-social altruist» who splits his/her Self and places these elements into all things and all creatures of his/her inner world. At the same time, the «split Self» remains whole, maintaining the connection of everything to everything in the «inner world» and is therefore responsible for it. Thus, the worldview of an introvert (for example, a playwright, theologian, philosopher) is somewhat of a «meaning-making play» which he/she presents to the world so that the world could live according to it.

Keywords: F. Nietzsche, theology, metaphysics and psychology, introvert, isolation of one's own cultural meaning, hermeneutics.

Историко-философская наука в эпоху пандемии переживает особые времена. Старшее и среднее поколения преподавателей историко-философских дисциплин проводят свои занятия «удаленно», т.е. сидя дома. Появляется дополнительная возможность для вдумчивого чтения; вместе с тем очевидно, что понижения требований к научным исследованиям, в том числе к составу и деятельности советов по защита диссертаций, а также к составу и качеству работ соискателей ученых степеней, не будет. Все это наводит на мысль: не достать ли из Интернета загруженные туда когда-то труды, переведенные заново, и не использовать ли удобное для чтения время для повышения своей квалификации посредством работы с ними? Ведь любой доктор, входящий в состав Совета по защита диссертаций, сегодня просто обязан иметь на своем счету, как минимум, один «скопусовский» и четыре «ваковских» опубликованных текста. Кроме того, следовало бы подать хороший пример молодежи. По нашему мнению, занимающаяся наукой молодежь как-то заиклилась на теме лидерства, забыв о том, что лидерство в науке предполагает в том числе защиту ученой степени. Быстро чтения быстро написанных журнальных статей для этого недостаточно. Надо читать монографии и глубоко анализировать их! И только в ходе этого и после серьезного анализа начинать писать самому.

Но для того чтобы так читать и так писать, придется оставить в прошлом навеянные эмпиризмом призывы к конкретике историко-философских фактов, прибаутки про то, что нет историко-философской науки в ее истории, что «в соответствии с духом современности» надо мыслить мыслимое Сейчас, а вовсе не углубляться в Былое. Да, культура — начиная с О. Шпенглера [Шпенглер О., 1993] — подразумевает не предмет изучения, куда-то складированный и помнимый наизусть, а само деятельное человечество, которое оперирует этим предметом. Но оно оперирует им настолько, насколько отстаивает его принципы! Не отстаиваешь его как в качестве *своего*, так и в качестве *всего мирового целого* в историко-философском процессе — уже послезавтра оно станет *безвозвратно* достоянием прошлого, не узнаваемым даже по вчерашним речам. Ведь завтра такое знание уже не будет цениться, потому как человек не может войти дважды в

одну и ту же реку. Больше того: с ускорением жизни начинает казаться, что прав не Гераклит, а Кратил, сказавший, что даже один раз не может человек войти в водный поток: и потому что с каждым шагом он меняется сам — и потому что с каждым его шагом меняется вода в реке [Фрагменты..., 1989, с. 551–552].

Пребывая на самоизоляции дома, профессура вернулась от *постатейного* мышления к мышлению *покнижному* — в том смысле, что в статье, разложенной на технологию, концепцию изложить нельзя, а вот в книге — можно. Читая дома книги, старшие из преподавателей опомнились — и начали возвращать себе старое мышление. Побывав однажды историками философии XIX в. и более ранних веков, — для проникновения в секреты мыслителей прошлого они стали использовать приемы В. Дильтея и Ю.Н. Тынянова. Не спеша вдумываются и вчувствуются во все предметы и документы, сохраненные в музее данного мыслителя. Они сопереживают ему, глядя на портреты его друзей и врагов. Так у них складывается целостный образ его мира — вместе с контекстом со-мира, в котором он существует.

Этим людям не надо было пояснять, что сказать, например, «Ницше» — означает тем самым, что уже не следует добавлять к этому подразделения на «психологию», «метафизику», «теологию», «литературу» и даже на «медицину». Потому что Ницше сам выступал и психологом, и метафизиком, и теологом, и литератором, и медиком. Это уже потом продолжатели и эпигоны Ф. Ницше начнут разделять его творчество и разграничивать его элементы. А сам Ницше не только стоял за целостность своей теории, но и творил эту целостность — наощупь, ошибаясь, двигаясь назад. Потому что верил, что именно из нее, цельной, только и может возникнуть человеческая жизнь. Пусть, для начала, и скопированная с ницшеанской жизни — надо попробовать, а там уже как пойдет. Именно потому биограф Ф. Ницше заметил: «Фридрих Ницше... предстал перед своею публикой попеременно как поэт, философ, психолог, фельетонист, исследователь античной филологии, композитор и, наконец, как бог...» [Köhler J., 2001, S. 27].

Фридрих Ницше думал, что «Заратустру» [Nietzsche F., 1883] будут изучать со временем во всех университетах мира — возникнет что-то

вроде прикладного литературоведения в синтезе с религиоведением и теологией. Он даже подсказывал творцам такой дисциплины, что же надо думать о ее создателе. Он призывал считать себя каким-то «опровергателем буддизма для Европы». Вот первый этап: все чувствуют себя вовлеченными в жизнь Природы, им просто некуда деться, потому что иного представить просто не дано. Вот второй этап: рождаются Будда и его поклонник — Шопенгауэр. Они зовут покинуть этот мир несчастий, потому что вслед за всякими прекрасными удовольствиями *в частностях* кроется подкрадывающееся Ничто, — так разве же не оправданы усилия и старания, чтобы это Ничто превратилось в Пустое Ничто?

Но вот и третий этап: грядет тот, кто говорит, что он знает, как однажды задремать в послеполуденный час под деревом — и тогда Пустое Ничто обернется своим вечным Счастливым Воплощением. Тот, кто научит, как смотреть на эту Жизнь, чтобы она казалось не тяготением, а времяпрепровождением Проходящего Мимо Бога [Heidegger M., 1989, S. 414].

Судьба, кстати, распорядилась с Фридрихом Ницше строго. Последние двенадцать лет он провел в крайне суровых условиях — вначале в лечебнице, откуда его затем забрала мать (которая, кстати, не прочитала ни слова из всех его заумных книжек, потому что не ведала о занятии сына писательством). Потом вернулась из Латинской Америки сестра, поскольку ее муж обанкротился и покончил с собой при попытке создать немецкое националистическое землячество. Она быстро сотворила из ницшеанского дома Музей, главным экспонатом которого был парализованный брат. Его вывозили и демонстрировали посетителям в больничной одежде, в госпитальном кресле. Для фотографирования.

Если жизнь — это всего лишь впечатления человека, то где же, спрашивается, пролегает граница, за которой она заканчивается? Должны ли понятием «жизнь» охватываться последние 12 лет жизни Ницше — последние, когда у него в нервной лечебнице заплетался язык, но зато он радовал визитеров редкостной красоты импровизациями на рояле? Которые якобы вселяли надежду на полное выздоровление?

И конечно же, подобные вопросы могут возникать только при впадении в «медленный» стиль мышления — тот «допотопный» стиль, который только и способен все время держать

связь со смыслом бытия, не разгоняясь до современной скорости восприятия всего вскользь.

А вот еще один из таких вопросов: с какого момента можно считать Ф. Ницше безумным?

Думается, что безумное в нем было уже с детства — хотя бы настолько безумное, что сегодня оно побудило издать почти десять томов его детских и юношеских произведений — вне его совершеннолетних работ. А первые стихи отрок Ф. Ницше написал в 10 лет! В этом издании было нечто от безумия — только от безумия толпы: юношеская «ницшеана» нашла своих покупателей [The Nietzsche Channel]. Но итог безумной жизни — по немецким меркам — наступил не тогда, когда он разослал друзьям записки с «божественными подписями» или обнимал упавшую и битую извозчиком лошадь. Все это может быть принято за эксцессы романтического литератора и поэта. Нет, настоящее безумие постигло Ф. Ницше лишь тогда, когда он не выполнил условия коммерческого договора!

Коммерческий договор касался автобиографической книги «Ессе homo». Книга уже была набрана и готова к печати. Ввиду особенности деятельности типографии тех лет в договор вносились пункты, регулирующие отношения с наборщиком. Алгоритм тут был такой. Вначале автор сдает первый вариант книги. Наборщик — вручную — набирает гранки, с которыми автор волен обращаться на протяжении обговоренного срока как ему угодно. Он может дать кому-то гранки на просмотр, чтобы учесть замечания, может сам что-то поправить в них. Затем эти гранки возвращаются наборщику для окончательного набора. Автор вычитывает пробные оттиски и подписывает их «в печать». С этого момента рукопись будет неприкосновенной — разве что случится что-то в крайних случаях!

Но когда работа над книгой «Ессе homo» уже заканчивалась, когда набор уже был выполнен, пробные оттиски вычитаны автором и подписаны им в печать, издатель Науман вдруг получил от Фридриха Ницше по почте новый вариант главы. Автор требовал немедленного включения текста в книгу.

Это был скандал! Мало того, что автор нарушил требования коммерческого договора и теперь надо было переформатировать весь уже подготовленный к набору материал. Но присланный им текст... Издатель Науман прочитал

его — и схватился за голову. В новом варианте текста Ф. Ницше, не стесняясь, называл мать и сестру «канальями», которые испортили его жизнь.

«Если я ищу наиболее полную противоположность себе, такую пошлую заурядность инстинктов, которую даже невозможно представить, я всегда нахожу свою мать и сестру, — считать, что я состою в родстве с такими канальями, было бы просто богохульством по отношению к моей божественности. Обхождение со мной, которое демонстрируют моя мать и сестра, вплоть до настоящего момента, вселяет в меня неизъяснимый ужас: здесь действует совершенная адская машина, которая безошибочно, с абсолютной надежностью срабатывает именно в тот момент, когда я особенно уязвим и мне можно нанести кровавую рану — в моменты, когда я достигаю наивысших вершин... ведь в такие моменты нет силы противиться ядовитому ползучему отродью <...> Но я признаюсь, как на духу, что самое глубокое возражение против “вечного возвращения”, этой моей поистине *бездонной* идеи, всегда представляли собою мать и сестра» [Nietzsche F., 1988, S. 268].

Любой издатель, заполучив такой текст, воздержится от срочной его публикации. Тут ведь речь идет не о правке рукописи — речь идет о радикальной смене позиции. О проклятиях, высказанных в адрес самых близких людей! О хулах, которые — по мнению общества — подлежат моральному осуждению!

Последний отрывок издатель получил 2 января, хотя договор на набор книги был заключен с 4 ноября 1888 г. Редактор, не ведая, что ему делать, положил письмо под сукно, чтобы связаться с Ф. Ницше, — но уже 3 января ему сообщили о безумии, которое охватило мыслителя.

С этого момента на правку от 2 января наложила руку сестра Елизабет — и *уничтожила ее*. Но она сохранилась в архиве Петера Гаста (так в шутку Ф. Ницше звал своего секретаря)¹. Работая с Елизабет Фёстер-Ницше над публикацией оставшихся рукописей ее брата, Петер Гаст понял, что его «родная кровь» отнюдь не относится к ним как к святыне. Тогда он добился публикации копии подлинника. Что и было сделано: мы цитируем этот отрывок по

«Критическому изданию для изучения» в 15 томах, которое ныне считается наиболее адекватным (издатели собрания сочинений — Дж. Колли и М. Монтинари).

Что же, спрашивается, вменяет Ф. Ницше в вину матери и сестре?

Да именно *родство*, которое — как они полагают — позволяет им вмешиваться в его одиночество! Как только они видят, что Ф. Ницше с головой погрузился в философию, так и норовят загрузить его чем-то своим — и ведь они знают наверняка, когда он туда погружается! Они используют эти моменты, потому что знают — они уйдут безнаказанными, потому что знают — Ф. Ницше в такие моменты не ведает, как противиться «ядовитому ползучему отродью».

Эти вмешательства «ближайшей родни» вырывают Ф. Ницше из того состояния, в которое он себя погружал долго и чутко. Собственно говоря, в книге «Ессе homo» речь и идет о том, как *каждому* читателю пойти по пути Ф. Ницше, — весь вопрос только о том, насколько ему удастся пройти по этому пути к святости... Так вот: кроме рекомендаций относительно чтения и питания, включая употребление алкоголя, там есть самое радикальное требование — всегда следовать общепримирающему инстинкту. Так, что все воспринимаемое тобой виделось бы как... море, на котором нет волн!

Ф. Ницше поясняет это так.

«Для задачи переоценки ценностей потребовалось бы, пожалуй, больше способностей, чем когда-либо соединялось в одном лице, прежде всего потребовалась бы противоположность способностей без того, чтобы они друг другу мешали, друг друга разрушали. Иерархия способностей, дистанция, искусство разделять, не создавая вражды; ничего не смешивать, ничего не “примирять”; огромное множество, которое, несмотря на это, есть противоположность хаоса, — таково было предварительное условие, долгая сокровенная работа и артистизм моего инстинкта. Его высший надзор проявлялся до такой степени сильно, что я ни в коем случае и не подозревал, что созревает во мне, — что все мои способности в один день распустились внезапно, зрелые в их последнем совершенстве. Я не помню, чтобы мне когда-нибудь пришлось стараться, — ни одной черты борьбы нельзя указать в моей жизни. Я составляю противоположность героической природы. Чего-нибудь “хо-

¹ Об этом подробно см.: [Перцев А.В., 2009, с. 348–350].

теть”, к чему-нибудь “стремиться”, иметь в виду “цель”, “желание” — ничего этого я не знаю из опыта. И в данное мгновение я смотрю на свое будущее — широкое будущее! — как на гладкое море: ни одно желание не пенится в нем, я ничуть не хочу, чтобы что-либо стало иным, нежели оно есть; я сам не хочу стать иным... Но так жил я всегда» [Ницше Ф., 1990, с. 719].

Положение начинает проясняться. Итак, представим себя на месте Ф. Ницше. Вокруг тебя — когда ты уже все подготовил — простирается море. Сила твоего инстинкта придает ему тишину. Ни одна волна не противоречит какой-то другой. Но течения инстинкт позволяет увидеть, потому что в море есть что-то такое, что противоречит друг другу. Инстинкт видит эти противоречия, но не позволяет им расплескаться и взволноваться. Он принимает все — итак, получается, что он — за всеобщее природное равновесие.

Для Ф. Ницше фактами его жизни является все то, о чем он сказал в «Ессе homo», — и то, о чем ему не позволили сказать. Здесь есть и мысль о том, что папа — это высокое и не столь способное к жизни верховное порождение дерева, а мать — это самая низшая, самая мощная ветвь, которая даст опору, но чересчур ничего не почувствует. А дерево — это сам Ф. Ницше, потому он и есть промежуток между элитарной и народной культурой.

Другой факт — это те рассказы из детства, которые юный Фриц слышал от бабушки Эрдмуты Доротеи. Она придумала миф о подлинной семье Ницше, о благородном роде, об аристократических предках — в отличие от неподлинной семьи хворого сына-неудачника, испорченного деревенской красоткой-простушкой (бабушка Ф. Ницше как только приехал к месту службы, так и женился на сестре священника; мать Ф. Ницше, естественно, не жаловала их брак). По легенде бабушки Эрдмуты Доротеи, подлинный род Ницше вел свое начало от польских дворян-шляхтичей. Об этом, в частности, говорило написание фамилии — по-польски, через множество букв — NIETZSCHE. Польские графы Ницкие вынуждены были эмигрировать в Саксонию при Станиславе Лещинском. Так предки Ницше оказались людьми без родины. В скитаниях женщины из рода Ницких были вынуждены кормить своих детей грудью долго, не один год — и дети становились от этого чудо-

богатырями. Прадед Фридриха Ницше, по рассказам Эрдмуты Доротеи, в девяносто лет еще мог пускать лошадь в галоп! Рассказы бабушки не прошли даром: несмотря на неважное здоровье, Фридрих Ницше ходатайствовал о поступлении в гвардию, но был призван в конные артиллеристы — самый отчаянный род войск².

Даже на закате жизни Ф. Ницше с гордостью воспроизводил бабушкину легенду о своем благородном происхождении из польских дворян³. В детстве он как-то сказал сестре: «Граф Ницкий не врет!» В зрелые, уже профессорские годы, — пообщавшись с членами вагнеровских фрейнов, — он в бешенстве *отказался говорить на немецком языке вообще*, не желая иметь ничего общего с бюргерами. А в отрывке из «Ессе homo», написанном незадолго до полного безумия, он опять вернулся к своему благородному польскому происхождению:

«Я — польский дворянин pur sang, и к чистой крови моей не примешивается ни капли крови дурной, менее всего — немецкой. <...> Но и как поляк я — чудовищный атавизм. Надо, чтобы время потекло вспять — и тогда, вернувшись на несколько веков, можно было бы найти эту самую благородную национальность из всех, какие только существовали на Земле, во множественности и в чистоте инстинктов — такой, какой представляю собой ее я. По отношению ко всему, что сегодня называется знатью, я испытываю суверенное чувство благородной отстраненности, заставляющее меня держать дистанцию, — молодого немецкого кайзера я не удостоил бы чести быть моим кучером. Лишь в одном-единственном случае я считаю кого-то равным себе — и я признаюсь в этом с глубокой благодарностью. Фрау Козима Вагнер — это,

² Полевые артиллеристы вывозили свою пушку прямо на поле боя, чтобы в упор стрелять во вражеское каре. Лошади выпрягались и отправлялись в укрытие, так как представляли собой слишком большую мишень. Если противник предпринимал контратаку, отступить с пушкой было уже невозможно, а потеря пушки считалась бесчестьем. Туда брали настоящих богатырей, способных разворачивать орудие, и эти богатыри, бывало, отбивались от нападающего врага банником — длинным железным шестом, которым чистили ствол пушки.

³ Архивные изыскания, в которых не было недостатка, показали: никаких сведений о польском происхождении Ф. Ницше не существует. Все его предки были немцами — причем весьма уважаемыми. Немало его предков — особенно по отцу — были немецкими священниками и даже учеными богословами.

несомненно, самая благороднейшая натура; и, чтобы сразу расставить точки над *i*, я скажу, что Рихард Вагнер — это, *несомненно*, самый родственный мне человек... Об остальном — умолчим...» [Nietzsche F., 1988, S. 268].

Все это — факты. Сколько ни старайся Фридрих Ницше, они не исчезнут из его памяти.

Далее Ницше и расставляет, как обещано, точки над *i*, различая *семью подлинную* (польский дворянский род Ницких вкупе с четой Вагнеров) и *семью неподлинную* — непосредственную свою тягостную родню.

«Все господствующие представления о степенях родства — это физиологическая нелепица, такая, что дальше некуда <...> *Менее всего* человек *сродни* своим родителям: это было бы самым крайним проявлением пошлой заурядности — быть *сродни* своим родителям. У натур более высоких их первоисток — бесконечно далеко в прошлом, и им приходится дольше всех собирать и накапливать, присоединяя собранное к этому истоку. *Великие* индивиды — старше всех: я не это имею в виду, но моим отцом мог бы быть Юлий Цезарь — или Александр, этот Дионис во плоти...» [Nietzsche F., 1988, S. 268].

Замкнем на этом «перечне фактов» их список, поскольку история, представленная *множеством историков*, говорит *другое*: не был ни Юлий Цезарь, ни Александр Македонский отцом Фридриха Ницше! Ни тот ни другой — не был!

Вместо этого сосредоточимся на ином — на реконструкции субъективного мира Ницше. Итак, представьте себе себя в роли Ф. Ницше. Вы подготовились навсегда и ко всему. Вы приучили себя к *негативным фактам* — к глазам, которые почти ничего не видят, а от перенапряжения их в голове возникает боль — всего лишь от взирания на листы бумаги! Если это не прекратить, то она проникает в желудок и порождает там тошноту с рвотой. Эти приступы бывают на протяжении почти полугода в течение года жизни. Боль привычная, потому боль свою Ф. Ницше сравнивает с собакой. Она всегда при тебе, она пристаёт к тебе и даже кусает. Она неприятная. Но с кем же еще ты будешь ругаться, кого наказывать, кому будешь жаловаться на тоску жизни?

Мы свыклись с болью, как с негативными ощущениями. Мы немного обиходили остальные ощущения — сделали все, как положено, с

питанием, и с проживанием, и с обстановкой. Мы почти приблизились к вершине — к послеполуденному часу покоя, когда вам грезится, что вы проснетесь — и то же самое состояние покоя будет длиться всегда, в виде вечного возвращения.

И вот тут-то и оказывается, что «вечное возвращение» всемерно прекрасной в ее сносности жизни откладывается — в ней появляются вместе с тобой твои вечные и умелые мучительницы. Мать и сестра...

Как избавиться от них?

Однажды, среди неопубликованных отрывков, Ф. Ницше попробовал изжить эти образы — уже не при помощи толерантности, но при помощи психологии. Он размышлял о судьбе интроверта — как мы сегодня сказали бы, ориентируясь на исследования К.Г. Юнга [Юнг К.Г., 2017]. Все прочие, как говорит Ф. Ницше, утверждают, что интроверт менее ценен, чем экстраверт. Экстраверт вступает в деятельное общение и сообща решает задачу. А вот интроверт слишком замкнут в себе. Всем кажется, что проблемы общества его не интересуют. Но так ли это?

«Наше отношение к самим себе! *Эгоизм* вообще *ничего* не говорит. Мы направляем на себя все хорошие и дурные страсти, мышление о себе, чувство в пользу себя и против себя, борьбу в себе; мы никогда не смотрим на себя как на индивидуум, но как на двойственность или множественность. Все социальные явления (дружбу, месть, зависть) мы применяем к себе. Наивный эгоизм животного совершенно видоизменяется вследствие наших *социальных привычек*, мы уже не можем чувствовать единичность его, *мы чувствуем только множественность*. Мы разбились на части и дробимся все больше и больше. *Социальные страсти* (дружба, ненависть, зависть), обусловленные множественностью, преобразили нас: мы перенесли “общество” в себя, и “уходить в себя” — не значит бежать от общества, часто это значит мучительно мечтать и толковать совершающиеся с нами факты по схеме более ранних переживаний. Не только Бога, но все существа, известные нам, мы принимаем в себя: мы космос, насколько мы его *поняли* или *вообразили*, что *поняли*. Оливковое дерево и буря, кошелек и газета сделали частью нас самих» [Ницше Ф., 2000, с. 257].

Итак, по компетентному свидетельству великого интроверта Ф. Ницше, интроверт вовсе не остается один, уйдя в себя. Он не любит себя своим Я — он расщепляет свое Я на величайшее множество частиц, помещая их во все вещи и все существа своего внутреннего мира. При этом расщепленное Я удивительным, непостижимым образом остается целостным, поддерживая во «внутреннем мире» связь всего со всем. Так что интроверт — это вовсе не асоциальный эгоист. Это — сверхсоциальный альтруист, который проникает собою весь мир и начинает нести ответственность за него, задавая ему смысл, — отсюда и внутренний тоталитаризм гиперответственности.

Интроверт утягивает в себя весь мир — и там уединяется с ним. Он представляет его как море — и оказывается над ним как Бог. Он, выступая в роли Бога, несет ответственность за весь мир, потому что все Другие — это тоже он сам. Скажем, Ж.-П. Сартр в пьесах своих герменевтически перемещается в своего героя, прочувствует его — и в результате возникает его реплика. Затем он как автор перемещается в другого героя — и возникает ответная реплика. Так возникает весь разговор в пьесе [Сартр Ж.-П., 1967]. Но ведь оливковое дерево и буря, кошелек и газета — они тоже оказываются на сцене. И тоже определяют свой смысл. Мировоззрение — это пьеса, которую автор-интроверт предъясняет миру, чтобы весь мир жил по ней. Это, если он драматург. Но точно таким же образом смыслообразующей пьесой оказывается богословское произведение теолога или *метафизика философа*.

Заключение

В свое время Карл Ясперс (1883–1969), классик психологии и экзистенциальной медицины, предлагал излагать содержание мира человеческих ценностей в виде *историй великих философов*. Для этого, учил он, требуется: «знать мир, в котором продумывалась философия, материал, в котором она мыслит, опыт и наглядные представления, лежащие в ее основании, типичные ситуации, которые в ней происходят, общество, в котором живут люди, нечто, для них само собой разумеющееся, повседневное, всеобщее для определенного времени, культуры, народа <...> Нужно понимать философскую мысль в действительности мыслящего ее человека, а не только как оторванное от него предметное со-

держание. Нужно исторически присутствовать в мире, в котором мыслилась мысль, в ландшафте и природе, в способах труда и социологических отношениях, в общественном положении самого мыслящего» [Ясперс К., 2000, с. 164–165]. А такое знание, понимание и присутствие формируются именно «медленным» мышлением, шанс на которое нам дает современная ситуация. Тем мышлением, которое само по себе является ценностью и позволяет увидеть непреходящую ценность истории философии как деятельности человека, связывающей прошлое, настоящее и будущее культуры.

Список литературы

- Ницше Ф.* Предварительные работы и дополнения к «Утренней заре» 1880–1881 // Ницше Ф. Утренняя заря. Переоценка всего ценного. Веселая наука. Минск: Харвест; М.: АСТ, 2000. С. 226–317.
- Ницше Ф.* Сочинения: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1990. 830 с.
- Перцев А.В.* Фридрих Ницше у себя дома. Опыт реконструкции жизненного мира. СПб.: Владимир Даль, 2009. 480 с.
- Сартр Ж.-П.* Пьесы. М.: Искусство, 1967. 672 с.
- Фрагменты ранних греческих философов* / сост. А.В. Лебедев. М.: Наука, 1989. Ч. I. 576 с.
- Шпенглер О.* Закат Европы. Т. 1: Образ и действительность. Новосибирск: Наука, 1993. 592 с.
- Юнг К.Г.* Психологические типы. М.: Академ. проект, 2017. 538 с.
- Ясперс К.* Всемирная история философии. Введение. СПб.: Наука, 2000. 272 с.
- Heidegger M.* Beitrage zur Philosophie (vom Ereignis) // Gesamtausgabe: in 98 Bänden. Bd. 65. Frankfurt am Mein: Vittorio Klosterman, 1989. 521 S.
- Köhler J.* Nietzsche. München: Claassen, 2001. 175 S.
- Nietzsche F.* Also sprach Zarathustra. Bd. 1. Chemnitz: Ernst Schmeitzner, 1883. 114 s.
- Nietzsche F.* Ecce homo // Nietzsche F. Sämtliche Werke. Kritische Studienausgabe: in 15 Bänden. München: Deutscher Taschenbuch, 1988. Bd. 6. S. 255–374.
- The Nietzsche Channel.* Nietzsche`s Writing as a Student. Essays and autobiographical works, written from 1858–1868. URL: <http://www.thenietzschechannel.com/> (accessed: 01.10.2021).

Получена: 01.11.2021. Принята к публикации: 30.11.2021

References

Heidegger, M. (1989). *Beitraege zur Philosophie* (vom Ereignis). *Gesamtausgabe*: in 98 Bänden. Bd. 65 [Complete edition: in 98 vols. Vol. 65]. Frankfurt am Main: Vittorio Klosterman Publ., 521 p.

Jaspers, K. (2000). *Vsemirnaya istoriya filosofii. Vvedenie* [The world history of philosophy. Introduction]. Saint Petersburg: Nauka Publ., 272 p.

Jung, K.G. (2017). *Psikhologicheskie tipy* [Psychological types]. Moscow: Akademicheskii Proekt Publ., 538 p.

Köhler, J. (2001). *Nietzsche*. Munich: Claassen Publ., 175 p.

Lebedev, A.V. (ed.) (1989). *Fragmenty rannikh grecheskikh filosofov* [Fragments of early Greek philosophers]. Moscow: Nauka Publ., pt. 1, 576 p.

Nietzsche, F. (1883). *Also sprach Zarathustra*. Bd. 1 [Thus spoke Zarathustra. Vol. 1]. Chemnitz: Ernst Schmeitzner Publ., 114 p.

Nietzsche, F. (1988). *Ecce homo. Sämtliche Werke. Kritische Studienausgabe*: in 15 Bänden. Bd. 6 [Complete works. Critical study edition: in 15 vols. Vol. 6]. Munich: Deutscher Taschenbuch Publ., pp. 255–374.

Nietzsche, F. (1990). *Sochineniya: v 2 t.*

T. 2. [Works: in 2 vols. Vol. 2]. Moscow: Mysl' Publ., 830 p.

Nietzsche, F. (2000). [Preliminary works and additions to the «Morning Dawn» 1880–1881]. *Utrennyaya zarya. Pereotsenka vsego tsennogo. Veselaya nauka* [Morning Dawn. Reevaluation of the valuable. Fun science]. Minsk: Kharvest Publ., Moscow: AST Publ., pp. 226–317.

Pertsev, A.V. (2009). *Fridrikh Nitsshe u sebya doma. Opyt rekonstruktsii zhiznennogo mira* [Friedrich Nietzsche at home. Experience of reconstruction of the life world]. Saint Petersburg: Vladimir Dal' Publ., 480 p.

Sartre, J.-P. (1967). *P'esy* [Pieces]. Moscow: Isskusstvo Publ., 672 p.

Spengler, O. (1993). *Zakat Evropy. T. 1: Obraz i deystvitel'nost'* [The decline of Europe. Vol. 1: Image and Reality]. Novosibirsk: Nauka Publ., 592 p.

The Nietzsche Channel. Nietzsche's Writing as a Student. Essays and autobiographical works, written from 1858–1868. Available at: <http://www.thenietzschechannel.com/> (accessed 01.10.2021).

Received: 01.11.2021. Accepted: 30.11.2021

Об авторе

Перцев Александр Владимирович

доктор философских наук, профессор, профессор кафедры истории философии, философской антропологии, эстетики и теории культуры

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина
620002, Екатеринбург, ул. Мира, 19;
e-mail: apertzev@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7711-5098>

About the author

Aleksandr V. Pertsev

Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of History of Philosophy, Philosophical Anthropology, Aesthetics and Theory of Culture

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin,
19, Mira st., Ekaterinburg, 620002, Russia;
e-mail: apertzev@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7711-5098>

Пробьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Перцев А.В. Ф. Ницше: теология, метафизика и психология в поисках жизненности // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2021. Вып. 4. С. 500–507. DOI: 10.17072/2078-7898/2021-4-500-507

For citation:

Pertsev A.V. [Friedrich Nietzsche: theology, metaphysics and psychology in search of vitality]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psihologiya. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2021, issue 4, pp. 500–507 (in Russian). DOI: 10.17072/2078-7898/2021-4-500-507

УДК 1+821.112.2](436)(091)

DOI: 10.17072/2078-7898/2021-4-508-515

АВСТРИЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРА КАК ФИЛОСОФИЯ: Г. БРОХ О КРИЗИСЕ ЧЕЛОВЕКА И ОБЩЕСТВЕ ПОСЛЕ РАСПАДА ИМПЕРИИ

Черепанова Екатерина Сергеевна

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург)

Анализируются некоторые философские вопросы третьей части романа «Лунатики» (1931–1932) австрийского писателя Г. Броча (1886–1951). Его мировоззрение сложилось под влиянием австрийского литературного импрессионизма: в юности Броч слушал О. Вейнингера, восхищался К. Краусом и З. Фрейдом. Поздние работы Броча склоняют исследователей к мнению называть его последователем Лейбница и Платона, что также достаточно типично для австрийских мыслителей. Отмечается, что для понимания особенностей австрийской философии межвоенного периода представляется важным рассматривать также и литературные произведения, позволяющие не только раскрывать многообразие духовной жизни, но и проследить развитие целого ряда философских понятий и идей. Стиль и язык «Лунатиков» Броча являются как следствием поиска новых художественных средств в искусстве, так и попыткой найти новый язык и способ философствования в оппозиции позитивизму. В третьей части романа писатель показывает, насколько затруднительным является существование человека, лишенного веры, к тому же утратившего способность понимать сложные метафизические вопросы. Показано, какими Г. Броч видит новые задачи литературы в условиях диагностированного им нравственного кризиса. Выясняется, что для Г. Броча основной философской проблемой была аксиологическая, для решения которой он, с одной стороны, выстраивает художественное пространство романа, с другой стороны, помещает в текст обстоятельные философские рассуждения о роли религии в формировании ценностных ориентиров современного ему человека. Раскрывается содержание одного из интересных концептов романа — деловитость, который используется также в работе К. Яспера «Духовная ситуация времени» (1932).

Ключевые слова: австрийская философия, австрийская литература межвоенного периода, постимперская ситуация, Г. Броч, проблема ценностей, католицизм, религия и ценности, деловитость.

AUSTRIAN LITERATURE AS PHILOSOPHY: DIAGNOSING SOCIAL AND HUMAN CRISIS IN THE POST-IMPERIAL SOCIETY («THE SLEEPWALKERS» BY HERMANN BROCH)

Ekaterina S. Cherepanova

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (Ekaterinburg)

The article focuses on the philosophical aspect of the third part of the novel *The Sleepwalkers* (Die Schlafwandler, 1930–1932) by Austrian writer Hermann Broch (1886–1951). Broch's views were shaped by Austrian literary impressionism; in his youth, Broch was also much influenced by Otto Weininger, admired Karl Kraus and Sigmund Freud. In Broch's later works, researchers discover the legacies of Plato and Leibniz and claim that these philosophical schools were typical reference points for the Austrian thought. Analysis of literary works can help gain a better understanding of Austrian philosophy of the inter-war period. Not only do Broch's novels mirror the versatile spiritual life of that period but they also show the development of a whole range of philosophical ideas and concepts. The style and language of *The Sleepwalkers* reflect

the experimentation with new modes of expression in art as well as the author's own attempts to create a new language and way of philosophizing in contrast to positivism. In the third part of the novel, Broch shows how difficult is the existence of a person who has lost their faith and the ability to comprehend complex metaphysical matters. The article outlines Broch's vision of the new tasks that literature is facing in the conditions of the moral crisis he describes. Broch was mostly interested in axiological issues, around which he builds his novel. He also includes in his text extended philosophical interludes about the role of religion in the development of value orientations of his contemporaries. A special emphasis in the article is made on the concept of *Sachlichkeit* — practicality, which is also discussed by Karl Jaspers in his book *The Spiritual Condition of the Age* (*Die geistige Situation der Zeit*, 1932).

Keywords: Austrian philosophy, interbellum Austrian literature, post-imperial situation, Hermann Broch, value problem, Catholicism, religion and values, *Sachlichkeit*.

Одной из особенностей австрийской философии рубежа конца XIX в. и первой трети XX в. можно назвать неприятие немецкого идеализма [Цвейг С., 1963], а также критику языка [Черепанова Е.С., 1999]. Большая часть австрийских интеллектуалов считала важным подвергнуть критике идеи И. Канта, пересмотреть основания трансцендентальной метафизики или, по меньшей мере, связать с господством кантовской философии кризис духовной культуры. К примеру, «Вещь в себе» и «Я» как чистое самосознание — предмет критики Э. Маха, «Анализ ощущений» которого был воспринят австрийскими интеллектуалами как манифест нового мировоззрения. Наиболее радикальное отношение к Канту нашло отражение в позитивизме, однако даже в тех теориях, которые продолжали сохранять верность классической метафизике так или иначе можно обнаружить указанную особенность (к примеру, в теории предмета А. Мейнонга или в философии истории О. Шпанна).

Критика языка велась в равной степени как философами (Ф. Маутнер, Л. Витгенштейн, А. Штер), так и литераторами (К. Краус, Г. Бар, Г. фон Гофмансталь и др.). Так неявным образом был поставлен вопрос: предполагает ли отказ от следования традиции немецкого идеализма еще и новый язык философии, а возможно, и новый стиль философствования? Ф. Маутнер полагал, что фундаментальные философские проблемы относятся к числу неопишуемых, поэтому говорить с человеком о нравственных ценностях и Боге следует языком литературы. Поэтому не было ничего неожиданного в том, что в межвоенный период многие писатели стали публицистами, писали собственные философские эссе или посвящали страницы и главы романов философствованию о проблемах и кризисе, кото-

рый переживала страна. На страницах газет обсуждались преимущества американского либерализма, «ленинского» социализма и вопрос о том, кто виноват в послевоенной ситуации, что произошло с человеком после войны. Война, крах имперского порядка, последующие сложные в экономическом и политическом плане годы Австрийской республики существенно изменили понимание роли литературы и писателя в обществе: «такие литераторы кофеен, как Франц Блей, Франц Верфель и Альберт Парис Гютерсло, нежданно (и мимоходом) смогли стать революционерами» [Bruckmüller E., 1985, S. 460]. Поэтому для понимания особенностей австрийской философии этого периода полагаем важным рассматривать и литературные произведения, позволяющие представить не только многообразие духовной жизни, но и проследить развитие целого ряда философских концептов и идей. С этой точки зрения к числу наиболее интересных мыслителей относится Г. Броч, оставивший значительное наследие: критические эссе, философские и художественные произведения.

Герман Броч (1886–1951) относится к числу писателей и философов¹, чье мировоззрение сложилось под влиянием австрийского литературного импрессионизма, в юности он слушал О. Вейнингера, восхищался К. Краусом и З. Фрейдом. Поздние работы Броча склоняют исследователей называть его последователем Лейбница и Платона, что также достаточно типично для австрийских мыслителей. Современ-

¹ В истории австрийской философии, написанной бывшим деканом философского факультета Университета Вены профессором П. Кампицем, Г. Броч представлен наряду с Л. Витгенштейном и М. Шликом [Kampits P., 1984, S. 214–224].

ная философия совершенно не удовлетворяет Броха, потому что она более не занимается человеком, настроена «антиплатонически» [Брох Г., 1997, с. 403] и, как следствие, антиинтеллектуальна, как указывает Брох в своем докладе в Венском университете в 1931 г. Так как ведущее положение в философском мире теперь занимает позитивизм, то нет оснований ожидать, что его представители будут писать о Боге и Благе [Broch H., 1977b]. Это теперь задача литературы: «Литература призвана заниматься теми проблемами, которых, с одной стороны, избегает наука, поскольку они вообще не могут быть освещены и живут ... только в отмирающем философском фельетонизме, с другой стороны, теми проблемами, охватить которые наука ... еще не успела» [Брох Г., 1996, с. 392].

Кризис нравственных ценностей, признаки которого писатель видит повсюду, становится сквозной темой его произведений. В теоретической работе, где он рассуждает о связи художественного стиля с эпохой [Broch H., 1977a, S. 45–80], основной категорией является этическая ценность. Трилогия «Лунатики»², опубликованная в 30-е, сопровождается обширными философскими комментариями, в которых тема ценностного кризиса, происходящего в культуре, также становится центральной. В третьей части романа философские рассуждения автора выделены в отдельные разделы, к которых мыслитель осуществляет рефлексию о современной духовной ситуации. Эти «включения» не связаны с художественным сюжетом, но призваны прояснить читателю философский смысл литературного текста.

Произведение задумано было таким образом, чтобы содержание и стиль каждой части отражали специфику определенного периода в истории Европы: романтизм 1888 г., анархия 1903 г. и деловитость 1918 г. — «в строгой параллельности к историческому процессу распада жизненных форм» [Брох Г., 1997, с. 408], при этом следуя тем методологическим установкам относительно языка — «метод невысказанного» [Брох Г., 1997, с. 395], которые сложились еще в

предвоенной литературе. Писатель считает необходимым менять от тома к тому не только содержание, но и язык и жанр произведения. То есть строй и грамматика языка соответствуют культурным трансформациям, которые он описывает, потому что «слово больше не действует в своем собственном значении, оно имеет теперь только меняющийся символический характер, а объект должен быть захвачен напряжением между словами и строчками» [Брох Г., 1997, с. 396]. В изображаемой смене эпох наглядно демонстрируются катастрофические изменения европейского человека: от эпохи Бидермайера через импрессионизм к новому экономическому порядку, приверженность которому диагностируется в равной мере как в капиталистическом укладе стран-победителей, так и в социал-демократической австрийской республике.

Этот новый экономический порядок становится в межвоенное время предметом критики большей части австрийских интеллектуалов. С ним ассоциируется рационализм, утилитаризм, утрата подлинной католической религиозности. Так, философ Ф. Эбнер (так же, как и Брох, призывающий к возвращению к католическим ценностям) в дневниках 20-х гг. пишет о сложной ситуации современного человека, который «стоит духовно беззащитный перед извержением бездуховности и манифестацией утратившей духовность витальности» [Ebner F., 1963, S. 432].

Современник Броха — это «свободный от ценностей (в старом смысле) и лишенный морали человек» [Брох Г., 1997, с. 407]. Ценности формировались столетиями, они есть результат развития общности, результат движения рационального и иррационального. Современный человек, полагает Г. Брох, в своем стремлении к свободе, в том числе к свободе от веры, абсолютно одинок. Ему приходится в этом одиночестве жить и умирать и в одиночестве принимать решения о своем будущем.

«“И дорогой Бог не слышит это”, — вставила девочка.

“Когда-нибудь Он снова услышит детские голоса”, — сказал Эш.

“А это и лучше, когда никто никого не слышит, пробиваться нужно самому... и уж это мы сможем”, — подхватил Хугюнау.

“Мы отказались от Него, и Он оставил нас в одиночестве, в таком одиночестве, что мы не

² В немецком слове «Schlafwandler» основной смысл состоит в том, что лунатики — люди, которые блуждают во сне, сомнамбулы, для Броха же те, кто тоскует об утраченном, спят наяву.

можем больше найти даже самого себя”, — сказал майор.

“Заточены в одиночество”, — добавил Эш» [Брох Г., 1997, с. 196].

Свобода означает, что человек использует разные ценностные системы для собственного удобства, исходя из необходимости личного объяснения и оправдания своих поступков. В одном случае — это могут быть интересы дела, в другом — законы войны. Эта свобода лишила человека надежности старого пространства/дома искренней веры, рационально понятое время также теперь не принадлежит человеку, а постоянно ускользает. Вследствие этого человек не может построить картину мира, испытывает страх и одиночество.

Религия более не определяет ценностный порядок, и в этом главная проблема человека. Г. Брох последовательно рассматривает взаимоотношения человека и Бога в протестантизме, иудаизме и католицизме, чтобы подчеркнуть превосходство старой католической веры.

Именно католицизм он видит культурным гарантом нравственной стабильности, поэтому в его философии ценности — это религиозные ценности католической культуры имперской Австрии, которую в кризисный межвоенный период ностальгически вспоминают многие интеллектуалы. Империя перед войной была полиэтничным регионом, в котором религиозная культура была опорой для государственного единства. Именно поэтому католические ценности, по сути, имеют для Броха значение общечеловеческих, апеллировать к которым является самым простым выходом в ситуации идентификационного кризиса. Необходимо было определить собственную позицию по отношению к революционным изменениям, которых так ждали во времена Франца-Иосифа и которые теперь так разочаровали. Этот очевидный культурно-исторический вызов, как представляется, и фундировал идейную конструкцию «Лунатиков» Броха.

Самым очевидным олицетворением времени перемен становится машина. «После 1918 года о причинах военных неудач своей страны австрийцы судили в том же ключе, что и Карл Краус о гибели “Титаника”: это была божья кара тем, кто поклонялся машине» [Джонстон У., 2004, с. 587–588]. Социал-демократические ре-

формы первой республики, ориентированные в первую очередь на поддержку рабочих в ущерб интеллигенции, также воспринимались как следствие «поклонения машине». Те, кто проектировали эту новую социальную реальность, — прежде всего австромарксисты — мыслили свою деятельность как работу социального инженера, как, к примеру, О. Нейрат. А действительно научной философией признается позитивизм. В 1921 г. М. Шлик получает кафедру в Венском университете, а в 1929 г. выходит манифест «Венского кружка» о научном мировоззрении. Памятником социальной инженерии, воплощенной в архитектуре, является дом — Карл-Маркс-Хоф, построенный по проекту К. Эна в 1927–30 гг. Это лишь один из примеров масштабных реформ социалистов, основанием которых была позитивистская парадигма, а культурным символом — машина.

В третьей части «Лунатиков» Г. Брох показывает, каким образом это новое время функционализма и прагматики меняет мышление человека, его способности понимать себя и мир с точки зрения подлинных нравственных ценностей. Как показывает писатель, человек следует новой логике, которую Г. Брох называет деловитость (*Sachlichkeit*)³.

К. Ясперс в работе «Духовная ситуация времени» (1932), описывая катастрофические изменения европейской культуры, также называет *деловитость* новым симптомом эпохи. Деловитость означает особую внутреннюю позицию человека, когда на место размышлений приходят умелые действия, на место чувств — фиксирование объективных данных, фактичность, когда важна управляемость, а личность подменена функцией.

«Все существующее направлено в сторону управляемости и правильного устройства. Безотказность техники создает ловкость в обращении со всеми вещами; ... В повседневном поведении на первый план выступает соответствие правилам. Желание поступать, не выделяться

³ Можно было бы переводить также как реалистичность, приверженность вещам или даже функциональность. В характеристике человека нового типа Брох дает возможность для такой интерпретации: «Работающий человек ... безмолвен ... Его язык ... всегда только деловое письмо. Он говорит вещами настолько, насколько это необходимо, но он никогда не говорит о вещах» [Брох Г., 1997, с. 402].

создает поглощающую все типизацию, напоминающую на другом уровне типизацию самых примитивных времен» [Ясперс К., 1991, с. 309].

Масса, техника, деловитость, массмедиа, реклама, молодость — вот основные признаки нового времени, на которые указывает Ясперс. «В разложении на функции существование *теряет свою историческую особенность*, в своем крайнем выражении вплоть до нивелирования возрастных различий» [Ясперс К., 1991, с. 309].

У Броча именно функционализм, механистичный и примитивный, оказывается сутью деловитости. Существует логика солдата, логика военных, логика предпринимателя, логика художника, революционера, обывателя, но нет универсальной картины мира, и поэтому нет места никаким универсалиям, и Бог, и нравственные ценности ничего не значат. Проблема современного человека заключается в том, что, следуя экономическому порядку массового производства, поклоняясь функционализму и целесообразности, он совершенно не может ничем управлять и ничего более не может предвидеть. Предельно рациональный мир массового производства впадает в иррациональность. «Стали неуправляемыми деньги и техника, колеблются валюты...» [Брох Г., 1997, с. 379]. То, что всегда спасало, — прагматизм делового человека — теперь не надежен. Общность распалась, а на ее месте теперь масса, в которой каждый индивид атомарен, т.е. скрыт для другого, не предсказуем, но управляем и предсказуем для манипуляторов массой. На место этических норм, следование которым можно было ожидать у людей общей веры, пришли правила и инструкции, которые не действуют за пределами функции. Так как за деловитостью скрывается «беспомощность человека» [Ясперс К., 1991, с. 318], то он ищет вновь поддержки в фактах или в пафосе идеологии, а это все есть в газетном тексте.

«И когда Хугюнау по утрам следит в газете за событиями в мире, то это происходит с тем недовольством читателей газет, с которым все они жадно бросаются на статьи, переполняемые голодом на факты, и которые день за днем снова и снова надеются, что масса фактов окажется в состоянии заполнить пустоту онемевшего мира и онемевшей души. Они читают свои газеты, и в них кроется страх человека, который каждое утро просыпается от одиночества, поскольку

язык старого общества от них скрыт, а новый неслышим» [Брох Г., 1997, с. 380].

Текст последней части трилогии Броча составлен как ежедневный газетный листок и адресован человеку, который «выброшен» из мира имперского благополучия в послевоенную нищету и разруху, в мир, где «голые» материальные потребности предъявляют свою первостепенность с очевидностью, ранее присущей только нравственным ценностям [Bruckmüller E., 1985, S. 460]. В мире нового экономического порядка человеку без ценностей соответствует новый язык и литературный стиль, который должен передать новую логику эпохи. В цитируемом выше тексте Ясперса есть описание того, как проявляется деловитость в языке: «сообщения должны быть выражены сжато, пластично, без каких-либо сантиментов. Последовательно излагаемые ценные соображения, воспринимаемые как материал полученного в прошлом образования, не считаются достойным внимания. Обстоятельность отвергается, требуется конструктивная мысль не разговоры, а просто сообщение фактов» [Ясперс К., 1991, с. 309].

Об этом же пишет Г. Брох, подчеркивая, насколько бесперспективно обращаться к современному человеку на языке классического философского трактата:

«Работающий человек сегодняшнего дня в намного более глубоком смысле безмолвен, чем хотя бы тот же траппист (*сравнивает с обетом молчания представителей католического монашеского ордена.* — прим. Е.Ч.). Его язык, собственно, лишь понимание, он по сути воспринимается в самом широком смысле — всегда только сигнал, всегда только деловое письмо. Он говорит вещами настолько, насколько это необходимо, но он никогда не говорит о вещах ... Человек сегодняшнего дня является смотрящим и слушающим человеком, но он радикально антиинтеллектуализирован» [Брох Г., 1997, с. 402].

Поэтому нужно найти новые формы, новый язык, более понятный и «деловитый». Это стиль газеты, а жанр — репортаж, который время от времени, по замыслу Броча, прерывается необъяснимыми с точки зрения логики повествования сюжетами и текстами.

«Свобода ассоциаций упрощена. Но полное разрушение старых ценностных позиций допускает также здесь срыв чистого повествования:

идущее постоянно вперед освобождение свободного от мировоззренческих фиксаций иррационального может войти в стиль и дает ему лицензию на применение всех художественных средств, вопреки сухости делового сообщения» [Брох Г., 1997, с. 398].

Если представить разворот полноценного издания, то там можно обнаружить именно такой, невозможный для книги, хаос: репортаж может соседствовать на той же странице с эссе, с открытым письмом, с рассказом о животных, практически на полях могут оказаться стихи, и все это перемежается рекламными объявлениями. Так и текст этой части романа включает помимо репортажа фрагменты классического романного повествования, философские рассуждения о ценностном кризисе, пьесу («Симпозиум или беседа о спасении»), диалог об одиночестве, сцены религиозной жизни («История девушки из Армии спасения»), новеллу о ребенке и природе, гимн и т.д.

Уже в военное время репортаж, фельетон и эссе становятся основным жанром, к которому прибегают писатели, пытаясь проблематизировать вопрос об исторических перспективах, кризисе ценностей и постимперской ситуации в Австрии. Наиболее известным литературным экспериментом в этом жанре была пьеса К. Крауса «Последние дни человечества» (1915–1919), в которой, казалось, были собраны все клише и лозунги прессы периода Первой мировой войны. Брох использует этот прием, чтобы, с одной стороны, показать особенность мышления критикуемого им человека, с другой стороны, чтобы сделать философские идеи более доступными.

Символическим образом нового мира в романе становится печатный станок для издания газеты.

«Часами мог сидеть и Вильгельм Хугюнау перед своей печатной машиной, с любовью взирая на нее серьезным и пустым мальчишеским взглядом из-за стекол очков, испытывая безмерное чувство удовлетворения от того, что она движется, глотает бумагу и возвращает ее обратно» [Брох Г., 1997, с. 129].

Печатный механизм — олицетворение того, чем завершилась великая эпоха книгопечатания, машина для тиражирования ежедневных листовок, в которых есть место рекламе, объявлениям о похоронах, демагогическим и патриотическим

эссе. Поэтому для Броча газетный стиль важно реконструировать в романе. И этим, наверное, можно объяснить, почему в тексте третьей части «Лунатиков» пьеса, стихи, репортаж, исповедь и философский комментарий объединены без всякой логики. «Колонка редактора», открытый авторский комментарий под названием «Распад ценностей» (появляется на протяжении всего романа десять раз), — это самостоятельный философский текст.

Таким образом, можно видеть, что в истории австрийской философии межвоенный период интересен не только развитием позитивизма, но и такими, как у Броча, реакциями и рефлексиями о постимперской ситуации и следующих за ней социокультурных трансформациях.

В 1936 г. Брох в речи, написанной в связи с юбилеем Джойса, размышляет о назначении художника, о том, как можно судить о современности и своевременности художественного произведения. В этом тексте можно видеть рефлексию об ушедшем времени «романтизма», о кризисе ценностей. Он с сожалением отмечает, что во времена Гете у человека была надежда, что «горящие вопросы души будут удовлетворены теологией или философией. Сегодня эта надежда угасает» [Broch H., 1975, S. 87].

Выражение признательности

Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 17-18-01165).

Acknowledgements

The research was supported by the Russian Science Foundation (project No. 17-18-01165).

Список литературы

- Брох Г. Лунатики: роман-трилогия: в 2 т. / пер. с нем. Н.Л. Кушнера. Киев: Лабиринт; СПб.: Алетейя, 1996. Т. 1. 431 с.
- Брох Г. Лунатики: роман-трилогия: в 2 т. / пер. с нем. Н.Л. Кушнера. Киев: Лабиринт; СПб.: Алетейя, 1997. Т. 2. 416 с.
- Джонстон У. Австрийский Ренессанс. Интеллектуальная и социальная история Австро-Венгрии, 1848–1938 гг. / пер. с англ. В. Калиниченко. М.: Моск. шк. полит. исслед., 2004. 634 с.
- Цвейг С. Книга как врата в мир // Цвейг С. Собр. соч.: в 7 т. М.: Правда, 1963. Т. 7. С. 330–338.

Черепанова Е.С. Философский регион «Австрия»: от теории предмета к экологической катастрофе. Екатеринбург: УрО РАН, 1999. 142 с.

Ясперс К. Духовная ситуация времени // Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Политиздат, 1991. С. 287–418.

Broch H. Der Kunststil als Stil der Epoche // Broch H. Philosophische Schriften 2. Theorie. Kommentierte Werkausgabe. Bd. 10/2. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1977. 332 S.

Broch H. James Joyce und die Gegenwart // Broch H. Schriften zur Literatur 1. Kritik. Kommentierte Werkausgabe. Bd. 9/1. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1975. 422 S.

Broch H. Theologie, Positivismus und Dichtung // Broch H. Philosophische Schriften 1. Kritik. Kommentierte Werkausgabe. Bd. 10/1. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1977. 314 S.

Bruckmüller E. Sozial Sozialgeschichte Österreichs. Wien; München: Herold, 1985. 648 S.

Ebner F. Notizen // Schrieften. Bd. 2: Notizen, Tagebücher, Lebenserinnerungen. München: Kosel-Verlag, 1963. 1176 S.

Kampits P. Zwischen Schein und Wirklichkeit. Wien: Österreichischer Bundesverlag, 1984. 230 S.

Получена: 01.11.2021. Принята к публикации: 30.11.2021

References

Broch, H. (1975). [James Joyce and the Present]. *Broch H. Schriften zur Literatur 1. Kritik. Kommentierte Werkausgabe* [Works on literature 1. Criticism. Annotated edition of works]. Frankfurt am Main: Suhrkamp Publ., vol. 9/1, 422 p.

Broch, H. (1977). [Theology, positivism and poetry]. *Broch H. Philosophische Schriften 1. Kritik. Kommentierte Werkausgabe* [Philosophical writings 1. Criticism. Annotated edition of works]. Frankfurt am Main: Suhrkamp Publ., vol. 10/1, 314 p.

Broch, H. (1977). [The art style as a style of the epoch] *Broch H. Philosophische Schriften 2. Theorie. Kommentierte Werkausgabe* [Philosophical writings 2. Theory. Annotated edition of works]. Frankfurt am Main: Suhrkamp Publ., vol. 10/2, 332 p.

Broch, H. (1996). *Lunatiki: Roman-trilogiya: v 2 t.* [Sleepwalkers: A novel-trilogy: in 2 vols]. Kiev: Labirint Publ., Saint Petersburg: Aletyya Publ., vol. 1, 431 p.

Broch, H. (1997). *Lunatiki: Roman-trilogiya: v 2 t.* [Sleepwalkers: A novel-trilogy: in 2 vols]. Kiev: Labirint Publ., Saint Petersburg: Aletyya Publ., vol. 2, 416 p.

Bruckmüller, E. (1985). *Sozial Sozialgeschichte Österreichs* [Social history of Austria]. Vienna, Munich: Herold Publ., 648 p.

Cherepanova, E.S. (1999). *Filosofskiy region «Avstriya»: ot teorii predmeta k ekologicheskoy katastrofe* [Philosophical Region «Austria»: From Subject Theory to Ecological Catastrophe]. Ekaterinburg: UB RAS Publ., 142 c.

Ebner, F. (1963). [Notes]. *Schrieften. Bd. 2: Notizen, Tagebücher, Lebenserinnerungen* [Writings. Vol. 2: Notes, diaries, memoirs]. Munich: Kosel Publ., 1176 p.

Jaspers, K. (1991). [The spiritual situation of the time]. *Smysl i naznachenie istorii* [The meaning and purpose of history]. Moscow: Politizdat Publ., pp. 287–418.

Johnston, W. (2004). *Avstriyskiy Rennans. Intellektual'naya i sotsial'naya istoriya Avstro-Vengrii, 1848–1938 gg.* [The Austrian mind. An intellectual and social history 1848–1938]. Moscow: MSPR Publ., 634 p.

Kampits, P. (1984). *Zwischen Schein und Wirklichkeit* [Between appearance and reality]. Vienna: Austrian Federal Publ., 230 p.

Zweig, S. (1963). [Books Are the Gateway to the World]. *Tsveyg S. Sobraniye sochineniy: v 7 t.* [Zweig S. Collected Works: in 7 vols]. Moscow: Pravda Publ., vol. 7, pp. 330–338.

Received: 01.11.2021. Accepted: 30.11.2021

Об авторе

Черепанова Екатерина Сергеевна

доктор философских наук, профессор,
профессор кафедры истории философии,
философской антропологии, эстетики
и теории культуры

Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б.Н. Ельцина
620002, Екатеринбург, ул. Мира, 19;
e-mail: e.s.cherepanova@urfu.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2126-1678>
ResearcherID: R-3002-2016

About the author

Ekaterina S. Cherepanova

Doctor of Philosophy, Professor,
Professor of the Department of History
of Philosophy, Philosophical Anthropology,
Aesthetics and Theory of Culture

Ural Federal University named after
the first President of Russia B.N. Yeltsin,
19, Mira st., Ekaterinburg, 620002, Russia;
e-mail: e.s.cherepanova@urfu.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2126-1678>
ResearcherID: R-3002-2016

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Черепанова Е.С. Австрийская литература как философия: Г. Броч о кризисе человека и обществе после распада империи // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2021. Вып. 4. С. 508–515. DOI: 10.17072/2078-7898/2021-4-508-515

For citation:

Cherepanova E.S. [Austrian literature as philosophy: diagnosing social and human crisis in the post-imperial society («The Sleepwalkers» by Hermann Broch)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologiya. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2021, issue 4, pp. 508–515 (in Russian). DOI: 10.17072/2078-7898/2021-4-508-515

УДК 14:167.7

DOI: 10.17072/2078-7898/2021-4-516-527

МАРТИН БУБЕР: ПРОБЛЕМНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ПОНИМАНИЕ ЧЕЛОВЕКА

Куликов Владимир Борисович

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург)

Философия Мартина Бубера — выдающегося представителя экзистенциализма — является антропологическим проектом осмысления и переживания опыта кризисного существования человека и общества в XX в. Эволюция диалогической идеи в направлении философской антропологии обусловлена новым видением исторического восприятия проблемы человека, причем и социальные, и лично ориентированные мотивы имели при этом решающее значение. Намеченный путь понимания проблемы, от Канта до современности, соответствовал той ситуации, которую можно было бы назвать ситуацией переоценки традиционных европейских ценностей и поиска иных духовных оснований и мировоззренческих ориентиров. В истории человеческой мысли Бубер выделяет периоды «обустроенности», когда человек существует в устойчивом мире, и периоды «бездомности», когда человек осознает бесприютность этого мира и проблематизируется, превращается в вопрос для самого себя. Антропологический взгляд либо вписывается в космологические, теологические или логологические конструкции и теряет свою уникальность, либо обретает подлинную проблематичность и глубину вне всяких концептов и схем. Диалогическое восприятие философской антропологии органично дополняется и поддерживается поэтическими практиками глубинных духовных преданий (хасидизм). Автор полагает, что все возрастающая сложность современной социальной реальности открывает новые возможности для осмысления и проясняет необходимость диалога. В этой связи историко-философское исследование творчества М. Бубера играет существенную роль в адекватном понимании настоящего и будущего человека и человечества.

Ключевые слова: проблема человека, история философии, диалогический принцип, коммуникация, хасидизм.

MARTIN BUBER: PROBLEM-HISTORICAL UNDERSTANDING OF MAN

Vladimir B. Kulikov

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (Ekaterinburg)

The philosophy of Martin Buber, a prominent representative of existentialism, is an anthropological project of understanding the crisis experience of man and society in the 20th century. The evolution of the dialogic idea in the direction of philosophical anthropology is caused by a new vision of historical perception of the problem of man. Moreover, social and personality-oriented motives were decisive in this process. The path of the problem, from Kant to the present, corresponded to what might be called a situation of reassessment of traditional European values. Buber searches for new spiritual foundations and worldview reference points. He researches the history of human thought and distinguishes between periods of «settledness», when man exists in a stable world, and periods of «homelessness», when man becomes aware of the homelessness of this world and there takes place his problematization, he becomes a problem for himself. The anthropological perspective is either embedded in cosmological, theological or logological constructions and loses its uniqueness, or acquires a real problematic nature and depth beyond all concepts and schemes. The dialogic perception of philosophical anthropology is organically complemented and supported by poetic practices of deep spiritual stories (Hasidism). The author suggests that,

due to its complexity, contemporary social reality opens up new possibilities and clarifies the need for dialogue. Thus, study of M. Buber's works by historians of philosophy is essential for an adequate understanding of the present and future of man and humanity.

Keywords: the problem of man, history of philosophy, dialogical principle, communication, Hasidism.

Мартин Бубер — выдающийся представитель философии XX в. Его диалогические представления наиболее ярко представлены в работе 1923 г. «Я и Ты». Тем не менее они демонстрируют эволюцию в направлении философской антропологии, получившей воплощение в работе, опубликованной только в 1947 г., «Проблема человека», что обусловлено новым видением исторического отношения к ней. Намеченный путь осмысления проблемы, от Канта до современности, соответствовал той ситуации, которую можно было бы назвать ситуацией прощания или расставания с изжившими себя европейскими ценностями и поиска иных духовных оснований и мировоззренческих ориентиров. Направленность проблемно-исторического анализа была двойственной. Вынужденный покинуть Германию в 1938 г., Бубер активно включился в преподавательскую деятельность в Еврейском университете Иерусалима в качестве профессора социальной философии. Речь шла не столько о введении в курс социальной философии, но о возможности через восприятие социальной жизни показать слушателям современную ситуацию и положение молодых энтузиастов в преобразовании ими еще не совсем знакомого мира, с учетом той культурной традиции, того философского содержания, наследниками которого они обязаны быть по праву. На новой исторической почве предстояло утвердить ценности и дух Библии, одновременно критически осмысляя европейское духовное наследие. Из встречи человеческого духа с кризисом общественной жизни порождается стремление преобразить социальную жизнь. Бубер напоминает, что новые социальные устройства, новые организации лишь тогда будут иметь воздействие, когда сами люди, их совместная жизнь изменятся. Но изменяется и ценность самой философии в направлении возрастания ее социальной ответственности как в отношении внутренней жизни личности, так и в отношении внешних восприятий социальной, политической жизни. Собственно, и понимание человека в исторической перспек-

тиве — это тоже поле реализации социальной философии.

Социальный мыслитель сегодня, конечно, не может брать на себя функцию пророка, у него нет послания, он обращается лишь со своими знаниями, но он не должен устанавливать ограничительные требования и условия идеального общественного устройства, как этого требовал Платон. Однако философ, думающий о человеке, обязан поступать как библейский пророк Исая, критикуя и внедряя в современную социальную ситуацию здравый смысл независимо от того, обречены ли его усилия на неудачу.

Антропологический проект Бубера имеет критическую, социально-философскую ориентацию. Имея это в виду, остановимся на анализе преимущественно проблемно-исторической части его проекта.

Публикация в 1947 г., в Цюрихе, затем в Гейдельберге книги «Проблема человека» была ориентирована в совершенно ином, чем десятилетие ранее, направлении к европейскому читателю. Прошло всего два года после войны. Казалось бы, Германии не до философских идей после произошедших событий. Но оказывается, что человек в этих «бездомных» условиях существования желает услышать о том, что он из себя представляет. Он в ожидании послания от мудрого наставника. И Бубер подтверждает, что такое послание есть, это завет великого немецкого гуманиста, писавшего о вечном мире. Осмысление проблемы человека, в понимании Бубера, «открывается» вопросами И. Канта.

Кант в одном из писем 1793 г. и позднее во «Введении в логику» видит предназначение философии в следующих вопросах: что я могу узнать, что мне надлежит делать, на что я смею надеяться? На первый вопрос отвечает метафизика, на второй вопрос — мораль, на третий — религия. «Но в сущности все это можно было бы свести к антропологии, ибо три первых вопроса относятся к последнему “Что такое человек”», — замечает Кант [Кант И., 1980, с. 332].

Именно в связи с постановкой Кантом указанных вопросов Бубер вступает в полемику с

М. Хайдеггером. Позднее эта полемика будет перенесена во вторую часть работы, посвященную современному состоянию философского рассмотрения человека, но это тема для отдельного анализа. Однако уже на первых страницах Буберу надо было высказать принципиальную позицию относительно значения Канта в постановке антропологического вопроса.

Непоследовательность Канта в реализации антропологического проекта Хайдеггер объясняет в своей работе 1929 г. «Кант и проблема метафизики» неопределенностью вопроса о человеке. Кантовские основные вопросы базируются на изначальном признании ограниченности человека. Человек ограничен в своей способности познавать мир, не всегда делает то, что должен делать, а в своих надеждах ограничен еще более. Таким образом, появляются основания, в связи с ограниченностью человека, трансформировать кантовские вопросы из антропологической плоскости в метафизическую. Место антропологии в основании философии должна занять фундаментальная онтология, как полагал Хайдеггер.

Бубер небезосновательно считает, что подобная трансформация происходит в связи с тем, что Хайдеггер смещает акценты в самой формулировке вопросов.

Кант на самом деле спрашивает не *что* я могу узнать, но что я *могу* знать, поскольку дело не в том, что я могу узнать что-то в ограниченном поиске и, таким образом, не могу расширить свои знания — но дело в том, что я вообще *могу* знать нечто и, соответственно, спрашиваю, что же есть то, что я могу знать. Вопрос не в моей ограниченности, но в моем участии в том, что мне вообще дано знать. Точно также вопрос, *что* мне надлежит делать, предполагает, что есть то, что я *должен* делать и что я не отчужден от правильного образа действия, но именно по тому, что мне дано знать, *должен* я и *могу* прийти к правильной стратегии. Наконец, вопрос, на *что* я смею надеяться, не ставит под сомнение, как допускал Хайдеггер, мою ограниченность и не указывает на открывающееся во всякой надежде заведомое лишение меня того, что я не вправе надеяться, но, наоборот, показывает — мне есть на что надеяться. Кант, конечно же, представлял, что ответ на третий вопрос звучит не на *что* мне дозволено надеяться, а то, что я вследствие этой доз-

воленности могу познать то, на что мне дозволено надеяться.

Соответственно, и четвертый вопрос, к которому могут быть сведены первые три, имеет у Канта следующий смысл — *что же это за существо*, способное познавать, обязанное должным образом действовать, наделенное правам надеяться. Зависимость от него первых трех вопросов означает, что познание того, что это за существо, откроет мне, что оно в качестве такового может познавать, что оно в качестве такового должно делать, и на что оно в качестве такового вправе надеяться.

Следовательно, делает вывод Бубер, ограниченность человека хотя и имеет место быть, но она непосредственно связана с его причастностью к бесконечности, которая предполагает саму возможность что-то знать, надеяться и делать. Конечность, ограниченность человека и его причастность бесконечности должны восприниматься одновременно, в единстве, но не как рядоположенные качества, а как отражение самой двойственности процесса, в котором только и может быть представима двойственность человеческого бытия. В конечном человеке проявляется бесконечность, и антропологический вопрос улавливает данную парадоксальность.

Для Бубера существенным является не тот факт, что Кант ограничился описанием различных феноменов и фактов человеческой жизни, а то, что фундаментальные вопросы передали антропологический импульс нашему времени.

Возможно, замкнутый образ жизни Канта, или уединенная жизнь Фейербаха, или отшельнические скитания монаха-отшельника Чжуан Цзы («Поучения и легенды Чжуан Цзы») навеяли Мартину Буберу поэтический образ человека, оставшегося наедине со своими проблемами и в этом состоянии способного к самопознанию и восприятию проблемного существования другого человека. Следует допустить, что в человеческой истории были такие времена, когда атмосфера опустошенности и одиночества преобладала. Именно тогда антропологическая мысль получала благодатную почву.

Острота постановки философско-антропологической проблематики в западноевропейской философии были обусловлены фактом тотального отчуждения (одиночества) от мира, от других людей и от самого себя. Духовная исто-

рия человека укладывается Бубером в матрицу периодов одомашнивания и бездомности. В одну из них человек живет в обустроенности (как дома), а в другую он бездомен и потерян.

За красивыми поэтическими образами «обустроенности» и «бесприютности» скрывалась, в действительности, весьма жесткая и обыденная картина. Германия 1947 г. — это миллионы людей, лишенных крыши над головой, каменная пустыня, оставленная после ковровых бомбардировок англо-американской авиации. Обустроенность была, она присутствовала в прошлой, довоенной жизни — но что-то в этой устойчивости и стабильности было не так, как показали последующие события.

Конечно, антропологическая мысль деятельна и в периоды «обустроенности», и в периоды «бесприютности», но в первом случае она является вспомогательной частью космологии, а во втором — приобретает самостоятельное значение и особое звучание.

Если говорить об истории этого вопроса, то первая, в европейской традиции, наиболее значительная попытка «одомашнивания» и обустройства мира человека принадлежит Аристотелю.

Геоцентрическая модель мира размещала человека на положенном ему срединном месте и рассматривала его как объективированную реальность в ряду других вещей, которые располагались в этом же «пластически оформленном» мире.

И только тогда, когда этот завершенный сферический космос был разрушен, благодаря исповедальным вопросам Августина, антропологическая проблема зазвучала в полную силу.

Человек почувствовал свою незащищенность и разорванность в условиях тотального противоборства света и тьмы, добра и зла. Трещина прошла по самому человеку и по миру, в котором он жил. Человек потерял свое устойчивое положение во Вселенной. Августин, в отличие от Аристотеля, задает вопрос о человеке от первого лица, в то время как Аристотель смотрит на человека со стороны. Дуалистический миф гносиса пришел на смену гелиоцентрической модели и сделал возможным переход человека от созерцания к позиции веры.

Позже, усилиями Фомы Аквинского, эта позиция веры стала основанием для создания новой, «телеологической» модели обустроенного

существования человека, моделью христианского космоса. Мир потерял сферическую форму и приобрел форму креста, в которой вертикальная плоскость олицетворяет конечное пространство, от вершин рая до пропасти ада. Проходя через человеческое сердце, горизонтальная плоскость означает конечное время от сотворения мира до последнего дня. Именно вокруг этой схемы выстраивается средневековый дом понятного и беспроблемного существования человека.

Но и эта устойчивая картина, пишет Бубер, оказывается разрушенной, однако теперь уже не усилиями гностического мифа, а усилиями науки.

Сначала Н. Кузанский, утверждающий идею пространственной и временной бесконечности мира, лишает завершенности образ креста с его конечными составляющими мироустойчивости, затем Н. Коперник, доказывая беспредельность Вселенной, и, наконец, Б. Паскаль, который переместил до тех пор лишь только мыслимую бесконечность в плоскость предчувствия и трагедии человеческой ограниченности и недостаточности перед лицом бесконечно большого и бесконечно малого.

Человек оказывался перед вопросом невозможности понять начало начал своего собственного бытия и возможностью осознать самого себя перед бесконечностью этого мира.

В этих условиях трагического осознания человеком своего положения в бесконечной Вселенной новый оттенок антропологической проблематике придает Б. Спиноза. Пространственная бесконечность — всего лишь атрибут бесконечной субстанции, наряду с атрибутом мышления. Бесконечная субстанция — это и есть бог. Божественное отношение ко всему сотворенному пронизано бесконечной любовью. Бог любит себя во всех своих проявлениях, в том числе и в человеке, поэтому познание и существование человека субстанционально, — это любовь бога к самому себе. Бесконечность теряет свои строгие, ужасающие человека очертания. Космология и антропология дополняют и поддерживают друг друга. И хотя это не означает, что человек получает новую модель стабильного существования, но трагичность его ситуации в значительной степени смягчается. Человек любит бога, тем самым в нем, в человеке, бог любит самого себя. Такая оптимисти-

ческая картина лишает человека возможности стоять на краю бесконечности, поэтому рационалистическое философствование достаточно искусно адаптирует и использует в дальнейшем появившееся согласие космологического и антропологического подходов в своих целях, значительно снижая остроту вопроса о человеке.

И. Кант в своей критической философии переносит решение антропологического вопроса в гносеологическую плоскость, потому что познание является исходным пунктом философии и собственно познающий человек есть непосредственный источник философствования. Остается поставить вопрос о человеке, который таким образом познает мир, переделывает его, смеет питать надежды и верит в лучшее.

Благодаря Канту проблема человека дополняется представлением, что пространство и время не более чем формы человеческого созерцания, призванные открыть человеку природу его сознания. Тайна пространства и времени является лишь тайной самого бытия человека, его собственного понимания мира.

После Канта еще один великий немецкий мыслитель предпринял попытку вернуть человека на дорогу уверенности и устойчивого существования — Г. Гегель. Гегель строит мировой дом истории. Время должно быть новым жилищем человека. Гегелевская система является внутри европейской философии третьей, логологической попыткой, после космологической Аристотеля и теологической Фомы Аквинского. Мировой разум проходит дорогами истории, и человек имеет возможность проследить этот путь идей в диалектическом развитии, от тезиса к антитезису и к синтезу того и другого. Надежный порядок истории встраивает человека в свои причинно-следственные отношения. Антропологический вопрос, кажется, преодолен. Но «логологический» дом оказывается нежилым для человека. Время, в котором, по Гегелю, происходит самоосуществление духа, есть мыслимое время, которое не соответствует времени, фактически испытываемому человеком. Но следует признать, что интерес к антропологическим представлениям Гегеля в современной философии не прекращается [Lowit К., 1975, S. 332]. Умозрительная картина развития мирового духа, включающая в себя цель мировой истории, претендует на роль мессианского учения, с той лишь разницей, что ве-

ра в творение заменяется на убежденность в торжестве принципа развития, а вера в открытие подменяется убежденностью в могущество познания. Бубер называет гегелевскую систему «секуляризованным самомессианизмом», в котором совершенная мысль пыталась обустроить несовершенную человеческую жизнь.

В этом стремлении секуляризовать мессианизм, но теперь уже на уровне мыслимого преобразования человеческого общества, с Гегелем солидаризируется К. Маркс. Мир человека — это общественный мир, новое общество должно стать новым домом будущего. Маркс полностью полагается на закономерности диалектического процесса в общественном развитии, рассматривая их как закономерности естественного процесса, и недооценивает силу принятия решений самим человеком. В некотором отношении, полагает Бубер, общественное бытие содержит потенциал обновления в самом себе. Но жизнь человека, в отличие от жизни общества, скрывает в себе силу решения, силу выбора, которая раскрывается только в самом действии, в настоящее время. Направленность и масштаб этой силы непредсказуемы. Она может быть как конструктивной, так и деструктивной, и это обстоятельство обуславливает развитие и самой общественной жизни. Маркс рассматривает перспективы будущего с точки зрения объективного космологического времени, не учитывая фактора непредсказуемости антропологического времени, в котором будущее даже не просматривается. Весьма провидчески для 1947 г. Бубер предупреждает: «Такое учение может настаивать на своем приоритете до тех пор, пока не столкнется с историческими обстоятельствами, в которых проблематика человеческого решения станет угрожающе острой ... Имеются в виду такие исторические условия, когда катастрофические общественные процессы сбивают с толку, и парализуют человеческую способность к решению, и часто приводят ее к капитуляции перед негативной элитой из числа людей, лишенных нравственных устоев и руководствующихся не действительным решением, а интересами своей власти» [Бубер М., 1995, с. 181].

Впрочем, марксовой социологической редукции гегелевской картины мира предшествует антропологическая редукция Л. Фейербаха. Исходный пункт философствования для Фей-

ербаха — человек, но человек, не ставший проблемой. Гегелевский мировой разум является лишь другим понятием для обозначения бога, а бог обозначает всего лишь человека, перемещенного на небо. Новая философия должна иметь дело только с человеком, она не может быть иным, чем антропологией. Но фейербаховская антропология не ставила вопросов, ведущих в глубину человеческой экзистенции. Только в одном пункте открыл Фейербах решительно новое: «Человеческая сущность налицо только в общении, в единстве человека с человеком, в единстве, опирающемся лишь на реальность различия между Я и Ты» [Фейербах Л., 1955, с. 203].

Не без иронии подмечает Бубер, что если Гегель в своем понимании человека ориентируется на первую главу книги «Бытие» (первая история творения), то Фейербах — на ее вторую главу (на вторую историю творения), в которой человеческий мир главенствует.

Наиболее близким Фейербаху по духу философом, особенно в отношении приятия антропологической редукции, Бубер считает Ф. Ницше. Ницше первым поставил проблему человека в ее полной остроте и трагичности в центр своего рассмотрения. «К чему вообще человек?» — вопрошает Ницше [Ницше Ф., 1990, с. 524]. Это тот вопрос, ответа на который нет. Для Ницше человек является еще не определенным, еще не устоявшимся животным, не окончательным видом, но переходом (предформой) к сверхчеловеку. Ницше был мистиком, его идеи о роли человека во Вселенной были фантастическими. Ницше рассматривал взаимосвязь человека с животным миром, но не пошел дальше, не показал, каким образом, человек оторвался от животного царства, не рассматривал переводистанции человека от природы, которая свойственна только человеку и в которой осуществляется полнота человеческой жизни.

Бубер подвергает критике учение Ницше о «воле к власти», которое, по его мнению, не может быть путеводной звездой для «свободных умов». Ницше не задумывался о повороте к социальным проблемам совместного бытия человека с человеком, но эта проблематика затрагивалась его университетскими профессорами Дильтеем и Зиммелем. Именно их идеи

стимулировали Бубера на занятие философско-антропологическим проектом.

У Бубера уже была неосуществленная попытка создания философско-религиозного проекта в пяти частях [Van de Sant R., 1977, S. 23–24]. Завершение его планировалось в 1924 г. Поэтому к проблемно-исторической части он подошел со всей серьезностью, прочитав сначала лекционный курс студентам Еврейского университета в Иерусалиме 1938 г.

Антропологический проект не мог быть обычным историко-философским экскурсом в проблему человека, он осуществлялся от первого лица, от пережитого непосредственно. Бубер пишет: «С тех пор как мне открылась жизнь в лично пережитом (это был процесс, начатый незадолго до начала Первой мировой войны и закончившийся вскоре после ее окончания), я испытал потребность ввести в мир человеческой мысли опыт важных переживаний, испытанных в это время, не потому, что они были “моими” переживаниями, а потому, что несли с собой значительное само по себе познание, имеющее силу и для других людей, отличных от меня самого. Философское значение следует признавать только за теми личными переживаниями, которые ведут к значимому для всех познанию. Иными словами, я почувствовал себя обязанным преобразовать единичное, уникальное, особенное во “всеобщее”, которое каждый может обнаружить в своем собственном существовании. Я должен был выразить то, что было невыразимым по самой сути своей. И сделать это нужно было посредством таких дефиниций, которые, не без трудностей, могли бы быть удержаны и переданы. Говоря более конкретно и точно, я должен был пережитое в модальности *Я–Ты* преобразовать в реальность третьего лица, в реальность *Я–Оно*» [Buber M., 1962, S. 1111].

Бубер, направляя вопросы к самому себе, признает необходимость эффективности этих вопросов для выстраивания личностной траектории философского восприятия. Но, одновременно, это и пространство для сомнений. Философские дисциплины рассматривают человека частично, не претендуя на его всеобъемлющий охват. Даже философия истории, чтобы осмыслить человека в качестве исторического существа, неизменно проставляет ограничи-

тельные линии, которые загоняют полноценную жизнь конкретного человека в абстрактную схему. Отдельные философские дисциплины не могут претендовать на ответ в вопросе «что есть человек», но и философская антропология не должна видеть свою цель в том, чтобы стать основанием либо метафизики, либо отдельных философских дисциплин. В поисках ответа на вопрос «что есть человек», который разрешил бы все другие вопросы, антропология рискует упустить из виду реальное содержание своего предмета, ибо вместо подлинной целостности, которая становится видимой лишь через многообразие, она приходит к ложному, далекому от реальности и пустому единству. Философская антропология рассматривает человека систематически во взаимосвязи всех его различий, в динамике внутренней и внешней турбулентности, и только благодаря стремлению видеть единое во многом она имеет шанс понять человека в его целостности, и по той же самой причине философская антропология не может воспринимать человека в его абсолютности. На этом сложном пути различения и сопоставления открывается шанс подлинного восприятия человека.

Поскольку философская антропология стремится к познанию самого человека, каким он является в действительности, ее задача состоит в том, чтобы рассматривать человека в самом точном смысле. Здесь, поскольку речь идет о целостном подходе, философ не может ограничиться рассмотрением человека как только одной из частей природы. Философ, сам будучи человеком, познает свою человечность в собственном внутреннем опыте и таким способом, который можно определить как самопознание. Но прежде надо стать личностью, иметь основание, в котором будут выкристаллизовываться решения. В данном процессе неуместны объективированные технологии (самонаблюдение, эксперимент и т.д.). Познать целостность антрополог может лишь том случае, если он не упустит из виду свою субъективность, если он не превратится в бесстрастного экспериментатора.

Самосознание следует рассматривать со всей серьезностью как «дело всей жизни», без всякой философской страховки. Философ, который стремится понять человека, должен под-

вергнуть себя всем ударам случайностей, которые возможны в действительной жизни. Ничего нельзя понять, оставаясь в стороне и вглядываясь отстраненно в другого человека. Но инструкции, даже самые подробные, малопригодны, если не использовать другие, не всегда лежащие на поверхности возможности понимания человека.

В самом начале историко-философского исследования проблемы человека Бубер, не без юмора, обращается к следующему хасидскому преданию. Учитель сообщает своим ученикам о возникшем намерении написать книгу, посвященную первому человеку, Адаму, где человек был бы представлен во всей полноте. Однако затем, поразмыслив, учитель решает отказаться от этой задумки.

Здесь, за наивной формой, полагает Бубер, скрыта вся история размышлений о том, что есть человек. Каждая попытка исторически, письменно зафиксировать человека, как он есть, в последующий момент превращается в ограниченное и несовершенное описание, которое может быть подвергнуто сомнению или фальсификации. Впрочем, когда учитель обращается к своим ученикам с известием о том, что антропологическая задача невыполнима для него, он в то же время неявно предлагает им самим принять от него эстафету, поскольку сил и способностей для реализации амбициозных планов должно хватить именно у молодого поколения и с их участием понимание человека будет более полным. Впрочем, ровно до тех пор, пока они сами не обнаружат, что топчутся на одном месте, застряли в устойчивых стереотипах и знание и опыт надо передавать другим.

Живое общение всегда делает открытым шанс более полного и непосредственного понимания человека. Но как представить живое общение, в котором человек предстает в своем первобытии, не будучи опутан философскими определениями и понятиями? В этом русле живых исторических раздумий о человеке Бубер обнаруживает совершенно уникальный пласт духовной народной культуры и традиций, которые запечатлены в хасидских учениях, сказаниях, притчах и анекдотах.

Подобные практики некатегориального, ситуативного понимания человека Бубер находит также в древнекитайской философии. Его пуб-

ликация о поучениях и легендах Чжуан Цзы (1911) — это опыт осознания парадоксальной полноты человеческого существования. Впоследствии основополагающая философия даосизма — Путь (Дао) — была использована Бубером в качестве реплики в заглавии сборника хасидских новелл «Путь человека» (1947).

Хасиды проживали на окраинах европейских империй (Австро-Венгрии, России, Германии), но в духовном измерении это был некий параллельный городскому, модернизированному сознанию, забытый и потерянный мир. Как точно подмечает Петер Слотердаjk: «Именно в годы хаотичной модернизации город, некогда бывший местом локализации утопии, начинает утрачивать свое колдовское очарование и притягательность. Прежде всего Берлин, столица начала двадцатого века, вносит свой вклад в то, что эйфория метрополии оказывается освещенной ярким отрезвляющим светом. Она как фокус, в котором сосредоточены индустрия, производство, потребление и массовая нищета, в то же время более всего подвержена отчуждению; нигде не платится столь дорогой ценой за модернизацию, как в городах с многочисленным населением» [Слотердаjk П., 2021, с. 321].

Город — это место, в котором остро ощущается тоска по подлинной, реализованной жизни, по жизни, в которой человек способен понять, кто он есть. Именно такая реальность подлинности представляется Бубером в окраинной, местечковой, хасидской среде. Философ признается: «В определенном смысле хасидская традиция стала поддерживающей основой моего собственного мышления» [Buber M., 1963a, S. 33].

В начале века Бубер в публикациях «Истории рабби Нахмана» (1906), «Легенды Баал-Шема» (1908) пытается показать в хасидской мудрости действительные истоки и корни духовного облика подлинного существования, которые следует услышать и воспринять хотя бы в образованной, но оторванной от своих корней и культуры многочисленной еврейской интеллектуальной городской прослойке.

Но к 1947 г., духовная ситуация в Германии, Австрии была существенно иной, чем в начале века или в «золотые двадцатые». Восстановить разрушенное можно, но как восстановить веру

в человека? Следовало вернуться к простым человеческим ценностям, понятным истинам, которые могли бы быть усвоены в приемлемой и доступной форме. Именно незатейливые, короткие, лишённые морализаторства рассказы, истории о непростой, но просветленной божественным светом общинной жизни, которые публикует Бубер в послевоенной Германии, несомненно, способствовали формированию и возрождению оптимистического и обнадеживающего взгляда на непростые вопросы человеческого существования в условиях тяжелой послевоенной жизни. Косвенным свидетельством признания заслуг Бубера в этом направлении послужило номинирование его на Нобелевскую премию по литературе, инициатором чего был нобелевский лауреат, писатель Герман Гессе.

Дословно приведем один из фрагментов книги «Путь человека», озаглавленный как «Осознание» (Besinnung), поскольку сказать об этом важном фрагменте обязывает логика данной статьи, а пересказывать близкие к поэтическим тексты — задача трудновыполнимая.

«Раби Шнеур Залман был посажен в петербургскую тюрьму по ложному доносу. Он ожидал суда, когда однажды к нему в камеру вошел жандармский полковник. По величественному и спокойному лицу рабе, который так глубоко погрузился в размышления, что не сразу заметил посетителя, полковник, человек пронзительный, понял, кто перед ним. Он заговорил с узником и задал ему вопросы, возникшие у него при чтении Священного Писания. Наконец он спросил:

— Как следует понимать, что Бог, всеведущий Бог, обратился к Адаму с вопросом “Где ты?”.

— Верите ли вы, — ответил рабе, — что Писание вечно и что оно объемлет все эпохи, все поколения и всех людей?

— Верю, — отвечал полковник.

— Так вот, — сказал праведник, — в каждую эпоху Бог обращается к каждому человеку: “Где ты в твоём мире? Прошло так много лет и дней из отпущенных тебе; как далеко продвинулся ты в своём мире?” Бог говорит примерно так: ты прожил 46 лет. Как далеко ты ушел?

Осознав, что назван его точный возраст, полковник сделал над собой усилие и, положив

руку на плечо раби, произнес: “Браво!”, однако сердце его трепетало».

Что происходит в этой истории? На первый взгляд она напоминает нам те талмудические притчи, в которых римлянин или иной язычник задает еврейскому мудрецу вопросы о каком-нибудь библейском эпизоде, желая продемонстрировать мнимое противоречие в еврейском религиозном учении, и получает ответ, либо показывающий, что никакого противоречия нет, либо опровергающий доводы вопрошающего каким-либо другим способом; иногда к собственно ответу добавляется замечание личного характера. Но между подобными талмудическими историями и этой хасидской есть существенное различие, хотя оно и кажется на первый взгляд большим, чем на самом деле. Различие это состоит в том, что в хасидской истории ответ дается не в той плоскости, в какой был задан вопрос.

Полковник обнаруживает мнимое противоречие в еврейском вероучении. Евреи исповедуют веру в Бога всеведущего, но Библия изображает его задающим вопросы — как задают их, желая узнать что-то, чего сами не знают. Адам спрятался от Бога, Бог ищет его, заглядывает в сад, спрашивает, где он? Очевидно, что Бог не знает местоположения Адама, значит, от Бога можно скрыться. И, следовательно, Бог не всеведущ. Раби же, вместо того чтобы объяснить этот эпизод и разрешить кажущееся противоречие, берет его за отправную точку, с тем чтобы упрекнуть жандармского полковника за его прошлую жизнь, за недостаток серьезности, за легкомыслие и безответственность. Обезличенный вопрос, который хотя и задан вполне серьезно, но является по сути не вопросом, а формой возражения, вызывает личный ответ, или, вернее, не ответ, а укор. Казалось бы, от талмудических ответов здесь не осталось ничего, разве что увещание, которое их иногда сопровождало.

Но рассмотрим внимательнее эту историю. Полковник спрашивает об одном месте из предания о грехопадении Адама. Ответ раби, по существу, означает: «Ты есть Адам, это тебя Бог спрашивает: “Где ты?”». Хотя кажется, что ответ не объясняет самого библейского эпизода, но, в действительности, он проливает свет на положение и библейского Адама, и всякого

человека в любое время и в любом месте. Услышав и поняв, что библейский вопрос обращен к нему, полковник вынужден осознать, что это значит, когда Бог спрашивает: «Где ты?» — кому бы этот вопрос не был адресован, Адаму или любому другому человеку. Бог, вопрошая, не рассчитывает узнать что-то, Ему неизвестное. Он ждет от человека другого — ответа, который можно вызвать именно этим и никаким другим вопросом, — если только вопрос достигнет сердца человека, если человек позволит ему проникнуть в свое сердце.

Адам прячется, чтобы не пришлось давать объяснений, чтобы избежать ответственности за свой образ жизни. Так прячется каждый из нас, потому что каждый человек — Адам и находится он в положении Адама. Чтобы избежать ответственности за свою жизнь, он превращает существование в игру «в прятки». Снова и снова скрываясь от лица Бога, он все глубже погрязает в пороке. Постепенно возникает новая ситуация, которая становится сомнительнее с каждым днем и с каждой новой уверткой. Вот ее точное определение: человек не может скрыться от ока Божьего, но, прячась от него, он скрывается от самого себя. Конечно, и в нем самом есть нечто, что ищет его, но чем это нечто дальше, тем труднее его найти, и виной тому сам человек. Этот вопрос призван разбудить человека, разрушать его систему укрытий; он должен показать человеку, до чего тот дошел, и пробудить в нем великую волю к преображению.

Все теперь зависит от того, в силах ли человек держать ответ. Конечно, у каждого, как и у полковника в нашей истории, сердце от этого вопроса затрепещет. Но система укрытий поможет ему преодолеть трепет. Ибо Божий Глас является не в громе и молниях, угрожающих самому существованию человека, но это — «тихий слабый голос» и его легко заглушить. И пока человеку удастся это, жизнь его не превратится в **путь**. Каких бы радостей и успехов он не достиг, какую бы власть не приобрел, и какие бы дела не совершил, жизнь его останется непутевой до тех пор, пока он не отзовется на Голос. Адам отзывается на Голос, он понимает, что запутался и признается:

«Я спрятался». Это — начало пути человека. Истинное раскаяние — начало пути в жизни

человека; снова и снова оно становится началом человеческого пути. Раскаяние истинно лишь в том случае, когда оно выводит на путь. Ибо бывают бесплодные угрызения совести, которые ведут лишь к самоистязанию, отчаянию и еще более глубокому запутыванию. Когда раби из Гуры, толкуя Писание, доходил до слов, с которыми Яков обращается к своему рабу: «Когда встретится тебе Эйсав, брат мой, и спросит тебя, говоря: чей ты? и куда идешь? и чье это пред тобою?» — он объяснял своим ученикам: «Обратите внимание, как похожи вопросы Эйсава на слова наших мудрецов, говоривших: “Обдумайте три вещи — знайте, куда вы пришли, куда вы идете, и перед кем вам придется держать ответ”. Будьте очень внимательны, ибо обдумывающий эти три вещи должен соблюдать крайнюю осторожность — дабы не вопрошал в нем Эйсав. Потому что и Эйсав может задать эти вопросы и повергнуть человека в уныние».

Существует дьявольский вопрос, ложный вопрос, карикатура на вопрос Бога, на вопрос Истины. Он отличается тем, что не останавливается на вопрошании «Где ты?», но, кроме того, утверждает: «Оттуда, куда ты попал, нет выхода». Это дурные угрызения совести, которые не побуждают человека к повороту, не выводят его на путь; наоборот, представляя преобразование неосуществимым, они доводят его до отчаяния, и человеку остается жить лишь дьявольской гордыней порока [Buber M., 2018, S. 17–26].

Древнее и многоплановое, самодостаточное религиозное течение, которое всегда развивалось и спланивалось вокруг великих и авторитетных духовных учителей, конечно, могло обойтись и без Бубера. Но Бубер не мог обойтись без встреченного им величайшего духовного импульса. Вот, что пишет он: «Праеврейство возшло во мне, расцвело в темноте изгнания новым осознанием охвата человеком бога, открылось как живое становление. Образы детства, воспоминания о цаддиках и общине поднимались, светили мне, и я познал идею современного человека. Одновременно стало для меня долгом провозгласить ее миру» [Buber M., 1963b, S. 967].

Именно благодаря усилиям Бубера хасидские предания и мудрые поучения были откры-

ты современному европейскому сознанию, стали элементом духовного развития современного человека. Благодаря хасидизму философская антропология была насыщена уникальным опытом открытости миру, непосредственности в отношении человека к человеку, «взаимобогащением друг друга небесным хлебом самобытия» [Buber M., 1960, S. 37]. Вместе с тем представлять, что модернизация хасидизма могла бы стать неким элементом для скрепления любых философских подходов, было бы грубейшим искажением сути антропологических взглядов Бубера [Wehr G., 1971, S. 86].

Заключение

Философия Мартина Бубера достаточно основательно вписана в интеллектуальный ландшафт XX в. При этом, занимая свое место на страницах учебников по истории философии, она *формирует также и современную диалогическую оптику* и в значительной степени определяет актуальные критерии осмысления действительности, выходящие за узкие рамки «конфликта интерпретаций» [Рикер П., 1995, с. 3]. В современные параметры социально-культурного пространства органично встраиваются вопросы «коммуникационного» потенциала «забытого классика» диалогической философии [Bidlo O., 2006, S. 12].

Цифровое образование и цифровая экономика формируют метавиртуальные миры, которые не делают человека более понятным, в определенной мере подвергая нивелировке его проблемный потенциал. Однако вместе с этим социальные сети и стратегии формирования искусственного интеллекта открывают такие горизонты обновленных форматов коллективизма и индивидуализма, что убирать в архив антропологический проект Мартина Бубера представляется явно преждевременным.

Список литературы

- Бубер М.* Два образа веры. М.: Республика, 1995. 464 с.
- Кант И.* Трактаты и письма. М.: Наука, 1980. 712 с.
- Ницше Ф.* Собрание сочинений. Т. 2. М.: Мысль, 1990. 830 с.
- Рикер П.* Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. М.: Медиум, 1995. 415 с.

Слотердаjk П. Критика цинического разума. СПб.: Изд-во И. Лимбаха, 2021. 796 с.

Фейербах Л. Основные положения философии будущего // Избранные философские произведения: в 2 т. М.: ИПЛ, 1955. Т. 1. 676 с.

Buber M. Autobiographische Fragmente // Martin Buber (Philosophen des XX Jahrhundert) / hrsg. von P.A. Schilpp, M. Friedmann. Stuttgart: Kohlhammer, 1963. S. 1–34.

Buber M. Der Weg des Menschen. Munchen: Guttersloher Verlaghaus, 2018. 96 S.

Buber M. Mein Weg zum Chassidism // Werke: in 3 Bden. Dritter Band: Schriften zum Chassidismus. Munich: Kösel; Heidelberg: Lambert Schneider, 1963. S. 959–975.

Buber M. Urdistanz und Beziehung. Heidelberg: L. Schneider, 1960. 39 S.

Buber M. Werke: in 3 Bden. Erster Band: Schriften zur Philosophie. Munich: Kösel; Heidelberg: Lambert Schneider, 1962. 1128 S.

Bidlo O. Martin Buber — Ein vergessener Klassiker der Kommunikationswissenschaft? Dialogphilosophie in kommunikationswissenschaftlicher Perspektive. Marburg: Tectum, 2006. 278 S.

Lowit K. Zur Frage einer Philosophischen Anthropologie // Neue Anthropologie. Bd. 7: Philosophische Anthropologie (Teil 2) / hrsg. von H.-G. Gadamer, P. Vogler. Stuttgart: G. Thieme, 1975. S. 330–342.

Van de Sant R. Martin Bubers Bildnerische Tätigkeit zwischen beiden Weltkriegen. Stuttgart: E. Klett, 1977. 344 S.

Wehr G. Martin Buber: Leben, Werk, Wirkung. Hamburg: Dtsch. Taschenbuch, 1971. 116 S.

Получена: 01.11.2021. Принята к публикации: 30.11.2021

References

Bidlo, O. (2006). *Martin Buber — Einvergessener Klassiker der Kommunikationswissenschaft? Dialog philosophie in kommunikations wissenschaft licher Perspektive* [Martin Buber - A forgotten classic of communication science? Philosophy of dialogue from a communication science perspective]. Marburg: Tectum Publ., 278 p.

Buber, M. (1960). *Urdistanz und Beziehung* [Distance and relationship]. Heidelberg: Lambert Schneider Publ., 39 p.

Buber, M. (1962). *Werke: in 3 Bden. Erster Band: Schriften zur Philosophie* [Works: in 3 vols. Vol. 1: Philosophical writings]. Munich: Kösel Publ., Heidelberg: Lambert Schneider Publ., 1128 p.

Buber, M. (1963). [Autobiographical Fragments]. *Martin Buber (Philosophen des XX Jahrhundert)* [Martin Buber (Philosophers of the 20 century)]. Stuttgart: Kohlhammer Publ., pp. 1–34.

Buber, M. (1963). [My Way to Hasidism]. *Werke: in 3 Bden. Dritter Band: Schriften zum Chassidismus* [Works: in 3 vols. Vol. 3: Writings on Hasidism]. Munich: Kösel Publ., Heidelberg: Lambert Schneider Publ., pp. 959–975.

Buber, M. (1995). *Dva obrasa very* [Two images of faith]. Moscow: Respublika Publ., 464 p.

Buber, M. (2018). *Der Weg des Menschen* [The path of man]. Munich: Guttersloher Publ., 96 p.

Feuerbach, L. (1955). [The main provisions of the philosophy of the future]. *Izbrannyye filosofskiye proizvedeniya: v 2 t.* [Selected Philosophical Works: in 2 vols]. Moscow: IPL Publ., vol. 1, 676 p.

Kant, I. (1980). *Traktaty i pisma* [Treatises and letters]. Moscow: Nauka Publ., 712 p.

Lowit, K. (1975). [On the question of a Philosophical Anthropology]. *Neue Anthropologie. Bd. 7: Philosophische Anthropologie* [New Anthropology. Vol. 7: Philosophical Anthropology]. Stuttgart: G. Thieme Publ., pp. 330–342.

Nietzsche, F. (1990). *Sobranie sochineniy. T. 2* [Works. Vol. 2]. Moscow: Mysl' Publ., 830 p.

Riker, P. (1995). *Konflikt interpretatsiy. Ocherki o hermenevtike* [Conflict of interpretations. Essays on hermeneutics]. Moscow: Medium Publ., 415 p.

Sloterdijk, P. (2021). *Kritika tsinicheskogo razuma* [Criticism of the cynical mind]. Saint Petersburg: I. Limbakh Publ., 796 p.

Van de Sant, R. (1977). *Martin Bubers Bildnerische Tätigkeit zwischen beiden Weltkriegen* [Martin Buber's pedagogical activity between the two world wars]. Stuttgart: E. Klett Publ., 344 p.

Wehr, G. (1971). *Martin Buber: Leben, Werk, Wirkung* [Martin Buber: Life, work, impact]. Hamburg: Dtsch. Taschenbuch Publ., 116 p.

Received: 01.11.2021. Accepted: 30.11.2021

Об авторе

Куликов Владимир Борисович

доктор философских наук, профессор,
профессор кафедры теории, методологии
и правового обеспечения государственного
и муниципального управления

Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б.Н. Ельцина
620002, Екатеринбург, ул. Мира, 19;
e-mail: vbkulikov@list.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5132-1053>

About the author

Vladimir B. Kulikov

Doctor of Philosophy, Professor,
Professor of the Department
of Theory, Methodology and Law Support
of State and Municipal Administration

Ural Federal University named after
the first President of Russia B.N. Yeltsin,
19, Mira st., Ekaterinburg, 620002, Russia;
e-mail: vbkulikov@list.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5132-1053>

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Куликов В.Б. Мартин Бубер: проблемно-историческое понимание человека // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2021. Вып. 4. С. 516–527. DOI: 10.17072/2078-7898/2021-4-516-527

For citation:

Kulikov V.B. [Martin Buber: problem-historical understanding of man]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologia. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2021, issue 4, pp. 516–527 (in Russian). DOI: 10.17072/2078-7898/2021-4-516-527

ФИЛОСОФИЯ

УДК 1(091):51

DOI: 10.17072/2078-7898/2021-4-528-540

ПИФАГОРЕИЗМ В СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ МАТЕМАТИКИ*Косилова Елена Владимировна**Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (Москва)*

Рассматриваются два противоположных подхода в онтологии математики — реалистский (математика не зависит от человека) и конструктивистский (математические объекты создаются математиками). Против реалистского подхода существуют возражения П. Бенасеррафа о некаузальном характере математики и, соответственно, невозможности достичь ее из физического мира. Против конструктивизма возражение сводится к эффективности математики в прикладных науках. В XX в. преобладал конструктивистский подход, который к концу века совпал с общей тенденцией к скептическому отношению к научному знанию в философии науки. Однако в это же время наука стала играть все более весомую роль в жизни общества, что неминуемо привело к появлению реалистских онтологий. Философия математики К. Мейясу, М. Тегмарка, Р. Пенроуза является современным видом реализма. Рассматривается концепция К. Мейясу, делается вывод о ее близости пифагореизму. Математическое познание позволяет выйти из круга корреляционизма при условии, что математика понимается чисто формально, не интуитивно. Показывается, что логика и физика не могут быть контингентны при условии надежности математики. Совпадение математических структур с физическими ранее получило название предустановленной гармонии между математикой и физикой. Сейчас это объясняется тем, что вселенная устроена по математическим законам. Таким образом, возникает новый пифагореизм. Он отличается от платонизма тем, что в платонизме математика представляет собой особый мир, а в пифагореизме она встроена в физический мир и определяет его законы. В статье показывается необходимость применения аристотелевской онтологии материи и формы. Математика представляет собой форму, а физическое воплощение требует материи. С материей связано течение времени в физическом мире, а также наличие в нем каузальности. Автор приходит к выводу, что принятие идеи о том, что вселенная устроена по математическим законам, приводит к заключению о тождестве бытия и мышления.

Ключевые слова: реализм, пифагореизм, аристотелизм, тождество бытия и мышления, К. Мейясу, М. Тегмарк, Р. Пенроуз.

PYTHAGOREANISM IN MODERN PHILOSOPHY OF MATHEMATICS*Elena V. Kosilova**Lomonosov Moscow State University (Moscow)*

There are two opposing approaches in the ontology of mathematics — realistic (mathematics does not depend on the human being) and constructivist (mathematical objects are created by mathematicians) ones. P. Benacerraf objected to the realistic approach by stating that mathematics is non-causal in nature and, accordingly, it is impossible to reach it from the physical world. The objection to constructivism is based solely on the idea of the effectiveness of mathematics in applied sciences. In the 20th century, the constructivist approach was prevailing. By the end of the century, this prevalence coincided with the general tendency: a skeptical attitude towards scientific knowledge in the philosophy of science. However, at the same time, science began to play a huge role in life. This inevitably led to the emergence of realistic ontologies. The phi-

osophy of mathematics by Q. Meillassoux, M. Tegmark, R. Penrose represents a modern kind of realism. The paper deals with Meillassoux's theory and arrives at a conclusion about its closeness to Pythagoreanism. Mathematical knowledge gives an opportunity to get out of the circle of correlationism, provided that mathematics is understood purely formally, not intuitively. The paper shows that logic and physics cannot be contingent if mathematics is reliable. The coincidence of mathematical structures with physical ones was previously called the «pre-established harmony between mathematics and physics». Now this is explained by the fact that the universe is organized according to mathematical laws. Thus, a new Pythagoreanism appears. It differs from Platonism in that in Platonism, mathematics is an autonomous world, while in Pythagoreanism it is built into the physical world and determines its laws. The article shows the need to apply the Aristotelian ontology of matter and form. Mathematics is a form, while physical embodiment requires matter. The flow of time in the physical world is associated with matter, as well as the presence of causality in it. The author comes to a conclusion that acceptance of the idea that the universe is arranged according to mathematical laws leads to the idea of the identity of being and thought.

Keywords: realism, Pythagoreanism, Aristotelianism, identity of being and thought, Q. Meillassoux, M. Tegmark, R. Penrose.

В этой статье пойдет речь о некоторых новых идеях в философии математики. В явном виде они предстают сейчас, в XXI в., хотя возводятся к философским размышлениям прошлого века о природе математики и о ее связи с физикой. Новое понимание математики, конечно, нельзя назвать абсолютно новым, поскольку почти все идеи о природе математики с точки зрения ее онтологии были выдвинуты в истории философии начиная с Пифагора. Новым оно является только на фоне представлений, которые преобладали в конце XX в.

Касательно методологии будет исследована литература по философии математики последних лет (на материале Стэнфордской энциклопедии), критически проанализированы идеи К. Мейясу относительно роли математики в познании мира, приведена критика его концепта контингентности и проведено сопоставление его идей с идеями нового пифагореизма; во второй части новый пифагореизм будет проанализирован с точки зрения философии — к каким следствиям он ведет, как соотносится с предустановленной гармонией математики и физики, и как мы должны относиться к вытекающему из него концепту тождества бытия и мышления.

Два лагеря в философии математики

До сих пор можно было выделить два противоположных воззрения на философию математики. Оговорюсь сразу, что речь идет не о теории оснований математики (не о спорах логицизма, формализма и интуиционизма), а об онтологии математических объектов. И главный вопрос, который поднят в этой связи, звучит так: суще-

ствуют ли математические объекты отдельно от математиков (которые их открывают), или свободно ли математики изобретают свою математическую вселенную? Обзор соответствующих идей дан в Стэнфордской энциклопедии [Horsten L., 2019; Bueno O., 2020]. Выделяются два полюса философских учений об онтологии математики: реализм (и близкий к нему платонизм) и номинализм (и близкий к нему фикционализм). Относительно второго полюса надо заметить также, что к нему примыкает конструктивизм, но не в смысле конструктивизма Маркова, а в смысле социального конструктивизма Д. Блур [Блур Д., 2012]. Что же это за полюса?

Согласно реализму математическая вселенная — совокупность математических объектов — существует независимо от математиков. Математик предстоит этой вселенной как первооткрыватель, как исследователь. Например, трансфинитные числа существовали до того, как Кантор их открыл, а также и все остальные математические объекты.

Главное возражение против математического реализма сформулировал П. Бенасерраф [Benacerraf P., 1983], и с тех пор его повторяли многие философы. Аргумент звучит так: для того чтобы исследовать что-то, надо иметь к этому доступ. Чтобы иметь доступ к какой-то реальности, надо, чтобы она каузально воздействовала на исследователя (грубо говоря, чтобы ее можно было пощупать). Математические объекты абстрактны, они не находятся в физической вселенной. Следовательно, они не воздействуют на математиков и у математиков нет к ним эпистемического доступа. Отсюда следует, что мате-

матики изобретают свои объекты и эти объекты могли быть другими.

Второй полюс, который я называю конструктивизмом, причисляя сюда и номиналистов, и фикционалистов (детальное обсуждение разницы между которыми увело бы нас в сторону), развивает идеи относительности математики, ее зависимости от культуры и социальной ситуации, ее, так сказать, необязательности. Согласно конструктивистам, математики изобретают математические объекты, а не открывают их. Правда, встает вопрос о том, как они при этом пользуются логикой. Конструктивисты не ставят под сомнение, что получаемая вселенная математических объектов логична, что объекты согласованы между собой, их свойства не произвольны. Следовательно, они не ставят под сомнение логику, хотя и не рассматривают вопроса о ее происхождении.

Главное возражение против конструктивизма — эффективность математики в естественных науках, о чем мы будем говорить ниже. Кроме того, в своей обычной работе почти любой математик «чувствует себя» реалистом, т.е. исследователем уже заранее существующего. Математическую практику в этом смысле следует брать в расчет.

Конструктивизм в философии математики принимает и еще одну форму: исследования когнитивных способностей человека. Это область, которая сейчас представляется очень перспективной. Среди самых первых результатов: геометрическое мышление, судя по всему, запрограммировано в мозге, найдена соответствующая локализация [Hohol M., 2019]. Имеются врожденные механизмы арифметического счета, но тот счет, которым мы пользуемся в школе, кажется, основан не на них. Локализация логики не найдена вообще, а «врожденной логикой» не исключено, что является ошибочная логика (искажение *modus tollens*) [Tall D., 2002]. Может показаться, что изучение работы мозга напрямую не относится к конструктивизму, но, во-первых, мы можем отнести его к эволюционной эпистемологии, которая исторически была тесно связана с радикальным конструктивизмом, во-вторых, в смысле онтологии математических объектов оно принадлежит к лагерю, противоположному реализму. Разумеется, оно будет релятивизировать математику, поскольку сводит ее к продукции человеческого мозга. В той мере,

в какой когнитивистика относится к эмпирическим наукам, вопроса о нормативности и истинности математики и логики (их часто изучают вместе) вообще не может вставать. Когда же в разговор вступают философы, которые тоже обсуждают находки когнитивной науки, то встает вопрос об истине. Например, изучалось формирование логики в детстве и молодости и было показано, что под воздействием обучения в колледже происходит переход от наивной и неправильной детской логики к правильной взрослой [Tall D., 2002]. Две эти логики называются не просто детской и взрослой, но все-таки правильной и неправильной. После того как человек овладевает правильной логикой, неправильность наивной детской ему уже представляется очевидной. По поводу невозможности релятивизировать логику при помощи психологии есть известное рассуждение Э. Гуссерля [Гуссерль Э., 2001].

Реализм К. Мейясу

Теоретический конструктивизм вытекал из учения Канта [Лекторский В.А., 2005]. Именно с Канта началось то глобальное течение в философии, которое сейчас получило название *корреляционизма*. Автор этого термина — влиятельный современный французский философ К. Мейясу [Мейясу К., 2015]. В полемике с корреляционизмом он стремится ввести новый реализм.

Корреляционизм — это, согласно Мейясу, любая философия, которая ставит в соответствие познаваемому объекту познающего субъекта, — конечно же, со всеми его свойствами. Таким образом, вместо объекта как такового и субъекта как такового у нас есть корреляция между ними. Согласимся с Мейясу, что именно так обычно вводится понятие субъекта в курсе гносеологии: в обязательной связке с объектом. Кант был, конечно, не первый, но самый знаменитый из философов, который любую истинность познания напрямую увязывал с познающими способностями. То, что считается всеобщим и необходимым, т.е. математика, сводилось у него к тому, что так устроены у всех людей чувственность и рассудок. Последующие философы в ходе детрансцендентализации нашли, что рассудок устроен не так, как думал Кант, и не у всех одинаково. Таким образом, математика

оказывается даже не общезначимой, не то что имеющей объективную истинность.

Корреляционизм кажется неопровержимым, поскольку любую мысль увязывает с субъектом, следовательно, мысль о выходе из корреляционистского круга также является мыслью субъекта и скоррелирована с ним. Однако Мейясу решительно порывает с этой корреляцией и провозглашает математику средством для познания Великого Внешнего (Great Outdoors в переводе на английский), т.е. объективной реальности.

Математика, считает он, дает доступ к локковским первичным качествам объектов, к кантовской вещи в себе: «...все те аспекты объекта, которые могут быть сформулированы в математических выражениях, могут содержательно мыслиться как свойства объекта в себе (курсив авт. — Е.К.). Из всего того, что в объекте может дать повод для математического осмысления (в виде формулы или в цифровом формате), а не из воспринимаемого или ощущаемого, есть смысл сделать свойства вещи не только как она есть для меня, но и как она есть без меня» [Мейясу К., 2015, с. 8]; «Защищаемый нами тезис, следовательно, двояк: с одной стороны, мы допускаем, что ощущаемое существует только как отношение субъекта к миру; но, с другой стороны, математизируемые свойства объекта полагаются как избавленные от ограничения этой связью, они присутствуют в объекте действительно такими, как я их себе представляю, есть ли или нет у меня отношения к объекту» [Мейясу К., 2015, с. 9]. Он верит в достоверную математику Декарта. Математику он называет гидом к вселенной без человека, к мирозданию самому по себе, никак не связанному с человеком.

Круг эмпиризма

Думается, что прежде всего для Мейясу важна современная ситуация в науке. Она находится в разительном несоответствии с превалированием скептической линии в философии познания. Все попытки постпозитивистов и скептиков ограничить претензии науки на абсолютную истину совершенно не интересны самой науке, шествие которой в XX–XXI вв. можно назвать только триумфальным. Мы все тотально зависим от техники, которой снабжает нас наука. Достаточно назвать мобильную связь через спутник. Попытки релятивизировать науку выглядят ото-

рванными от жизни. Они только углубляют тот разрыв философии и реальной науки, который приводит к неприязненному отношению к философии со стороны многих ученых. Какая-то теория реализма на современном уровне философии должна была появиться.

Эпистемология в философии описывает круг, который можно назвать кругом эмпиризма. Начинается он с оптимистического эмпиризма, который учит, что наблюдениями (и/или экспериментами) можно адекватно познать мир. На этом этапе философы не сомневаются в том, что познавательные способности человека устроены достаточно хорошо. На втором этапе появляется критика познавательных способностей и эмпиризм становится умеренным. Затем критика усиливается, философия обращает внимание на субъективность познающего субъекта, на его ограниченность и, наконец, выносит вердикт о том, что адекватное познание невозможно. Появляется тотальный скептицизм. Однако в то же время сама наука идет вперед, скептическая философия становится для нее неактуальной, и в конце концов появляется новый оптимистический эмпиризм. Этот круг философия описала трижды: в Античности от Аристотеля к скептикам, в XVII–XVIII вв. от Фрэнсиса Бэкона и Локка до Юма и Канта, в XX в. от позитивистов до постпозитивизма и радикального и социального конструктивизма.

Именно сейчас в эпистемологии создается ситуация конфликта скептической философии науки (кроме Блура следует назвать Б. Латугу), которая сосредоточена на социальных, а не предметных аспектах научной деятельности и колоссальных успехах науки как познания мира. Как уже говорилось, это подкрепляется и научно-техническим прогрессом. Назревает необходимость объяснить эти успехи, и пусть это уже не может быть наивным оптимизмом Бэкона или плоским позитивизмом Венского кружка, но это должно быть учением о том, что мир так или иначе познаваем.

В своей статье автор сосредоточилась на роли математики в современной науке. Именно в связи с этим был приведен пример работы К. Мейясу. Рассмотрим, как он видит взаимоотношение математики и физики, и обсудим альтернативные варианты.

Проблема контингентности у К. Мейясу

Вторая, после математики, главная мысль его работы — контингентность законов физики. Под контингентностью им понимается абсолютная, принципиальная случайность. Он рассуждает о новом Абсолюте философии — о том, что он называет Гиперхаосом. Гиперхаос — это не просто хаос, присутствующий в нашем мире, это хаос как бы между мирами — свойство реальности быть ни на чем не основанной. Наш мир может в любой момент поменять все физические законы и превратиться в совершенно другой мир. «Все что угодно может вполне реально обрушиться — и деревья, и звезды, и *физические и логические законы* (курсив наш. — Е.К.). Но не в силу некоторого вышестоящего закона, обрекающего любую вещь на исчезновение, но, наоборот, — в силу отсутствия такого вышестоящего закона, который способен был бы предотвратить исчезновение чего бы то ни было» [Мейясу К., 2015, с. 75]. Контингентность означает, что может произойти не просто что угодно вопреки законам, но и самые законы в любой момент могут как угодно измениться. Ссылается он в этой связи и на Юма, указывавшего на ненадежность нашего предвидения будущего.

Против теории гиперхаоса Мейясу есть два возражения. Во-первых, как мы видим, он считает контингентной логику. В качестве примера закона логики, который может «обрушиться», он приводит закон достаточного основания. Закон достаточного основания вообще не имеет к современной логике отношения, это метафизический принцип. Законом же логики называется любое тождественно истинное высказывание. Возможно, Мейясу имеет в виду не совсем современную логику, а более классическую. Тогда под логикой мы будем понимать некую совокупность важнейших принципов мышления: *modus ponens*, правило подстановки, идею логического вывода, определения связей. Если такая логика обрушится, то как возможна надежная математика? Конечно, без логики математика невозможна (или это будет нечеловеческая математика — вариант не исключенный, но таких сильных ходов у Мейясу нет). Может быть, вся математика и не может быть основана на логике, в отличие от того, что думал Б. Рассел, но вывод и подстановка — это самые основы математики. Обрушиваться они никак не могут.

Однако главное утверждение Мейясу — это контингентность законов физики. Но и физика не может быть абсолютно контингентна при условии стабильности математики.

Физические законы связаны с математикой теснейшим образом. Если раньше типично для физики было открывать законы эмпирически, то сейчас значительное количество их предсказывается на кончике пера, и перо это математическое. Даже в классических законах мы постоянно сталкиваемся с феноменами математики. Небесные тела движутся по орбитам, являющимися коническими сечениями. Скорость — это производная. Все уравнения теоретической механики, лагранжианы и гамильтонианы считаются исключительно математически. Механика, которая является разделом физики, изучается на механико-математическом, а не физическом факультете МГУ, настолько она математизирована. Тригонометрические функции были введены для описания углов треугольников. Но потом оказалось, что с помощью их можно описывать законы протекания тока в цепи с емкостью и индуктивностью. В этой цепи нет никаких углов и никаких треугольников! Но ток течет почему-то по отвлеченным математическим принципам. Аналогично происходит со всеми превращениями, вплоть до превращений элементарных частиц. Если мы возьмем для примера ньютоновский закон гравитации $F = \gamma m_1 m_2 / R^2$, то первой или третьей степени расстояния в знаменателе не может быть, потому что это связано с трехмерностью пространства. И так далее. Поэтому вопрос о том, насколько контингентна физика при неизменности математики, далеко не тривиален. Самое вероятное здесь — это не контингентность законов, а случайность космологических констант. Учение на этот счет развито в философии антропного принципа и носит название «тонкая настройка» (*fine tuning*). Возможно, изменяема метрика пространства. Этот открытый вопрос надо адресовать физикам. Вопрос хаосогенеза физики А. Вуров and Л. Вуров поднимают в своей статье [Вуров А., Вуров Л., 2016] и указывают, что при принятии теории хаоса (Гиперхаоса в терминах Мейясу) вселенная не могла бы иметь тот вид, который она имеет сейчас: согласованный физически и математически, доступный для познания.

Какая онтология математики подразумевается в учении Мейясу? В новой метафизике мате-

матика должна занимать центральное, привилегированное положение. Это должно быть пифагорейство на новом уровне: числа правят миром, математические законы правят миром. Аналогичные мысли высказывает и F. Gironi [Gironi F., 2011], также говоря о неопифагореизме. Однако Мейясу сам предвидит такой вариант развития его мысли и специально указывает, что он не пифагореец [Мейясу К., 2015, с. 22]. Поэтому его собственная философия математики остается загадкой. Тем не менее, продолжаем считать, что мир с постоянной математикой — мир Пифагора.

Взаимоотношение между математикой и физикой – 1: предустановленная гармония

Идея предустановленной гармонии между математикой и физикой была высказана многими учеными в начале XX в. Заключается она в том, что математические теории изоморфны физическим законам. Возможно, наибольшую известность у нас получила статья Ю. Вигнера «Непостижимая эффективность математики в естественных науках» [Вигнер Ю., 1968]. Вигнер указывает, что многие теории были открыты (конструктивисты скажут: изобретены) математиками без всякой связи с физикой. И лишь через некоторое время оказывалось, что они прекрасно работают в физике. Вигнер особо отмечает исключительную точность математически формализованных предсказаний, которая значительно превышает точность закона, который мог быть бы установлен индуктивно. Математизированная физика, как это очевидно, не является индуктивной — она сначала ищет математическую модель, а затем проверяет ее на практике. И очень часто оказывается, что модели работают как физические законы.

Очень определенно о родстве математики и физики высказывался знаменитый математик и физик Д. Гильберт: «Теория гравитации Эйнштейна показала со всей очевидностью, что геометрия есть не что иное, как ветвь физики; геометрические истины во всех отношениях устанавливаются так же, как физические истины, и ничем не отличаются от последних. Например, теорема Пифагора и закон всемирного тяготения Ньютона взаимосвязаны, поскольку они оба подчиняются одному и тому же фундаментальному физическому понятию — потенциалу. Но для каждого, кто знаком с теорией гравитации

Эйнштейна, не подлежит сомнению, что оба эти закона, столь различные внешне и считавшиеся ранее столь далекими, один из которых стал известен еще в древности и был одной из первых теорем, изучаемых в школе, а другой описывает взаимодействие масс, не только однотипны по своей природе, но и являются лишь частью одного и того же общего закона» [Гильберт Д., 1998, с. 61]. Эту идею Гильберта, что геометрия — ветвь физики, мы вряд ли сможем принять без возражений. Проще все-таки думать, что они находятся в предустановленной гармонии — что, впрочем, этими словами сказал и сам Гильберт: «...поражает явление, которое мы, правда, в другом смысле, чем Лейбниц, называем предустановленной гармонией и которое есть не что иное, как непосредственное воплощение и реализация математической мысли. Древнейшим примером этого представляется коническое сечение, которое изучали задолго до того, как догадались, что нашли» [Гильберт Д., 1998, с. 57].

Очень похожие мысли высказывали Эйнштейн и Дирак [Dirac P.A.M., 1940]. Отечественный историк физики В. Визгин написал об этом статью «Догмат веры физика-теоретика» [Визгин В.П., 2004].

Взаимоотношение между математикой и физикой – 2: новый пифагореизм

Если же мы зададимся вопросом, что в этой гармонии первично, математика или физика, то ответом будет — математика. Как подчеркивают и Гильберт, и Вигнер, и другие, математические законы открываются и существуют сами по себе, вне связи с физикой. Затем оказывается, что они работают и в физике. Может быть, дело не в первичности математики в реальности, а в свойствах человеческой науки, в том, что у человека математическое познание опережает физическое? Но нет: математика доказывает собственные выводы из собственных аксиом. Она не нуждается в опытах, она *сущностно автономна* от физики. Поэтому возникает новое представление: не предустановленная гармония и не геометрия как ветвь физики, а вселенная устроена по математическим законам.

Рассмотрим идеи еще одного мыслителя, физика М. Тегмарка. Его книга «Наша математическая вселенная» [Тегмарк М., 2014] переведена на русский язык, она написана в качестве попу-

ляризации его идей. Для профессиональной аудитории физиков он написал известную статью «The Mathematical Universe» [Tegmark M., 2008] и в ней выступает уже не как популяризатор, а как профессионал, излагающий свои философские идеи (известна история, что эту статью долго не хотели печатать топовые физические журналы по причине того, что она не экспериментальная, а «слишком философская»). Он уже прямо ссылается на Пифагора и Галилея, которого также относит к пифагорейцам. Тегмарк представляет вселенную в виде двух начал: строгой и точной математической структуры и некоего нередуцируемого остатка. Собственно, остаток — это то, что мы непосредственно видим глазами, ибо математическую структуру увидеть глазами нельзя. Он называет этот остаток «багаж» (baggage). С багажом имеет дело физика. Исходно эмпирические знания — это знания о багаже, но постепенно за этими знаниями о багаже вырисовываются знания о структурах. Таким образом, познание вселенной движется от физики к математике. Но если мы, так сказать, зададимся вопросом о «сотворении» вселенной, о ее «онтологическом составе», то математические структуры будут первичны, а потом уже они облекутся неким количеством багажа, в котором они воплощаются. Онтологически первична математика — она как бы не могла быть другой (в рамках нашего мира). Математика онтологична настолько, насколько она позволяет думать о структуре бытия, как заметил мексиканский исследователь Flores Peña [Flores Peña G.R., 2018].

Взгляды Тегмарка получили осмысление среди философов [Gironi F., 2011; Grygiel W., 2018; Król Z., 2006]. Все согласны с тем, что это новое возвращение древних мыслей Пифагора. Поэтому данное направление в современной философии науки можно обозначить как новый пифагореизм. В отличие от древнего, он базируется на глубоких знаниях математики и физики, на факте их необъяснимой другими способами предустановленной гармонии.

Реализм: пифагореизм и платонизм

Близок к пифагорейским мыслям и еще один известный математик и физик — Р. Пенроуз. Кроме известных у нас книг «Новый ум короля» и «Тени разума», в которых он обсуждает в том числе свою экстравагантную гипотезу о кванто-

вых процессах во внутриклеточных органеллах нейронов, он автор книги «Путь к реальности» [Пенроуз Р., 2007]. На первый взгляд это не философская книга, но она посвящена философской проблеме: онтологии мира, который описывается математикой. Речь в ней идет об онтологических свойствах математики. Сам себя Пенроуз объявляет платоником и реалистом. У него нет сомнений, что математические объекты и структуры существуют независимо от конструирующей деятельности математиков. Пенроуз даже говорит о математических понятиях как о данных Богом, что подчеркивает их объективный характер. Важным вопросом, поднятым им, является абсолютный характер математической истины, выражающий стабильность, неизменность и необходимость взаимоотношений между объектами, принадлежащими миру математики. Что касается доступа к этой истине, Пенроуз утверждает, что она основана на платоническом понимании, которое не может быть отождествлено с алгоритмическими операциями. Такая концепция мира математики требует интуиции, умозрения.

Мысль автора статьи заключается в том, что и Мейясу, и Тегмарк, и Пенроуз представляют не течение классического платонизма в философии математики, а версию современного пифагореизма. Основное отличие платонизма от пифагореизма можно сформулировать следующим образом. С точки зрения платонизма существует независимый мир математических объектов. Платоники говорят о независимости этого мира, главным образом, от конструктивной деятельности математиков. Поэтому у них получается, что это особый мир, не имеющий общего с миром людей. Поэтому он автономен и от физического мира, по сути, не связан с ним.

С точки зрения пифагореизма мир математики не оторван от физического: он первичен по отношению к физическому миру и диктует ему свои законы. Его роль в мире активная, творческая. По сути, именно об этом шла речь у исследователей, которые писали о предустановленной гармонии математики и физики. Современная теоретическая физика, которая не разделяется с математикой, заставляет склоняться именно к пифагореизму, исходя из того, что вселенная устроена по математическим законам.

Польский исследователь З. Круль пишет о разнице пифагореизма и платонизма: «Пифагореизмом в философии математики будет назы-

ваться мнение, что предметы математики являются частью реального мира или *реальными причинами его онтологической структуры*. Пифагореизм и платонизм в философии математики имеют много точек соприкосновения и сходства. Суть различия между этими двумя позициями заключается в проблеме причинно-следственной связи. В пифагореизме числа можно рассматривать как *реальные причины* возникновения мира. По словам же Платона, числа не способны производить пространство, а значит, и физический мир (курсив наш. — Е.К.)» [Król Z., 2006, p. 34].

Другой польский исследователь М. Хоголь пишет: «Важным аргументом в пользу признания Пенроуза современным пифагорейцем является также необычайное восхищение комплексными числами и вера в то, что они являются основой для построения и описания мира. В книге “Путь к реальности” он посвящает этим объектам целую главу и называет ее “Волшебство комплексных чисел”. В этой главе часто встречается слово “магия”...» [Hohol M., 2009, p. 86].

Пенроуз — автор концепции трех миров, которая в некоторых чертах напоминает аналогичную концепцию Поппера. Однако его третий мир — мир математики (у Поппера был мир любого объективного знания). Кроме того, у Поппера мир ума связывал мир физики и третий, а у Пенроуза порядок другой, мир ума замыкает триаду. Однако для Пенроуза важно переплетение этих миров. Они могут причинно воздействовать друг на друга, почему Хоголь и Круль и относят Пенроуза к пифагорейцам, а не к платоникам.

По поводу развития пифагореизма в философии математики в настоящее время проходит постоянно действующий семинар Fermi society of philosophy (США), участники которого также неоднократно указывали на то, что на современном уровне развития математической физики корректнее говорить не просто о платонизме, а именно о пифагореизме, который предполагает «творческую», онтологическую роль математики в мироздании, а не отдельное независимое от мира платоническое царство математических идей [Burov A., Burov L., 2016]. В упомянутой статье авторы рассматривают условия, при которых возможно познание Вселенной, и подчеркивают, что именно математика, а не физика, должна играть основополагающую роль в онтологии Вселенной.

Материя и форма в пифагорейской вселенной

Чем физический мир, прежде всего, отличается от математического? Тем, что в нем есть материя. Именно ее М. Тегмарк называет «багажом». И с этим же связано второе главное отличие видимого мира от математического: математический мир неподвижен, в физическом же есть движение, в нем идет время. Время — принципиально вне-математическое явление. С ним же связаны неотъемлемые от физического мира причинные отношения. Тегмарк рассматривает проблему времени и решает ее посредством ссылки на четырехмерный мир в смысле Минковского. В четырехмерном мире не имеет смысла говорить о ходе времени, оно там «уже состоялось». Стандартным возражением является квантовая непредсказуемость событий, но Тегмарк решает эту проблему посредством ссылки на мультиверс (множественность вселенных). Условие множественности вселенных у него такое: если наблюдатель внутри вселенной («лягушка») описывает ее более сложным образом, чем наблюдатель извне, видящий четыре измерения («птица»), то вселенная множественна. Поскольку фундаментальные законы извне кажутся проще тех, что внутри, то он делает вывод, что вселенных много. И все математически допустимые физические варианты где-то, вероятно, реализуются [Tegmark M., 2008].

Если же строить метафизическую картину мира с точки зрения нас, «лягушек», то надо учитывать ход времени и феномен причинности. Феномен причинности представляет собой нелегкую проблему для пифагореизма. Абсолютно пифагорейская вселенная будет находиться в покое или, говоря античными словами, пребывать в божественных видах движения, прежде всего круговом, и на это движение ничто не будет воздействовать. Преобразования вещей, их взаимодействие, любые причинно-следственные связи в нее можно вписать с трудом.

Как представляется, эти две особенности физического мира, время и причинность, связаны с наличием в нем материи. Именно материя в истории философии начиная с Аристотеля — это то второе начало, тот тегмарковский багаж, который позволяет воплотиться чистым формам в виде математических структур. Философия Аристотеля очень подходит для современного взгляда на математическую вселенную. Согласно

но Аристотелю, любая вещь состоит из двух начал, формы — носителя всех свойств — и материи, которая воспринимает эту форму и дает ей воплощение. Материя свойств не имеет и не существует сама по себе. Это дуализм, т.е. философское учение о двух принципиально разных началах. Причем Аристотель специально указывал, что математика имеет дело не с материей: «А точность, именно математическую точность, нужно требовать не во всех случаях, но лишь для предметов, у которых нет материи. Таким образом, этот способ не подходит для науки о природе, ибо природа во всех, можно сказать, случаях связана с материей» [Аристотель, 1934, с. 42]. И сейчас мы можем сказать, что материальный мир является математическим с некоторой погрешностью. Именно материя вносит эту погрешность. Галилей, конечно, считал, что книга природы написана на языке математики, однако, думается, Аристотель с его подчеркиванием неточности материальной природы был ближе к истине. Материя вносит в форму (т.е. математическую структуру) как бы «белый шум», отклонение от точности и строгости, некоторую долю хаоса.

Однако Аристотель говорит о форме, а Тегмарк — о математических законах, имеем ли мы право приравнять эти две вещи, считать их одним и тем же началом, противоположным материи? Полагаем, что да.

Для этого нам надо спросить, насколько в физике математические законы подобны аристотелевским формам. У Аристотеля было четыре причины для каждой вещи: формальная, материальная, действующая и целевая. Принято говорить, что современная физика не оперирует целевыми причинами, а сосредоточена на действующих. О формальных и материальных причинах вообще ничего не говорится, и мы, находясь внутри дискурса физики, даже не очень понимаем, что Аристотель имел в виду. Но когда мы говорим, например: «сила гравитации прямо пропорциональна массам и обратно пропорциональна квадрату расстояния», $F = \gamma m_1 m_2 / R^2$, — мы ничего не говорим о действующих причинах. Что тут действует, чем и почему? Тут сказано именно о форме, в которой связаны определенные переменные. Или возьмем различные формулы для энергии: $E = mv^2/2$, $E = kx^2/2$, $E = mgh$, $E = \hbar\nu$. Можем ли мы сказать, что, например, в последней формуле Планка движущая причи-

на — это частота ν электромагнитной волны? Нет, это просто пропорциональность двух величин — форма их связи. Современная физика дает нам не действующие, она дает формальные причины. Это, конечно, не общепринятый взгляд среди философов физики, но он, как кажется, указывает на то, что аристотелевские формы и пифагорейские математические законы (они же тегмарковские структуры) — это в сущности одно и то же.

Следствие пифагорейского взгляда на математику: тождество бытия и мышления

Важно сказать и еще об одном следствии принятия пифагорейской точки зрения на современном этапе. Мы с необходимостью должны будем прийти к тождеству бытия и мышления. Ведь математика рассматривается одновременно в двух аспектах, как порождение человеческого мышления и как наука о подлинном устройстве вселенной. Математика — это то онтологическое место, в котором мышление делается тождественным бытию.

Эта идея кажется экстравагантной даже более, чем идея предустановленной гармонии. Вспомним, что она имеет очень долгую историю. Сначала совсем загадочно высказался Парменид: «Одно и то же — мысль и то, что она мыслит». Другие античные и все средневековые философы о ней не вспоминали (и особенно она не укладывается в мировоззрение христианства; но, возможно, с ней, подумав, согласились бы гностики). Она появляется у Спинозы в высказывании «Порядок и связь идей те же, что порядок и связь вещей», хотя тут речь идет не о полном тождестве, а о чем-то близком к тому, что Лейбниц почти сразу же после этого назвал как раз предустановленной гармонией. Потом были Шеллинг и Гегель, у последнего вся природа развивается строго по законам логики, поскольку она есть производное от Абсолютного духа. У Гегеля получается тождество бытия и мышления Духа, а не человека. У него мы видим самое нужное для нас: человек начинает мыслить, как Дух, и, следовательно, тождественно с самим бытием, когда мыслит логически.

По большому счету, на своих наибольших вершинах мышление человека — это его работа в математике и логике. Математика является связующим мостом между мышлением человека и устройством мироздания.

Разумеется, тождество бытия и мышления — странная идея, она никак не кажется само собой разумеющейся. Вся современная гносеология вместе с когнитивной наукой подводит к тому, что это не так, и автор написала об этой идее не для того, чтобы на ней настаивать. Мы должны иметь в виду то, что именно следует из того пифагореизма, который мы имеем на сегодняшний день: некоторые современные авторы делают отсюда вывод о существовании Высшего Разума [Burov A., Burov L., 2016]). Возможно, это заставит нас отнестись к нему с дополнительной критичностью.

Мы также должны принять во внимание следующий момент. Является ли любое математическое описание процесса или закона выходом к реальности в себе? Вовсе нет. Многие описания математических процессов являются моделями, модели являются гипотезами. Именно такой подход к математике продиктован современной философией математики как прикладной дисциплины. Математика предлагает модели, которые либо подходят, либо непригодны на практике. Следует также отметить, что из многих естественных наук математика находится в предварительно установленной гармонии только с физикой. Такие науки, как биология, гораздо реже оперируют математическими моделями, а погрешность в них гораздо выше. Однако вполне возможно, что мы все еще находимся на пороге открытия в этой области.

Перспективы реализма в математике

Возвращаясь к роли математики в выходе из «круга корреляционизма», мы можем обратить внимание еще на одну статью (точнее, текст выступления на семинаре) К. Мейясу, посвященную этой проблеме, — «Iteration, reiteration, repetition: an speculative analysis of the meaningless sign» [Meillassoux Q., 2012]. Он предлагает нам направление, в котором следует мыслить математику, не зависящую от субъекта, не трансцендентальную: это формализм. В названии работы так и звучит: «meaningless sign», знак без значения. Формализм — это работа в математике, но не основанная на интуиции, на придании смысла преобразованиям, которые проводятся по чисто формальным правилам. Как было замечено выше, логику нельзя считать контингентной, потому что именно на ней будет основываться работа по преобразованию знаков и последовательностей знаков.

О «кризисе интуиции» в математике заговорили уже во времена Венского кружка [Хан Г., 1972]. Современная математика становится, если можно так выразиться, нечеловеческой. Надо кстати отметить, что направление, которое представляет К. Мейясу (спекулятивный реализм), близко к деантропоморфизации объектов, субъектов и самого мышления. Э. Гуссерль с сожалением говорил, что наука — он имел в виду в первую очередь геометрию — впадает в «искусшение языком», она перестает быть понятной, перестает «реактивировать смысл» [Гуссерль Э., 1996, с. 221–222]. Современные философы говорят об этом уже с одобрением. Благодаря логическому и математическому формализму, т.е. деантропоморфизации мышления, человек разрывает корреляционистский круг, внутри которого наука зависит от него, и выходит в область чистого мышления, приближающегося к объективному познанию мира (мы опять видим витающую здесь идею о тождестве бытия и мышления).

Ставя вопрос об онтологическом статусе математических и физических истин, мы опять вынуждены поспорить с Мейясу. Мы видели, что математика у новых пифагорейцев лежит в основании мира. Поэтому физические истины покоятся на математических, физические объекты — это облеченные в материю воплощения математических объектов, и утверждения о физических объектах — это пересказанные на другом языке утверждения математики. Мы видели, что материальный мир отличается от математического тем, что в нем идет время и существует причинность. Хотя, по сути, причинность также можно свести к ходу времени. Время является фундаментальной осью существования физического мира. Можно сказать, оно неразрывно связано с материей. Отсюда заключаем, что в физическом мире мы видим изменения, в основе которых лежит причинность. Однако все происходит в соответствии с математическими законами, описывающими структуры мира. Нельзя сказать, что математика является причиной физики, поскольку в мире они в сущности совпадают. Здесь можно провести связь и с проблемой явления и сущности: сущность мира математическая, физика же, с ее неразрывной связью с материей, «отвечает» за явление. Но познание явления в физике состоит в выявлении его математической формы и тем самым в прорыве к его сущности. Мы больше не говорим о предоста-

новленной гармонии между математикой и физикой, мы видим, что они, по сути говоря, являются двумя сторонами одной вещи.

Заключение

Итак, в начале XXI в. в математической философии появились реалистические онтологии, часть из которых можно отнести даже к новому пифагореизму. Некоторые из них появились в ответ на конструктивизм в философии науки конца XX в. В онтологии К. Мейясу с помощью математики (причем чисто формальной) мы разрываем корреляционистский круг и выходим к познанию вещи самой по себе. Математика описывает не наше мышление, а свойства реального мира.

То же говорит М. Тегмарк и обосновывает, что такое понимание математики является новым пифагореизмом. Наша вселенная имеет математический характер, именно поэтому математика адекватно описывает ее. Аналогичную теорию разворачивает Р. Пенроуз, которого также можно отнести к новым пифагорейцам. Сам факт необъяснимой эффективности математики в физике был замечен Д. Гильбертом, П. Дираком и другими физиками в начале XX в.; ему посвятил известную статью Ю. Вигнер. Однако тогда говорили об удивительной предустановленной гармонии между математикой и физикой. Математика считалась чисто абстрактной наукой, а устройство вселенной, как считалось, описывает физика.

Однако теперь мы видим, что именно математика описывает устройство вселенной, так как сама вселенная математична. И феномен предустановленной гармонии исчезает. Физическая вселенная — это просто воплощение математических структур в материи. Причем материя вносит в бесконечную точность математики свой «белый шум», некоторую долю хаоса.

Однако самое важное свойство материи в данном аспекте — это то, что она существует во времени. В физической вселенной, в отличие от чисто математической, течет время. На этом течении основана и видимая нами физическая причинность. Математика составляет сущность мира, в то время как физика дает нам его явление. До тех пор, пока мы занимаемся явлениями, мы находимся, по Мейясу, внутри корреляционизма. Когда мы выходим к математическому описанию, мы уже не скоррелированы с

объектом, а имеем дело с ним как с вещью самой по себе.

Однако, как выяснилось, такое пифагорейское понимание устройства вселенной приводит к достаточно проблематичному выводу — речь идет, в сущности, о тождестве бытия и мышления. Математика является, с одной стороны, человеческой наукой, с другой стороны, сущностью мира. Мейясу считает, что формальная (лишенная интуиции) математика уже не является корреляционистской, однако нельзя не сказать, что она продолжает оставаться человеческой наукой, никакая наука не может окончательно выйти за пределы наших познавательных способностей. Здесь, думается, надо быть осторожным.

Двери для других онтологических учений остаются открытыми.

Выражение признательности

Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Мозг, когнитивные системы, искусственный интеллект».

Acknowledgements

The research was supported by the Interdisciplinary Scientific and Educational School of Moscow University «Brain, Cognitive Systems, Artificial Intelligence».

Список литературы

- Аристотель.* Метафизика. М.; Л.: СОЦЭКГИЗ, 1934. 348 с.
- Блур Д.* Возможна ли альтернативная математика? / пер. Е. Напреенко // Социология власти. 2012. № 6–7. С. 150–177.
- Вигнер Е.* Непостижимая эффективность математики в естественных науках // Успехи физических наук. 1968. Т. 94, вып. 3. С. 535–546.
- Визгин В.П.* Догмат веры физика-теоретика. 2004. URL: <http://realigion.me/article/23643.html> (дата обращения: 17.07.2021).
- Гильберт Д.* Познание природы и логика // Знание-сила. 1998. № 1. С. 55–62.
- Гуссерль Э.* Собрание сочинений. Т. 3(1): Логические исследования (Т. 2, ч. 1). М.: Гнозис, 2001. 576 с.
- Гуссерль Э.* Начало геометрии. Введение Жака Деррида. М.: Ad Marginem, 1996. 269 с.
- Лекторский В.А.* Кант, радикальный конструктивизм и конструктивный реализм в эпистемологии // Вопросы философии. 2005. № 8. С. 11–21.

Мейясу К. После конечности: эссе о необходимости контингентности. М.: Кабинетный ученый, 2015. 196 с.

Пенроуз Р. Путь к реальности или Законы, управляющие Вселенной. Полный путеводитель. М.: Изд-во Ин-та компьютерных исследований, 2007. 912 с.

Тегмарк М. Наша математическая вселенная. М.: Corpus, АСТ, 2014. 592 с.

Хан Г. Кризис интуиции // Математики о математике: сб. ст. М.: Знание, 1972. С. 25–42.

Benacerraf P. Mathematical Truth // *Philosophy of Mathematics: Selected Readings* / ed. by P. Benacerraf, H. Putnam. 2nd ed. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1983. P. 403–420. DOI: <https://doi.org/10.1017/cbo9781139171519.022>

Bueno O. Nominalism in the Philosophy of Mathematics // *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* / ed. by E.N. Zalta. (Fall 2020 ed.). URL: <https://plato.stanford.edu/archives/fall2020/entries/nominalism-mathematics/> (accessed: 15.02.2021).

Burov A., Burov L. Genesis of a Pythagorean Universe // *Trick or Truth? The Mysterious Connection Between Physics and Mathematics* / ed. by A. Aguirre, B. Foster, Z. Merali. Cham, CH: Springer, 2016. P. 157–170. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-319-27495-9_14

Dirac P.A.M. The Relation between Mathematics and Physics // *Proceedings of the Royal Society of Edinburgh*. 1940. Vol. 59, pt. II. P. 122–129. DOI: <https://doi.org/10.1017/s0370164600012207>

Flores Peña G.R. El signo sin significado // *Revista Espiral*. 2018. URL: <http://revistaespiraltijuana.org/2018/06/09/el-signo-sin-significado-gerardo-r-flores/> (accessed: 12.08.2019).

Gironi F. Meillassoux's Speculative Philosophy of Science: Contingency and Mathematics // *Pli: The Warwick Journal of Philosophy*. 2011. Vol. 22. P. 25–60.

Grygiel W. On the adequacy of qualifying Roger Penrose as a complex Pythagorean // *Philosophical problems in Science*. 2018. No. 65. P. 61–84.

Hohol M. Foundations of Geometric Cognition. L.; N.Y.: Routledge, 2019. 204 p. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780429056291>

Hohol M. Roger Penrose — pitagorejczyk zespolony? // *Semina Scientiarum*. 2009. Vol. 8. P. 79–90.

Horsten L. Philosophy of Mathematics // *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* / ed. by E.N. Zalta. (Spring 2019 ed.). URL: <https://plato.stanford.edu/archives/spr2019/entries/philosophy-mathematics/> (accessed: 15.02.2021).

Król Z. Platonizm matematyczny i hermeneutyka. Warszawa, PL: Wyd. IFiS PAN, 2006. 245 s.

Meillassoux Q. Iteration, reiteration, repetition: an speculative analysis of the meaningless sign / transl. by R. Mackay. 2012. URL:

https://cdn.shopify.com/s/files/1/0069/6232/files/Meillassoux_Workshop_Berlin.pdf (accessed: 17.07.2021).

Tall D. *Advanced Mathematical Thinking*. N.Y.: Kluwer Academic Publishers, 2002. 310 p.

Tegmark M. The Mathematical Universe // *Foundations of Physics*. 2008. Vol. 38, iss. 2. P. 101–150. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10701-007-9186-9>

Получена: 05.03.2021. Доработана после рецензирования: 28.07.2021. Принята к публикации: 24.08.2021

References

Aristotle (1934). *Metafizika* [Metaphysics] Moscow, Leningrad: SOTSEKIZ Publ., 348 p.

Benacerraf, P. (1983). Mathematical truth. *Philosophy of Mathematics: Selected readings*. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 403–420. DOI: <https://doi.org/10.1017/cbo9781139171519.022>

Bloor, D. (2012). [Can there be an alternative mathematics?]. *Sociologiya vlasti* [Sociology of Power]. No. 6–7, pp. 150–177.

Bueno, O. Nominalism in the philosophy of mathematics. *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*, ed. by E.N. Zalta. (Fall 2020 Edition). Available at: <https://plato.stanford.edu/archives/fall2020/entries/nominalism-mathematics/> (accessed: 15.02.2021).

Burov, A. and Burov, L. (2016). Genesis of a Pythagorean universe. *Trick or truth? The mysterious connection between physics and mathematics*. Cham: Springer Publ., pp. 157–170. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-319-27495-9_14

Dirac, P.A.M. (1940). The relation between mathematics and physics. *Proceedings of the Royal Society of Edinburgh*. Vol. 59, pt. 2, pp. 122–129. DOI: <https://doi.org/10.1017/s0370164600012207>

Flores Peña, G.R. (2018). [The sign without meaning]. *Revista Espiral*. Available at: <http://revistaespiraltijuana.org/2018/06/09/el-signo-sin-significado-gerardo-r-flores/> (accessed 12.08.2019).

Gironi, F. (2011). Meillassoux's speculative philosophy of science: Contingency and mathematics. *Pli: The Warwick Journal of Philosophy*. Vol. 22, pp. 25–60.

Grygiel, W. (2018). On the adequacy of qualifying Roger Penrose as a complex Pythagorean. *Philosophical Problems in Science*. No. 65, pp. 61–84.

Hahn, H. (1972). [Crisis of intuition]. *Matematiki o matematike* [Mathematicians on mathematics]. Moscow: Znanie Publ., pp. 25–42.

Hilbert, D. (1998). [Cognition of nature and logic]. *Znanie-sila* [Knowledge is power]. No. 1, pp. 55–62.

Hohol, M. (2009). Roger Penrose — pythagorean of complex numbers? *Semina Scientiarum*. Vol. 8, pp. 79–90.

Hohol, M. (2019). *Foundations of geometric cognition*. London, New York: Routledge Publ., 204 p. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780429056291>

Horsten, L. Philosophy of mathematics. *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*, ed. by E.N. Zalta. (Spring 2019 Edition). Available at: <https://plato.stanford.edu/archives/spr2019/entries/philosophy-mathematics/> (accessed: 15.02.2021).

Husserl, E. (1996). *Nachalo geometrii. Vvedenie Zhaka Derrida* [Origin of geometry. Introduction by J. Derrida]. Moscow: AdMarginem Publ., 269 p.

Husserl, E. (2001). *Sobraniye sochineniy. T. 3(1): Logicheskie issledovaniya (T. 2, ch. 1)* [Collection of works. Vol. 3(1): Logical research (Vol. 2, pt. 1)]. Moscow: Gnozis Publ., 576 p.

Król, Z. (2006). *Matematyczny i hermeneutyka* [Mathematical and hermeneutics]. Warsaw: IFI PAN Publ., 245 p.

Lektorskiy, V.A. (2005). [Kant, radical constructivism and constructive realism in epistemology]. *Voprosy filosofii*. No. 8, pp. 11–21.

Meillassoux, Q. (2012). *Iteration, reiteration, repetition: a speculative analysis of the meaningless*

sign. Available at: https://cdn.shopify.com/s/files/1/0069/6232/files/Meillassoux_Workshop_Berlin.pdf (accessed 17.07.2021).

Meillassoux, Q. (2015). *Posle konechnosti: esse o neobkhodimosti kontingentnosti* [After finitude: An essay on the necessity of contingency]. Moscow: Kabinetnyy Uchenyy Publ., 196 p.

Penrose, R. (2007). *Put' k real'nosti ili Zakony, upravlyayushchiye Vselennoy. Polnyy putevoditel'* [The Road to Reality: A Complete Guide to the Laws of the Univers]. Moscow: ICR Publ., 912 p.

Tall, D. (2002). *Advanced mathematical thinking*. New York: Kluwer Academic Publ., 310 p.

Tegmark, M. (2014). *Nasha matematicheskaya vselennaia* [Our mathematical universe]. Moscow: Korpus, AST Publ., 592 p.

Tegmark, M. (2008). The mathematical universe. *Foundations of Physics*. Vol. 38, iss. 2, pp. 101–150. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10701-007-9186-9>

Vizgin, V.P. (2004). *Dogmat very fizika-teoretika* [Article of faith of the theoretical physicist]. Available at: <http://realigion.me/article/23643.html> (accessed 17.07.2021).

Wigner, E. (1968). [The unreasonable effectiveness of mathematics in the natural sciences]. *Uspekhi fizicheskikh nauk* [Advances in Physical Sciences]. Vol. 94, iss. 3, pp. 535–546.

Received: 05.03.2021. Revised: 28.08.2021. Accepted: 24.08.2021

Об авторе

Косилова Елена Владимировна

кандидат философских наук,
доцент кафедры онтологии и теории познания

Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова,
119991, Москва, Ломоносовский пр., 27/4;
e-mail: implicatio@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2261-7680>

About the author

Elena V. Kosilova

Candidate of Philosophy, Associate Professor
of the Department of Ontology and Gnoseology

Lomonosov Moscow State University,
27/4, Lomonosovsky av., Moscow, 119991, Russia;
e-mail: implicatio@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2261-7680>

Пробьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Косилова Е.В. Пифагореизм в современной философии математики // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2021. Вып. 4. С. 528–540. DOI: 10.17072/2078-7898/2021-4-528-540

For citation:

Kosilova E.V. [Pythagoreanism in modern philosophy of mathematics]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psihologiya. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2021, issue 4, pp. 528–540 (in Russian). DOI: 10.17072/2078-7898/2021-4-528-540

УДК 141:165.62

DOI: 10.17072/2078-7898/2021-4-541-549

ФОРМИРОВАНИЕ ИДЕИ МАТЕМАТИЧЕСКОЙ ФЕНОМЕНОЛОГИИ В ФИЛОСОФИИ ЭДМУНДА ГУССЕРЛЯ

Седов Юрий Григорьевич

Государственный институт экономики, финансов, права и технологий (Гатчина)

Представлены исторические предпосылки создания математической феноменологии. В рамках проблематики бесконечных чисел рассматриваются способы их феноменологической интерпретации. На примере сотрудничества Кантора и Гуссерля формулируется идея математической феноменологии, которая учитывает соотношенность математических объектов с нашим сознанием. В формальной логике субъективные факторы часто воздействуют на процесс суждения. Ценность феноменологического метода состоит в том, что он дает возможность вести одновременно объективно- и субъективно-ориентированное исследование в математике и формальной логике. В таком коррелятивном исследовании должны учитываться субъективные акты и объективные референты любого феномена. Главной целью коррелятивного исследования является создание условий для преодоления релятивистских тенденций в математике и формальной логике. В результате проведенного анализа ставится вопрос о связи дескриптивной феноменологии и формализованных построений. В историко-философском контексте ответ на данный вопрос опирается на достижения *формальной и трансцендентальной логики* Гуссерля. Субъективно-ориентированная логика восходит к латентным структурам теоретического разума. Здесь формулируются и решаются проблемы сознания в его живом, актуальном исполнении с помощью эгологического исследования. В заключение приводятся исторические примеры субъективной трансформации формальной логики. В первом примере дается интерпретация вывода Декарта *cogito, ergo sum*, показывающая, что здесь была осуществлена экзистенциальная противоречивость «я не существую» и достоверность исходного положения «я существую». Другим примером трансформации логики служит феноменология Гуссерля. Для того чтобы привести логические формы к их субъективной очевидности, нужно изменить установку сознания, а объекты рассматривать как данности сознания.

Ключевые слова: феноменология, математика, формальная логика, Э. Гуссерль, эгологическое исследование, трансцендентальная логика, трансформация логики, генетическая конституция.

FORMATION OF THE IDEA OF MATHEMATICAL PHENOMENOLOGY IN EDMUND HUSSERL'S PHILOSOPHY

Yuri G. Sedov

The State Institute of Economics, Finances, Law and Technologies (Gatchina)

The article presents the historical prerequisites for the creation of mathematical phenomenology. Within the framework of the infinite numbers problems, the ways of their phenomenological interpretation are discussed. Using the example of cooperation between Cantor and Husserl, the idea of mathematical phenomenology is formulated, which takes into account the correlation of mathematical objects with our consciousness. In formal logic, subjective factors often affect the judgment process. The phenomenological method is valuable in that it makes it possible to conduct both objectively and subjectively oriented research in mathematics and formal logic. In such a correlative study, subjective acts and objective referents of any phenomenon should be taken into account. The main goal of correlative research is to create conditions for overcoming relativistic tendencies in mathematics and formal logic. As a result of the analysis, the question of the relationship between descriptive phenomenology and formalized constructions is raised. In the historical

and philosophical context, the answer to this question is based on the theoretical developments provided in Husserl's *Formal and Transcendental Logic*. Subjective-oriented logic goes back to the latent structures of theoretical reason. Here the problems of consciousness are formulated and solved in its live, actual execution with the help of egological research. In conclusion, historical examples of the subjective transformation of formal logic are provided. In the first example, an interpretation of Descartes' conclusion *cogito, ergo sum* is given, showing that the existential inconsistency of «I do not exist» and the reliability of the initial position «I exist» were realized here. Another example of the transformation of logic is Husserl's phenomenology. In order to bring logical forms to their subjective obviousness, it is necessary to change the orientation of consciousness and to consider objects as givens of consciousness.

Keywords: phenomenology, mathematics, formal logic, E. Husserl, egological research, transcendental logic, transformation of logic, genetic constitution.

Введение

Стремление Готфрида Лейбница осуществить идею «универсальной характеристики» привело к возникновению анализа бесконечно малых. В отличие от Рене Декарта, он сосредоточил свои усилия на постижении сущности логической и математической символики, используя много новых обозначений и даже экспериментируя с ними. Непрерывное общение с математиками по поводу введения удобных символов позволило ему изобретать наиболее подходящие знаки, обладающие явными преимуществами перед альтернативными предложениями. Вообще говоря, научные открытия обусловлены принятием оптимальных обозначений, с помощью которых можно выразить сущность любого предмета наиболее коротким способом [Cajori F., 2007]. Реформирование символического языка и решение конкретных задач осуществлялось Лейбницем на фоне «эгологических» размышлений о монадах. Учение о монадах эквивалентно понятию «актуальная бесконечность», которое преподносилось с теологической точки зрения. Такой подход послужил для Лейбница опорой при создании дифференциального и интегрального исчисления.

Увлеченность проблематикой бесконечности потребовала введения соответствующих обозначений, которые впервые появились в сочинениях Джона Валлиса, одного из основателей Лондонского королевского общества, главная заслуга которого состояла в том, что он вслед за Декартом применял новую технику в алгебре, а также изучал бесконечные ряды и бесконечные произведения. Классическим образцом бесконечного произведения является аналитическое представление числа $\pi/2$. Кроме того, понятие «бесконечность» породило дис-

куссию о возможности бесконечной делимости геометрических объектов. Отвечая на возражения оппонентов, Валлис подчеркивал, что имеется определенное различие между физической и логической невозможностью [Malet A., Panza M., 2015, p. 338]. Существование актуально бесконечного деления конечных количеств с точки зрения физики невозможно, тогда как логически это вполне допустимо. Каким бы малым ни был отрезок, его всегда можно разделить на две равные части, а эти полученные половины еще на две части *и так далее*. Подобное деление не ограничено никакими условиями и не зависит от того, в состоянии ли мы это исполнить в реальном мире с помощью имеющихся у нас подручных средств и современных технологий. В геометрии деление до бесконечности никогда не вызывало особых затруднений, так как линии, которые мы проводим, не сливаются между собой из-за отсутствия у них ширины.

Идея математической феноменологии: Кантор и Гуссерль

В математике принято различать актуальную и потенциальную бесконечность. В первом случае вводится понятие бесконечной совокупности как действительного объекта, а во втором случае просто фиксируется факт, что процесс деления не может быть завершен. Оба эти случая составляют известный парадокс о конечной величине, состоящей из бесконечного числа точек, а значит, величины уже не имеющей. Стремясь его исключить или нейтрализовать, математики предпочитают говорить о потенциальной бесконечности, т.е. только о возможности увеличивать или уменьшать данную величину.

Указанное обстоятельство стало предметом многочисленных математических рефлексий. Появилась необходимость строго обосновать принципы и основные приемы, которыми по обыкновению пользуются математики, в особенности это касалось метода бесконечно малых и теории пределов. Например, по мнению Жозефа Лагранжа, естественнее и проще было бы рассматривать непосредственное развитие исчисления функций без применения «метафизической» системы бесконечно малых или пределов: дифференциальное исчисление следует привести к чисто алгебраическому началу (*origine purement algébrique*) [Lagrange J.L., 1884, p. 9]. Такое направление ума во многом способствовало дальнейшему построению строгой математической теории на основе четкого определения понятия предела функции, данного Бернардом Больцано и Огюстеном Коши, и осознанию действительной роли этого понятия в анализе.

Формирование идеи математической феноменологии во многом обязано тем процессам, которые происходили во второй половине XIX в. Подробнее этот вопрос рассмотрен в следующей работе: [Phenomenology and Mathematics, 2010]. Эти процессы складывались порой из противоположных тенденций, начало которым было положено Карлом Вейерштрассом и Леопольдом Кронекером и привело к противостоянию *finitum contra infinitum*. К счастью, за острыми теоретическими разногласиями вызревала насущная практическая задача — наладить общение между учеными и научными школами. В 1891 г. усилиями Георга Кантора был основан «Союз германских математиков», а через несколько лет организован первый международный математический конгресс в Цюрихе. Кронекер, учитель и непримиримый оппонент Кантора, в своем письме к нему занял вполне конструктивную позицию и объяснил, чего можно ожидать от союза математиков: его главная цель в том, чтобы «содействовать личностному общению в научной сфере» [Kronecker L., 1930, S. 498]. Идея объединения усилий математиков уже давно витала в воздухе. По сути, математика перестала быть единой наукой, а сами ученые постепенно становились высококлассными специалистами в узких областях.

Релятивистская тенденция характерна не только для математики, но и для всех современных наук, включая логику и философию. Осознание опасности захлестнувшей волны релятивизма и неудержимой фрагментации научного знания породило вполне естественное стремление построить универсальные системы, которые способны были бы обеспечить единство научных достижений и их согласованность. Историческими примерами универсального математического подхода могут служить школа Чебышева, «Эрлангенская программа», теория групп Ли, интуиции Пуанкаре, теория множеств.

Предполагая, что читатель знаком с теорией множеств, напомним только, что ее появление и развитие сопровождалось возникновением различных парадоксов, которые имеют древние корни. Сам Кантор формулировал определенные затруднения в своей теории, он считал абсурдом существование множества, состоящего из всех порядковых чисел, что предопределяло его изоморфность одному из своих отрезков (парадокс Бурали–Форти). Он обратил внимание также на то, что кардинальные числа не могут образовать множество, что нельзя утверждать равнозначность множества своему подмножеству, не впадая в явное противоречие. Другим примером является парадокс «Лжеца», принадлежащий, по сообщениям греческих доксографов, критскому философу Эпимениду, который утверждал, что *все критяне — лжецы*. Весьма близок к такому рассуждению и знаменитый парадокс Бертрана Рассела, более известный в своей популярной версии про деревенского брадобрея, который брил в своей деревне только тех жителей, которые не брились сами.

Вскоре возникли новые парадоксы. С целью преодоления этих затруднений Эрнст Цермело в своем исследовании по теории множеств [Zermelo E., 1904] предложил ограничить задачу, составив список основных аксиом, в рамках которых должно строиться теоретико-множественное рассуждение. Но оказалось, что и в этой системе имеется своя «ахиллесова пята» в виде аксиомы выбора, которая породила многочисленные споры среди логиков и математиков по поводу ее познавательной ценности. Потребовался пересмотр основ классической математики в рамках «финитной» уста-

новки Давида Гильберта. Сущность данного подхода сводилась к тому, чтобы создать формальную и непротиворечивую аксиоматическую теорию, стратегические линии которой пролегли бы в следующих направлениях: разработка аксиоматического метода на базе геометрии, сведение величин к числам или числовым множествам, оперирование с бесконечностью только посредством конечных величин.

Напротив, Кантор сосредоточил внимание на теории упорядоченных множеств и на топологических свойствах пространств. Эти разделы его работ в дальнейшем положили начало общей топологии и теории меры. Были также предприняты исследования кардинальных чисел и сформулирована «континуум-гипотеза».

Философский вопрос о возможности актуально бесконечного числа Кантор решает в рамках критического анализа лекций Коши [Cantor G., 1886]. В этой работе, по крайней мере, в двух главных пунктах, терминология Кантора созвучна феноменологическим дескрипциям Эдмунда Гуссерля. Во-первых, потенциальное бесконечное имеет смысл только как вспомогательное представление (*in synkategorematischen Sinne*). Во-вторых, *horror infiniti*, или некритическое отрицание актуально бесконечного, Кантор связывает с близорукостью, которая не дает нам «возможности видеть». Для историка философии здесь также очевидны точки соприкосновения между Кантором и Гуссерлем в анализе сочинений Р. Декарта, Г. Лейбница, И. Канта, И. Гербарта и Р. Лотце.

Влияние Кантора на становление математической феноменологии Гуссерля особенно ощутимо обнаруживается в «Философии арифметики», в которой среди прочих интересных тем обсуждается вопрос о бесконечных множествах. Данное рассуждение строится на основе соотносительности математических объектов с нашим сознанием. Например, вопрос о континууме формулируется следующим образом: принадлежит ли континуум с бесконечным множеством точек к содержанию нашего сознания? Иначе говоря, можно ли рассматривать точки континуума в качестве феноменов, которые являются составными частями акта сознания?

Особого подхода требуют представления о бесконечных множествах, посредством которых достигается расширение понятия многообразия и происходит *осознание границ* идеали-

зирующей способности. Дело в том, что понятие «бесконечное множество» имеет несколько разных значений, например, в случае объектов наиболее общих философских понятий или же в результате символического представления неисчерпаемого ряда чисел. Кроме того, бесконечное множество может быть представлено в виде совокупности точек линии. Таким же является понятие бесконечного множества чисел, определяемое как процесс прибавления единицы к любому данному числу без границ и без возвратных движений. Общим моментом указанных значений служит определенное символическое представление о безгранично продолжающемся процессе образования понятия. В результате возникает последовательность, понятийная конструкция самого общего свойства, аналогичная единству членов множества.

Однако к последовательному ряду чисел присоединяется и дополнительное представление о том, что этот ряд может быть расширен до бесконечности, а также мысль о некоем безграничном процессе. Более того, возбуждается естественная склонность представлять бесконечную последовательность в качестве законченного множества (*wirklichen Collection*) [Husserl E., 1891, S. 249]. В логике указанная тенденция обнаруживается на примере *всеобщих суждений*, когда фикция законченности бесконечной совокупности является фактором, который оказывает ощутимое влияние на сам процесс суждения.

Математическая феноменология и формальная логика

В отличие от формальной логики, математическая феноменология имеет известное сходство с арифметикой и геометрией. Наиболее отчетливо математический характер феноменологии проявляется при рассмотрении вопроса о понятии «дефинитное многообразие». Под многообразием понимается идея формы бесконечной предметной области. Указанная идея эквивалентна дефинитной системе аксиом.

Но главное здесь не формальность системы, а ее *полнота*, ибо многообразие включает в себя предельно мыслимую предопределенность, принципиальную определенность всех своих элементов, когда мы естественным образом «сталкиваемся с очень важной проблемой: как можно узнать и как доказать, что некая система

аксиом является дефинитной, полной?» [Sedov Y.G., 2016, p. 136]. В рамках этой проблематики Гуссерль упоминает аксиому полноты Гильберта, считая, что она прокладывает путь математического познания в том же направлении, в каком движется мысль логики, связанная понятием дефинитности. Сходство понятия дефинитности и аксиомы полноты отмечалось Гуссерлем еще в первом томе *Идей* [Гуссерль Э., 2019, с. 217], где всякая дедуктивная дисциплина, основанная на системе аксиом и исчерпывающим образом определяющая многообразие, называется математической дисциплиной.

Зависимость феноменологии от формализованных построений не до конца осмыслена, да и вопрос, собственно, еще не поставлен как следует. Ясно только одно: целью феноменологии в данном контексте является описание математики и различных видов нормативности в ней [Hartimo M., 2012, p. 108]. Феноменология обычно рассматривается как «философия интуиции» и поспешно отделяется от формальной аналитики, которая ориентирована на реальные объекты, принадлежащие естественному миру. Привычная структура объективной ориентации основана на первичном опыте, который может быть трансформирован в объективность более высокого порядка. Причем структуры более высоких уровней преодолевают границы соответствующих сфер присутствия сознания, ибо они образуют устойчивое и тематически связанное поле практических достижений, к которым мы можем вновь и вновь обращаться как к чему-то данному и уже освоенному. На основе этих результатов выстраиваются новые структуры, новые суждения, выводы, доказательства, все то, что именуется объективным разумом. Все это объективное содержание обладает не только текучим наличным бытием. Оно включает в себе бытийный смысл устойчивой, вперед продвигающейся значимости, и даже объективную силу закона, простирающуюся над актуально познающей субъективностью и ее актами.

Формальная логика является базовой теоретической дисциплиной, которая изучает формы мыслей и универсальные законы мышления. Но в ней четко просматривается тенденция обращения к сознанию, к исследованию структур и динамики мысли. Имеются все основания

предполагать, что логика и дескриптивная аналитика сознания определенным образом соотношены друг с другом. Это отношение требует коррелятивного исследования, в котором должны рассматриваться всегда вместе оба аспекта любого феномена: субъективный акт и его объективный референт.

Субъективно-ориентированная «трансцендентальная логика» восходит к латентным формам теоретического разума, с которыми сущностным образом соотносятся соответствующие структуры суждений, доказательств и теорий. Здесь решается вопрос о разуме в его актуальном, живом исполнении, интенциональность которого фиксируется с помощью *эгологического* исследования. Вполне очевидно, что сами доказательства и результаты научных исследований имеют свой первоисточник в доказывающем и конституирующем разуме.

Теоретические образования даны нам не как субъективные акты, но как объекты. Но объективность доказательств и других формальных структур имеет мало общего с внешним опытом. Теоретические конструкции следует представлять не в виде пассивных данностей, а в качестве категориальных объектов в «категориальном опыте». Эти объекты всегда играют роль субстрата, обеспечивающего возможность чистого формализма.

В эгологическом описании понятие «объект» соотносится с понятием «интенциональность». Сознание есть всегда «сознание о чем-то». Это универсальное свойство сознания сохраняет во всякой своей модификации. Все интенциональные переживания соотношены со своими предметами всегда только в определенном модусе. Среди прочих самым фундаментальным является *объективирующий акт*, занимающий привилегированное положение. В нем устанавливается первичная соотношенность с объектом, к нему не примыкает последующий акт — ни воля, ни эмоция, ни оценка. Он просто конституирует отношение, которое служит основанием для всех других типов интенциональных актов.

Дело в том, что когда конституируется значение, *необходимо* устанавливается и отношение к объекту. Но в любом объективирующем акте *всегда* действует двойная конституция: конституция значения и конституция отношения к объекту. Двойственный характер консти-

туции сохраняется и в случае присоединения последующих оценочных или иных суждений, когда, с одной стороны, выступает предметный смысл, а с другой стороны — смысл аксиологический [Montagova K., 2013, S. 245]. Объект конституируется активностью *ego cogito* не только как некий идеальный и самостождественный смысл, не только как нечто имеемое в виду, подразумеваемое или мыслимое, но и как наличное данное, темпорально здесь протяженное. Например, простейший объективирующий акт состоит из целого ряда так называемых частных интенций, к примеру, когда я доказываю теорему или пытаюсь выразить свойства математических конструкций с помощью стрелок и диаграмм на языке теории категорий. Понятно, что такой акт занимает определенный период времени, он длится, он заключает в себе непрерывное изменение мыслимого содержания. Во время этого непрерывного потока частных интенций мое внимание устремлено на тот же самый объект, и получается, что все частные интенции объединяются в синтезе единичного и темпорально протяженного акта, благодаря которому объект конституируется как данный.

Субъективные трансформации формальной логики: Декарт и Гуссерль

Решение любой задачи основывается на определенной работе сознания. Однако в своей деятельности сознание *ego cogito* опирается на «истины разума», логические законы. Синтез логической необходимости и человеческой свободы был впервые осуществлен Декартом, что привело к постановке фундаментальных вопросов об условиях возможности объективного познания. А именно каковы предпосылки познающей субъективности, как нужно понимать ее познавательные способности в их различных функциях созерцания и мышления? И, наконец, как должны действовать эти способности, чтобы познание могло овладеть объективностью в форме действительной истины и науки?

В рассмотрении философских вопросов очень важно сохранить последовательность радикальной позиции, не применять ничего предварительно данного и не позволять ни одной традиции ослеплять нас своим авторитетом. Во всем без исключения мы можем усомниться, но при этом отмена общепринятого тезиса является условной. Мы просто не придаем ему в дан-

ный момент никакой значимости. Тезис, заключенный в скобки, непременно сохраняется, но мы не делаем из него никакого применения. Такая позиция не является всеобщим отрицанием. Требуется устранение только таких предположений, которые еще основательно не проверены или которые в принципе не поддаются никакой проверке и не могут быть доказаны. От всевозможных предрассудков существует надежное средство — научная критика, основывающаяся на прочных принципах, работающая согласно точному методу и содержащая правила для руководства ума. По сути, это было первой попыткой философского обоснования всей математики в контексте решения вопроса о соотношении арифметического исчисления с геометрическими операциями (*le calcul d'Arithmetique se rapporte aux operations de Geometrie*) [Descartes R., 1902, p. 369]. Успеху данного предприятия во многом способствовала удачно выбранная символика, обеспечившая высокую степень общности и простоту изложения материала.

Попытка Декарта трансформировать формальную логику может быть представлена на следующем примере. Рассмотрим знаменитый принцип *cogito, ergo sum*, который был сформулирован в качестве критерия обоснованности истины реального знания. Очевидно, что данный принцип, имея форму вывода, не является силлогистическим рассуждением, но лишь сохраняет его видимость. В одной статье Яакко Хинтикка ввел понятие «экзистенциальной противоречивости» предложений типа *я не существую* [Hintikka J., 1962, p. 15]. Такое предложение бессмысленно, оно попросту разрушает само себя и, тем не менее, оказывается ключевым в обосновании «перформативного» аргумента. Короче говоря, Декарт интуитивно осуществил экзистенциальную противоречивость предложения «я не существую» и, соответственно, экзистенциальную достоверность исходного положения «я существую».

Другим примером трансформации формальной логики может служить феноменология. Попытка картезианского обоснования формальной логики посредством редукции приводит к постановке универсальной проблемы трансцендентальной феноменологии [Husserl E., 1981, S. 204]. В частности, Гуссерль утверждает, что

логика не может быть ограничена статусом чисто формальной дисциплины. Логика исследует деятельность теоретического разума в его объективной и субъективной направленности, причем последняя требует анализа субъективных форм и структур, но они, как правило, остаются вне поля зрения тех, кто целиком занят логическими объективациями и математическими вычислениями. Необходимо привести логические и математические формы к их субъективной очевидности, изменив установку сознания, после чего все объективные формы и категории оказываются соотношенными с конституирующей деятельностью сознания.

Изучение способов данности в сознании разнообразных логических объективаций вовсе не означает, что эти объективации сводятся до уровня простейших психических феноменов. Напротив, феноменологический проект реформирования формальной логики изначально состоял в том, чтобы установить сущностную корреляцию между чистым сознанием и логическими формами [Husserl E., 1981, S. 149]. Производство суждений, доказательств и теорий основано на спонтанной активности сознания в модусе подлинной самости. Способ, каким сознание вырабатывает свои идеальные предметы, Гуссерль именует «первоначальной конституцией» (*ursprüngliche Konstitution*). Такая позиция удобна и позволяет вести разговор о возможных мирах, точнее говоря, об «эйдетических» структурах, содержащихся во всех возможных мирах. По сути, формальная логика также является «трансцендентальной» наукой, в которой чистое сознание осуществляет рефлексивную над своей собственной деятельностью и объективирует себя в системе принципов, включая сюда и декартовский принцип *cogito*. Кроме того, указание на *генетический* характер конституирования позволяет исследовать эйдетическую сторону логических объективаций с точки зрения происхождения этих образований.

Заключение

Формальная логика относится к особому роду наук с естественной установкой. Она занимается выводением и доказательством, являясь дисциплиной демонстративной, а не описательной. Этот недостаток формальной логики может быть устранен только с помощью трансцендентальной логики. Она напрямую обращается к

опыту чистого ego, который представлен в аналитике сознания. С одной стороны, эгологическая аналитика изучает чистые формы и законы человеческого мышления, а с другой — ее интересуют запечатленные в этих чистых формах и законах сами процессы мышления. Постепенное смещение формальной логической проблематики к анализу сознания и его эйдетических структур и далее к формулировке «идеи эгологии», в действительности, подготавливает радикальное переосмысление сущности самой логики, переосмысление, заявленное не *hic et nunc*, а долго вынашиваемое предшествующими столетиями. Как таковая феноменология тоже вырастает на почве рассудочного осознания двойственного характера логики и сосредотачивает свои усилия поочередно на объективной и на субъективной ее стороне.

Список литературы

- Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Книга первая: Общее введение в чистую феноменологию. 3-е изд. М.: Академ. проект, 2019. 489 с.
- Cajori F. A history of mathematical notations. Vol. II. N.Y.: Cosimo, 2007. 396 p.
- Cantor G. Über die verschiedenen Standpunkte in bezug auf das actuelle Unendliche (Aus einem Schreiben des Verf. an Herrn G. Eneström in Stockholm vom 4. Nov. 1885) // Zeitschrift für Philosophie und philosophische Kritik. 1886. Bd. 88. S. 224–233.
- Descartes R. Oeuvres. T. VI: Discours de la méthode & essays. Publiées par Ch. Adam & P. Tannery. Paris: Leopold Cerf, 1902. 740 p.
- Hartimo M. Husserl's pluralistic phenomenology of mathematics // Philosophia Mathematica. 2012. Vol. 20, iss. 1. P. 86–110. DOI: <https://doi.org/10.1093/phimat/nkr032>
- Hintikka J. Cogito, ergo sum: inference or performance? // The Philosophical Review. 1962. Vol. 72, no. 1. P. 3–32. DOI: <https://doi.org/10.2307/2183678>
- Husserl E. Philosophie der Arithmetik. Psychologische und logische Untersuchungen. Bd. 1. Halle-Saale: C.E.M. Pfeffer (Robert Stricker), 1891. 340 S.
- Husserl E. Formale und transzendente Logik. Versuch einer Kritik der logischen Vernunft. 2. Aufl. Tübingen: Max Niemeyer, 1981. 309 S.
- Kronecker L. Werke. Herausgegeben auf Veranlassung der Königlich preussischen Akademie der Wissenschaften von K. Hensel. Bd. 5. Leipzig: Teubner, 1930. 538 S.

Lagrange J.L. Oeuvres. T. 10: Leçons sur le calcul des fonctions. Publiées par les soins de M.J.-A. Serret. Paris: Gauthier-Villars, 1884. 470 p.

Malet A., Panza M. Wallis on indivisibles // Seventeenth-century indivisibles revisited. Science networks. Historical studies. Vol. 49 / ed. by V. Jullien. Basel: Birkhäuser, 2015. P. 307–346. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-319-00131-9_14

Montagova K. Transzendente Genesis des Bewusstseins und der Erkenntnis // *Phaenomenologica*. Dordrecht: Springer, 2013. Bd. 210. 264 S.

Phenomenology and Mathematics / ed. by M. Hartimo // *Phaenomenologica*. Dordrecht: Springer, 2010. Vol. 195. 243 p.

Sedov Y.G. Remarks concerning the phenomenological foundations of mathematics // *Logicheskie issledovaniya* [Logical investigations]. 2016. Vol. 22, no. 1. P. 136–144. DOI: <https://doi.org/10.21146/2074-1472-2016-22-1-136-144>

Zermelo E. Beweis, das jede Menge wohlgeordnet werden kann (Aus einem an Herrn Hilbert gerichteten Briefe) // *Mathematischen Annalen*. Leipzig: Teubner, 1904. Bd. 59. S. 514–516. DOI: <https://doi.org/10.1007/bf01445300>

Получена: 14.07.2021. Принята к публикации: 29.08.2021

References

Cajori, F. (2007). *A history of mathematical notations. Vol. II*. New York: Cosimo Publ., 396 p.

Cantor, G. (1885) [About the different points of view with regard to the actual infinite (From a letter from the author to Mr. G. Eneström in Stockholm on Nov. 4, 1885)]. *Zeitschrift für Philosophie und philosophische Kritik* [Journal of Philosophy and Philosophical Criticism]. Vol. 88, pp. 224–233.

Descartes, R. (1902). *Oeuvres. T. VI: Discours de la méthode & essays*. Publiées par Ch. Adam & P. Tannery [Works. Vol. 6: Discourse on the method and essays, Published by Ch. Adam & P. Tannery]. Paris: Leopold Cerf Publ., 740 p.

Hartimo, M. (ed.) (2010). *Phenomenology and mathematics*. *Phaenomenologica*. Dordrecht: Springer Publ., vol. 195, 243 p. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-90-481-3729-9>

Hartimo, M. (2012). Husserl's pluralistic phenomenology of mathematics. *Philosophia Mathematica*. Vol. 20, iss. 1, pp. 86–110. DOI: <https://doi.org/10.1093/philmat/nkr032>

Hintikka, J. (1962). Cogito, ergo sum: inference or performance? *The Philosophical Review*. Vol. 72,

no. 1, pp. 3–32. DOI: <https://doi.org/10.2307/2183678>

Husserl, E. (1891). *Philosophie der Arithmetik. Psychologische und logische Untersuchungen. Bd. 1* [Philosophy of arithmetic. Psychological and logical investigations. Vol. 1]. Halle-Saale: C.E.M. Pfeffer (Robert Stricker) Publ., 340 p.

Husserl, E. (1981). *Formale und transzendente Logik. Versuch einer Kritik der logischen Vernunft* [Formal and transcendental logic. Attempt a critique of logical reason]. 2nd ed. Tübingen: Max Niemeyer Publ., 309 p.

Husserl, E. (2019). *Idei k chistoy fenomenologii i fenomenologicheskoy filosofii. Kniga pervaya: Obshchee vvedenie v chistuyu fenomenologiyu* [Ideas for pure phenomenology and phenomenological philosophy. Book one: A general introduction to pure phenomenology]. 3rd ed. Moscow: Akademicheskii Proekt Publ., 489 p.

Kronecker, L. (1930). *Werke. Herausgegeben auf Veranlassung der preussischen Akademie der Wissenschaften von K. Hensel. Bd. 5* [Works. Published by K. Hensel at the instigation of the Prussian Academy of Sciences. Vol. 5]. Leipzig: Teubner Publ., 538 p.

Lagrange, J.L. (1884). *Oeuvres. T. 10: Leçons sur le calcul des fonctions*. Publiées par les soins de M.J.-A. Serret [Works. Vol. 10: Lessons on the calculation of functions. Published by M.J.-A. Serret]. Paris: Gauthier-Villars Publ., 470 p.

Malet, A. and Panza, M. (2015). Wallis on indivisibles. *Seventeenth-century Indivisibles Revisited. Science Networks. Historical Studies*. Vol. 49. Basel: Birkhäuser Publ., pp. 307–346. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-319-00131-9_14

Montagova, K. (2013). [Transcendental genesis of consciousness and knowledge]. *Phaenomenologica*. Dordrecht: Springer Publ., vol. 210, 264 p.

Sedov, Yu.G. (2016). Remarks concerning the phenomenological foundations of mathematics. *Logicheskie issledovaniya* [Logical Investigations]. Vol. 22, no. 1, pp. 136–144. DOI: <https://doi.org/10.21146/2074-1472-2016-22-1-136-144>

Zermelo, E. (1904). [Proof that any amount can be well arranged (from a letter addressed to Mr. Hilbert)]. *Mathematischen Annalen* [Mathematical annals]. Leipzig: Teubner Publ., vol. 59, pp. 514–516. DOI: <https://doi.org/10.1007/bf01445300>

Received: 14.07.2021. Accepted: 29.08.2021

Об авторе

Седов Юрий Григорьевич

кандидат философских наук,
доцент кафедры управления социальными
и экономическими процессами

Государственный институт экономики,
финансов, права и технологий,
188300, Гатчина, ул. Рощинская, 5;
e-mail: yuriy-sedov@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4212-7555>

About the author

Yuri G. Sedov

Candidate of Philosophy,
Associate Professor of the Department
of Social and Economical Management

The State Institute of Economics, Finances,
Law and Technologies,
5, Roshchinskaya st., Gatchina, 188300, Russia;
e-mail: yuriy-sedov@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4212-7555>

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Седов Ю.Г. Формирование идеи математической феноменологии в философии Эдмунда Гуссерля // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2021. Вып. 4. С. 541–549.

DOI: 10.17072/2078-7898/2021-4-541-549

For citation:

Sedov Yu.G. [Formation of the idea of mathematical phenomenology in Edmund Husserl's philosophy]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologia. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2021, issue 4, pp. 541–549 (in Russian). DOI: 10.17072/2078-7898/2021-4-541-549

УДК 141.39(091)

DOI: 10.17072/2078-7898/2021-4-550-560

РИМСКИЕ СТОИКИ И ЯПОНСКИЕ САМУРАИ ОБ ЭКЗИСТЕНЦИАЛАХ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО БЫТИЯ

Биричева Екатерина Вячеславовна

Институт философии и права УрО РАН (Екатеринбург)

Статья посвящена компаративному исследованию позиций античных стоиков и средневековых самураев по вопросу «как быть?», которым человек действительно задается в условиях размытости ориентиров. Такие условия могут возникать в различном социокультурном контексте и во многом характерны для глобализующейся современности. Опыт осмысления вопроса о самоосуществлении человека в «поворотные времена», безусловно, имел место не только в западноевропейской традиции I–II вв., но и в восточноазиатской XVI–XVII столетий. Тем не менее сегодня вновь актуальны найденные в этих, казалось бы, несопоставимых культурно-исторических локальностях единые основания человеческого бытия. Цель статьи — анализ условий концептуализации данных идей римскими стоиками и японскими самураями, сходств и различий в их трактовке судьбы, свободы, смерти, борьбы, реальности и времени. Методологически исследование построено на материале историко-философского и экзистенциально-герменевтического анализа трактатов Луция Аннея Сенеки, Марка Аврелия Антонина, Юдзана Дайдодзи, Ямамото Цунэтомо и Миямото Мусаси. Основным концептуальным результатом является положение о том, что в условиях плюрализма и потери оснований дезориентированный человек ищет опору в себе и реализует «мужество быть» путем предельной решимости принятия реальности во всей ее полноте и парадоксальности, включающей смерть, непредсказуемость судьбы, неясность вектора развития. Практика «борьбы с собой» и не-выбора из противоположных позиций и ценностей обеспечивает выход к золотой середине «своего-собственного», что позволяет максимально исполниться, обретая надежное основание в своем способе бытия для подлинного участия свободным поступком в «текучей» реальности. Научная новизна работы заключается не только в выявленном впервые сходстве экзистенциальных оснований стоицизма и бусидо, но и в обращении внимания на постановку аналогичных смысложизненных вопросов, ответы на которые актуализируются для современного человека, обнаруживающего себя в подобной ситуации безосновности, плюрализма и неясности происходящих вокруг трансформаций.

Ключевые слова: стоицизм, Сенека, Марк Аврелий, самурай, бусидо, борьба, смерть, судьба, реальность, кризис оснований, способ бытия.

ROMAN STOICS AND JAPANESE SAMURAI ON THE EXISTENTIALS OF HUMAN BEING

Ekaterina V. Biricheva

Institute for Philosophy and Law, Ural Branch, Russian Academy of Sciences (Ekaterinburg)

The article represents a comparative study of the positions of the ancient Stoics and medieval samurai on the question «how to be?» in the conditions of blurred landmarks. Such conditions may arise within diverse socio-cultural contexts and seem to be the features of the contemporary globalization. The experience of comprehending the issue of human self-realization at the turning points of history undoubtedly took place not only in the Western European tradition of the 1st-2nd centuries and in the East Asian tradition of the 16th-17th centuries. Nevertheless, the unite grounds of human being found in these seemingly disparate cultural and historical localities are again relevant today. The purpose of the article is to analyze

the conditions of the conceptualization of these ideas by the Roman Stoics and Japanese samurai, and to demonstrate the similarities and differences in their interpretation of fate, freedom, death, struggle, reality, and time. Methodologically, the research is based on the material of the historical-philosophical and existential-hermeneutic analysis of the treatises of Lucius Annei Seneca, Marcus Aurelius Antonin, Yuzan Daidodzi, Yamamoto Tsunetomo, and Miyamoto Musashi. The main conceptual result may be given in the following idea. Under the conditions of pluralism and groundlessness, a disoriented person seeks for support in him-/herself and realizes the «courage to be» through the ultimate determination to accept reality in its entirety and paradoxicality, including death, unpredictability of fate, and uncertainty of the further development path. The practice of «inner struggle» and non-choice between opposite positions and values appears to provide an escape to the golden mean of «the own», which allows self-realization to the maximum extent possible and gaining of a reliable ground in one's own way of being for genuine participation in the «fluid» reality by a free act. The study is novel not only in that it is the first to reveal similarity of the existential grounds of stoicism and bushido, but also in that it pays attention to the turning periods in history during which, regardless of cultural affiliation, similar life-meaning questions arise. The answers found appear to be essential for a contemporary person, who finds themselves in the same situation of groundlessness, pluralism, and ambiguity of the transformations taking place around.

Keywords: stoicism, Seneca, Marcus Aurelius, samurai, bushido, struggle, death, fate, reality, crisis of grounds, way of being.

Введение

На первый взгляд сложно найти более непохожие друг на друга культурно-исторические локальности, чем Древний Рим в период ранней империи и Япония в период Эдо. География завоеваний римских легионов контрастирует с закрытостью политики самоизоляции сёгуната Токугавы, как дух гражданского права — с предпочтением решать личные споры вне официального суда. Однако при более детальном сопоставлении выявляется множество сходств, позволяющих рассматривать историческую «симметричность» условий, в которых независимо друг от друга римские стоики и японские самураи концептуализировали синонимичные экзистенциалы человеческого бытия. Безусловно, в научной литературе не раз проводились параллели между юго-восточноазиатской и западноевропейской культурами в целом и между взглядами их воинских элит в частности (см., напр.: [Давыдов А.И., 2014; Николаева И.Ю., Серкова О.А., 2012; Леонтьева Н.С., 2012]). Новизна же данного компаративного исследования заключается не только в сравнении базовых идей стоицизма и бусидо, но и в попытке проследить, каким образом самоощущение человека в динамично трансформирующейся реальности влияет на поиск и формулирование онтологических оснований его места и роли в мире, на понимание специфики собственного бытия и ценностно-этических ориентиров. Следовательно, актуальность работы заключается в том, что

данный круг вопросов оказывается экзистенциально значимым для современного человека, а ответы — востребованными в глобализующемся мире представителями различных культур.

С методологической точки зрения интересно рассмотреть культурно-исторические параллели обозначенных философских учений с позиции экзистенциальных оснований, поиск которых для новых условий происходит в личностно переживаемых конкретными людьми (авторами трактатов) актах. Для достижения данной цели наиболее продуктивным представляется экзистенциально-герменевтический подход, применяемый к историческому анализу «онтологике» культуры такими зарубежными мыслителями, как, например, Х. Ортега-и-Гассет [Ортега-и-Гассет Х., 1991] и П. Тиллих [Тиллих П., 2011], и такими отечественными философами, как, например, В.С. Библер [Библер В.С., 1991] и А.В. Ахутин [Ахутин А.В., 2005]. Методология, практикуемая этими авторами, предполагает разбор фундаментальных мировоззренческих оснований эпохи в контексте ее социально-исторических и культурно-идеологических условий, а также обращение к этимологии и герменевтический анализ базовых философских категорий, используемых мыслителями в своих текстах [Гадамер Г.-Г., 1991]. Очевидно, что для различных культур характерно различное содержательное наполнение данных оснований, которые также исторически трансформируются, когда «старое» мировоззрение обесмысливается для массово-

го сознания в изменившихся условиях. Представляется, что в случаях становления ранней Римской империи и начала правления клана Токугавы в Японии в период Эдо мы как раз имеем дело с «переходными» этапами. В их рамках на фоне укрепления новых социально-политических режимов происходит поиск ответов на экзистенциально значимые в нестабильных условиях вопросы смысла человеческого бытия, в культурно-исторический контекст осмысления которых необходимо прежде всего погрузиться.

1. Поворотные времена

В первые века н.э. в Римской империи складывается особая форма государственного устройства, принципат, сочетающий республиканские и монархические черты, но по сути тяготеющий к военной монархии. Борьба династий за власть сопровождается социальной нестабильностью и гражданскими войнами; активно формируется система римского, в частности публичного, права; под началом римской государственности объединяются все новые и новые земли. В условиях бурных социально-политических перемен и начинающегося кризиса античного мировоззрения распространяется христианство, исповедание которого преследуется официальной властью. Япония раннего Нового времени переживает подобные социально-политические трансформации: к концу XVI в. после междоусобиц и гражданских войн страна окончательно объединяется, устраняя независимые родовые государства провинциальных властителей. За счет посещения европейцами японская культура обогащается новыми веяниями в искусстве и образе жизни, знакомится с христианством. Наблюдается централизация власти, которая реально сосредотачивается в руках сёгуна, военного главнокомандующего, формально назначаемого императором (фактически же титул был наследственно-родовым). Сёгунат клана Токугава с начала XVII в. устанавливает новую систему управления страной, должностную бюрократическую иерархию и социальную структуру сословного типа, закрываясь в итоге от иностранцев (в том числе — вследствие христианских восстаний, которые удалось подавить).

Таким образом, среди основных сходств ранней Римской империи и периода Эдо в Японии

можно отметить: формирование замысла новой эпохи, новой формы правления и организации общества; формулирование новых законов и формирование разветвленного бюрократического аппарата; централизация и военный характер власти, в связи с чем социальной элитой становятся воины, образ жизни и задачи которых должны были обрести концептуализацию в особых ценностно-этических учениях; развитие наук и искусств, школ и престижного образования для высших слоев общества; борьба с неудобными религиозными общинами, в обоих случаях — с христианскими; влияние мощной сторонней культурной традиции (для Римской империи это Греция, для Японии — Китай), заимствования из которой наблюдаются практически во всех сферах деятельности. Такие внешние по отношению к индивиду условия, как вооруженные конфликты, физическое наказание, социально-политическая неопределенность новых становящихся порядков, экономические риски, болезни, стихийные бедствия т.д., обеспечивали первостепенную значимость проблематики судьбы и свободы и способствовали формированию особого отношения к смерти и самоубийству. В окружающей неясности вектора общественного развития и объективных опасностей человек обнаруживает, что в своем понимании действительности, в своих поступках и суждениях опереться вовне не на что. Естественной тогда искать опору в себе, поэтому настоятельнее всего в поворотные времена человек задается вопросом о смысле своего бытия, о своих месте и роли в мире.

В периоды реорганизации общества в мировоззрении каждого человека — рефлексировано или нет — возникают конфликты «старого» и «нового», которые нередко выливаются в противостояние различных групп. «Старые традиции умирают на глазах» [Цунэтомо Я., 2018, с. 93], перестают «работать» в изменившихся условиях, и нарождаются новые поколения людей, уже не разделяющих «живую веру» в декларируемые ценности и ориентиры [Ортега-и-Гассет Х., 1991, с. 194; Шумской А.В., 2019]. Однако массовые стычки и «внешние» меры по их пресечению мало способны разрешить парадокс, переживаемый каждым индивидом во «внутреннем» измерении [Biricheva E.V., 2019]. Для преодоления такой экзистенциально за-

труднительной ситуации необходимо обрести предельное мужество «подвесить себя над бездной», чтобы поставить под вопрос «старые» и проверить на прочность «новые» основания. В современной ситуации человек также нередко обнаруживает неопределенность вектора окружающих трансформаций, отсутствие веры в навязываемый образ жизни и необеспеченность собственной роли в социальном бытии. XX – начало XXI в. не прекращают будоражить острые многомерные конфликты и экономические кризисы, несмотря на успехи науки, распространяются болезни, возникают подобные античным римским и феодальным японским ситуации столкновения культур (например, проблема мигрантов в Европе), переосмысляются религиозные системы и будущее человечества.

Однако циничное отношение к этой непонятной реальности обнаруживает свою непродуктивность, поскольку означает добровольное сужение видения и автоматический отказ от попыток осмысления того, что же в действительности происходит (со мной, с обществом, с миром). В таком случае невозможным оказывается и участие от своего имени в этой «текучей» реальности: человеком будут управлять те, кто понимает и всерьез принимает положение дел. Вместе с тем выбор определенного приоритета как единственно правильного — будь то рациональность, практическая полезность или, например, стабильность — ненадежен. Во-первых, в условиях плюрализма истинность решения всегда может быть поставлена под вопрос противоположной позицией, претендующей на равные права. Во-вторых, чисто логически искусственный выбор одного «полюса» уводит от полноты реальности, которая всегда шире, богаче и парадоксальнее любой фиксации, а игнорирование каких-то ее сторон не означает прекращения их влияния [Бакеева Е.В., 2009]. В подобных условиях социальной неопределенности особенно остро чувствуется разрыв между реальностью и тем, что люди о ней себе представляют, — настолько, что все вокруг становится похожим на кукольное представление, иллюзию [Марк Аврелий, 1985, с. 36; Цунэтомо Я., 2018, с. 85, 203] или сон, от которого необходимо проснуться к истинному бытию [Цунэтомо Я., 2018, с. 90, 137, 141].

2. Стратегия принятия и свобода «своего-собственного»

Остается трудная, но, пожалуй, единственно продуктивная «стратегия» не-бегства от того, что действительно есть. А «дано», на первый взгляд, лишь негативное — текучесть, непонятность, необеспеченность. Акт решимости остаться без опоры требует глубокой философской работы прежде всего с фундаментальными категориями бытия и небытия, жизни и смерти, судьбы и свободы. Как замечает Пауль Тиллих, в таких условиях правовой, религиозной, социальной — вплоть до физической (онтической) — необеспеченности своего бытия в основе мироощущения человека господствует страх судьбы и смерти [Тиллих П., 2011, с. 53–58, 72–74]. Иметь с ним дело тяжело, поскольку он предполагает постановку себя под вопрос, предельный экзистенциальный риск, который переживается лично и неотчуждаем в сфере манипулирования «внешними» объектами или не затрагивающими индивида абстракциями. Человек чувствует, что он может быть сколь угодно добродетельным, чтящим сложившиеся в обществе обычаи, образованным, талантливым, выбравшим «правильную» социальную группу/партию и даже статусным (имеющим почетное звание, занимающим почетную должность и т.д.), однако все это едва ли поможет ему перед лицом непредсказуемой случайности [Сенека Л.А., 2001, с. 25, 37; Дайдодзи Ю., 2018, с. 46; Цунэтомо Я., 2018, с. 112, 135]. Истинность составленных представлений о действительности обнаруживает свою шаткость — и безразличная судьба способна в любой момент разразиться бедствиями, свести с опасными или недобросовестными людьми, обмануть социально-политической иллюзией, принести лишения, несправедливые обвинения, болезни, смерть. Собственно, бессмысленным тогда кажется соответствовать универсальным добродетелям, равно как и пытаться заполучить богатства, высокий социальный статус или признание. В условиях экзистенциальной дезориентированности все это само по себе не может обеспечить надежных оснований, оправдывающих жизнь. «Вздор все это, — подытоживает император Марк Аврелий Антонин. — Так что же тогда есть такого, ради чего стоит усердствовать?» [Марк Аврелий, 1985, с. 21]. Что по-настоящему значимо? Как понять

действительность? На что опереться? Как быть перед угрозами судьбы и смерти? Что делать, чтобы продуктивно участвовать в непредсказуемом динамично трансформирующемся бытии?

Безусловно, для пропускающего через себя подобные вопросы речь здесь идет не о жизни самой по себе, не о простом продлении существования или имитации благополучия согласно социальным стереотипам о счастье. Выдающийся политик своей эпохи Луций Анней Сенека сокрушается о том, сколько времени своих жизней его современники тратят впустую, стремясь к насыщению телесному и имущественному, в очередях обивая пороги патронатов, споря и суетясь или вовсе не зная, чем себя занять [Сенека Л.А., 2001, с. 41–48, 58, 60], и при этом «так долго бояться того, что происходит так быстро» [Сенека Л.А., 2001, с. 102]. Ему вторит переживший правление шести сёгунов рёнин Юдзан Дайдодзи, изобличая недостойную растрату жизни на излишества, бесполезные разговоры, лень, утехи в вине и женщинах [Дайдодзи Ю., 2018, с. 12–13, 25, 61]. Человека может по-настоящему интересовать только подлинное бытие, достойная жизнь, характеризующаяся полнотой. Однако для многих происходит срыв, поскольку полнота, как она есть, страшна: в природу входит как прекрасное, так и безобразное, в обществе совершается как доброе, так и злое, а естественным законом жизни является смерть. Быть в полноте, видя реальность, как она есть, следовательно, означает включить в свой горизонт и иметь дело даже с самым страшным и нежелательным. Смерть является воплощением этого негативного «полюса», но есть и грозящие небытием «вещи», которые страшнее смерти. Бессмысленность, неподлинность своего существования, необеспеченность, бесполезность, вина и осуждение и т.д. также требуют решимости иметь с ними дело. С такого предельного мужества принятия реальности во всей полноте и парадоксальности берут свое начало стоицизм и бусидо. Общая для этих учений основополагающая метафора «жить так, словно уже умер» [Дайдодзи Ю., 2018, с. 11; Цунэтомо Я., 2018, с. 76, 93; Мусаси М., 2018, с. 251; Сенека Л.А., 2001, с. 53; Марк Аврелий, 1985, с. 9–10, 41–42] имеет огромную освобождающую силу. Хотя, например, Учитель Дзёто полагает, что в действительности ей соответствовать способен

лишь «один из тысячи» [Цунэтомо Я., 2018, с. 78], ведь «каждый норовит избежать работы, которая требует приложения усилий» [Цунэтомо Я., 2018, с. 83]. Поэтому же Сенека уверен, что, ища подлинность жизни, нельзя следовать за «общественным мнением» большинства [Сенека Л.А., 2001, с. 13–14]. Несмотря на труд, усилия применения этой формулы по отношению к себе, она дарует независимость от всего (как внешнего, так и внутреннего): живущий, словно уже умер, человек не нуждается ни в чем, не спешит и не суетится, не зависит от еды и телесного комфорта, не привязывается даже к самым дорогим во всех смыслах вещам, людям, местам, воспоминаниям, планам и т.д. [Сенека Л.А., 2001, с. 66–85; Марк Аврелий, 1985, с. 29; Дайдодзи Ю., 2018, с. 53–54]. Но такая свобода — ни произвол, ни отрешенность от жизни.

Этимологически «свобода» одно со «своим-собственным» — не в более узком смысле «моего», «частной собственности», а в широком: «чья» мы «собственность», чему мы принадлежим [Бибихин В.В., 2012, с. 102]. «Самое самó» [Платон, 1990, с. 256] (в оригинале 129b: *αὐτὸ τὸ αὐτό*) через каждого «течет» уникальным способом — и соответствие своему способу быть для конечного (во времени и пространстве) существа как раз означает максимально возможную полноту, интенсивное исполнение, самореализацию. Сложнейший путь «Узнай себя» (*Γνωθι σεαυτόν*) приводит к пониманию, что «я» — не мои вещи, тело, переживания или представления, а уникальный способ быть, следовательно, принципиально свободный от всего иного и способный на полноту в «своем месте». Попытки достичь полноту экстенсивно, за счет чужого (завладения, уничтожения или бытия не своим способом) обречены на провал, поскольку уводят от единственно подлинного источника полноты — своего-собственного. Здесь свобода совпадает, с одной стороны, со справедливостью, сократовское определение которой «заниматься своим делом и не вмешиваться в чужие» [Платон, 2007, с. 242] разделяют наши авторы [Марк Аврелий, 1985, с. 5–6, 18, 31; Цунэтомо Я., 2018, с. 205, 231], а с другой — с призванием (Путем). Последнее не означает определенного содержания в смысле профессиональной деятельности. Так, создатели бусидо подчеркивают, что самурай — не профессия, не

занятие, не строго закрепленный титул, но образ всей жизни, способ поступать и относиться к миру. Более того, как советует легендарный стратег Миямото Мусаси, следует «изучать Пути всех профессий» [Мусаси М., 2018, с. 265].

Противоречие своего и другого здесь кажущееся, поскольку «свое» — не содержание, которое всегда ограничено, а способ имени дела с любым содержанием. Тогда можно «слушать проповеди о других Пути, но при этом с каждым днем все больше постигать свой собственный» [Цунэтомо Я., 2018, с. 109]. Даже если человек реализует свои способности в любимом занятии, будь то врачевание, изготовление обуви, живопись и т.д., то в его жизни остается время, когда его отвлекают или нужно переключиться на что-то иное (в т.ч. на отдых). Следовательно, он не будет полностью, все время своей жизни счастлив «своим-собственным», если понимает его содержательно. Напротив, призвание, понятое в смысле *способа бытия*, предполагает реализацию своих *способностей* в любом деле. Так, быть «воином по способу бытия» означает необязательно участвовать в боевых действиях или владеть боевыми искусствами, но, прежде всего, — бороться с собой [Цунэтомо Я., 2018, с. 86, 159; Марк Аврелий, 1985, с. 12, 41]: стоять на страже собственных положительных качеств, не давая выхода негативной энергии в той или иной жизненной ситуации; непрестанно тренировать свою волю; одолевая в себе непродуктивные страхи и желания; мужественно иметь дело с трудностями, проводя работу над собой и не привязываясь к конкретным содержаниям; прояснять для себя окружающую действительность против рассеивающих тенденций сосредоточиваясь на том, что непосредственно здесь и теперь; знать, когда и какое «внутреннее оружие» применить по отношению к себе, чтобы расти над собой, самосовершенствоваться и приносить пользу окружающим, независимо от того, в чем содержательно эта помощь заключается. Понимая в таком же смысле единственную продуктивную «стратегию» самоосуществления человека, «Плотин, поздний, сравнивает положение человека в мире с положением попавшего в середину боя, *уйти* из этой свалки просто уже невозможно, ничего не получится, а остается только выбор, один, сражаться во всю силу или вяло» [Бибихин В.В., 2009, с. 425–

426]. В связи с этим важно постоянно учиться, быть открытым новому, каждый день анализировать свой опыт и стараться становиться лучше [Сенека Л.А., 2001, с. 58, 174; Цунэтомо Я., 2018, с. 86, 91; Мусаси М., 2018, с. 284] — не для кого-то или чего-то, не в качестве соревнования, но ради того, чтобы на любом материале смочь осуществить свой способ быть, взяв свою «максимальную амплитуду» [Делёз Ж., 1997, с. 129–130].

3. Экзистенциалы «воина по способу бытия»

Безусловно поэтому, для свободы как открытости и становления своим способом значимым оказывается Другой, подлинным отношением к которому может быть только *φιλία* (любовь, дружба, принятие). Во-первых, никто вовне не может по-настоящему быть врагом, ни от чьего мнения принципиально нельзя стать зависимым по доброй воле: Другой никоим образом не может помешать в самоосуществлении тому, кто «знает свое», поскольку он также ограничен своим способом бытия (онтологической невозможностью переживать, видеть за Другого его способом) [Сенека Л.А., 2001, с. 71; Марк Аврелий, 1985, с. 9, 14, 18, 28]. Во-вторых, «тот, кто видит со стороны, смотрит восемью глазами» [Цунэтомо Я., 2018, с. 85], т.е. может открыть новое, полезное, то, что не видится со своей точки зрения. Так, даже если другие неправы, нужно относиться к ним с уважением, пониманием, человеколюбием, прощать их [Марк Аврелий, 1985, с. 9, 14; Цунэтомо Я., 2018, с. 80–81], а если правы — прислушиваться и от каждого брать самое лучшее (создать себе идеал из хороших качеств других и следовать ему) [Марк Аврелий, 1985, с. 5–8, 35; Цунэтомо Я., 2018, с. 94]. Свобода способа бытия, решающаяся на весь размах между поллюсами-противоположностями, требует непрестанной борьбы с собой — как со страхом небытия, так и со своими непродуктивными желаниями, надеждами, иллюзиями, уводящими от полноты. Главные «враги» тогда не вовне, а внутри. Не научившись побеждать такие свои пороки, как вождление (в т.ч. неуправляемый гнев и зависть), жажду наживы и имущества, высокомерие и гордыню, действия из личных интересов и выгод, лень [Сенека Л.А., 2001, с. 20, 103; Марк Аврелий, 1985, с. 10, 12, 15; Дайдодзи Ю., 2018, с. 61; Цунэтомо Я., 2018, с. 77–79, 94, 103–104, 115, 124, 128–129, 138],

вряд ли человек сможет противостоять превратностям судьбы или другим людям [Цунэтомо Я., 2018, с. 216]. Эти негативные черты можно также пересилить упором на противоположное, взрачивая в себе, постоянно практикуя добродетели, главные из которых — рассудительность, искренность, мужество, верность, внимательность (ко всему, в т.ч. к деталям, мелочам), сострадание, самообладание, умение терпеть страдания, целеустремленность [Сенека Л.А., 2001, с. 15–16, 34, 64, 74, 140; Марк Аврелий, 1985, с. 5–8, 10, 15, 25; Дайдодзи Ю., 2018, с. 24; Цунэтомо Я., 2018, с. 80, 84, 91–92, 115–116, 119, 125, 139, 155, 203, 233]. Однако полнота предполагает не смесь противоположностей, но удерживающую баланс между ними «золотую середину» [Сенека Л.А., 2001, с. 30, 96; Марк Аврелий, 1985, с. 38–39; Цунэтомо Я., 2018, с. 89–90, 110]. Поэтому важно «не стараться всегда быть праведным» [Цунэтомо Я., 2018, с. 85], но думать только о Пути [Мусаси М., 2018, с. 308], для чего нужно «научиться умело отходить от нормы» [Цунэтомо Я., 2018, с. 102] и, не имея предпочтений к определенным чертам, стилям, характеристикам, поступать сообразно текущему моменту [Марк Аврелий, 1985, с. 41; Цунэтомо Я., 2018, с. 111; Мусаси М., 2018, с. 261, 264].

Полнота бытия означает не только предельный охват возможного, но и — самое главное — присутствие при сути происходящего в действительности. Реальное-подлинное-настоящее может быть достигнуто концентрацией на том, что «здесь и теперь». «Нет ничего за пределами текущего мгновения» [Цунэтомо Я., 2018, с. 92]: прошлого уже нет, можно только извлечь из него опыт, но держаться за него и копаться в нем бессмысленно; будущего еще нет, сколько бы мы ни строили планов и ни предполагали, практически все во власти непредсказуемой судьбы. И поскольку «вся жизнь человека есть последовательность мгновений» [Цунэтомо Я., 2018, с. 127], «каждый жив только в настоящем мгновении» [Марк Аврелий, 1985, с. 15]. Если мы полностью собрали себя в настоящем, нам нечего терять и не о чем беспокоиться, если пребываем в готовности чувствовать, когда и что «пора» [Цунэтомо Я., 2018, с. 131], и поступать сообразно реальности. Проходя тот же Путь преодоления страха небытия, в XX в. не менее великий «воин по спо-

субу бытия» Людвиг Витгенштейн, среди своих мощнейших афоризмов напишет: «Вечно живет тот, кто живет в настоящем» [Витгенштейн Л., 1921, п. 6.4311]. Пребывание «здесь и теперь» единогласно связывается со вниманием (у Марка Аврелия и Ямамото Цунэтомо об этом чуть ли не на каждой странице): в присутствии при сути происходящего человек превращается в чуткое видение того, что есть. Такое видение противоположно ведению как застилающему настоящее рассчитывающему представлению, плану, набрасыванию ярлыков, попытке уместить реальность в схему. Несмотря на то что постоянное обучение и самосовершенствование важны, как воздух, «бывают случаи, когда многие знания оказываются препятствием» [Цунэтомо Я., 2018, с. 140]. Здесь опять же наши авторы не противоречат себе: для всего есть своя пора — для учения, чтобы приобрести знания и натренировать способности, — и для участия в событиях, в рамках которых губительно рассуждать, как быть, когда они уже происходят и требуют единства с собой. Миямото Мусаси поэтому учит не столько конкретным техникам, сколько внимательности к настоящему: отсекая все лишнее рассеивающее, «глубоко входить в каждое действие» [Мусаси М., 2018, с. 265], занимать «положение-без-положения» [Мусаси М., 2018, с. 275], сообразовываться с реальным «без плана, без представления» [Мусаси М., 2018, с. 278].

На фоне решительного принятия временности своего бытия внимательность к настоящему вплоть до мельчайших деталей [Мусаси М., 2018, с. 265] открывает и пронзительную полноту прекрасного, которое можно увидеть во всем. У Марка Аврелия есть потрясающий пассаж [Марк Аврелий, 1985, с. 13]:

Следует примечать, как и в том, что сопутствует происходящему ..., есть некая прелесть и привлекательность. Пекут, скажем, хлеб, и полопались кое-где края — так ведь эти трещины, хоть несколько противоречащие искусству пекаря, тем не менее чем-то хороши и особенно возбуждают к еде. Или вот смоквы лопаются как раз тогда, когда совсем спели; у спелых маслин самая близость к гниению добавляет плодам какую-то особенную красоту. Так и колосья, гнущиеся к земле, складки на морде у льва, пена из кабаньей пасти и многое другое, что далеко от привлекательности ...

вносит еще более лада и душу увлекает; поэтому кто чувствует и вдумывается поглубже, что происходит в мировом целом, тот вряд ли хоть в чем-нибудь ... не найдет, что оно как-то приятно пристроено. Он и на подлинные звериные пасти станет смотреть с тем же наслаждением, как и на те, что выставляются живописцами и ваятелями как подражание; своими здравомысленными глазами он сумеет увидеть красоту и некий расцвет старухи или старика, и прелесть новорожденного.

Особенно такое отношение характерно для японской культуры, пропитанной эстетикой «ваби саби» (侘寂), печального наслаждения ускользящим мигмом прекрасного. Самураи «были готовы умереть и высоко ценили возможность насладиться красотой в жизни, которая могла оборваться в любую минуту» [Кемптон Б., 2019, с. 29], многие писали стихи (в т.ч. предсмертные перед сэппуку), пропитанные эстетическим отношением к природе и временам года. Видение красоты в простоте и принятие естественного течения бытия в обеих традициях определили идеал жизни и поступков согласно с природой, ее законами и ритмами [Сенека Л.А., 2001, с. 15; Марк Аврелий, 1985, с. 41; Мусаси М., 2018, с. 259]. Природа составляет огромную, не нами созданную, не нами управляемую часть реальности, которую необходимо принять и которой нужно соответствовать.

Открывающаяся в настоящем свобода и полнота бытия поэтому становятся главными ценностями, и если обстоятельства складываются так, что человек более не чувствует себя способным на эту полноту (по причине неизлечимой болезни, несвободы или потери чести), он добровольно расстается с такой жизнью, которая для него уже не жизнь. Таково единое ценностное отношение в стоицизме и бусидо к самоубийству: жертва не должна быть напрасной, но смерть — естественный закон, и, если свобода и полнота становятся невозможны, наступает пора воссоединиться с мировым природным целым [Петев Н.И., 2019, с. 120]. К примеру, Сенека в преклонном возрасте в результате политических притеснений окончил жизнь самоубийством. Однако Ямамото Цунэтомо после смерти господина не дали совершить цуйфуку, тогда он постригся в монахи и провел остаток жизни достаточно уединенно,

оставив в записях своего ученика основополагающий трактат бусидо «Сокрытое в листве» (Хагакурэ). Таким образом неопределенности социальных отношений и непредсказуемости «объективных» случайностей стоицизм и бусидо противопоставляют свободу своего собственного — исполнение в любом содержании (занятий), концентрацию «здесь и сейчас», целиком присутствие в том, на чем в данный момент сосредоточен [Цунэтомо Я., 2018, с. 98]. Мы не можем изменить судьбу, но можем изменить отношение к ней [Цунэтомо Я., 2018, с. 102]. На самом деле реальность нейтральна: «знамения имеют место лишь в глазах смотрящего» [Цунэтомо Я., 2018, с. 103]. Даже, казалось бы, «отрицательное» (лишения, трудности) можно увидеть как для чего-то нужное и полезное — как вызов для преодоления или как опыт для дальнейшего самосовершенствования [Сенека Л.А., 2001, с. 88; Марк Аврелий, 1985, с. 24–25; Цунэтомо Я., 2018, с. 90, 104–105]. Наши авторы советуют буквально радоваться трудностям, поскольку без препятствий нет развития: «бедствие — самый удобный случай для проявления доблести» [Сенека Л.А., 2001, с. 95]. Вопреки расхожим представлениям об успехе и удаче «если в молодости судьба не благоволит человеку, в этом нет ничего плохого. Такой человек часто сталкивается с трудностями, и у него складывается сильный характер» [Цунэтомо Я., 2018, с. 124]. Только так в условиях окружающей текучести и безосновности можно самому себе научиться быть надежным основанием [Цунэтомо Я., 2018, с. 97, 205].

Заключение

Таким образом, по сравнению с эпохами устоявшихся оснований, в «переходные» периоды истории для индивида экзистенциально значимыми становятся вопросы поиска опоры для своих поступков, отношения к окружающей действительности и самореализации. С одной стороны, ощущаемая безосновность, изменчивость социального бытия опасна острыми конфликтами, страхом необеспеченности, риском неопределенности. С другой стороны, такие условия открывают предельную свободу — не как произвол или нигилизм, но, напротив, как возможность творческого участия в рождении нового. Это участие требует мужества и ответ-

ственности, захваченности делом, готовности отдавать всего себя, поэтому идеал свободы предполагает прежде всего борьбу со своими страхами, ограничивающими иллюзиями, надеждами, удобными привычками, стереотипами, ложными мнениями. В условиях плюрализма оснований такая борьба становится буквально единственным продуктивным способом бытия, благодаря которому открывается настоящее во всех смыслах — как «вневременное основание бытия» [Комаров С.В., 2015], как полнота пребывания «здесь и сейчас», подлинность собственной жизни и реальность окружающей действительности [Бакеева Е.В., 2020]. Быть свободным означает ничего не бояться — ни обид (их нельзя причинить свободному — знающему «свое»), ни поражений (это опыт, после которого надо встать и продолжать борьбу), ни перипетий или лишений судьбы (стойких ее превратности лишь закаляют), ни смерти (это естественный, природный закон, который ради полноты мужественно решается принять душа, освободившаяся от телесных желаний и удовольствий).

Хотя подобные идеи каждый раз актуализируются в «поворотные времена» в различных культурно-исторических локальностях, наиболее последовательные учения были сформулированы в философских программах римского стоицизма и японского бусидо. Единственным серьезным различием между ними является понимание ведущего начала человеческой души: в западной традиции с отсылкой к Платону акцент делается на разум [Платон, 2007, с. 256–257, 425; Сенека Л.А., 2001, с. 17; Марк Аврелий, 1985, с. 5] в противоположность первенству воли и интуиции в трудах восточных мыслителей [Цунэтомо Я., 2018, с. 104, 200, 217; Мусаси М., 2018, с. 265]. Однако в обеих культурах как рассудительность, так и сила духа считаются важнейшими добродетелями, и в действительности разум без воли остался бы пустым инструментом, а воля, не направляемая разумом, расплылась бы в отсутствие «вектора». В целом же, синонимичные экзистенциалы «мужества быть» в условиях непредсказуемости и нестабильности, сформулированные римскими стоиками и японскими самураями, не теряют своей актуальности в современной ситуации и могут дать надежную опору каждому человеку, решающемуся на полноту жизни.

Список литературы

- Ахутин А.В.* Поворотные времена. СПб.: Наука, 2005. 743 с.
- Бакеева Е.В.* Принять парадокс, или Усилие смирения. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2009. 84 с.
- Бакеева Е.В.* Проблема настоящего в контексте «постметафизики» // Вестник Челябинского государственного университета. 2020. № 5(439). С. 5–15. DOI: <https://doi.org/10.24411/1994-2796-2020-10501>
- Бибихин В.В.* Собственность. Философия своего. СПб.: Наука, 2012. 536 с.
- Бибихин В.В.* Чтение философии. СПб.: Наука, 2009. 536 с.
- Библер В.С.* От наукоучения — к логике культуры: Два философских введения в двадцать первый век. М.: Политиздат, 1991. 413 с.
- Биричева Е.В.* Природа конфликта: онтологический парадокс и экзистенциальное усилие принятия // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2019. Т. 35, № 4. С. 607–625. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu17.2019.407>
- Витгенштейн Л.* Логико-философский трактат (1921). URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z00000272/st002.shtml> (дата обращения: 08.04.2021).
- Гадамер Г.-Г.* История понятий как философия // Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного. М.: Искусство, 1991. С. 26–43.
- Давыдов А.И.* Дренгрскарп и бусидо: «Путь воина» на Западе и Востоке // Вестник Сибирского государственного университета путей сообщения. 2014. Вып. 31. С. 11–14.
- Дайдодзи Юдзан.* Будосёсинсю // Бусидо. Военный канон самурая с комментариями / пер. с япон. Р.В. Котенко, А.А. Мищенко, А.А. Петрова. М.: АСТ, 2018. С. 5–68.
- Делёз Ж.* Складка. Лейбниц и барокко. М.: Логос, 1997. 264 с.
- Кемптон Б.* Wabi Sabi. Японские секреты истинного счастья в неидеальном мире. М.: Эксмо, 2019. 304 с.
- Комаров С.В.* Стратегии борьбы со временем: событийность и история // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2015. Т. 16, вып. 1. С. 107–120.
- Леонтьева Н.С.* Система военно-физической подготовки славянских дружинников, европейских рыцарей и японских самураев // Теория и практика физической культуры. 2012. № 4. С. 97–99.

Марк Аврелий Антонин. Размышления / пер. А.К. Гаврилова. Л.: Наука, 1985. 245 с.

Мусаси Миямото. Книга пяти колец. Руководство по стратегии для практикующих боевые искусства // Бусидо. Военный канон самурая с комментариями / пер. с япон. Р.В. Котенко, А.А. Мищенко, А.А. Петрова. М.: АСТ, 2018. С. 235–318.

Николаева И.Ю., Серкова О.А. Подчинение авторитету и социальной норме в средневековых военных сословиях Японии и Германии // Диалог со временем. 2012. № 38. С. 227–240.

Ортега-и-Гассет Х. Что такое философия? М.: Наука, 1991. 411 с.

Петев Н.И. Самоубийство в некоторых религиозных системах как потенциально положительный и индифферентный феномен // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2019. № 4. С. 119–131. DOI: <https://doi.org/10.17238/issn2227-6564.2019.4.119>

Платон. Алкивиад I / пер. С.Я. Шейнман-Топштейн // Платон. Собр. соч.: в 4 т. / общ. ред. А.Ф. Лосева и др. М.: Мысль, 1990. Т. 1 / С. 220–267.

Платон. Государство / пер. А.Н. Егунова // Платон. Соч.: в 4 т. Т. 3, ч. 1 / под общ. ред. А.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та; Изд-во Олега Абышко, 2007. С. 97–493.

Сенека Луций Анней. Философские трактаты / пер., вступ. ст. и коммент. Т.Ю. Бородай. Изд. 2-е. СПб.: Алетейя, 2001. 400 с.

Тиллих П. Мужество быть. М.: Модерн, 2011. 240 с.

Цунэтомо Ямамото. Хагакурэ // Бусидо. Военный канон самурая с комментариями / пер. с япон. Р.В. Котенко, А.А. Мищенко, А.А. Петрова. М.: АСТ, 2018. С. 69–233.

Шумской А.В. Хосе Ортега-и-Гассет: философия исторического бытия человека // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2019. Вып. 2. С. 194–203. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2019-2-194-203>

Получена: 11.05.2021. Принята к публикации: 15.11.2021

References

Akhutin, A.V. (2005). *Povorotnye vremena*. [Turning times]. Saint Petersburg: Nauka Publ., 743 p.

Bakeeva, E.V. (2009). *Prinyat' paradoks, ili Usilie smireniya* [To accept the paradox, or the effort of humility]. Yekaterinburg: Ural University Publ., 84 p.

Bakeeva, E.V. (2020). [The problem of the present in the context of «post-metaphysics»]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University]. No. 5(439), pp. 5–15. DOI: <https://doi.org/10.24411/1994-2796-2020-10501>

Bibikhin, V.V. (2009). *Chtenie filosofii* [Reading of philosophy]. Saint Petersburg: Nauka Publ., 536 p.

Bibikhin, V.V. (2012). *Sobstvennost'. Filosofiya svoego* [Property. Philosophy of the Own]. Saint Petersburg: Nauka Publ., 536 p.

Bibler, V.S. (1991). *Ot naukoucheniya — k logike kul'tury: Dva filosofskikh vvedeniya v dvadtsat' pervyy vek* [From science — to the logic of culture: Two philosophical introductions to the twenty-first century]. Moscow: Politizdat Publ., 413 p.

Biricheva, E.V. (2019). [The Nature of Conflict: Ontological Paradox and Existential Effort of Acceptance]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Filosofiya i konfliktologiya* [Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies]. Vol. 35, no. 4, pp. 607–625. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu17.2019.407>

Daidoji, Yuzan (2018). [Budoseoshinshu]. *Busido. Voennyi kanon samuraya s kommentariyami* [The warrior's primer of Daidoji Yuzan]. Moscow: AST Publ., pp. 5–68.

Davydov, A.I. (2014). [Drengskarp and bushido: «The way of the warrior» in the West and East]. *Vestnik Sibirskogo gosudarstvennogo universiteta putey soobscheniya* [The Siberian Transport University Bulletin]. Iss. 31, pp. 11–14.

Deleuze, G. (1997) *Skladka. Leybnits i barokko* [The fold. Leibniz and the baroque]. Moscow: Logos Publ., 264 p.

Gadamer, H.-G. (1991). [History of concepts as philosophy]. *Aktual'nost' prekrasnogo* [Relevance of the beautiful]. Moscow: Iskusstvo Publ., pp. 26–43.

Kempton, B. (2019). *Wabi Sabi. Yaponskie sekrety istinnogo schast'ya v neideal'nom mire* [Wabi Sabi. Japanese wisdom for perfectly imperfect life]. Moscow: Eksmo Publ., 304 p.

Komarov, S.V. (2015). [The strategies of fight with time: Eventness and history]. *Vestnik Russkoy khristianskoy gumanitarnoy akademii* [Review of the Christian Academy for the Humanities]. Vol. 16, iss. 1, pp. 107–120.

Leont'eva, N.S. (2012). [The system of military-physical training of Slavic warriors, European knights and Japanese samurai]. *Teoriya i praktika*

fizicheskoy kul'tury [Theory and Practice of Physical Culture]. No. 4, pp. 97–99.

Mark Arvelius (1985). *Razmyshleniya* [Reflections]. Leningrad: Nauka Publ., 245 p.

Musashi, Miyamoto (2018). [The book of five rings. A strategy guide for practicing martial arts]. *Busido. Voennyi kanon samuraya s kommentariyami* [The warrior's primer of Daidoji Yuzan]. Moscow: AST Publ., pp. 235–318.

Nikolaeva, I.Yu. and Serkova, O.A. (2012). [Submission to authority and social norm in the medieval military estates of Japan and Germany]. *Dialog so vremenem* [Dialogue with the Time]. No. 38, pp. 227–240.

Ortega y Gasset, J. (1991). *Chto takoe filosofiya?* [What is philosophy?]. Moscow: Nauka Publ., 411 p.

Plato (1990). [Alcibiades I]. *Plato. Sobranie sochineniy: v 4 t.* [Plato. Collected works: in 4 vols]. Moscow: Mysl' Publ., vol. 1, pp. 220–267.

Plato (2007). [Republic]. *Plato. Sobranie sochineniy: v 4 t.* [Plato. Collected works: in 4 vols]. Saint Petersburg: SPBU Publ.; Publ. house of Oleg Abyshko, vol. 3, pt. 1, pp. 97–493.

Petev, N.I. (2019). [Suicide in some religious systems as a potentially positive and indifferent phenomenon]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) feder-*

al'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki [Vestnik of Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanitarian and Social Sciences]. No. 4, pp. 119–131. DOI:

<https://doi.org/10.17238/issn2227-6564.2019.4.119>

Seneca, Lucius Anneus (2001). *Filosofskie traktaty* [Philosophical Treatises]. Saint Petersburg: Aleteyya Publ., 400 p.

Shumskoy, A.V. (2019). [Jose Ortega-y-Gasset: Philosophy of historical being of man]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology]. Iss. 2, pp. 194–203. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2019-2-194-203>

Tillich, P. (2011). *Muzhestvo byt'* [Courage to be]. Moscow: Modern Publ., 240 p.

Tsunetomo, Yamamoto (2018). [Hagakure]. *Busido. Voennyi kanon samuraya s kommentariyami* [The warrior's primer of Daidoji Yuzan]. Moscow: AST Publ., pp. 69–233.

Wittgenstein L. (1921). *Logiko-filosofskiy traktat* [Logical-philosophical treatise]. Available at: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000272/st002.shtml> (accessed 08.04.2021).

Received: 11.05.2021. Accepted: 15.11.2021

Об авторе

Биричева Екатерина Вячеславовна

кандидат философских наук, научный сотрудник Сектора истории и философии науки

Институт философии и права УрО РАН,
620108, Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16;
e-mail: e.v.biricheva@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1933-9955>
ResearcherID: F-2980-2016

About the author

Ekaterina V. Biricheva

Candidate of Philosophy, Researcher of the Sector of History and Philosophy of Science

Institute for Philosophy and Law, Ural Branch, Russian Academy of Sciences,
16, S. Kowalevskaya st., Ekaterinburg, 620108, Russia;
e-mail: e.v.biricheva@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1933-9955>
ResearcherID: F-2980-2016

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Биричева Е.В. Римские стоики и японские самураи об экзистенциалах человеческого бытия // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2021. Вып. 4. С. 550–560.
DOI: 10.17072/2078-7898/2021-4-550-560

For citation:

Biricheva E.V. [Roman stoics and Japanese samurai on the existentials of human being]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2021, issue 4, pp. 550–560 (in Russian). DOI: 10.17072/2078-7898/2021-4-550-560

УДК 165.8:32

DOI: 10.17072/2078-7898/2021-4-561-568

ХРОНОТОПНОСТЬ И ТОПОХРОННОСТЬ ВЛАСТИ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ВОЗЗРЕНИЙ

А. КОЖЕВА И Г.В.Ф. ГЕГЕЛЯ

Шевченко Олег Константинович

*Гуманитарно-педагогическая академия (филиал)
Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского (Ялта)*

Предмет исследования — пространственно-временные характеристики власти в философской теории А. Кожева. Обосновывается идея о том, что отправной точкой философии власти Кожева послужила философия власти Г. Гегеля. Однако пространственно-временные характеристики гегелевской власти и кожевской власти существенно различны. Гегелевская власть тотально топохрона, она поглощает темпоральность, оставляя лишь формальную хронологию. Тогда как у Кожева власть соответствует понятию «хронотоп». Творчески развивая идеи Гегеля, А. Кожев формирует философскую теорию власти, в которой время и пространство гармонично сливаются в формате со-бытия. Кожев, неоднократно касаясь темы историчности власти, отказывается ее рассматривать основательно, направляя все свои усилия на изучение внутренней темпоральности власти и ее проявления на феноменальном уровне. В таком качестве он предлагает видеть отдельные модусы (в нашей терминологии — хронотопы) пространства-времени власти: «Отец», «Господин», «Вождь» и «Судья». Особое внимание обращается на диалектику конечного и бесконечного, темпорального и хронологического в динамике кожевской власти. Делается вывод, что для Кожева власть — это всегда живое единое целое (комбинации «чистых» типов), которое имеет свой генезис, свои поле и продолжительность действия, а также свою смерть. Доказывается, что философская концепция Кожева осталась незавершенной, и прежде всего, в области философии права и философии истории. Анализ проводится по трактатам Кожева: «Понятие власти», «Введение в чтения Гегеля», «Очерк феноменологии права», «Тирания и мудрость». Привлекаются также материалы современных исследователей, в том числе переводчиков философского наследия А. Кожева.

Ключевые слова: топохрон, хронотоп, власть, феноменология, философия власти, история власти, время власти, бесконечность, темпоральность власти, хронология власти.

CHRONOTOPY AND TOPOCHRONY OF POWER IN THE CONTEXT OF THE SOCIO-POLITICAL VIEWS OF A. KOZHEV AND G.V.F. HEGEL

Oleg K. Shevchenko

Humanitarian and Pedagogical Academy (branch) of V.I. Vernadsky Crimean Federal University (Yalta)

The paper deals with spatiotemporal characteristics of power in the philosophical theory of A. Kozhev. It is argued that that Kozhev's philosophy of power was based on the philosophy of power of G. Hegel. However, the spatiotemporal characteristics of Hegel's power and Kozhev's power are essentially different. Hegel's power is totally toposynchronous, it absorbs temporality, leaving only formal chronology, whereas Kozhev's power corresponds to the concept of «Chronotope». Developing the ideas of Hegel, A. Kozhev offers a philosophical theory of power in which time and space harmoniously merge in the format of co-existence. Kozhev refuses to speak of the historicity of power, devoting all his efforts to the study of the internal temporality of power and its manifestation at the phenomenal level. As such, he sug-

gests seeing separate modes (in our terminology, chronotopes) of the space-time of power: «Father», «Master», «Leader» and «Judge». Special attention is paid to the dialectic of the finite and the infinite, the temporal and the chronological in the dynamics of Kozhev's power. It is concluded that for Kozhev, power is always a living whole (a combination of «pure» types), which has its own genesis, its own field and duration of action, and its own death. It is proved that Kozhev's philosophical concept remained incomplete, especially in the field of philosophy of law and philosophy of history. The analysis is based on Kozhev's treatises: *The Concept of Power, Introduction to Hegel's Readings, Essay on the Phenomenology of Law, Tyranny and Wisdom*. Materials of modern researchers, including translators of the philosophical heritage of A. Kozhev, are also extensively involved.

Keywords: topos, chronotope, power, phenomenology, philosophy of power, history of power, time of power, infinity, temporality of power, chronology of power.

Философское наследие А. Кожева является объектом пристального изучения многих ученых. Ему посвящаются солидные международные конференции [Руткевич А.М. и др., 2019], его работы активно цитируют в высокорейтинговых публикациях [Фукуяма Ф., 2005, с. 522], нередко проводятся познавательные сравнительные анализы его философской системы с крупнейшими философскими разработками XX в. [Кучерова А.О., 2020]. Интерес для исследователей представляет и та часть творчества А. Кожева, которая посвящена философии власти. Внимание исследователей сосредотачивается на сопоставлении философской терминологии А. Кожева с таковой наиболее авторитетных политических мыслителей прошлого столетия [Русаков С.С., 2018; Черных С.С., Швачкина Л.А., 2017] или же на изучении главного «властного» труда философа [Зекрист Р.И., 2012]. Однако вопросы, связанные с пространством-временем власти, так и не нашли своего исследователя. Именно этому аспекту творчества А. Кожева и будет посвящена наша статья.

Александр Кожев, исследуя существующие теории власти, отмечал, что лишь у Гегеля можно найти разработанную на высоком философском уровне теорию власти [Кожев А.В., 2006b, с. 8]. Приступая к формированию своего понимания власти, он, будучи последовательным неогегельянцем, многое воспринял из концепции власти Г. Гегеля. Поэтому проводить свое исследование по интересующей нас проблеме без предварительного разбора пространственно-временных характеристик гегелевской власти считаем бесперспективным.

Ключом к осмыслению власти (нем. *macht*, который переводчики «Феноменологии духа» определили как «общая власть» [Гегель Г.В.Ф., 2000, с. 104]) и одновременно камнем преткно-

вания в понимании властной реальности, по Гегелю, служит небольшой раздел его знаменитой книги «Феноменология духа» [Гегель Г.В.Ф., 2000, с. 97–104]. Формулируя предельные смыслы раздела, Гегель тем самым обозначает особые, ключевые характеристики своего понимания власти, того топоса, где она бытийствует: «*Самостоятельность и несамостоятельность самосознания; Господство и рабство*» [Гегель Г.В.Ф., 2000, с. 97]. Предпосылкой к явлению власти выступает ситуация неравенства двух самосознаний, «*из которых одно есть только признаваемое, другое — только признающее*» [Гегель Г.В.Ф., 2000, с. 99]. Более того, «*они подтверждают самих себя и друг друга в борьбе не на жизнь, а на смерть. — Они должны вступить в эту борьбу, ибо достоверность себя самих, состоящую в том, чтобы быть для себя, они должны возвысить до истины в другом и в себе самих*» [Гегель Г.В.Ф., 2000, с. 100], ибо только риском жизни подтверждается «*для-себя-бытие*». Первое сознание — господин — есть сознание самостоятельное, сознание, для которого «*для-себя-бытие*» есть *сущность*. Второе — раб — сознание несамостоятельное, «*другое-несамостоятельное, для которого жизнь или бытие для некоторого другого есть сущность*» [Гегель Г.В.Ф., 2000, с. 101].

Но господин лишь потому господин, что имеет раба, в котором и опосредствуется его господство. Последнее возможно исключительно через **признание** раба рабом, а господина господином. Борьба (диалектика) «Господин-Раб» есть суть и стержень власти. Она имеет три модуса: самосознание, страх и процесс образования. Последнее важно, ибо раб не до конца раб. Будучи рабом, он имеет самостоятельность в вещи, т.е. самостоятельность в видении себя в другом. Разумеется, господин властвует

над бытием, а бытие властвует над рабом. Но вот с вещью господин может соотноситься *только* через раба [Гегель Г.В.Ф., 2000, с. 101]. Основа поступков господина — **вождеделение**. Оно толкает к обретению абсолютного господства, но последнее — невозможно без серии процедур опосредствования [Гегель Г.В.Ф., 2000, с. 103].

В понимании А. Кожева, гегелевский Раб — это тот, кто покорился природному миру, потому что из-за страха предпочел жизнь смерти, а *«господин поставил на карту жизнь и восторжествовал над природным миром, над Рабом, стало быть, Господин сам пошел навстречу смерти, раб смерть отверг»* [Кожев А.В., 2003, с. 63]. В этот момент, по мысли А. Кожева, происходит преобразование Природы в историю, осуществляется борьба, которая и есть сама история [Кожев А.В., 2003, с. 63–64].

Гегелевские трансформы «Господин» и «Раб» имеют определенные интервалы. Но последние присутствуют лишь для удобства фиксации состояний, а в реальности они процессуальны и не имеют границ между своими состояниями. Фактор времени для них излишен. Вернее, внешнее время (с точки зрения внешнего наблюдателя за борьбой Господина и Раба) не имеет познавательной ценности. Налицествует лишь условное внутреннее время в формате линейных отрезков изменения качества статуса в формате: тогда, сейчас, потом (причем «потом», очевидно, неизбежно и уже проявляется в тогда и сейчас). Мерилом, точкой отсчета является самосознание как таковое в диапазоне от полюса Господина до полюса Раба (подробнее о пространстве и времени как моментах мер со своими собственными понятиями определениями см.: [Гегель Г.В.Ф., 2019, с. 369]). И это не случайно, ибо для-себя-бытие, чем и характеризуется изюминка гегелевской власти, завершено. Оно — бесконечное бытие, правда, это такая бесконечность, которая имеет еще качественные определенности. Для-себя-бытие есть также бесконечность, оно погружено в простор конечного бытия.

Таким образом, гегелевский регион бытования власти имеет два хронотопа: «Господин» и «Раб». В последних время и пространство слиты и плотно облиты бесконечностью, в своем единстве они помещены в бытие и проявляют себя в конституции, феноменах управления и т.д. В та-

ком понимании мы можем говорить о формулировании не **хроно**топного понимания власти, а скорее о специфической **топо**хронности власти или, в терминологии И.С. Куриловича, «онтологическо-темпоральном дуализме» [Курилович И.С., 2019, с. 33].

Мы можем размышлять о хронологии аристократического и крестьянского в простом, реальном бытии, но это не будет иметь равным счетом ничего, непосредственно относящегося к определенной динамике изменений борьбы «Господин» и «Раб». Она, эта борьба/диалектика, обладает одним с «Аристократом» и «Крестьянином» пространством, но они несут бесконечно разные темпоральные характеристики. Первые — проходят по реестру бесконечного, а следовательно, уже определенного, а вторые — конечного, а значит, в определенном смысле, с неизвестным сейчас при условном понимании тогда и потом. Фактор временности в этой ситуации снят. А бесконечность опосредована и филигранно определена в предметном бытии.

Применить концепцию гегелевской власти на практике при конкретно-историческом или политологическом анализе из-за ее фундаментальной топохронности затруднительно и, как показывает пример младогегельянцев (отбросивших ее основное положение), вряд ли возможно. Однако при творческом развитии мощной познавательной идеи, заложенной в феноменологию власти, как показал пример Кожева, достигаются серьезные теоретические результаты. Но для этого необходимо ввести такую «модификацию», как время, т.е. противопоставить Вечности Прошлое, Настоящее и Будущее, а властную реальность, продуманную Гегелем, отнести к модусу «Настоящее». Причем такого Настоящего, которое родилось из Прошлого, Беременно Будущим и активно противостоит Вечности. Предлагаемая нами концепция региона бытования хронотопов власти как раз учитывает такую возможность использования творческого наследия Г. Гегеля. Так, для нас хронотопы власти не существуют как абстрактные модели бесконечной борьбы «Раба» и «Господина», а всегда укоренены в той или иной темпоральной практике. И их характеристики — суть той практики, которую они олицетворяют.

В противном случае, если принять за исходный пункт слияние времени и пространства в

формат бесконечности, можно только совершенствовать топохронность власти, развивать ее отдельные элементы, перестраивать структуру, но не получится выйти из-под диктата языка пространственности [Молчанов В.И., 2015, с. 15]. Именно данный аспект проблемы и постарался преодолеть А. Кожев.

Стержнем его теоретических конструкций власти выступает тезис о том, что власть имеет-ся только там, где есть движение, изменение, одним словом, действие. Всякая власть существует лишь тогда, когда есть нечто способное реагировать, т.е. меняться *«в зависимости от того, что представляет Власть... Власть принадлежит тому, кто изменяет... Власть по сути своей активна, а не пассивна»* [Кожев А.В., 2006b, с. 15]. Власть — это всегда действие, совершаемое двумя деятелями, а значит, она всегда есть социальный феномен: *«...чтобы имела Власть, необходимо по крайней мере двое»* [Кожев А.В., 2006b, с. 17]. Но власть — это еще всегда и возможность: *«Властное действие отличается от всех прочих тем, что оно не встречает противостояния со стороны того или тех, на кого оно направлено. Это предполагает, с одной стороны, возможность оппозиции, а с другой — сознательный и добровольный отказ от осуществления этой возможности...»* [Кожев А.В., 2006b, с. 17]. Власть для А. Кожева — это не единая, монолитная реальность в формате гегелевского **macht**. А Кожев писал на французском языке и отчетливо осознавал отличие *autorite* от *pouvoir*. Более того, он использовал разницу между двумя пониманиями власти во французском языке и последовательно эксплицитировал эту разницу в своем тексте при помощи довольно любопытного знака. Так, говоря о власти как **autorite**, он писал термин с прописной буквы, а говоря о власти в значении **pouvoir**, он всегда писал со строчной буквы [Руткевич А.М., 2006, с. 172]. Переводчик уверен, что тем самым философ подчеркивал отождествление власти и авторитета в противовес неправильному, с точки зрения А. Кожева, представлению о власти как о силе и воле [Руткевич А.М., 2006, с. 172]. Конечно, это вполне могло иметь место. Но, как нам представляется, *autorite* (главный модус власти для Кожева) — это предметная физически осязаемая реальность, тогда как *pouvoir* — это некая вариативная псевдореальность. *Pouvoir* можно пре-

высить, сменить, передать... но, по всей видимости, речь идет именно о корневом состоянии **делания**: его расширении, или сужении, или передаче. И уж тем более это касается самовольного, властного, авторитарного архиличного *autorite*. Перед нами как бы две реальности, два пространства и два времени власти. Первая — это реальность искусственная, созданная языком, а вторая — реализуемая в практике физического предметного присутствия. Причем обе из них темпоральны и не существуют одна без другой. Уже в рамках естественного языка, каким пользуется А. Кожев, власть представляется временной, ибо язык предполагает, что власть — это некое состояние, в которое можно войти и из которого можно выйти. Эта семантика, наложенная на гегелевскую методологию, трансформируется в важнейший маркер власти — Акт признания. Если он есть, значит, перед нами власть, но его может и не быть (например, в ситуации прямого насилия государственного аппарата или жесткой правовой регламентации, сопровождающейся разнообразными угрозами и наказаниями). Не несет в себе динамики смены состояний только Божественная власть (*autorite*), а не власть *«в собственном смысле слова»*, т.е. человеческая власть (*pouvoir*). Риск потерять власть — это признак человеческих реалий, находящихся в сфере темпоральной изменчивости [Кожев А.В., 2006b, с. 24].

В первой части своего трактата (феноменологический анализ) Кожев предлагает развернутую карту топоса власти, покоящегося на четырех «чистых» типах власти: Власти Отца (Причина, Схоластика), Власти Господина (Риск, Гегель), Власти Вождя (Проект-предвидение, Аристотель) и Власти Судьи (Справедливость, Платон) [Кожев А.В., 2006b, с. 46–47]. Все типы никогда не выступают в конкретике бытия властных актов поодиночке, автономно, в своей «чистой» или, вернее, «очищенной» Кожевым форме. Они в каждом конкретном случае комбинируются друг с другом и всегда оппозиционны как по отношению друг к другу (даже в рамках отдельных псевдосоюзных комбинаций), так и по отношению к разным крупным комбинациям в целом. Кожев распределяет структуры власти следующим образом: 4 «чистых» типа, 6 комбинаций двух «чистых» типов, 4 комбинации трех типов с 6 вариантами (24 типа) и 1 комбинация

четырёх типов с 24 вариантами. Всего 64 типа Власти (4 чистых и 60 комбинированных) [Кожев А.В., 2006b, с. 48]. Довольно любопытно, что уже на этом уровне топологии присутствует знаковое хронотипическое словосочетание «прежде всего». Более того, философ специально выделяет его жирным шрифтом: «*Можно быть **прежде всего** Вождем, или **прежде всего** Судьей, либо **прежде всего** Вождем и Судьей и т.д....*» [Кожев А.В., 2006b, с. 47]. То есть можно стать, обрести формат **нечто** до чего бы то ни было, до собственно самой реальности, обрести предбытие как фактор, обеспечивающий уже появление известных комбинаций в реальности-действию-власти. Уже данная оговорка (скрупулезно отмеченная самим автором) говорит о том, что темпоральный формат Власти никак не является вторичным по отношению к ее пространственным характеристикам и вряд ли Хронос может быть выводим из Топоса, как это происходит в диалектике «Господина и Раба» у Гегеля.

А вот об историчности власти Кожев говорить отказывается. Он поднимает эту тему, формулирует проблемную зону происхождения и передачи власти, в конце концов, он несколько раз возвращается к этой теме, но основательно ее рассматривать не желает, о чем сам заявляет весьма четко и недвусмысленно [Кожев А.В., 2006b, с. 51] (об отдельных зарисовках генезиса власти и о ее исторических процедурах см.: [Кожев А.В., 2006b, с. 51–57, 69–76, 129, 147–157]). Иное дело — темпоральность власти, «чистое» время власти, позволяющее осмыслить ее хронопопность во всей ее полноте.

Прежде всего, и это очень важно, по А. Кожеву, власть порождается не бытием того, кто является ее носителем. Власть по своей сущности всегда спонтанна, даже в случае передачи власти она не теряет своей спонтанности [Кожев А.В., 2006b, с. 74–75]. Власть — это всегда живое единое целое (комбинации «чистых» типов), которое имеет своей генезис, свои поле и продолжительность действия и свою смерть.

Во втором блоке — «Метафизический анализ» — А. Кожев массово вводит такую модификацию, как «Время», вне которой понимание власти будет ущербным и философски несостоятельным [Кожев А.В., 2006b, с. 77]. Отличие власти от чего бы то ни было другого кроется именно в ее социальности, а следовательно, и

историчности (о которой автор вновь не желает говорить развернуто [Кожев А.В., 2006b, с. 77]). Но нужно и следует обрисовать ее темпоральность, ибо «*власть может “проявляться” (стать “феноменом”) только в Мире с временной структурой*» [Кожев А.В., 2006b, с. 77]. А. Кожев вводит оппозицию: с одной стороны — Вечность, с другой — Прошлое-Настоящее-Будущее. Время само по себе во всех своих ипостасях обладает властью: Власть Прошлого (почтенно, неприкасаемо, освящено традицией), Власть Настоящего (мода, действительное, реально присутствующее), Власть Будущего (все впереди, грядущие тысячелетия, человек завтрашнего дня). Это в узком смысле темпоральным властям [Кожев А.В., 2006b, с. 78–79] противостоит Власть Вечности. В данном случае это не Божественная Вечность с ее Абсолютной Властью. Перед нами А. Кожев рисует бесконечность как отрицание временности, т.е. своеобразную функцию Времени, которая вполне по-гегелевски имеет негативное отношение «к *Властям Настоящего, Прошлого и Будущего*» [Кожев А.В., 2006b, с. 79]. Важным методологическим моментом темпоральности и процедуры темпорализации власти является передача власти (преемственность, спонтанное возникновение, назначение и иные варианты, прорабатываемые философом) [Кожев А.В., 2006b, с. 81]. Таковой реальностью — Вечной властью — является «чистый» тип Власти Судьи (Справедливости, Платона). При этом властью обладает не сама Вечность как таковая, а «*действия, имеющие характер вечных, обладают Властью*» [Кожев А.В., 2006b, с. 82]. Это верно постольку, поскольку Справедливость находится вне времени (во всяком случае, ценна во все времена), она не зависит от интереса, пристрастий, желаний, ее можно бесконечно переносить (как приговор, по замечанию А. Кожева) и на Прошлое, и на Настоящее, и на Будущее. Более того, если говорить о Вечности как об отрицании модусов времени, то и тут Власть Судьи (читай: Справедливости) служит тотальностью, где иные три времени-власти обретают гармоничность и могут быть интегрированы в одну реальность, ибо стабильность обретается ими исключительно в случае признания Справедливости (добровольного признания Раба, которое есть условие осуществления акта власти со стороны Господина и растворения Раба в Госпо-

дине, в данном случае — трех модусов власти/времени в Вечности-Судье-Справедливости) [Кожев А.В., 2006b, с. 83].

Модус Прошлого для А. Кожева — это не модус физического (всего того, что когда-то было). Для философа Прошлое — это прежде всего историческое Прошлое, признаваемое (добровольно и осознанно) своим прошлым, т.е. прошлым, выступающим причиной моего Настоящего и «основанием» моего Будущего [Кожев А.В., 2006b, с. 84–85]. Эта Власть Прошлого есть Власть Отца (Причина, Схоластика).

Будущее точно так же понимается как историческое, т.е. *мое* Будущее. Лишь в случае появления проекта, который я признаю своим, я подчиняюсь автору проекта, персонифицированному в облике Вождя [Кожев А.В., 2006b, с. 85–86]. Это власть проекта-предвидения (Аристотель).

Настоящее — это отнюдь не все, что существует. *«В массе просто “настоящих” вещей (т.е. существующих) Властью будет обладать такая сущность, как “реальное присутствие” Духа в “Материи” — того, что не существует в полном смысле слова, в том, что представляет все действительное существование. Несуществующее в темпоральном мире либо уже не существует, либо еще не существует, будучи Прошлым или Будущим. Тем самым мы замечаем, что Властью наделяется “реальное присутствие” Прошлого и Будущего в Настоящем: в том Настоящем, которое родилось из Прошлого и беременно Будущим...»* [Кожев А.В., 2006b, с. 86]. Это настоящее характеризуется тем, кто обладает действием, тем, кто идет на Риск потерять настоящее, — это власть Господина (Риска, Гегеля).

В этом смысле Время осуществляется в особой реальности — «Темпоральном Мире», причем исключительно через каузальные структуры: Прошлое – Материальная причина, Будущее – Целевая причина, Настоящее – действующая причина, а Вечность (даже она!) – Формальная причина [Кожев А.В., 2006b, с. 88]. Нетрудно заметить, что вновь вырисовывается оппозиция: Власть Отца, Господина, Вождя — действующая власть (они феномены в полном смысле этого слова), тогда как Власть Судьи созерцательна (она удовлетворяется «суждением», как метко отмечает А. Кожев [Кожев А.В., 2006b, с. 89]). Этот темпоральный мир порождает

мир исторический, а оппозиция 1+3 обеспечивает смыслом все феноменальные проявления власти, которые мы созерцаем в политике, праве, юриспруденции, военном деле и т.д.

Таким образом, яркими хронотопами власти выступают фигуры «Отца», «Господина», «Вождя» и «Судьи». А стержневым моментом хронотопа власти является «слипание» модусов времени и пространства в бинарную единую реальность: Отец-Прошлое, Господин-Настоящее, Вождь-Будущее, Судья-Вечность. Реальность, которую мы фиксируем отчасти на феноменологическом уровне и в полной мере — в формате Метафизического и Онтологического анализа, предлагает нам изменчивые комбинации этих типов, находящихся в постоянной динамической борьбе, которая и рождает действие-поступок, выступающее феноменом власти и поддающееся освоению посредством наших органов чувств.

Отдельно стоит поставить проблему соотношения понятий процесса/процессуальности и времени в контексте социальной онтологии. Для Кожева очевидно, что первично время, которое обеспечивает возможность процесса как такового. Но сам процесс не есть линейное изменение одного хронотопа из другого. Это скорее динамика соотношений и разной иерархичности хронотопов, которые в целом образуют время власти. Процесс и процессуальность могут прогрессировать и регрессировать, но время располагается вне пределов этой динамики. Время вмещает в себя динамику, но не сводится к ней и не поддается формально-линейной логике развития.

Теория Кожева обладает потенциалом, необходимым для рассмотрения и текущих политических проблем, и сложных теоретических вопросов, связанных с бытием государства, гражданского общества, правосознанием как таковым. Это исследователь прекрасно продемонстрировал в своих «Дедукциях» [Кожев А.В., 2006b, с. 95–146] и «Приложениях» [Кожев А.В., 2006b, с. 147–165]. Значительный пласт идей об историчности как необходимом факторе понимания власти вошел в его историко-философские размышления [Кожев А.В., 2006c, с. 382], отчасти он прослеживается и в теории «исторических гештальтов» [Руткевич А.М., 2019]. В гораздо меньшей степени хронотопность власти проявилась в его правоведческих изысканиях, где тотальное влияние Гегеля значительно снизило накал исторического и ши-

ре — темпорального восприятия власти [Кожев А.В., 2006а].

С нашей точки зрения, под хромотопностью власти следует понимать особое состояние властных процессов и состояний, характеризующихся особой спецификой восприятия времени и пространства. Для каждого предмета исследования: власть маршала Петена, властные факты трамповской Америки или властные процессы на кораблях эскадры Магеллана — набор и иерархия хромотопов власти будут иные, что и обеспечивает специфическую динамику властных реалий в разных социально-психологических или социально-политических событийных потоках.

Перспективным видится проведение работы над методологическим соотношением «чистых» форм хромотопов как исследовательских абстракций и их практическим применением в контексте того или иного событийного потока. В этом случае, как представляется, важным будет разделить собственно историческую (социальную, психологическую, идеологическую и т.п.) фактуру события власти и фактуру дисциплинарную — задающую в чистой форме горизонт видения (ощущения, восприятия, мышления) события для наблюдателя и создателя события. Такой шаг позволит вывести темпорально-пространственные идеи Гегеля и Кожева о власти в область практико-ориентированной теории (а еще точнее, на уровень современной социальной онтологии) и поставить вопрос о возможности формирования особой отрасли знания: историсофии власти.

Список литературы

- Гегель Г.В.Ф. Наука логики. М.: АСТ, 2019. 959 с.
- Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа. М.: Наука, 2000. 495 с.
- Зекрист Р.И. Концепция власти А. Кожева // Филология и культура. 2012. № 2(28). С. 253–258.
- Кожев А.В. Введение в чтения Гегеля. СПб.: Наука, 2003. 792 с.
- Кожев А.В. Очерк феноменологии права: глава I // Кожев А.В. Атеизм и другие работы. М.: Практикс, 2006. С. 295–322.
- Кожев А.В. Понятие власти. М.: Практикс, 2006. 192 с.
- Кожев А.В. Тирания и мудрость // Кожев А.В. Атеизм и другие работы. М.: Практикс, 2006. С. 323–386.

Курилович И.С. Мышление бесконечного как эпистемологическая проблема философской системы А. Кожева // Философский журнал. 2019. Т. 12, № 3. С. 33–47. DOI: <https://doi.org/10.21146/2072-0726-2019-12-3-33-47>

Кучерова А.О. Х. Арендт и русско-французское неогегельянство: А. Кожев / А. Койре // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2020. Т. 6, № 4. С. 31–40. DOI: <https://doi.org/10.18413/2408-932x-2020-6-4-0-5>

Молчанов В.И. Феномен пространства и происхождение времени. М.: Академ. проект, 2015. 277 с.

Русаков С.С. Сравнительный анализ понятия власти в философии А. Кожева и К. Шмитта // Политика и Общество. 2018. № 10. С. 18–25. DOI: <https://doi.org/10.7256/2454-0684.2018.10.27690>

Руткевич А.М. Генеалогия интеллектуалов Александра Кожева // Вопросы философии. 2019. № 12. С. 118–131. DOI: <https://doi.org/10.31857/s004287440007531-9>

Руткевич А.М. Послесловие // Кожев А.В. Понятие власти. М.: Практикс, 2006. С. 167–182.

Руткевич А.М. Дроздова Д.Н., Курилович И.С. Александр Кожев: Русско-Французский диалог (обзор международного коллоквиума) // Вопросы философии. 2019. № 8. С. 215–218. DOI: <https://doi.org/10.31857/s004287440006059-9>

Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М.: АСТ, 2005. 588 с.

Черных С.С. Швачкина Л.А. Антропоконтурности власти в концепциях А. Кожева и М. Вебера: опыт сравнительного анализа // Гуманитарий Юга России. 2017. Т. 23, № 1. С. 166–174.

Получена: 24.05.2021. Доработана после рецензирования: 20.07.2021. Принята к публикации: 15.08.2021

References

- Chernyh, S.S. and Shvachkina, L.A. (2017). [Anthropological circuits of power in A. Kojeve's and M. Weber's concepts: the experience of comparative analysis]. *Gumanitariy Yuga Rossii* [Humanities of the South of Russia]. Vol. 23, no. 1, pp. 166–174.
- Fukuyama, F. (2005). *Konets istorii i posledniy chelovek* [The end of history and the last man]. Moscow: AST Publ., 588 p.
- Hegel, G.W.F. (2000). *Fenomenologiya dukha* [Phenomenology of the spirit]. Moscow: Nauka Publ., 495 p.
- Hegel, G.W.F. (2019). *Nauka logiki* [The science of logic]. Moscow: AST Publ., 959 p.

Kozhev, A. (2003). *Vvedenie v chteniya Gegelya* [Introduction to Hegel readings]. Saint Petersburg: Nauka Publ., 792 p.

Kozhev, A. (2006). [Essay on the phenomenology of law: chapter 1]. *Ateizm i drugie raboty* [Atheism and other works]. Moscow: Praxis Publ., pp. 295–322.

Kozhev, A. (2006). *Ponyatie vlasti* [The concept of power]. Moscow: Praxis Publ., 192 p.

Kozhev, A. (2006). [Tyranny and wisdom]. *Ateizm i drugie raboty* [Atheism and other works]. Moscow: Praxis Publ., pp. 323–386.

Kucherova, A.O. (2020). [Hannah Arendt and Russian-French neo-hegelianism: Alexandre Kojève/Alexandre Koyre]. *Nauchnyy rezul'tat. Sotsial'nye i gumanitarnye issledovaniya* [Research Result. Social Studies and Humanities]. Vol. 6, no. 4, pp. 31–40. DOI: <https://doi.org/10.18413/2408-932x-2020-6-4-0-5>

Kurilovich, I.S. (2019). [Thinking about (and of) the infinite as an epistemological problem of Kojève's philosophical system]. *Filosofskiy zhurnal* [Philosophy Journal]. Vol. 12, no. 3, pp. 33–47. DOI: <https://doi.org/10.21146/2072-0726-2019-12-3-33-47>

Molchanov, V.I. (2015). *Fenomen prostranstva i proiskhozhdenie vremeni* [The phenomenon of space and the origin of time]. Moscow: Akademicheskii Proekt Publ., 277 p.

Rusakov, S.S. (2018). [Comparative analysis of the concept of power in the philosophy of Alexandre Kojève and Carl Schmitt]. *Politika i obschestvo* [Politics and Society]. No. 10, pp. 18–25. DOI: <https://doi.org/10.7256/2454-0684.2018.10.27690>

Rutkevich, A.M. (2006). [Afterword]. *Ponyatie vlasti* [The concept of power]. Moscow: Praxis Publ., pp. 167–182

Rutkevich, A.M. (2019). [Genealogy of intellectuals by Alexander Kojève]. *Voprosy filosofii*. No. 12, pp. 118–131. DOI: <https://doi.org/10.31857/s004287440007531-9>

Rutkevich, A.M., Drozdova, D.N. and Kurilovich, I.S. (2019). [Alexander Kojève: Russian-French dialogue (review of the international colloquium)]. *Voprosy filosofii*. No. 8, pp. 215–218. DOI: <https://doi.org/10.31857/s004287440006059-9>

Zekrist, R.I. (2012). [A. Kozhev's Concept of Power]. *Filologiya i kul'tura* [Philology and Culture]. No. 2(28), pp. 253–258.

Received: 24.05.2021. Revised: 20.07.2021. Accepted: 16.08.2021

Об авторе

Шевченко Олег Константинович

кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры философии и социальных наук

Гуманитарно-педагогическая академия (филиал)
Крымского федерального университета
им. В.И. Вернадского,
298635, Республика Крым, Ялта,
ул. Севастопольская, 2-А;
e-mail: filosofcrimea@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1362-2875>
ResearcherID: B-8971-2018

About the author

Oleg K. Shevchenko

Candidate of Philosophy, Docent,
Associate Professor of the Department
of Philosophy and Social Sciences

Humanitarian and Pedagogical Academy (branch)
of V.I. Vernadsky Crimean Federal University,
2-A, Sevastopolskaya st., Yalta, Republic of Crimea,
298635, Russia;
e-mail: filosofcrimea@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1362-2875>
ResearcherID: B-8971-2018

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Шевченко О.К. Хронотопность и топочронность власти в контексте социально-политических воззрений А. Кожева и Г.В.Ф. Гегеля // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2021. Вып. 4. С. 561–568. DOI: [10.17072/2078-7898/2021-4-561-568](https://doi.org/10.17072/2078-7898/2021-4-561-568)

For citation:

Shevchenko O.K. [Chronotopy and topochrony of power in the context of the socio-political views of A. Kozhev and G.V.F. Hegel]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofija. Psihologija. Sociologija* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2021, issue 4, pp. 561–568 (in Russian). DOI: [10.17072/2078-7898/2021-4-561-568](https://doi.org/10.17072/2078-7898/2021-4-561-568)

УДК 130.3+316(4)

DOI: 10.17072/2078-7898/2021-4-569-581

POLITICAL SUBJECTNESS: A CASE OF TRANSDISCIPLINARY REFLECTION

Larisa P. Kiyashchenko, Anastasia V. Golofast

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences (Moscow)

The article attempts to comprehend the issues that arise in connection with the spread of transdisciplinary strategies. These are questions to actualize the consideration of transdisciplinarity, as a phenomenon hierarchically associated with an interdisciplinary form of human activity, which is considered as a heuristic primordial foundation of the modern stylistics of philosophizing. It clarifies, redefines, through the filter of the existential problems to be solved, the generally accepted provisions and laws of disciplinary knowledge, using the paradoxicality of the reflexive-recursive subject-object relations of postnonclassics. Political subjectivity can be considered a term in social and political philosophy that accounts for the ability to introduce change in the internal and external areas of the political form. Political subjects execute power in different ways and on different levels of the multilevel governance structure. On each level political subjects come into existence, develop and mature and then proceed with deconstruction. Political morphogenesis is a complex phenomenon. The main target for the closed political subjects is self-preservation as these political forms have an in-built development ceiling, whereas the main target for the open political subjects is evolution as a process that is isomorphous with the environment. Political morphogenesis has an interval character: it happens mostly under the circumstances of uncertainty and unpredictability of the political life when the political form's old parameters of order are no longer functional while the new order parameters have not been established yet. This is the momentum when political entrepreneurs enter the political stage — those are political subjects that extract value from uncertainty by offering a crisis management initiative that eventually leads to the empowerment of the political entrepreneur by granting it more power and a widened authority scope.

Keywords: authority delegation, path dependence, political complexity, political subject, transdisciplinarity.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ МОРФОГЕНЕЗ: СЛУЧАЙ ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНОЙ РЕФЛЕКСИИ

Киященко Лариса Павловна, Голофаст Анастасия Витальевна

Институт философии РАН (Москва)

Политическую субъективность можно рассматривать как термин социальной и политической философии, который объясняет способность вносить изменения во внутренние и внешние области политической формы. Политические субъекты осуществляют власть по-разному и на разных уровнях многоуровневой структуры управления. На каждом уровне политические субъекты возникают, развиваются и созревают, а затем переходят к стадии разрушения. Политический морфогенез это сложное явление. Основная цель закрытых политических субъектов — самосохранение, поскольку эти политические формы имеют встроенный «потолок развития», тогда как основной целью для открытых политических субъектов является эволюция как процесс, изоморфный окружающей среде. Политический морфогенез носит интервальный характер: он происходит в основном в условиях неопределенности и непредсказуемости политической жизни, когда старые параметры порядка политической формы перестают функционировать, а параметры нового порядка еще не установлены. Это момент, когда на политическую арену выходят политические предприниматели — политические субъекты, которые извлекают выгоду из неопределенности, предлагая инициативу кризисного управ-

ления, которая в конечном итоге приводит к расширению прав и возможностей политического предпринимателя за счет предоставления ему большей власти и расширения полномочий.

Ключевые слова: делегирование полномочий, «эффект колени», политическая сложность, политический субъект, трандисциплинарность.

Introduction

Digital age brings political processes to a new level of connectivity and opens up new opportunities for political participation and political mobilization. At the same time, as the experience of the pandemic shows, digital technologies are used by the state as instruments of control, biopolitics and even necropolitics [Mbembé J.-A., Meintjes L., 2003] — making political decisions about who will live and who will die. The world is witnessing a revolution of meso-level connectivity — the formation of Internet communities that have a breakthrough impact on the political process, since they create islands of a new type of identity that is not related to territorial, national, or professional spheres [Kiyashchenko L.P., 2017]. The development of exponential technologies, i.e. those technologies whose productivity increases over time, as well as NBICS technologies (Nano-, bio-, info-, cogno-, socio-), promise a radical transformation of almost all spheres of intentional human activity [Alekseeva I.Yu., Arshinov V.I., 2016], including the activity of creating, maintaining and transforming political institutions. Having abandoned the idea of cumulative progress, individuals also stopped thinking about the future and began to think for the present. The future generates existential fear associated with the problem of technological singularity. This actualizes interdisciplinary analytical work in relation to the demarcation of the boundaries of political subjectivity [Kiyashchenko L.P., 2016a].

In this work, we will give definitions to the political subject, consider the sources of its stability and deconstruction, using methodological developments in the field of transdisciplinary studies of political processes. The relevance of applying a transdisciplinary approach to the analysis of political phenomena is rooted in the fact that distributed governance practices are most prevalent in the digital era. In addition, we place the main focus on the multi-level political processes that are implemented at the subnational, national and supranational levels. As a reaction to these changes, the following research question arises: what forms of political subjectivity organization are optimal for managing political

space in the digital age? The topic of political subjectivity is not new - in the Western tradition, issues of subjectivity are held under the rubric of «political actorness». Researchers of European integration Caropaso and Jupille identified the parameters of political subjectivity [Caropaso J., Jupille J., 1998].

The authors proceed from the following general provisions:

1. Definitions assigned to political science concepts are not static and need to be redefined in response to the changing realities of the dynamic world.

2. Theoretical and methodological prerequisites behind the definition of patterns in political science are not a fixed set of ready-made solutions from which one can choose the appropriate ones for the situation but become a focus for reflection, as a result of which, it is possible to propose new grounds for conceptualizing phenomena in the political world.

3. Political science will develop as much as it becomes more common to abandon the paradigm of the self-evident.

Entropy means a measure of disorder, i.e. chaos in open dissipative political forms. Consequently, it activates the issue of boundaries, where the way to minimize entropy is to close the boundaries of a political form (the price of this is the emergence of a ceiling for the development of such «mother» political form [Roeder Ph., 2007] and its subsequent disintegration into smaller nested political forms that acquire autonomy, and then independence); selective (selective) openness appears as a way to maintain the average level of entropy, where a limited range of situations are regulated by the parameters of the order of the political form, other situations are marked by the predominance of entropic information in decision-making and the initiative of institutional entrepreneurs who use the «window of opportunity» to increase their own political capital; second-order openness implies the ability of a political form to choose the challenges to which it is ready to respond by framing political problems and their subsequent solutions. The transmission of impulses in the political domain occurs with the help of language, which is a tool for framing political prob-

lems, which, through narratives, are translated into society and implemented in specific behavioral practices at the level of the individual and the solution of issues of belonging / exclusion that are key for the political domain. Practices of sign and symbolic design of belonging in the language have the reverse side of the discourse of exclusion. Between belonging and exclusion there is the entropic space of the phase transition from following the order parameters to their transformation, which is indicated by the included third in A. Hirschman's «loyalty – voice – exit» trinity [Hirschman A., 1970], where «voice» implies the presence of «protective valves» in the political domain to channel conflict potential of the participants [Coser L., 1964].

The authors proceed from the following methodological premises:

1. Political institutions, processes and technologies are cognizable at the meta-level. Analysis at the meta-level is necessary to stimulate scientific research on methodological issues [Kiyashchenko L.P., 2016b].

2. To meet the changing realities of the international intellectual and technological environment, political science can turn to synthesizing fields of knowledge, such as practical philosophy of transdisciplinarity [Kiyashchenko L.P., 2015].

3. Transdisciplinarity is a relatively new approach to the analysis of political categories, and this, as well as the goals and objectives of this study, may limit its application to the analysis of the political.

Defining political subject

Principal-agent approach. Political relations are relations between subject A and subject B, in which A delegates to B the decision-making process on a certain range of issues. This assumes that B has more knowledge and experience than A, and therefore is able to more effectively manage in the interests of A. This type of relationship is called relationship of authority delegation or relationship according to the logic «principal-agent» [Pollack M., 2007]. Delegation relations are associated with a social contract, according to which freedom of the subject delegating powers is limited in the interests of the common good to the extent that its voluntarism is able to restrict the freedom of other subjects. Principal-agent approach assumes the definition of a political entity as a participant in the delegation of authority relations.

Game theory approach. Relations between the elements that make up a collective political subject arise because these elements are human-dimensional, and the individual subject cannot satisfy its needs in isolation from others. To achieve goals, the individual enters into synchronous and asynchronous interactions. In the course of these interactions, the laws of game theory are implemented. Game behavior is characterized by fragmentation of trust or fragmentation of threats, depending on whether cooperative or non-cooperative behavior takes place and whether such interactions are a zero-sum or a non-zero-sum game. Game theory approach conceptualizes the political subject as a participant in a game relationship to extract personal benefit through repeated interactions with other players.

«Rules and rule breakers» approach. An individual, «thrown» into certain systemic rules, can show conformity and integrate as much as possible into the environment in which he or she was destined to be born. This person then does not acquire subjective properties and remains an object in relation to which a systemic political course is implemented. In turn, a non-conforming individual acquires subjective qualities over time by violating the established rules. Breaking systemic rules an individual creates a precedent that leads to one of the two options for system response - 1) suppression of deviant behavior, or 2) emergence of a new rule. In the second case, the individual becomes an individual political subject. «Rules and rule breakers» approach thus conceptualizes political subject as an individual who, by breaking the rules, creates a new rule, i.e. a new order parameter for the system into which he or she is «thrown».

«Narratives and performatives» approach. Political subjects are defined by the story they tell about themselves and the stories that others make up about them. In the process of communication, an individual deliberately discloses certain information and inadvertently gives out undesirable information about subjective properties and motivations for political behavior. Using these two types of data, other subjects build expectations about this subject's future behavior. Subjectivity in the political field is born with the participation of the institution of reputation. Political scientist Michael Tomz identifies the following categories in his analysis: persistent subjects who live up to expectations about their behavior, unreliable subjects who partially meet exter-

nal expectations about their behavior, and «demons» — constant violators of external behavioral expectations [Tomz M., 2007].

Political subject may have the following synergetic characteristics:

1. Consensus based and observed order parameters. In routine politics, processes of homeostatic exchange take place in the political structure. These processes follow certain rules called order parameters. For the parameters of order to be respected by all participants in a collective political entity, these parameters should be recognized in a consensus manner. At the same time, they can be developed by the leading center and presented for coordination according to the top-down logic. The degree of observance of the parameters of order by the elements of a collective political entity is the degree of stability of this political entity. These parameters can be incrementally (insignificantly) adjusted in the routine political process as a reaction to what is happening in the external environment.

2. Ability to self-organize. To respond to change in the external space, collective political actor should be able to benefit from chaos. Whereas in a hierarchical political organization, for optimal control, each element of the system must be in its place and, at the right time, give out a standard reaction to a standard irritant, in the dispersed political structure of the digital era, the subject is affected by unfamiliar phenomena under constantly changing circumstances. Hence emergent behavior arises — unpredictable reactions to exogenous impulses that did not take place before. Due to the ability to self-organize in routine politics, political subject avoids shock transformations of order parameters and can remain unchanged for a long time.

3. High degree of connectivity and interdependence. A collective subject has a plurality of internal connections. They serve a dual role. On the one hand duplication and overlapping of functions can keep collective subject from collapse when it is at the stage of synergetic formation. On the other hand, the presence of strong ties between the elements of a collective subject can cause cascade reactions, which is fraught with the risk of deconstruction. The optimal is the presence of an average number of «weak ties» directed to the external environment, towards communication with other subjects. This is called the formation of a dissipative subject, characterized by establishing a system for

the exchange of energy and resources with the environment.

4. Self-generating reasons for existence (*raison d'être*) and sources of political change. At the stage of synergetic being, a political subject has a stable value-orientational matrix, which lies at the basis of the order parameters according to which this subject functions. In routine politics, the subject seeks to preserve the value-oriented matrix and the order parameters that follow from it. To do this, the political subject needs to invent «reasons for existence», i.e. problems that it can solve. Each subject carries out «framing» of problems, for which it will find solutions in proportion to his possibilities of political action. To maintain homeostasis, the subject needs to respond to the impulses of the environment that it conceptualizes as relevant.

5. Reflexivity of political process and the presence of feedback loops. Reflexivity of political process means the ability of the political subject to manage policy learning. In the process of synergetic formation, innovative political practices are being tested, since in the realities of a sudden shock event there are no ready-made recipes for solving an emerging political problem. If a subject can solve a political problem, its subjective qualities are significantly consolidated, since it receives positive feedback as a result of its activities.

Types of political subjectivity

In social relations, the subject can be described both vertically and horizontally. When it comes to horizontal relationships, these are relationships based on the principle of reciprocity. According to T. Schelling, this means fragmentation of trust and fragmentation of threats [Schelling Th., 1971]. For example, one subject enters into a deal with another subject on the implementation of a specific task, and if this act of interaction is crowned with success, the cooperative relationship will continue. The same applies to threats - if a subject succumbed to pressure from another subject once, this increases the chances that the subject from whom the first threat came will continue to use this behavior strategy in the future.

Horizontal relationships between subjects are well studied by negotiation theory and game theory, as well as behaviorism. Of interest is the theory of Paul Sabatier, who formulates the principles of coalition building. According to Sabatier, subjects have core values, political priorities and secondary inter-

ests. Sustainable cooperation based on mutual recognition and trust is obtained when subjects have common core values with minor differences in political values. Secondary values may differ [Sabatier P., 1988]. Long-term cooperation is facilitated by the following aspects: 1. Common core values. 2. Ability to keep sustainable commitments based on the subjectivity of each participant. 3. Ability to delegate problem solving to the minimum sufficient level (subsidiarity principle).

Horizontal relationships can be established both voluntarily and under duress. For example, L. Coser in his work «The Functions of Social Conflict» writes that a conflict can become the basis for the emergence of relations between subjects that have not previously interacted with each other. As a result of the conflict, coercive relations are established, and in the future these relations can move into a constructive channel and become voluntary. Conflict allows one to determine the framework of the subjectivity, so that mutual recognition leads to conscious mutual restraint. There is an argument that the peaceful coexistence of states in the international arena is facilitated by an average concentration of power distributed over several states. Then each of them, recognizing the strength of their rival, avoids unleashing a war [Coser L., 1964].

If one of the participants in the cooperation agreement differs greatly from the other participants, as a rule, we are talking about the formation of hegemonic asymmetric relations. At the same time, the satellites are interested in unification and information exchange among themselves, which provides them with protection from voluntaristic behavior on the part of the hegemon. The hegemon, on the other hand, will strive to ensure that communication takes place according to the principle of «hegemon-satellite», and not on equal terms «satellite-satellite». This strategy allows the hegemon to maintain the information advantage and avoid «growing» satellites to the role of challengers — subjects claiming the role of hegemon.

A vertical relationship is a delegation relationship between a principal and an agent. Principal-agent relations are a form of subject-subject relations, since the principal does not lose subjective qualities in the result of power delegation, but the agent acquires them. Although the asymmetry between the subjects can reach limiting values, in the manager-controlled relationship the controlled link cannot be reduced to zero, because in this case the

relations themselves cease - the vertical of delegation is abolished.

Political subject: sources of resilience

Path dependence. Political agreements that form the subject are highly inert. This means that the order parameters can be stored for a long time without significant changes. This is because decision-makers ignore most of the incoming signals without making them a problem. Path dependence means that the political process, from a certain moment, which is called a critical junction, begins to move along a route, from which it becomes too costly to turn off. This contributes to the preservation of the political subject in the given parameters of functioning until the next shock event.

Dispersed internal connections. If internal connections in a collective subject are built on the principles of distributed power, an interconnection of elements is formed. The degrees of freedom in the order parameters of elements that are themselves complex systems are not limited by coercion, and Sedov's law of hierarchical compensations does not work as the increase in the diversity of the upper control level is not necessarily accompanied by a narrowing of the diversity of the lower governance levels.

Long operating time. The longer a political subject no matter individual or collective exists, the longer it will continue to exist [Fukuyama F., 2015]. Repeatable governance practices provide greater precision and scalability of policy action. The normative value foundations that underlie order parameters receive more empirical reinforcement. Over time, the subject acquires additional identities as role attitudes that allow him to effectively rank impulses coming from outside and find answers to them, focusing on higher value preferences.

Material and technical autonomy. If an entity has framework conditions that ensure its autonomy, this increases its weight in external transactions. States with sources of material wealth have more weight in international relations and dominate the division of labor. At the same time, it is clear that in the modern world no country produces the entire range of goods and services — we are talking about «excellence» in key technologies that allow teaching, treating, feeding, i.e. ensure «system sufficiency».

Reciprocity and the ability to enter into intertemporal agreements. A political entity is stable if it can make credible commitments and enter into a re-

relationship with deferred benefit, which is the basis for political cooperation. The resilient entity is also capable of other forms of reciprocal activity, for example, responding to a threat and ensuring a balance of strong players, which is the basis for peaceful relations in international politics. The ability to intertemporal agreements is a guarantee for building coalitions — through this technique, the subject takes part in building his own environment in the most favorable perspective.

Political subject: sources of deconstruction

Interruption of the continuity of development due to external shock. During the period of routine politics, only incremental changes in the parameters of the order of the political subject are possible. The continuity of political development is ensured by the path dependence on previous development, i.e. the tendency of a political entity to pursue a course based on the achievements of previous periods of operation. This logic can be interrupted by a sudden external shock. Critical junctions appear on the path of dependence, which set alternative trajectories for the further development of the subject. The choice of the path occurs at the point of bifurcation, and after completing it, the system approaches a new «attractor» — the area of attraction of the updated trajectories of political development.

Hierarchical or heterarchical nature of internal connections. The hierarchical political subject has a built-in ceiling for order parameter transformations. Hierarchy survives due to the high conjugation of elements and the ability to scale repetitive actions. The hierarchical political order only deals well with routine situations, while shocks require more flexibility in attunement to the environment. The factor of fragility of a political subject can also be the heterarchical nature of ties. Heterarchy is the space between two hierarchical domains that compete for the inclusion of «intermediate territory» in their power structure. In the usual way of functioning, the heterarchy maneuvers between two leading centers, offering it alternative sets of order parameters. As soon as it loses its ability to self-organize, it is included in one of the alternative hierarchical domains.

Short operating time. A political subject is easier to deconstruct if it functions for a short time. This is due to the period of active subjective formation preceding routine politics. The formation of a subject occurs when the parameters of the order of the pre-

vious political form have ceased to operate, and new ones have not yet been created. During the formative period, a political entity emerges that can benefit from chaos and strengthen its power within the new emerging domain. At the same time, challengers remain in the domain, subjects who disagree with the distribution of benefits enshrined in the new order parameters. When a collective political entity exists for a short time, the degree of probability of challenging new order parameters is a) high and b) dependent on the level of resources coming from outside.

External governance. If a collective entity does not have system sufficiency, it runs the risk of being integrated into the labor division system on unfavorable conditions for itself, falling under external control, which considers as a priority not the best management practices to maximize the benefit for this entity, but the convenience of management and the extraction of the resource of the given entity for its use by an external center. Territories under external control, over time, only increase their lag as compared to self-governing territories, which, on the scale of world politics, leads to consolidation of zones of insolvent nation-level entities (rogue states and failed states).

Decision-makers concentrate on short-term tactical interests. The issue of «framing», that is, the formulation of a political problem, is the dilemma of who or what to include on the political agenda. Decision-makers receive many stimuli from the environment, but not all of them are given the status of information, that is, data used in decision-making. Dissecting the collective political subject, we can say that it is divided into leaders and agents. If leaders in their decisions are guided by particular interests overwhelmingly, and agents in their political participation are guided by «procedural utility» (taking advantage of the very process of political participation), then the structure of the collective subject is at risk of deconstruction.

Parametric analysis of political subjects

In macroscale politics, we are witnessing a power spillover from traditional forms of the political, such as the state, to other forms, such as an individual and a small group, a city, or a supranational political entity. These forms of political governance are not completely new - earlier in history they possessed the qualities inherent in political subjects — it is worth recalling the role of the poleis-states of An-

cient Greece, the role of charismatic leadership in politics, the role of small groups in the formation of revolutionary movements, as well as the role of agreements between states that changed the course of world wars.

There is a limited set of forms of political subjectivity, which is reproduced in different iterations throughout history. These forms of political subjectivity include an individual, a small group, a city, a state, and a union of states. This work follows the following methodological plan of parameters for subjects of each level: 1) genesis; 2) the basis for the operation; 3) sources of sustainability; 4) sources of deconstruction; 5) trajectories of transformations.

Individual and Small Group

The individual becomes a subject in the process of interactions arising from the need to satisfy their needs. In the process of communication, the Observer appears, who gives the individual a subjective status. There are non-informational aspects of a conversation, during which the Observer assigns subjective qualities to the counterparty.

The political subjectivity of the individual manifests itself when he enters into a relationship of domination either as a controller or as a controlled one. The existential philosophical tradition describes subjectivity through the «throwing» into the world of rules to which the subject is called to obey, or which he can change by showing an active subjective position. Small group morphogenesis often occurs through conflict, which contributes to the demarcation of group boundaries and the creation of relationships where none existed before. The group acquires a political character in its activities, when the relations between the participants become relations regarding the acquisition and transfer of power, as well as relations regarding gaining access to the control of the power domain, i.e. about hegemony over another subject.

The rules by which individuals in a small group function are the subject of a social contract. They determine who the members of the group are and how membership is acquired, as well as the possibilities for voluntary or involuntary loss of membership. Order parameters define the rules of behavior for group members, forming group identity. Political culture can be subject or participatory, depending on whether the participation of the subjects in the management of the group is supposed or not. As the group develops, a hierarchy of leaders and

agents emerges in it, where leaders control the trajectory of the group's development, and agents ensure the implementation of routine politics.

The subjectivity of a small group is provided by the following sources of stability: the presence of «protective valves» [Coser L., 1964] — if the group has the means that help to channel the discontent of participants, then this prolongs its existence in the current parameters of order; the length of the group existence - according to historical institutionalism, the longer the group operates, the higher the chances that it will continue to exist; the symmetrical nature of the participants - if the participants are distributed symmetrically within the group, then the likelihood increases that the social contract that they have concluded among themselves will have a longer duration; small number of participants: when the group has a small number of participants, it is easier to recognize and authorize deviating behavior; common core values: group members must have collective values that will prevail over the values of individual members, which allows for a synergistic effect of cooperation and makes the group an independent political subject.

A small group consists of rank-and-file members and leaders. The beginning of the decline of such a political subject can be considered a situation when leaders: lose awareness of what is happening in the group; lose their role as mediators of conflicts in the group; cease to produce information about what actions must be performed by the rest of the group in order for the group to continue its functioning (i.e., they no longer produce *raison d'être*). From the point of view of the behavior of ordinary participants, the group loses its subjectivity when the majority of participants do not agree with the vision of the future proposed by the leaders; when challengers appear who offer an alternative vision of the future and receive support in the group, which leads to the group split; or there are radical changes for the better or worse in the resource provision of the group, which is an impetus for the redistribution of additional or insufficient resources.

A small group can a) break up into smaller associations; b) become a part of a larger association; c) build a system of concentric circles, when the core of participants meets stricter requirements for membership, the next circle of participants meets weaker requirements, and so on.

City

Due to the scaling of production processes, several small groups are combined, and the morphogenesis of the city is launched. At the city level, there is a great deal of specialization and diversification of production processes, as well as the allocation of special governing bodies. At the same time, the main management functions are concentrated in the hands of the urban elites. Belonging to the elite is determined by property, educational qualifications and by belonging to a given city from birth. The city is the first dissipative system that establishes ramified economic and political ties with the environment.

The basis for the functioning of the city is its dissipative nature and the principle of self-organization on which it is based. Self-organization of the city occurs through the redistribution of resources on an ongoing basis in the course of political, economic, social and cultural processes. The city is an open adaptive system that draws energy from the external environment. In addition, the city is a system with non-linear development, in which a disproportionately strong response can arise to a weak external impulse. The city is a political system that operates like a thermostat. This indicates the pendulum nature of the processes that ensure its functioning as an autonomous unit.

The main source of the city's sustainability is the given order parameters. These order parameters are economic order, which allows small groups within a city to maintain homeostasis through economic activity, and political order, which allows to achieve justice through the redistribution of benefits. The political order also serves as an arbitration tribunal in the resolution of disputes.

The infrastructural value of a city as a node in the global network is determined by its location, level of technological development and ability to self-renewal, i.e. automatic production of innovations. To be sustainable, a city must provide an appropriate response to environmental challenges and be harmoniously integrated into the macrosystem of the state, possessing a significant resource for self-government. In strong states with a high level of state solvency, there is a higher chance that cities will receive state support.

The decline of a city is possible, for example, if it is a mono town that specializes in the production of only one type of goods. Over time, this product

may turn out to be rudimentary - such a city is initially at risk. Cities disintegrate due to a lack of resources and opportunities for lower-level actors, such as a small group, to receive the common good.

From a synergistic point of view, a city loses its subjectivity when it loses the ability to self-organize, for example, if a major internal conflict arises that cannot be resolved through mediation at the city level. In addition, if a city falls under a different external control than before, for example, it is conquered by another state, resources can be extracted from it in favor of a new center, and then it also falls into decay. Finally, cities disappear because of military actions or the deconstruction of the state.

A city can a) become a city-state; b) be absorbed by another state, i.e. fit into another macro-level hierarchy; c) break up into several small settlements.

City alliance

The alliance of cities is possible as a result of a convention, i.e. concluding an agreement on mutual obligations. The issue of secure commitments is fundamental to the analysis of city-to-city cooperation. This is the cooperation of symmetrical subjects that do not have full autonomy, since they function within the framework of different states that offer unequal parameters of order for their cities. This inequality prevents the development of centralization in city alliances that are political subjects within the framework of neighboring states. As a result, the alliance is formed on the basis of weak ties, ensuring cooperation mainly in the areas of «low politics», such as environmental protection and ensuring infrastructure connectivity.

Since the alliance of cities is based on weak ties, such political subject does not form stable order parameters. It uses the logic of fragmentation of trust and fragmentation of threats: fragmentation of trust implies that in response to cooperative actions, as a rule, there is a cooperative response, while in response to threats, as a rule, there are retaliatory threats [Schelling Th., 1971]. Thus, the principle of reciprocity in political behavior is at work. Interaction between cities also takes place according to the principle of conditionality, i.e. political conditionality, when one city can offer the other conditions of most favored nation in trade and politics while fulfilling a number of requirements. However, the use of this political technology is limited by the power of the states within which the cities operate.

The source of stability of city alliances is their observance of conventionally designated mutual obligations. Such an association is stable and acquires subjective qualities when a system of mutual deterrence is in place, which prevents the emergence of hotbeds of military confrontation. The more symmetrical in terms of their political weight these cities are, the higher the chances of forming a stable association with subjective properties. The alliance of cities in its strength also depends heavily on the ability of the established links to regenerate. If the ties have a rhizomatic character and the ability to self-heal, such ties can be considered a guarantee of the strength of city alliance.

The Hanseatic League is a historical example of the alliance of cities. Evolution has shown that this association was not strong enough, however, at present, city associations exist in the so-called Euro-regions, i.e. adjacent regions of different states, which unite to ensure infrastructure connectivity and resolve issues of «low politics», as a result of which it may be premature to talk about their subjective qualities.

The alliance of cities as a political entity may disintegrate if the ties which hold the alliance are destructed. Such deconstruction may occur due to the dominance of centrifugal forces in relations between cities, because of a change in their trade or geopolitical orientation. In addition, the legislation of the states within which the cities are located may change, which leads to discord in their communication and to the inability to withstand the obligations assumed.

For city alliance two transformation trajectories are possible: it can disintegrate or become the basis for the creation of a centralized state.

State

Among the theories of the state emergence there is a theory that the state was necessary for the distribution of the surplus product, which the subjects began to receive as production developed. The separation of the state apparatus became the basis for the functioning of a new class of people, civil servants, who ensured the operation of the state. The state appeared because economic policy required scaling up; a social system that demanded government intervention, which otherwise developed disproportionately based on a free market; there was a need to streamline the military sphere, since the army in-

creased as it conquered new lands and became part of the country.

The state is a complex adaptive political system based on the monopoly on legitimate violence in a demarcated territory. The state functions on the basis of the consensus agreement of small groups and cities. Two pivotal factors of the state's existence are distinguished: internal and external sovereignty. The state has a security function, on which its internal sovereignty is based. This is the provision of military security for entities operating in the legal field of a given state, and the provision of basic services to the population.

At the same time, it is important to have a feedback loop, thanks to which the state receives a response from the population regarding its policy. External sovereignty is based on the state's ability to implement an independent foreign policy and on the state's involvement in the system of international law. If a state refuses to function in foreign policy within the framework of international law, this will eventually lead to the loss of subjectivity as an independent player in the international arena, since it will make this state an object for intervention by the guarantors of the stability of the international legal system.

The sources of the stability of the state are the fixed and implemented parameters of order. The longer the state has been functioning in the given order parameters, the higher the likelihood is that it will continue to function in the future. An important source of state stability is the ability of elements to self-organize, which makes possible a timely and sufficient response to the changing conditions of the internal and external environment.

The state is stable when its internal and external sovereignty are not questioned, and also when the internal elements do not neglect the collective good. In addition, the state has a center-peripheral polarity, which determines the relationship between the center and the regions. These relationships imply that the center must outweigh the regions in certain parameters, which ensures its ability to govern the entire territory.

Using the three-part combination «loyalty – voice – exit», proposed by Hirschman, we find that the state disintegrates when the regions do not show loyalty and they do not have an institutionalized opportunity to express their voice. There remains a way out, i.e. secession [Hirschman A., 1970]. According to Roeder, within the maternal state form,

subsidiaries may mature over time. When they receive an autonomous source of income, they may seek to revise the agreement concluded with the center, and obtain, if not the possibility of secession, then more profitable autonomy, when the subject remains within the state, but has much greater freedom of self-government (informal decentralization) [Roeder Ph., 2007]. Disintegration of the state is also possible when the subjects within the state begin to be attracted to different poles of influence outside the given state, and the parameters of order adopted in the state are eroded.

There are the following options for transforming the state: a) disintegration into smaller forms; b) inclusion in the composition of a macro-entity; c) external management.

Supranational political subject

The emergence of a union of states is the subject of an institutional agreement. It outlines the extent to which participants must compromise their national interests in order to achieve the collective good. In addition, it defines the criteria for membership. In addition to the criteria for membership, there are rules for members of the organization, as well as rules for rewards and punishments. General rules are divided into those that relate to internal relationships, and those that relate to relationships with external actors.

The union of states can be considered a full-fledged subject when it becomes a subject of international law. Such associations are created with the aim of ensuring security and improving the material well-being of the participating states, especially if the creation of an association means the creation of a common internal market with conditions of most favored nation in internal trade.

The following principles of a viable unification of states are highlighted. The first principle is supranationality. Supranationality implies the existence of supranational authorities, whose decisions are binding on the member states. It is necessary to create guarantors of punishments and rewards in a system consisting of elements whose legal status is identical, but the real political and economic weight is different. Common institutions are a way of leveling these differences and emphasizing the role of small states that get a chance to improve their international status through participation in the association.

The second principle is the principle of subsidiarity, or solving problems at the lowest possible level. And the third principle is the principle of conditionality or political conditionality in relations with external actors, which presupposes the conclusion of an intertemporal agreement between the association and the external subject that the association supports the subject if he undertakes to adjust his order parameters to those required for joining this association. The use of this principle is preparation for the expansion of the supranational association.

The sources of the stability of a supranational association are the similarity of core values and the presence of guarantors of compliance with the parameters of the association order. Political values and priorities may differ according to national interests. Distributed management practices, which are built according to the network model, are the source of sustainability. Such management practices do not eliminate or level hierarchies, but they do make the system dissipative. In the internal environment, data on the facts of evasive behavior, which the given system sanctions, is important. In the external environment information is important about which subjects the system can apply the principle of conditionality, i.e. to which subjects this system is potentially capable of expanding the effect of its order parameters. To ensure internal loyalty if the system has created «safety valves», this increases the chances of evolutionary sustainability of the integration association as a multi-level system.

The sources of the decline of the supranational association include the lack of trust in the interaction between the elements of the association. Since it is trust that is the social «glue» in communication between political actors, the lack of trust leads to the deconstruction of cooperative relations. Collaboration is based on intertemporal deals. Each subject assumes obligations regarding its behavior within the framework of a certain association. If he does not adhere to the line that his obligations provide him, his behavior does not lead to reputational costs, if the subject does not live up to expectations regarding his behavior, his reputation is revised within the association. Supranational unification falls apart when the center ceases to generate *raison d'être* for a given collective subject; when an association ceases to produce the collective good for which it was created.

The union of states can: a) create a system of concentric circles uniting participants with different

levels of system integration; b) break up into minority coalitions, consisting of several elements of the initial unification; c) completely disintegrate; d) move to a new level of supranationality in management with the loss of participants who are not ready for further transfer of powers to the supranational level.

An integral attribute of political matter is complexity, which determines the specificity of morphogenesis, the essence of which is the permanent adjustment of order parameters while striving to maintain the status quo. The hypothesis is expressed and substantiated that political change (formation) is characterized by an interval nature: the most significant changes occur when the old rules of functioning of a political subject no longer work, and new ones exist in the form of a hypothetical assumption.

The main process of political morphogenesis is a process of self-organization that takes place in a multi-vector field of interactions (actions and interactions of policy subjects) that make up the internal and external environment of the political form. It has been demonstrated that the process is generally uncontrollable, but amenable to stimulation in a situation of permanent underdetermination in the right direction on the part of decision-makers.

Morphogenesis is a complex and nonlinear process in which rollbacks or inhibition in a gray zone of uncertainty, ambiguous responses to the same action are possible. In general, political change can be represented by two vectors: the first vector is the endogenous self-organization of the form according to the bottom-up logic, and the second vector is directed changes according to the top-down logic, when there is a significant desynchronization of the form with the environment.

Political processes are pendulum in nature, which is described by the thermostat effect. Political action can entail more serious consequences than what was originally conceived, since political forms are in a relationship of interdependence both among themselves and with other spheres of human action. Relationships of interdependence can generate cascade effects. The stronger the interdependence between the forms is the less opportunities for amortization of the cascades the political form has.

Being a discrete phenomenon corruption can be also described as a process that is embedded in both modes of a political form: Being and Making. In the relations of authority delegation corruption is a function of informational asymmetry between the

principal and the agent. Both subjects, the principal and the agent, inherently strive at power maximization associated with monopoly of control to the extent that does not eliminate its counterpart, because otherwise it would mean abolishing the principal-agent relations. Considering the interval character of morphogenetic transformations that occur when the previous parameters of order of a political form ceased to function and the subsequent order parameters exist only as a hypothetical proposition, corruption reaches the extreme because uncertainty produces voluntaristic political behavior that is the reverse side of institutional entrepreneurship.

Political morphogenesis is carried out through the alternation of periods of concentration and deconcentration (dissipation) of political power in temporal and spatial dimensions. The latter is manifested in the fact that forms that seemed rudimentary in modern times are reborn in a new configuration and begin to claim political subjectivity. New ways of political organization are also emerging, such as cross-border associations of regions of states - also known as Euroregions.

Constants of the political process include leaders and challengers who defy incumbent leaders, as well as dominant and competing sets of order parameters. However, even the presence of similar initial conditions cannot guarantee that the intended political change will give the desired result, since the factor of chance can interfere with political morphogenesis.

The primary role in political morphogenesis and in the creation of coalition associations is played by the issue of trust. If the subjects of a political form are not capable of making credible commitments to each other, then the political form is unlikely to be stable. Trust remains a stumbling block in the implementation of most forms of social contract and gives rise to phenomena studied by game theory, such as the prisoner's dilemma. A supranational solution to the problem of trust between states is a precedent for a form of political arrangement for a more stable future on an evolutionary scale.

Conclusion

Thus, the synergetic approach has a heuristic potential for political science, making it possible to systematize data obtained from research that follows the canons of the mainstream of political science. First of all, we are talking about historical institutionalism. The application of the inherent categories

of this approach, such as the path of dependence on prior development and critical junctions, is central to the former for justifying political sustainability, the latter for justifying political change. The synergistic term «order parameters» has a meaning to describe the qualitative characteristics of political subjects of different types and scales.

Although political actors have dynamic character by default, the most stable periods of the political subject functioning are called periods of Being. At this stage, within a complex political entity, coalitions are formed, and decisions are made regarding the introduction of incremental changes in the existing parameters of order. In the process of making decisions regarding incremental changes for the order parameters of political subjects, veto players may arise, i.e. subjects that hinder the adoption of a political decision. Veto players can intervene at different stages of the political cycle — they can prevent a certain issue from being put on the agenda, prevent the presentation of viable alternatives for political action on the proposed problem, withhold information necessary to choose the optimal option for political action, and hinder the implementation of the adopted political decisions.

What properties should a political subject possess in order to become preadaptive and receive evolutionary advantages in the long term? These properties are:

1. Complexity. The political subject should have the level of complexity comparable to the level of complexity of the environment, according to the principle of institutional isomorphism.

2. Dissipativity. The political subject should build relationships with the environment to exchange energy with it.

3. Emergence. The political subject should be a whole, not equal to the sum of the properties of its constituent elements and be capable of producing unexpected political behavior.

4. Conditionality (political conditioning) and tactics of persuasion as opposed to coercion [Lake D., 2010] in intersubjective relationships.

5. Value matrix. In the «core» of the subject there must be a value matrix, based on which the subject reproduces itself, and also enters into relationships with other subjects.

On a global scale, there are precedents of collective political actors that can provide livelihoods for individuals in the good society. At the same time, there are still unresolved questions about how to

make the projected collective actors work in practice, since political actors often turn out to be «demons» and do not live up to expectations regarding their behavior. The problem of stable commitments in intertemporal political agreements remains one of the debatable problems in social philosophy and philosophy of politics and requires further research.

References

- Alekseeva, I.Yu. and Arshinov, V.I. (2016). *Informatsionnoye obshchestvo i NBICS-revolutsiya* [Information society and NBICS revolution]. Moscow: IPh RAS Publ., 196 p.
- Caropaso, J. and Jupille, J. (1998). States, Agency, and Rules: The EU in Global Environmental Politics. *The European Union in the World Community*, ed. by C. Rhodes. Colorado: Lynne Rienner Publ., pp. 213–229.
- Coser, L. (1964). *The Functions of Social Conflict: An Examination of the Concept of Social Conflict and Its Use in Empirical Sociological Research*. New York: Free Press, 188 p.
- Fukuyama F., (2015). *Political Order and Political Decay: From the Industrial Revolution to the Globalization of Democracy*. New York: Farrar, Straus and Giroux. New York: Farrar, Straus and Giroux Publ., 672 p.
- Hirschman, A. (1970). *Exit, Voice and Loyalty: Responses to Decline in Firms, Organizations and States*. Harvard: Harvard University Press, 162 p.
- Kiyashchenko, L.P. (2015). [The anxiety of becoming whole. Variations on the theme of transdisciplinarity]. *Voprosy Filosofii*. No. 11, pp. 76–86.
- Kiyashchenko, L.P. (2016). [Interdisciplinarity - field of philosophy's and sociology's crossing interests]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. No. 2, pp. 3–11.
- Kiyashchenko, L.P. (2016). [«Syndrome of paradigmality» in the development dynamics of modern knowledge]. *Problemy etiki: Filosofsko-eticheskii al'manakh* [Ethical Problems: Philosophical and Ethical Almanac]. Moscow: MSU Publ., iss. VI, pp. 37–54.
- Kiyashchenko, L.P. (2017). [Personality as a hologram in transdisciplinary culture]. *Voprosy Filosofii*. No. 11, pp. 58–67.
- Lake, D. (2010). Authority, Coercion, and Power in International Relations. *APSA 2010 Annual Meeting Paper*. Available at: <https://ssrn.com/abstract=1643751> (accessed 28.07.2021).
- Mbembé, J.-A. and Meintjes, L. (2003). Neocropitics. *Public Culture*. Vol. 15, no. 1, pp. 11–40. DOI: <https://doi.org/10.1215/08992363-15-1-11>

Pollack, M. (2007). Principal-Agent Analysis and International Delegation: Red Herrings, Theoretical Clarifications and Empirical Disputes. *Bruges Political Research Paper*. No. 2. Available at: <https://ssrn.com/abstract=1011324> (accessed 28.07.2021). DOI:

<https://doi.org/10.2139/ssrn.1011324>

Roeder, Ph. (2007). *Where Nation-States Come From: Institutional Change in the Age of Nationalism*. Princeton: Princeton University Press, 430 p.

Sabatier, P. (1988). An Advocacy Coalition Framework of Policy Change and the Role of Policy-

Oriented Learning Therein. *Policy Sciences*. Vol. 21, no. 2/3, pp. 129–168. DOI:

<https://doi.org/10.1007/bf00136406>

Schelling, Th. (1971). *The Strategy of Conflict*. Harvard: Harvard University Press, 309 p.

Tomz, M. (2007). *Reputation and International Cooperation: Sovereign Debt across Three Centuries*. Princeton: Princeton University Press, 328 p. DOI: <https://doi.org/10.1515/9781400842926>

Received/Получена: 29.09.2021. Accepted/Принята к публикации: 02.11.2021

About the authors

Larisa P. Kiyashchenko

Doctor of Philosophy, Leading Researcher

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, 12/1, Goncharnaya st. Moscow, 109240, Russia; e-mail: larisakiyashchenko@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4244-5732>
ResearcherID: J-4925-2018

Anastasia V. Golofast

researcher-intern

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, 12/1, Goncharnaya st. Moscow, 109240, Russia; e-mail: nastya1555@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8689-687X>
ResearcherID: W-2494-2017

Об авторах

Киященко Лариса Павловна

доктор философских наук,
ведущий научный сотрудник

Институт философии РАН,
109240, Москва, ул. Гончарная, 12/1;
e-mail: larisakiyashchenko@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4244-5732>
ResearcherID: J-4925-2018

Голофаст Анастасия Витальевна

стажер-исследователь

Институт философии РАН,
109240, Москва, ул. Гончарная, 12/1;
e-mail: nastya1555@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8689-687X>
ResearcherID: W-2494-2017

For citation:

Kiyashchenko L.P., Anastasia V.G. [Political subjectness: a case of transdisciplinary reflection]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologia. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2021, issue 4, pp. 569–581 (in Russian). DOI: 10.17072/2078-7898/2021-4-569-581

Пробьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Киященко Л.П., Голофаст А.В. Политический морфогенез: случай трандисциплинарной рефлексии // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2021. Вып. 4. С. 569–581.
DOI: 10.17072/2078-7898/2021-4-569-581

УДК 111+291.211.4

DOI: 10.17072/2078-7898/2021-4-582-591

«ЭТО КАК БЫ ДВА МИРА!»: ОВЕЩЕННАЯ И ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТИ

Лоскутов Юрий Викторович

Пермский государственный национальный исследовательский университет (Пермь)

Рассматривается философская проблема овещнения в онтологическом, гносеологическом и аксиологическом аспектах. Указанная проблема была обнаружена патристкой и получила свою теоретическую разработку в марксистской философии. В процессе исторического становления человека материя «поляризуется», раскалывается на человеческую предметную реальность и овещненную предметную реальность, которые выступают в качестве объективно существующих фикций — одна по отношению к другой. Овещненная общественная реальность, исключая человека как свободного субъекта, не соответствует человеческой сущности и потому выступает для человека неподлинной реальностью, порождающей неподлинную ценность. Овещнение (включе с его «своим иным» — фетишизмом) порождает превратные общественные формы, в связи с чем проблематизируется понятие факта. Это позволяет высказать следующую гипотезу: если условные высказывания, описывающие причинно-следственные связи в подлинно человеческой реальности, обозначаются как фактуальные, то условные высказывания, описывающие причинно-следственные связи в овещненной предметности, должны быть обозначены как контрфактические и наоборот. Объективное наличие двух взаимоисключающих предметных миров ставит науку в ситуацию выбора между альтернативными — человеческими или античеловеческими — моделями реальности. При этом человек как «микрососм» в неовещненной, человеческой мировоззренческой модели не уступает «макрососму», а его человеческая реальность конституируется в этой эмпирически достоверной модели с помощью особого, социального субстрата, который делает всех человеческих индивидов сущностно тождественными друг другу. При описании и объяснении социальных процессов имеет смысл уточнять, какая именно из двух взаимоисключающих реальностей — овещненная или человеческая — рассматривается в каждом конкретном случае.

Ключевые слова: человек, материя, ценность, овещнение, фетишизм, контрфактические высказывания, социальный субстрат.

«IT'S LIKE TWO WORLDS!»: REIFICATED AND HUMAN REALITIES

Yuri V. Loskutov

Perm State University (Perm)

The article deals with the philosophical problem of reification in the ontological, gnoseological and axiological aspects. The problem of reification was discovered by Patristics, but the theoretical development of this problem was carried out in Marxist philosophy. In the process of historical formation of a human, matter «polarizes», splits into human subject reality and reificated subject reality, which act as objectively existing fictions in relation to each other. Reification of social reality, which excludes a human as a free subject, does not correspond to human essence, and therefore it acts for a human as a non-genuine reality, generating non-genuine values. Reification (together with its «otherness» — fetishism) generates transformed social forms, through which the concept of fact is problematized. This allows us to propose the following hypothesis: if conditional statements describing causal relations in genuinely human reality are designated as factual, then conditional statements describing causal relations in reificated subjectivity must be designated as counterfactual, and conversely. The objective existence of two mutually exclusive

subject worlds places science in the situation of choosing between alternative — human or anti-human — models of reality. At the same time, a human appears as a «macrocosm» in the non-reified human worldview model, and his human reality is constituted in this empirically valid model by a special social substratum that makes all human individuals essentially identical to each other. When describing and explaining social processes, it makes sense to specify which of the two mutually exclusive realities — the reified or the human one — is being considered in each case.

Keywords: human, matter, value, reification, fetishism, counterfactual statements, social substratum.

Введение

Объективная реальность обладает фундаментальным единством, в материалистической диалектике неслучайно присутствует принцип всеобщей связи. Вместе с тем благодаря историческому становлению человека материя «поляризуется», раскалывается на собственно человеческую реальность и реальность овещненную, причем объективное положение дел таково, что эти две реальности выступают в качестве фикций друг для друга.

Человека уместно именовать в философии не вещью, а предметом — родовым понятием как для человека, так и для вещи. Проблема уподобления людей вещам (т.е. овещнения — *Verdinglichung, Versachlichung*) впервые ставится в отчетливой научной форме (и при этом теоретически решается в общем виде) К. Марксом, который отмечает то, что в условиях господства капитала «живому труду противостоит прошлый труд, деятельности — продукт, человеку — вещь, труду противостоят его собственные предметные условия, противостоят как чуждые, самостоятельные, прочно обособившиеся субъекты» [Маркс К., 1964, с. 498]. Итак, с точки зрения Маркса, при капитализме человеку противостоит вещь. Тем не менее стоит подчеркнуть, что речь здесь должна идти не только о капиталистическом обществе, так как особенно характерная для капитализма ситуация овещнения проходит стадию своего исторического вызревания, становления еще в докапиталистическом социуме. Указанная ситуация делает явным фундаментальное историческое противоречие между человеком и вещью. Данное противоречие может быть разрешено как «в пользу» человека, так и «в пользу» вещи. В первом случае формируется человеческая реальность, во втором — овещненная. Ситуация овещнения не сводится к природным, вещным процессам — это ситуация в культуре, характеризующаяся отчуждением человека от

самого себя, уничтожением человеческого в человеке и формированием античеловеческой реальности. Именно овещненная (а не просто вещная) реальность противостоит человеческой реальности как таковой.

Термин «овещнение» и производные от него термины употребляются многими философами-марксистами начиная с Г.С. Батищева для того, чтобы отграничить понятие овещнения от понятия опредмечивания. (Путаница между этими понятиями возникает из-за объединяющего их содержание двусмысленного термина «овеществление», употребляемого в русских переводах К. Маркса.)

Онтологический аспект овещнения

Онтологический аспект философской проблемы овещнения, тесно связанный с гносеологическими и аксиологическими вопросами, имеет не только социально-философское, но и общеполитическое значение. Мысли различных исследователей на эту тему «полифонически» создают онтологическую картину раскола материи, порожденного овещнением, а также дополняют эту картину сопутствующими «сюжетами».

Длительное существование противоречия между человеком и вещью в докапиталистическую эпоху поспособствовало тому, что у Маркса были предшественники — история первоначальных представлений о становящемся феномене овещнения связана, в частности, с патристикой.

Одним из первых философов, отметивших наличие в социуме двух различных предметных реальностей, был Августин Аврелий: «Существовало всегда не более как два рода человеческого общения, которое мы ... можем назвать двумя градами. Один из них составляется из людей, желающих жить в мире только по плоти, другой — из желающих жить также и по духу. Когда каждый из них добивается своего, каждый в соответствующем мире и живет» [Августин Блаженный, 1998, с. 3]. Дух в данном контексте — это домарксистское обозна-

чение социального качества, высшего в человеке, собственно человеческого. И так, одни живут, исходя из овещенной объективной логики низшего, другие — исходя из объективной логики высшего.

Иоанн Златоуст в «Слове на Новый год» привел конкретный пример овещенного мышления: «Почему ты считаешь его счастливым? Потому ли, что у него чудный конь, с позлащенной уздой, что у него много слуг, что он одет в светлую одежду и безмерно упивается и роскошествует каждый день? Но поэтому он несчастен и жалок и достоин обильных слез. Я вижу, что в нем самом вы не можете ничего похвалить, а хвалите все вне его: коня, узду, одежду; а все это — не он» [Иоанн Златоуст, 1898].

Нил Сорский в своем «Первом послании» жестко критиковал овещенное мировоззрение: «И сам ты, имея опыт искушения, разумеешь, сколько скорби и развращения имеется в мире сем мимоходящем, и сколько злодеяний сотворяет он любящим его ... кажется сладок, когда ласкает вещами, но впоследствии оказывается горьким. ... И многие из тех, кто обращался к вещам мира сего ... не разумели злосмрадия его, но тщетно стремились стяжать украшения и покой телесный, пытаясь найти способы стяжания прибытков» [Нил Сорский].

Отражение в социуме не исчерпывается идеальным. Ведь отражение как способность взаимодействующих тел воспроизводить особенности друг друга — это и внутренняя сторона материального производства. Таким образом, в процессе этого производства вещь отражает человека, а человек — вещь. Но в вещи не заключен весь человек, ибо простое не содержит в себе всей полноты сложного, в то время как в человеке вещь может быть отражена в своей сущности. Редукция сложного человеческого к простому вещному не является обязательным условием отражения вещи в человеке, но такая редукция закономерно возникает в ходе длительного становления отчужденного от рабочих капиталистического производства, в результате чего подлинная человеческая реальность подвергается разрушению посредством деятельности, уподобляющейся действию вещей (овещенной деятельности).

Существование не всякого предмета соответствует его сущности, т.е. существование не всякого предмета является подлинным [Колчигин С.Ю., 1987, с. 301]. П.Н. Кондрашов указы-

вает на то, что «для Маркса *неподлинность человеческого существования (unmenschliche Existenz)* дана именно в *несвободе*, а подлинность присутствия (*menschliche Dasein*) — в *освобождении труда (Befreiung der Arbeit)*, в *свободном самовыражении и самоосуществлении (Selbstbeäußerung, Selbstbetätigung, Selbstverwirklichung)*» [Кондрашов П.Н., 2019, с. 116]. Мир овещенной предметности, пронизывая наше существование, противостоит нашей собственной сущности, враждебен ей. Следовательно, мир овещенной предметности для нас неподлин, он есть «морок», дурное наваждение человечества. Причем данное наваждение происходит не во сне, а наяву, этот «морок» объективен. В классическом марксизме неподлинная реальность овещенного мира характеризуется следующим образом: «не вообразимая, а прозаически реальная мистификация» [Маркс К., 1959, с. 36], «фикция без фантазии» [Маркс К., 1964, с. 471]. Маркс первым пробивает брешь в обывательской уверенности незрелой науки в том, что она изучает только подлинные предметы.

Конкретизируя марксову концепцию овещенности, Г.С. Батищев констатирует, что в эпоху «предыстории» человечества социальная действительность как целостность «несет на себе печать всепронизывающей двойственности: она всякий раз есть одновременно и историческое бытие самого человека-субъекта, его предметный мир культуры и цивилизации, и столь же историческое не-бытие его как субъекта, отрицание его человеческого развития, иной предметный мир — нечеловеческий, хотя и социальный. Это как бы два мира!» [Батищев Г.С., 1997, с. 233–234]. На одной стороне этого предметного раскола находятся сами индивиды, на другой — овещенные, оторванные от индивидов производительные силы и такие же овещенные, оторванные от индивидов различные социальные отношения [Батищев Г.С., 1997, с. 234, 237]. При этом овещение приводит к тому, что «плоды деятельной жизни субъектов перестают быть предметным зеркалом, отражающим каждому из них взаимное свечение их сущностей ... В этом овещенная форма противоположна по своей роли человеческой предметности вообще» [Батищев Г.С., 1997, с. 235].

Д. Лукач также отмечает существование овещенной предметности: «На сущность товарной структуры указывалось уже неоднократно

но, и покоится она на том, что отношения между лицами приобретают характер вещиности [Dinghaftigkeit] и, тем самым, “призрачную предметность”, которая ... скрывает всякий след ее настоящей сущности, т.е. межчеловеческих отношений» [Лукач Д., 2017, с. 171–172].

В последние десятилетия эта превращенная, превратная реальность «призрачной предметности» все чаще существует в виде знаков и симулякров. Как указывает российский социолог Д.В. Иванов, перспектива виртуализации общества — это перспектива того, что отношения между людьми примут форму отношений между образами [Иванов Д.В., 2000, с. 20].

А.А. Хамидов рассуждает следующим образом: «Совокупность превращенных форм, в которые воплотилась абстрактная всеобщность, в своем квазисамостоятельном движении образует целую систему фиктивных связей и зависимостей, которые тем не менее не являются иллюзорными, но подтверждаются практически и выполняют определенные функции внутри конкретной действительности как целостности. Она образует целый слой, загораживающий собой сферу действительной конкретности — слой мнимой, фиктивной конкретности, своеобразный слой псевдоконкретности ... Последняя живет жизнью первой, но своим функционированием создает видимость не только суверенности, но и единственности; она выдает мир псевдоконкретности за единственно конкретный мир, за подлинную конкретность» [Хамидов А.А., 1979, с. 246–247].

Овещнение присутствует не только в сфере материального производства. Например, политические технологии манипулирования гражданами созданы по аналогии с промышленными технологиями, связанными с манипулированием вещами. Граждане для политических технологий — это всего лишь средство, объект, «сырье» для «технологических» манипуляций, но не субъект, не цель политики.

Нормальная структура практики — это «субъект – объект – субъект». Данная структура выражается как в отношениях между индивидами по поводу предметов, так и в саморазвитии индивида [Лоскутов В.А., Руденко В.Н., 1991, с. 45]. Напротив, «вещная форма практической деятельности принимает ... вид “объект – субъект – объект”, где системообразующую роль выполняют объект-объектные связи. И здесь также обнаруживаются два плана их развертывания:

внешняя форма ограничения — отношения разных “вещей” (товаров, институтов и т.д. к индивидам по поводу их деятельных способностей (отчуждение данных, имеющихся потенциалов); внутренняя форма самоограничения (самоотчуждение) — отношение индивида “становящегося” к самому себе как к раз и навсегда “ставшему”» [Лоскутов В.А., Руденко В.Н., 1991, с. 46–47].

Гносеологический аспект овещнения

В гносеологическом аспекте раскрывает проблему овещнения современный немецкий философ Аксель Хоннет. В качестве тезиса он выдвигает следующее утверждение: «Эмпатическое взаимодействие предшествует нейтральному восприятию реальности, ... признание предшествует познанию» [Honneth A., 2006, p. 113]. В качестве аргумента Хоннет ссылается на тот психологический факт, что появление у детей способностей думать и взаимодействовать — это процесс, который происходит в акте принятия точки зрения другого человека [Honneth A., 2006, p. 114]. Нарушение данного естественного познавательного порядка есть овещнение: «“Забвение узнавания” ... можно назвать “овещнением”. ... В той степени, в которой в наших актах познания мы упускаем из виду тот факт, что эти действия обязаны своим существованием тому, что мы заняли предшествующую позицию признания, мы развиваем тенденцию воспринимать других людей просто как бесчувственные объекты» [Honneth A., 2006, p. 128–129].

Сведение человеческих связей до вещного уровня наблюдается не только в превратном понимании связей между людьми, но и в превратном понимании отношения человека к миру, т.е. в овещненном мировоззрении. Сегодня приходится выбирать между человеческими и античеловеческими моделями мироздания. Критикуя «лингвистический поворот» в философии, В.А.Кутырёв отмечает то, что «все эти понятия: бытие, вещь, материя, субстанция, субстрат, абсолют, сущность, онтология, означаемое и т.п., с одной стороны, и субъект, автор, душа, внутреннее, сознание, психика, гносеология, истина, означающее и т.п. — с другой, были отправлены в отставку. Естественно, что вместе с ними туда же отправлены Бог и Человек ... На смену изгнанным философско-

метафизическим понятиям пришли: отношение, структура, функция, деятельность, язык, текст, организация, знак, дискурс, смысл, логос и т.д. ... Это *другая модель мира* или, быть может, модель *Другого мира*» [Кутырёв В.А., 2018, с. 118–119]. Да, вероятно, это модель мира овещненной предметности — мира превратного, не-человеческого и даже античеловеческого. Выбор среди картин мира связан сегодня с выбором типа рациональности, в котором разворачивается та или иная исследовательская программа. Без участия постнеклассической науки невозможна гуманизация современного общества. Следует преодолевать привычку использовать научную рациональность классического типа за пределами естественных рамок последней, т.е. за пределами исследования простых систем.

В ходе распространения (посредством овещнения) превратных (превращенных) общественных форм проблематизируется понятие факта, сформированное в науке классического типа: «Следует ... признать факт не догмой, а формой, которая может переворачивать (а может и адекватно отображать — исследователю предстоит еще в этом разобраться) некоторое содержание. Далее следует исследовать, какое именно содержание скрыто за данной формой. Для этого необходимо понять, что кажущееся содержание ... может быть ложно. Ложно оно или нет, можно понять только при условии системного *историко-логического подхода*, который покажет границы той системы, в рамках которой единственно и существуют данные превратные формы и “наведенное” содержание» [Бузгалин А.В., Колганов А.И., 2015, с. 154].

В связи с проблематизацией понятия факта уместно высказать следующую гипотезу: условные высказывания, описывающие причинно-следственные связи 1) в овещненной предметности и 2) в подлинно человеческой реальности, противоречат друг другу — в том смысле, что, если один из этих классов обозначается как фактуальные высказывания, то другой должен быть обозначен как контрфактические высказывания и наоборот.

Обычно в философии науки фактуальные высказывания пытаются противопоставить номологическим [Никифоров А.Л., 2009] (последний термин связан с понятием «закон»), однако та-

кой подход онтологически неправилен, ведь закон — тоже факт. Правильнее противопоставлять фактуальные высказывания контрфактическим. Последние являются условными высказываниями в сослагательном наклонении. Например, контрфактической является знаменитая мысль Маркса: «Предположим, что мы производили бы как люди. В таком случае каждый из нас в процессе своего производства двояким образом утверждал бы и самого себя, и другого» [Маркс К., 1974, с. 35–36].

С точки зрения вышеобозначенной гипотезы те причинно-следственные связи, которые существуют с точки зрения описания овещненной предметной реальности, не существуют с точки зрения описания подлинно человеческой реальности и наоборот. Д. Лукач заявляет о том, что человек одновременно есть и не есть [Лукач Д., 2017, с. 282]; можно уточнить эту идею в том гносеологическом смысле, что в картине мира подлинно человеческой реальности человек есть, но в картине мира овещненной предметности его нет (говоря словами Иоанна Златоуста, «а все это — не он»).

Влияние овещнения на мировоззрение можно проследить на материале возможной интерпретации понятия «микрокосм». Это понятие имеет существенный научный смысл. Однако с позиций овещненной человеческой мировоззренческой модели можно сделать акцент на его производность от критерия физической размерности («микро»). Вместе с тем если измерять человека присущей ему *человеческой меркой*, то окажется, что человек с точки зрения содержания не уступает «макрокосму», ибо актуально содержит в себе все основные природные формы материи в их сущностных моментах (и в дополнение к ним — свое собственное человеческое качество). Даже то в мире, что не входит в человека непосредственно («невключенное» низшее), служит условием человеческого существования и потому опосредованно входит в нашу целостную человеческую реальность [Мехрякова Н.М., 2007, с. 102]. А.В. Ласточкин справедливо указывает на то, что «в комплексных системах с разнокачественными элементами (люди – вещи) качество всей системы определяется сущностью ведущих элементов-частей, образующих свою главную подсистему-целое (объединение людей)» [Ласточкин А.В., 1990, с. 47]. Таким об-

разом, качество системы, состоящей из человека (с одной стороны) и мира, т.е. предельной вещи (с другой стороны), определяется людьми; указанная система — это общественный человек, включающий в себя мир. Данное онтологическое обстоятельство должно быть гносеологически отрефлектировано — начальным и конечным пунктом любой реалистичной философской рефлексии должен выступать человек, а не вещь.

Аксиологический аспект овещнения

Подлинные ценности — «квинтэссенция» подлинной, человеческой реальности. Неподлинные ценности — «квинтэссенция» неподлинной, античеловеческой реальности. Подлинная ценность — это человеческое отношение к миру и к самому человеку, испытание мира на критерий человечности. Неподлинная ценность — это бесчеловечное отношение к миру и к самому человеку, испытание человека на критерий приверженности чуждым ему «мирским» соблазнам, разрушающим человеческую сущность. Подлинная ценность одновременно и блага, и истинна: «Реконструкция системной взаимосвязи ценностного отношения и гносеологии показывает, что основной вектор их сопряженности — это движение от представлений о единстве блага и истины в философии античности к разрыву между ними в классической науке Нового времени и, далее, движение к восстановлению их единства на основе праксеологической интерпретации, в которой бытие человека имеет сущностную характеристику *ценностного бытия*. Ценность вещи определяется ее ролью в трудовой или познавательной деятельности, результат которой и есть истина, открывающая подлинную значимость (ценность) вещи» [Клёцкин М.В., 2018, с. 25]. Соответственно, неподлинная ценность не только не блага, но и ложна.

Особую теоретическую значимость имеет аксиологическая концепция О.Г. Дробницкого: «Материальный предмет или действие человека — явление двойного порядка: природное и вместе с тем социальное. Да, наряду с материально-естественным миром есть еще “мир иной”, но это не сфера “сущностей” по ту сторону предметного мира, а мир общественного бытия человека, “надстраивающийся” над бытием природы ... Техника исторически развивает-

ся по законам не природы, а общества; деньги возникают и движутся по “пространству” товарного мира по законам экономики; книги же — всего лишь отпечаток процесса человеческого познания ... Ценность может быть свойством только общественного предмета. Неудивительно поэтому, что в природном предмете ее обнаружить не удастся. Отсюда и возникает представление, что ценность предмета нереальна. Просто она принадлежит к “другому миру” — “бестелесному”, общественному. Весь этот мир представится нам нереальным, если мы попытаемся его рассматривать с точки зрения понятий естественной науки. Этим же объясняется то, что ценность не воспринимается органами чувств и приборами. Такова “сверхчувственная” природа общественного бытия» [Дробницкий О.Г., 1967, с. 312, 318, 325]. Таким образом, если мы уподобляем человека природной вещи, то мы теоретически и практически переходим в «другой мир», в котором отсутствуют подлинные человеческие ценности как таковые, но присутствуют их античеловеческие суррогаты.

Фетишизация

К. Марксу принадлежит и научное открытие «своего инога» овещнения в товарной экономике — феномена товарного фетишизма: «Таинственность товарной формы состоит просто в том, что она является зеркалом, которое отражает людям общественный характер их собственного труда как вещный характер самих продуктов труда, как общественные свойства данных вещей, присущие им от природы; поэтому и общественное отношение производителей к совокупному труду представляется им находящимся вне их общественным отношением вещей ... Это я называю фетишизмом, который присущ продуктам труда, коль скоро они производятся как товары, и который, следовательно, неотделим от товарного производства» [Маркс К., 1960, с. 82]. При этом в третьем томе «Капитала» Маркс указывает на банковский капитал как на самую репрезентативную из форм экономического фетишизма [Маркс К., 1961, с. 431–432].

Впрочем, фетишизм, как и овещнение, встречается не только в экономике: «Фетишизация приобретает многообразные формы: свойство быть товаром приписывается его физическому телу; свойство быть деньгами — золоту; способность приносить проценты — денежной

сумме капитала; значения правовых, политических и идеологических символов — самим этим символам; свойства мышления — языку; способности человека как творчески деятельного существа — его организму» [Батищев Г.С., 2015, с. 248]. Одним из проявлений фетишизма выступает популярное сегодня утверждение о том, что «компьютер может мыслить». На взгляд автора, убедительная критика данной версии фетишизма (помимо указания на онтологическую ошибочность вульгарного материализма как такового) заключается в «аргументе китайской комнаты» Джона Сёрля [Сирл Дж., 1990].

Процесс формирования фетишизма (товарного, религиозного, сексуального и т.д.) уместно назвать фетишизацией, как это делает Г.С. Батищев [Батищев Г.С., 1983, с. 258], который к тому же связывает фетишизацию с овещением: «Самый очевидный элементарный акт овещения — это наделение продукта деятельности самостоятельным бытием, независимым уже не только от мыслей своего производителя-человека, а и от самого этого человека. ... Рука об руку идут два переплетающихся друг с другом и взаимно противоречивых процесса: деперсонификация живого субъекта и персонификация вещей, как грубо осязаемых, так и неосязаемых, вроде социальных институтов, фондов знания и т.д.» [Батищев Г.С., 1983, с. 253–254].

Более подробно Г.С. Батищев раскрывает процесс фетишизации следующим образом: «Когда не сами люди-субъекты заняты регуляцией своего общественного процесса жизни посредством предметных моментов и воплощений этого процесса, а лишь относятся к этой регуляции и ее закономерностям как к некоей социальной псевдоприроде, тогда субъектные функции переносятся на предметных посредников как носителей этой регуляции и ее закономерностей, на *социальные вещи*. Эти последние поэтому выступают не как принадлежности личностных миров людей, а как особый мир наряду с людьми, мир, который сам себе принадлежит и которому в конечном счете принадлежат также и люди, мир *вещных социальных заместителей людей* (такowymi служат как грубо собственно вещи — товары и пр., так и, казалось бы, неосязаемые вещи — институты, овещенные организационные формы и т.п.)» [Батищев Г.С., 2015, с. 392].

Как конституируется человеческая реальность?

Каков эмпирический «маркер» человеческой реальности? Подлинная человеческая реальность имеет предметное основание — ее неотъемлемые свойства (сущностные силы человека) и характерные для нее отношения конституируются особым, социальным, сверхчувственным субстратом. Именно социальный субстрат (который в «Немецкой идеологии» рассматривается как «первая предпосылка всякой человеческой истории» и обозначается термином «живые человеческие индивиды» [Маркс К., Энгельс Ф., 1955, с. 19], а в обыденном языке именуется с помощью местоимений «я», «ты», «мы», «вы», «он», «она», «они») делает всех человеческих индивидов сущностно тождественными друг другу.

Фактически в противовес высказанному выше утверждению британский философ Эндрю Читти с целью описания конституирования человеческого рода выдвигает понятие интерконститутивности: «Какова основная характеристика или комбинация характеристик, которые у всех нас есть, что делает каждого из нас таким и, соответственно, отличает нас от других вещей?... Каждый член этого вида конституируется как член вида в силу отношений производства-для и использования продукта (производственных отношений), которые существуют между этим индивидуумом и другими членами этого вида ... Производственные отношения являются “интерконститутивными” ... Что делает любую группу вещей членами нашего основного вида, так это то, что они производят вещи друг для друга и поэтому индивидуально обладают характеристиками, вытекающими из такого взаимного производства. Что делает любую индивидуальную вещь членом такого рода, так это то, что она приобрела эти характеристики в результате участия в такой группе. Таким образом, дитя-волк не будет считаться принадлежащим к этому виду, хотя, конечно, все равно будет принадлежать к биологическому виду *Homo Sapiens*» [Chitty A., 1997, p. 81, 91, 93–94].

Сама идея интерконститутивности является глубоко ошибочной. Дело в том, что человеческая сущность является не только индивидуальной, но и родовой. Будучи атрибутами социальной субстанции в целом, отдельно взятые сущностные силы (не говоря уже о случайных человеческих признаках) совершенно необязательно

принадлежат каждому отдельно взятому индивиду. Если мы начнем конституировать единство человеческого рода, опираясь на любые произвольно взятые свойства или отношения людей (либо на случайные для человеческого рода, либо даже на необходимые для всего человеческого рода, но случайные для отдельно взятого индивида), то мы можем очень далеко зайти в процессе расчеловечивания. Если сегодня Э. Читти отказывает детям-маугли в принадлежности к человеческому роду, то кому будет в этом отказано завтра? Детям в утробе матери? Инвалидам? Представителям той или иной этнической или религиозной общности?

Единственной реальной характеристикой, с необходимостью конституирующей принадлежность к человеческому роду, является обладание социальным субстратом. Последний, в отличие от тех или иных отдельных социальных атрибутов и отдельных человеческих отношений, имеется у всех без исключения человеческих индивидов — включая детей-маугли и детей в материнской утробе, которые обладают (или, как минимум, обладали) множеством потенциальных человеческих сущностных сил, которые во многих случаях могут (или хотя бы могли) стать актуальными при благоприятных условиях. Если человеческий индивид утрачивает свои сущностные силы или свои существенные отношения, он все равно остается человеком, членом человеческого рода.

Заключение

По-своему в патристике и по-своему в марксизме обнаруживается то, что социальная реальность не монолитна. Однако феномен раскола общественной жизни на два взаимоотрицающих мира требует своего дальнейшего исследования, целью которого должно стать формирование четких критериев, с помощью которых при описании и объяснении социальных процессов можно было бы уточнять, какая именно из двух взаимоисключающих реальностей — овещненная или человеческая — рассматривается в каждом конкретном случае.

Список литературы

Августин Блаженный. О Граде Божием. Книги XIV–XXII // Августин Блаженный. Творения: в 4 т. СПб.: Алетейя; Киев: УЦИММ-Пресс, 1998. Т. 4. 589 с.

Батищев Г.С. Введение в диалектику творчества. СПб.: Изд-во РХГИ, 1997. 464 с.

Батищев Г.С. Избранные произведения. Алматы: Ин-т философии, политологии и религиоведения КН МОН РК, 2015. 880 с.

Батищев Г.С. Проблема овещнения и ее гносеологическое значение // Гносеология в системе философского мировоззрения. М.: Наука, 1983. С. 250–272.

Бузгалин А.В., Колганов А.И. Глобальный капитал: в 2 т. Т. 1. М.: Ленанд, 2015. 640 с.

Дробницкий О.Г. Мир оживших предметов. М.: Политиздат, 1967. 351 с.

Иванов Д.В. Виртуализация общества. СПб.: Петерб. востоковедение, 2000. 96 с.

Иоанн Златоуст. Слово на Новый год // Полное собрание творений Св. Иоанна Златоуста, Архиепископа Константинопольского: в 12 т. СПб.: С.-Петербургская Духовная Академия, 1898. Т. 1, кн. 2. С. 767–777.

Клёцкин М.В. Онтологические основания ценностной детерминации научного познания. М.: Библио-Глобус, 2018. 290 с.

Колчигин С.Ю. Действительность и возможность // Диалектическая логика. Кн. 2: Категории сферы сущности и целостности. Алма-Ата: Наука, 1987. С. 299–317.

Кондрашов П.Н. Феномен целостности человека и его бытия-в-мире: экзистенциально-антропологическая интерпретация в контексте философии Карла Маркса: дис. ... д-ра филос. наук. Челябинск, 2019. 381 с.

Кутырёв В.А. Об оправдании небытия // Кутырёв В.А. Сова Минервы вылетает в сумерки. СПб.: Алетейя, 2018. С. 111–132.

Ласточкин А.В. Социальная форма материи. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1990. 177 с.

Лоскутов В.А., Руденко В.Н. Овещнение человека в процессе отчуждения // Отчуждение как социокультурный феномен: тезисы Всесоюз. науч.-практ. конф. Киев: Общество «Знание» Украины, 1991. С. 41–50.

Лукач Д. История и классовое сознание. Очерки марксистской диалектики // Лукач Д. История и классовое сознание. Хвостизм и диалектика. Тезисы Блюма (фрагменты). М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2017. С. 83–412.

Маркс К. К критике политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. 2-е изд. М.: Политиздат, 1959. Т. 13. С. 1–167.

Маркс К. Капитал. Т. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. 2-е изд. М.: Политиздат, 1960. Т. 23. 908 с.

Маркс К. Капитал. Т. 3 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. 2-е изд. М.: Политиздат, 1961. Т. 25, ч. 1. 546 с.

Маркс К. Теории прибавочной стоимости // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. 2-е изд. М.: Политиздат, 1964. Т. 26, ч. III. 675 с.

Маркс К. Конспект книги Джемса Милля «Основы политической экономии» // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. 2-е изд. М.: Политиздат, 1974. Т. 42. С. 41–174.

Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. 2-е изд. М.: Политиздат, 1955. Т. 3. С. 7–544.

Мехрякова Н.М. Человек в категориальной модели мира // Новые идеи в философии / Перм. гос. ун-т. Пермь, 2007. Вып. 16. С. 97–113.

Никифоров А.Л. Фактуальные высказывания // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М.: Канон+, РООИ Реабилитация, 2009. С. 1028.

Нил Сорский. Первое послание // Credo.press. URL: <http://portal-credo.ru/site/?act=lib&id=1401> (дата обращения: 26.06.2021).

Сирл Дж. Разум мозга — компьютерная программа? // В мире науки. 1990. № 3. С. 7–13.

Хамидов А.А. Понятие превращенной формы // Материалистическая диалектика как логика. Алма-Ата: Наука, 1979. С. 237–249.

Chitty A. V-First person plural ontology and praxis // *Proceedings of the Aristotelian Society*. 1997. Vol. 97, iss. 1. P. 81–96. DOI: <https://doi.org/10.1111/1467-9264.00005>

Honneth A. Reification: a recognition-theoretical view // *The Tanner Lectures on Human Values*. Vol. 26 / ed. by G.B. Petersen. Salt Lake City: University of Utah Press, 2006. P. 89–135.

Получена: 26.10.2021. Принята к публикации: 22.11.2021

References

Batischev, G.S. (1983). [The problem of reification and its gnoseological significance]. *Gnoseologiya v sisteme filosofskogo mirovozzreniya* [Gnoseology in the system of philosophical worldview]. Moscow: Nauka Publ., pp. 250–272.

Batischev, G.S. (1997). *Vvedenie v dialektiku tvorchestva* [Introduction to the Dialectic of Creativity]. Saint Petersburg: RHGI Publ., 464 p.

Batischev, G.S. (2015). *Izbrannye proizvedeniya* [Selected works]. Almaty: IPPSRS KN Publ., 880 p.

Buzgalin, A.V. and Kolganov, A.I. (2015). *Global'nyy kapital: v 2 t.* [Global capital: in 2 vols]. Moscow: LENAND Publ., Vol. 1. 640 p.

Chitty, A. (1997). V-First person plural ontology and praxis. *Proceedings of the Aristotelian Society*. Vol. 97, iss. 1, pp. 81–96. DOI: <https://doi.org/10.1111/1467-9264.00005>

Drobnitskiy, O.G. (1967). *Mir ozhivshikh predmetov* [World of living objects]. Moscow: Politizdat Publ., 351 p.

Honneth, A. (2005). Reification: a recognition-theoretical view. *The Tanner Lectures on Human Values*, vol. 26, ed. by G.B. Petersen. Salt Lake City: University of Utah Press, pp. 89–135.

Ivanov, D.V. (2000). *Virtualizatsiya obschestva* [Virtualization of society]. Saint Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie Publ., 96 p.

Khamidov, A.A. (1979). [The concept of the transformed form]. *Materialisticheskaya dialektika kak logika* [Materialistic dialectic as logic]. Alma-Ata: Nauka Publ., pp. 237–249.

Kletskin, M.V. (2018). *Ontologicheskie osnovaniya tsennostnoy determinatsii nauchnogo poznaniya* [Ontological foundations of value determination of scientific cognition]. Moscow: Biblio-Globus Publ., 290 p.

Kolchigin, S.Yu. (1987). [Reality and possibility]. *Dialekticheskaya logika. Kn. 2: Kategorii sfery suschnosti i tselostnosti* [Dialectical logic. Book 2: Categories of the sphere of essence and integrity]. Alma-Ata: Nauka Publ., pp. 299–317.

Kondrashov, P.N. (2019). *Fenomen tselostnosti cheloveka i ego bytiya-v-mire: ekzistentsial'no-antropologicheskaya interpretatsiya v kontekste filosofii Karla Marksa: dis. ... d-ra. filos. nauk* [The phenomenon of human wholeness and being-in-the-world: An existential anthropological interpretation in the context of Karl Marx's philosophy: dissertation]. Chelyabinsk, 381 p.

Kutyrev, V.A. (2018). [On the justification of nonexistence]. *Sova Minervy vyletaet v sumerki* [Minerva's owl flies out into the twilight]. Saint Petersburg: Aleteyya Publ., pp. 111–132.

Lastochkin, A.V. (1990). *Sotsial'naya forma materii* [Social form of matter]. Sverdlovsk: Ural University Publ., 177 p.

Loskutov, V.A. and Rudenko, V.N. (1991). [Human reification in the process of alienation]. *Otchuzhdenie kak sotsiokul'turniy fenomen* [Alienation as a sociocultural phenomenon]. Kiev: Obschestvo Znanie Ukrainy Publ., pp. 41–50.

Lukacs, G. (2017). [History and class consciousness. Studies in Marxist Dialectics]. *Istoriya i klassovoe soznanie. Khvostizm i dialektika. Tezisy Blyuma (fragmentsy)* [History and class consciousness. Ponytailism and dialectics. Blum's Theses (fragments)].

Moscow: Russkiy fond sodeystviya obrazovaniyu i nauke Publ., pp. 83–412.

Marx, K. (1959). [Toward a critique of political economy]. *Marks K., Engels F. Sochineniya: v 50 t.* [Marx K., Engels F. Works: in 50 vols]. Moscow: Politizdat Publ., vol. 13. pp. 1–167.

Marx, K. (1960). [Capital. Vol. 1]. *Marks K., Engels F. Sochineniya: v 50 t.* [Marx K., Engels F. Works: in 50 vols]. Moscow: Politizdat Publ., vol. 23, 908 p.

Marx, K. (1961). [Capital. Vol. 3]. *Marks K., Engels F. Sochineniya: v 50 t.* [Marx K., Engels F. Works: in 50 vols]. Moscow: Politizdat Publ., vol. 25, pt. 1, 546 p.

Marx, K. (1964). [Theories of surplus value]. *Marks K., Engels F. Sochineniya: v 50 t.* [Marx K., Engels F. Works: in 50 vols]. Moscow: Politizdat Publ., vol. 26, pt. 3, 675 p.

Marx, K. (1974). [Notebooks. Comments on James Mill «Principles of Political Economy»]. *Marks K., Engels F. Sochineniya: v 50 t.* [Marx K., Engels F. Works: in 50 vols]. Moscow: Politizdat Publ., vol. 42, pp. 41–174.

Marx, K. and Engels, F. (1955). [The German ideology]. *Marks K., Engels F. Sochineniya: v 50 t.* [Marx K., Engels F. Works: in 50 vols]. Moscow: Politizdat Publ., vol. 3, pp. 7–544.

Mekhryakova, N.M. (2007). [Man in the categorical model of the world]. *Novye idei v filosofii* [New

Ideas in Philosophy]. Perm: PSU Publ., iss. 16, pp. 97–113.

Nikiforov, A.L. (2009). [Factual statements]. *Entsiklopediya epistemologii i filosofii nauki* [Encyclopedia of epistemology and philosophy of science]. Moscow: Kanon+ Publ., ROOI Reabilitatsiya Publ., p. 1028.

Searle, J. (1990). [Is the brain's mind a computer program?]. *V mire nauki* [In the World of Science]. No. 3, pp. 7–13.

St. Augustine of Hippo (1998). [On the city of God. Books XIV–XXII]. *Tvoreniya: v 4 t.* [Creations: in 4 vols]. Saint Petersburg: Aleteyya Publ.; Kiev: UTsIMM Publ., vol. 4, 589 p.

St. John Chrysostom (1898). [A word for the New year]. *Polnoye sobraniye tvoreny Sv. Ioanna Zlatousty, Arkhiyepiskopa Konstantinopol'skogo: v 12 t.* [The Complete Works of St John Chrysostom, Archbishop of Constantinople: in 12 vols]. Saint Petersburg: St. Petersburg Theological Academy Publ., vol. 1, book 2, pp. 767–777.

St. Nil Sorsky. *Pervoe poslanie* [First Message]. Credo.press. Available at: <http://portal-credo.ru/site/?act=lib&id=1401> (accessed 26.06.2021).

Received: 26.10.2021. Accepted: 22.11.2021

Об авторе

Лоскутов Юрий Викторович

кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры философии

Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: yuri-loskutov@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4837-5931>
ResearcherID: ABB-7195-2021

About the author

Yuri V. Loskutov

Candidate of Philosophy, Docent,
Associate Professor of the Department of Philosophy

Perm State University,
15, Bukirev st., Perm, 614990, Russia;
e-mail: yuri-loskutov@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4837-5931>
ResearcherID: ABB-7195-2021

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Лоскутов Ю.В. «Это как бы два мира!»: овещенная и человеческая реальности // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2021. Вып. 4. С. 582–591. DOI: 10.17072/2078-7898/2021-4-582-591

For citation:

Loskutov Yu.V. [«It's like two worlds!»: reificated and human realities]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologia. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2021, issue 4, pp. 582–591 (in Russian). DOI: 10.17072/2078-7898/2021-4-582-591

УДК 130.2+316.723

DOI: 10.17072/2078-7898/2021-4-592-603

МЕЖДУ ИСКУССТВОМ И ВАНДАЛИЗМОМ: ДИСКУРСИВНАЯ ПРЕДСТАВЛЕННОСТЬ ГРАФФИТИ И СТРИТ-АРТА

Кузовенкова Юлия Александровна

Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург)

Сегодня мы наблюдаем значительные изменения в культуре. Ее новая модель уходит от иерархичности и бинарных структур. Древовидная модель меняется на ризомную. Ризома предлагает высокий уровень свободы в установлении новых связей, порождающих культурную реальность. На смену большому нарративу как нормативной инстанции приходят отдельные дискурсы, диктующие нормы лишь внутри себя. В данной статье мы рассмотрим, как специфика разных дискурсов (законодательного дискурса мира искусства и общественного мнения) влияет на представленность в них таких феноменов культуры, как граффити и стрит-арт работы. С точки зрения законодательства граффити и несогласованный стрит-арт — акт вандализма, за который предусматривается наказание. Законодательная власть действует в поле двух понятий — «разрешено»/«запрещено». Смысловое пространство законодательного дискурса сохранило бинарную структуру и иерархическую организацию. Дискурс, порождаемый институтами мира искусства, очень подвижен, не связан с бинарной структурой и иерархической организацией его смыслового пространства. Налицо ризомный принцип организации нормативного пространства мира искусства и возрастающая роль индивидуального начала в формировании дискурсивного высказывания. Эти особенности дискурса создали возможность для вхождения в мир искусства творчества уличных художников. Социологическое исследование позволило изучить дискурс общественного мнения молодежи. Большая часть молодежи не только разводит граффити и вандализм, но и готова видеть в первом форму современного искусства. Четкую корреляцию в ответах молодежи из разных городов мы объясняем единым медиапространством. Результаты исследования подтверждают распад единого нормативного пространства и замену его локальными (специфическими дискурсами).

Ключевые слова: граффити, стрит-арт, дискурс, ризома, вандализм, искусство, молодежь, законодательство, общественное мнение.

BETWEEN ART AND VANDALISM: DISCOURSE REPRESENTATION OF GRAFFITI AND STREET ART

Yuliya A. Kuzovenkova

Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg)

Today we are witnessing significant cultural changes. The new model of culture can no longer be hierarchical and base on binary structures. The tree model is changing to the rhizome model. Rhizome offers a high level of freedom in making new connections that generate cultural reality. Big narrative as a normative instance is being replaced by separate discourses that dictate norms only within themselves. In this article, we explore how the specificity of different discourses (legislative discourse, discourses of the art world and public opinion) affects the representation in them of such cultural phenomena as graffiti and street art works. From a legal point of view, graffiti and illegal street art are acts of vandalism and deserve punishment. The legislative branch operates in the field of two concepts — «permitted»/«prohibited». The semantic space of the legislative discourse has retained a binary structure and hierarchical organization. The discourse generated by the institutions of the art world is very mobile, the binary structure and

hierarchical organization of its semantic space have disappeared. There obviously takes place the rhizome principle of organizing the normative space of the art world and the increasing role of the individual principle in the formation of a discursive statement. These features of the discourse created an opportunity for street artists to enter the world of art. The study of the discourse of public opinion was carried out through sociological research. Most young people not only distinguish graffiti from vandalism but are also ready to see it as a form of contemporary art. We explain the clear correlation in the responses of young people in different cities by a single media space. The results of the study confirm the disintegration of a single normative space and its replacement by local (specific) discourses.

Keywords: graffiti, street art, discourse, rhizome, vandalism, art, youth, legislation, public opinion.

Введение

Гуманитаристика и социальная наука для описания современного общества и культуры используют такие понятия, как «постмодерн», «новый модерн», «постсовременность» и др. Приставки «пост-» и «нео-» становятся традиционными в новом языке исследователей. Новая терминология призвана стать языком описания тех изменений, которые происходят в обществе и культуре и связаны с изменением характеристик культуры, стиранием границ между рядом явлений, исчезновением абсолютов, с новым способом формирования субъектности и пр. На практике подобные процессы мы можем наблюдать в различных сферах культуры.

Философы указывают, что в современной культуре человек находится в ситуации постоянного выбора, который стал неотъемлемой частью нового состояния культуры. Описывая изменения, происходящие в культуре, В.А. Конев пишет: «“Классические” культуры... — это культуры определенные, цельные, системные, упорядоченные» [Конев В.А., 2014, с. 9], но современная культура иная: «...культура ушла (или уходит) от абсолютов и определенных наставлений... Культура берет на себя функцию провокации действия, призыва к нему» [Конев В.А., 2014, с. 10]. Из культуры уходят бинарности и принцип единственно правильного суждения. Согласно И. Берлину: «...плюрализм человечнее, потому что он не лишает людей — во имя отдаленного и непоследовательного идеала — того, что сами они считают в своей жизни незаменимым» [Berlin I., 2000, p. 242]. Идею о ключевой роли выбора в самосозидании человека, декларируемую И. Берлиным, подхватывает и О.Л. Грановская: «В деле самосозидания значение выбора огромно, поскольку по крайней ме-

ре некоторые формы культурного многообразия рождаются из выбора между несовместимыми ценностями» [Грановская О.Л., 2015, с. 16]. Мысль о выборе как основе современной жизни продвигает также Ж. Липовецки: «Жизнь без категорических императивов, жизнь-kit, которую можно строить согласно индивидуальным устремлениям, видоизменяющая жизнь, соответствующая веку комбинаций, вариантов, независимых формул, которые становятся возможными благодаря бесконечному разнообразию выбора» [Липовецки Ж., 2001, с. 36].

Как отмечалось выше, человек оказался в ситуации свободы выбора вследствие падения абсолютов и авторитетов, традиционные социальные институты меняются: трансформируются, теряют традиционное содержание или лишаются доверия людей. Ж. Липовецки пишет: «...наука, власть, рабочий класс, армия, семья, церковь, партии и т.д. уже перестали функционировать на глобальном уровне, как абсолютные и неприкосновенные институты; никто в них больше не верит» [Липовецки Ж., 2001, с. 58]. Об отсутствии ориентиров в современной культурной ситуации пишет и З. Бауман: «В настоящее время не хватает именно таких паттернов, кодексов и правил, которым можно подчиняться, которые можно выбрать в качестве устойчивых ориентиров и которыми впоследствии можно руководствоваться» [Бауман З., 2008, с. 13]. Возникает ситуация, в которой все можно сравнить, сопоставить со всем. Модель такой культуры уже не может быть иерархичной, содержать в себе бинарные структуры «допустимо/недопустимо», «белое/черное» и т.п. В работах исследователей второй половины XX в. происходит разработка новой модели организации культуры. Иерархичная древовидная модель меняется на сетевую, ризомную.

Ризомная организация культуры, которую Ж. Делез противопоставляет древовидной [Делез Ж., Гваттари Ф., 2010], позволяет объяснить, как феномены могут кардинально переосмыслиться, переозначиваться, как исчезает иерархия и возникают новые связи. Некий прообраз ризоматичности можно усмотреть еще в работе Ж.-Ф. Лиотара «Состояние постмодерна» [Лиотар Ж.-Ф., 1998]. Указывая на «узлы коммуникации», «социальность в сетях языковых игр», Лиотар описывает, как коммуникация определяет подвижность социальных связей, которые, в свою очередь, приводят к перформативности социальной системы. Размышляя о новых формах социальности, в которых индивидуальное начало начинает играть ведущую роль, философ пишет: «“Самость” это мало, но она не изолирована, а встраивается в сложную и мобильную, как никогда, ткань отношений» [Лиотар Ж.-Ф., 1998, с. 45]. Делез в ризоме также подчеркивает сетевые связи и постоянные «перемещения». Ускользания желющих машин создают линии ризомы, возникают новые системные связи, где нет строгой структуры. Ризома предлагает высокий уровень свободы в установлении таких связей, в результате чего мы видим, что выработанные людьми социальные структуры, нормы коммуникации, создания и потребления культурного продукта и прочее постоянно меняются: «...первичная данность общества состоит в том, что все течет, все детерриториализируется» [Делез Ж., 2016, с. 41]. К модели ризомы в разных ее интерпретациях прибегали и другие философы, например, ризомный принцип усматривается в концепции «культурного взрыва» Ю. Лотмана: «Взрыв может реализоваться и как цепь последовательных, сменяющих друг друга взрывов, придающих динамической кривой многоступенчатую непредсказуемость» [Лотман Ю., 2019, с. 168].

Ситуация бесконечного выбора приводит к возникновению человека нового типа — человека, «предъявляющего свое присутствие в мире» [Конев В.А., 2020, с. 6], а предъявление себя каждым человеком приводит к тому, что теперь в пространстве культуры «звучат разные голоса и каждый голос утверждает свою истину» [Конев В.А., 2020, с. 9]. Поэтому В.А. Конев пишет «...о рождении идеологии культуры нового модерна, культуры, ориенти-

рующей человека на абсолютную свободу, на утверждение приоритета индивидуальности над тождеством» [Конев В.А., 2017, с. 109]. Свое мнение современный человек базирует не на культурной традиции, утратившей силу. Он видит свое право утверждать то, что отражает его видение мира, ибо нечего противопоставить его утверждению, — большой нарратив распался, а отдельные дискурсы, порождаемые различными институциями, представляют подчас противоположные друг другу утверждения, что лишает их нормативной силы.

Исследования показывают, что в разных дискурсах динамика устоявшихся норм и представлений происходит с разной степенью интенсивности ввиду того, что институции сдерживают/поощряют динамику изменений, чтобы новые «высказывания» оставались релевантными ей. На это указывал Ж. Лиотар, утверждая, что институция «...требует дополнительных ограничений, чтобы декларируемые высказывания были приемлемыми для нее. Эти ограничения как фильтры действуют на силу дискурса, они обрывают возможные связи в коммуникативных сетях» [Лиотар Ж.-Ф., 1998, с. 63]. Таким образом, на смену большому нарративу как нормативной инстанции приходят отдельные дискурсы, диктующие рамки и нормы лишь внутри себя.

В данной статье рассмотрим, как специфика разных дискурсов (законодательный дискурс, дискурс мира искусства и общественного мнения) влияет на представленность в них таких феноменов культуры, как граффити- и стрит-арт-работы.

Искусство и вандализм в зеркалах дискурсов

Граффити и стрит-арт стали теми феноменами культуры, оценки которых в различных дискурсах кардинально различаются. С точки зрения законодательства граффити и несогласованный стрит-арт — это акт вандализма, наказание за которое предусматривается ч. 2 ст. 214 УК РФ («Вандализм») [Статья 214 УК РФ, 2021], ст. 7.17 КоАП («Уничтожение или повреждение чужого имущества») [Статья 7.17 КоАП РФ, 2021], ст. 20.1 КоАП («Мелкое хулиганство») [Статья 20.1 КоАП РФ, 2021]. Законодательная власть не оперирует эстетическими категориями, создавая свои законы. Законодательство действует в поле двух понятий —

«разрешено»/«запрещено». Показательна фраза автора статьи в «Российской газете», посвященной борьбе с нелегальной уличной живописью: «...статья КоАП не разделяет высокое искусство и ужасное, что правильно. Не дело полицейского, составляющего протокол, решать, надо ли штрафовать за картину на заборе или благодарить. Любое несанкционированное граффити будет нарушением» [Куликов В., 2020]. Специфика законодательного дискурса заключается в том, что его «высказывания» не должны подчиняться веяниям моды, рыночным тенденциям, допускать плюрализма и выстраиваться из учета личностных позиций тех или иных субъектов культуры. Этот дискурс наиболее консервативный из трех, рассматриваемых нами. Его смысловое пространство сохранило бинарную структуру и иерархическую организацию, деля действия на допустимые и недопустимые и ранжируя их по степени тяжести нарушения.

Однако, как отмечалось выше, одно и то же явление может быть по-разному представлено в разных дискурсах. Классический пример такой ситуации — творчество швейцарского уличного художника Харольда Нагели — «распылителя Цюриха». В рамках законодательного дискурса он классический преступник. Нагели был преследуем полицией Швейцарии и Германии за свои нелегальные рисунки на стенах городских строений, прошел через судебные процессы в 1979 г., 1981 и 1983 гг., был приговорен к тюремному заключению и штрафу в несколько тысяч швейцарских франков. Однако в глазах представителей мира искусства обеих стран он — художник, не заслуживающий наказания. Около семидесяти европейских художников, среди которых швейцарский скульптор Жан Тэнгли, шведский скульптор Бернхард Лугинбюль, немецкий писатель Адольф Мушг, выступали в защиту уличного художника. В итоге усилиями арт-сообщества власти Германии и Швейцарии признали Нагели художником, а его работы — произведениями искусства. На сегодняшний день его работы были представлены в различных европейских музеях и галереях, были изданы сборники его работ, последний из которых вышел в начале 2021 г. в авторитетном швейцарском издательстве Diogenes Verlag [Naegeli H., 2021].

Как стала возможной столь различная трактовка одного феномена в разных дискурсах? Мы объясняем это тем, что, в отличие от законодательного дискурса, дискурс, порождаемый институциями мира искусства, очень подвижен и оперирует иными (в первую очередь, эстетическими) категориями, расстался с бинарной организацией своего смыслового пространства и его иерархической организацией. На протяжении всего XX в. мы наблюдали серьезные изменения и дискуссии среди представителей мира искусства по различным вопросам, вплоть до того, что пересматривались критерии того, что можно считать произведением искусства, а что нельзя.

Еще в начале XX в. серьезные трансформации в нормах искусства оценивались негативно. К примеру, Й. Хейзинга писал: «Все изменения, которые оно претерпело, от кватроченто до рококо, были постепенны, консервативны. Строгая проверка вышколаемости, искусности не ослабевала в течение всех этих веков и сохранялась как естественное основное условие. И лишь в импрессионизме начинается отказ от принципов, который в конечном счете открыл дорогу бурлескному чередованию подстегиваемых рекламой эксцессов моды, как то показали нам первые десятилетия текущего века» [Хейзинга Й., 2010, с. 28–29]. Новые течения в искусстве, или «художественные эксцессы», были восприняты философом негативно. В этом, как и во многих других процессах современной ему культуры, он видел варваризацию культуры, под которой понимал замену высокого духовного содержания европейской культуры элементами низшего содержания. У Хейзинга мы встречаем традиционную для классики иерархизированную модель культуры, где существуют четкие бинарные деления, противопоставления. Сходную позицию мы встречаем и у Ю. Лотмана. Философ проводит четкую границу между произведением искусства и его суррогатами, а артефакту может быть присвоен только какой-то один статус — либо подлинное, либо мнимое искусство: «Художественное творчество неизменно погружается в обширное пространство суррогатов... Суррогаты искусства вредны своей агрессивностью. Они имеют тенденцию обволакивать подлинное искусство и вытеснять его. Там, где вопрос сводится к коммерческой конкуренции, они всегда одер-

живают победу» [Лотман Ю., 2019, с. 168]. Наличие четких критериев, к примеру, таких как «школа» и техническое мастерство, позволяют выстроить иерархию, выделить «высокое» и «низкое», говорить о «подлинном» и «мнимом» искусстве.

Однако в современном искусстве такой подход более неприменим. В 1969 г. появляется институциональная теория искусства Дж. Дики [Дики Дж., 1997]. Она разрушает традиционное представление о природе искусства, ставит под вопрос существование «подлинного» искусства. Исследователь утверждает, что произведением искусства может быть и природный объект, и работа, выполненная обезьяной. Его теория указывает на ключевую роль связей, которые устанавливаются субъектами мира искусства (художниками, экспертами, критиками) для рассматриваемого артефакта. К примеру, артефакт из первобытной культуры, функционировавший в религиозной системе, может стать произведением искусства в нашей культуре. Здесь хорошо видна зависимость классификации объекта от контекста, среды, в которой он функционирует. Возможность установления разных связей указывает на сетевой, ризомный принцип организации нормативного пространства мира искусства.

В XX в. в искусстве появляется много принципиально новых объектов, которые трудно подвести под классические рамки искусства, в связи с чем теоретики мира искусства начинают спорить о различных критериях, понятиях искусства, ставить под сомнение статус некоторых из них. Т. Коэн отмечает, что в связи с работами Дюшана, дадаистов возникают такие вопросы, как: «Являются ли они произведениями искусства и почему? Как они стали похожими на произведение искусства?» [Коэн Т., 1997, с. 268]. Теоретик предлагает переходить от рассуждения о том, что такое искусство, к выявлению способов того, какие связи должны возникнуть, чтобы нечто стало считаться произведением искусства. Искусствоведческая теория начинает фиксировать не имманентную природу искусства, а процесс его становления. Оказывается, становление является постоянным убеганием искусства от самого себя. Это подтверждает и теоретик искусства Б. Гройс: «Единственный общий вывод о современном искусстве — это то, что обобщениям оно не

поддается. Кругом одни различия» [Гройс Б., 2012, с. 6]. Будучи хорошо знакомым с миром современного искусства, Гройс отмечает: «Сегодня мы имеем тысячи традиций, циркулирующих по всему миру, и тысячи различных форм протеста против них» [Гройс Б., 2012, с. 18]. Искусство начинает выходить за свои привычные границы, детерриторизоваться, срастаться с внешними, внеположенными, чуждыми феноменами, например, такими, как вандализм. Ключевая роль институций, определяющая возможность тех или иных «высказываний» в ее рамках, о которой писал Лиотар, создала возможность для вхождения в мир искусства творчества уличных художников.

Обзор галерейных и музейных выставок, проводимых как в России, так и за рубежом, указывает на то, что уличное искусство активно входит в пространство художественных галерей и музеев. В первую очередь институции ориентированы на стрит-арт работы (муралы, трафареты, плакаты, инсталляции) и в гораздо меньшей степени на граффити (шрифты с никнеймами граффитчиков). История институционализации нелегального уличного искусства начинается Хьюго Мартинесом, который организовал объединение нью-йоркских граффитчиков United Graffiti Artists [Chalfant H., Prigoff J., 1999]. Эта организация объединила самых талантливых и известных граффитчиков нью-йоркского метрополитена. В 1974 г. Мартинес представил их творчество в картинной галерее Razor. Согласно Р. Лахману, первая волна интереса к стрит-арту со стороны коллекционеров наблюдалась в 1973–1974 гг., вторая в 1982–1983 гг. [Lachmann D., 1988]. Несколько десятилетий широкий круг галерей представлял в своих пространствах работы уличных художников. Наиболее значимое событие в этой сфере — выставка «Art in the Streets» — состоялось в 2011 г. в Музее современного искусства в Лос-Анджелесе (МОСА). Она стала первой музейной, а не галерейной, выставкой граффити и уличного искусства в США. Мировой авторитет этой арт-институции позволяет говорить о том, что выставка «Art in the Streets» ознаменовала собой официальное признание граффити и стрит-арта полноценной частью современного мира искусства.

Выставки уличного искусства имеют место и в российском арт-пространстве. К примеру, в

каталоге пермской выставки уличного искусства «Транзитная зона» ее куратор Н. Аллахвердиева пишет: «Выставка “Транзитная зона” — первая серьезная музейная сборка стрит-арта, важный этап в истории российского современного искусства, важная черта, которая отмечает начало институционализации уличного искусства» [Аллахвердиева Н., 2015, с. 25]. Музеи не только проводят выставки, но и учреждают премии, получателями которых могут стать и стрит-артисты. К примеру, музей AZ учредил международную премию Zverev Art Prize: «Это открытый конкурс, который проводится для поддержки и популяризации современного искусства самого широкого спектра — от живописи и стрит-арта до арт-объектов и новых медиа» [Музей AZ учреждает..., 2021].

В то время как музеи и галереи активно выставляют работы стрит-артистов, теоретики искусства не спешат переосмыслить место уличной арт-практики в современном искусстве. В теоретических работах исследователей мы можем найти как примеры отнесения граффити и стрит-арта к тому или иному направлению в искусстве [Becker H.S., 1982; Crane D., 1989; Mailer N., 2009], так и явные свидетельства их неприятия. Так, авторы энциклопедии «Искусство с 1900 года» [Фостер Х. и др., 2015] отказывают ему в статусе нового вида искусства. Ведущие профессора-искусствоведы Принстонского, Йельского и Гарвардского университетов не включили вехи истории граффити и стрит-арта в историю искусства США, Европы и России с 1900 по 2010 г. Кроме того, исследователи разных стран склонны видеть в уличном искусстве скорее форму взаимодействия с уличным пространством, нежели новое направление в искусстве. Российский искусствовед А. Раппапорт также разводит граффити и «чистое искусство»: «Этот радужный шум выступает как знак чистой витальности, в оппозиции к омертвелости музейных пространств чистого искусства, как инфантильная ярость жизни, как импульсивно реактивная судорога жизни в порках умирающего бюрократизированного мегаполиса, как радостная плесень и цветастая гниль из живых микроорганизмов на сером трупе динозавра. Игнорирование граффити высоким искусством, в таком случае, воспринимается как безразличие, гигиеническая осто-

рожность, а в еще большей мере — как страх перед заражением» [Раппапорт А., 2008].

Таким образом, по сравнению с правовым дискурсом дискурс арт-мира в отношении уличного искусства оказывается более гибким, демонстрирует сетевую структуру и большую роль личностного начала в установлении сетевых связей (в утверждении того, что входит/не входит в поле современного искусства). Однако изменение отношения к уличному искусству в «практической» сфере (музеи, галереи) заметно опережает ситуацию в «теоретической» сфере (искусствоведение), где оно пока не получило закрепления в качестве нового вида современного искусства.

Уличное искусство в восприятии молодежи

Для того чтобы исследовать представленность граффити и стрит-арта в общественном мнении, нами было проведено социологическое исследование в молодежной среде. Исследования молодежи не только интересны тем, что дают возможность выявить существующее положение дел, но и позволяют получить представление о тенденциях, которые могут проявиться в будущем. Данные в ходе исследования собирались при помощи традиционной для таких задач техники анкетного опроса. Всего в ходе исследования были опрошены 214 представителей молодежи г. Самары и 212 представителей г. Екатеринбурга в возрасте от 14 до 29 лет, которые были отобраны на основании квотной выборки, опирающейся на критерии района проживания, пола и возраста опрошенных. Объектом исследования стало понимание молодежью феномена вандализма и восприятие в его контексте граффити и стрит-арта.

Исследование показывает, что молодежь обоих городов...

— связывает вандализм с такими действиями в городской среде, как ломание лавочек, сожжение киосков и машин, выбрасывание мусора в неположенных местах и т.п.;

— отделяет граффити и стрит-арт от обычных хулиганских надписей на стенах или надписей политического содержания;

— испытывает положительные эмоции по отношению к объектам такого рода. Основными чувствами, которые вызывают граффити и иные художественные изображения на стенах,

являются любопытство и одобрение (см. табл. 1).

Свыше 70 % молодежи как из Самары, так и из Екатеринбурга не связывают стрит-арт с

вандализмом (см. табл. 2), и свыше 60 % разводят понятия «граффити» и «вандализм» (см. табл. 3).

Таблица 1. Что я испытываю, когда вижу в своем районе граффити и иные художественные изображения на стенах?

Table 1. What do I feel when I see graffiti and others art objects on the walls in my district?

№ n/n	Чувство, эмоция	Самара, % от числа опрошенных	Екатеринбург, % от числа ответивших
1	Раздражение	7,9	4,7
2	Страх	0,0	0,0
3	Сожаление	1,9	2,4
4	Безразличие	5,6	5,2
5	Любопытство	31,8	37,7
6	Одобрение	38,3	34,4
7	Благодарность	4,7	7,1
8	Вижу такое в своем районе, но не ощущаю подобных эмоций	3,3	2,8
9	Не вижу такого в своем районе	6,5	5,7
	Итого ответивших	100,0	100,0

Таблица 2. Многомерное шкалирование: «Стрит-арт» и «вандализм»

Table 2. Multidimensional scaling: «street art» and «vandalism»

№ n/n	Значение	Самара, % от числа опрошенных	Екатеринбург, % от числа ответивших
1	1 (это практически одно и то же)	3,3	2,4
2	2 (это близкие понятия)	5,6	3,8
3	3 (это похожие понятия)	18,7	15,1
4	4 (это довольно разные вещи)	11,2	13,7
5	5 (понятия абсолютно разные)	61,2	65,1
	Итого ответивших	100,0	100,0

Таблица 3. Многомерное шкалирование: «вандализм» и «граффити»

Table 3. Multidimensional scaling: «vandalism» and «graffiti»

№ n/n	Значение	Самара, % от числа опрошенных	Екатеринбург, % от числа ответивших
1	1 (это практически одно и то же)	4,7	5,2
2	2 (это близкие понятия)	7,5	9,4
3	3 (это похожие понятия)	28,0	23,6
4	4 (это довольно разные вещи)	22,9	20,8
5	5 (понятия абсолютно разные)	36,9	41,0
	Итого ответивших	100,0	100,0

Почти 100 % опрошенных считают, что объекты уличного искусства должны присутствовать в городском пространстве, при этом свыше 80 % респондентов в каждом из городов выступают за патерналистскую модель взаимоотно-

шений между уличными художниками и городскими властями (см. табл. 4).

Большая часть молодежи не только разводит граффити и вандализм, но и готова видеть в нем форму современного искусства (см. табл. 5).

Таблица 4. Как Вы считаете, какой подход власти к объектам уличного искусства будет более правильным?

Table 4. In your opinion, which approach of the authorities to street art objects is more correct?

№ п/п	Мнение (ответ)	Самара, % от числа опрошенных	Екатеринбург, % от числа ответивших
1	Правильнее всего, если власть будет проводить собственные мероприятия для уличных художников, чтобы создавать им условия для работы и использовать их труд на благо города	65,9	66,0
2	Власти следует выдавать разрешения на размещение объектов искусства в городе и демонтировать объекты, не прошедшие согласования	17,8	15,1
3	Власть должна бороться с размещением таких объектов и демонтировать их, потому что они портят облик города и мешают жителям	0,9	0,9
4	Власть должна максимально дистанцироваться от таких вопросов и вмешиваться в них только тогда, когда объекты искусства порождают явные конфликты или наносят кому-то очевидный вред	15,4	17,9
	Итого ответивших	100,0	100,0

Таблица 5. С каким из этих высказываний о граффити Вы в большей мере готовы согласиться?

Table 5. Which of these statements about graffiti are you more agree with?

№ п/п	Высказывание	Самара, % от числа опрошенных	Екатеринбург, % от числа ответивших
1	Граффити — это одна из форм современного искусства	63,6	62,7
2	Граффити было бы слишком смело называть формой искусства, но иногда они бывают красивыми	32,2	33,5
3	Граффити не имеют никакого отношения к искусству, это обычный вандализм	3,3	3,3
4	Я плохо понимаю, что такое граффити	0,9	0,5
	Итого ответивших	100,0	100,0

Таким образом, можно уверенно говорить о том, что дискурс общественного мнения молодежи отличается от законодательного дискурса и сближается с дискурсом мира искусства в его «практической» части (практика музеев и художественных галерей). Нормы законодательного дискурса оказывают слабое влияние на смысловое пространство молодежного общественного мнения (лишь 3,3 % опрошенных разделяют оценку граффити законодательством как вандализм и 17,8 % (Самара) и 15,1 % (Екатеринбург) считают, что нелегальные объекты уличного искусства должны быть демонтированы).

Четкая корреляция в ответах молодежи разных городов является интересным фактом. Смысловое пространство общественного мне-

ния более аморфно, менее структурировано по сравнению с пространством мира искусства. В нем нет устоявшейся системы институций, которые в наше время уже не претендуют на истину в последней инстанции, но все же вносят некий порядок в дискурс. Мы полагаем, что эту четкую корреляцию можно объяснить единым медиапространством, в котором пребывает российская молодежь. В первую очередь, это сайты и группы в социальных сетях, наполненные фотографиями ярких настенных росписей, информацией о различных мероприятиях, связанных с уличным искусством, и статьях об известных стрит-арт-художниках и граффитчиках.

Выводы

Проведенный нами анализ представленности феномена граффити и стрит-арта в трех дискурсах указывает на распад единого нормативного пространства и замену его локальными (специфическими дискурсами). Потеря авторитета традиционными институциями, о которой мы писали выше, находит отражение в том, что «высказывания» дискурса арт-мира, общественного мнения и законодательного дискурса могут не только не совпадать, но и явно противопоставляться друг другу. В результате граффити и стрит-арт работы определяются как акт вандализма в законодательном дискурсе, как произведение искусства в дискурсе мира искусства и как одна из форм современного искусства или средство преобразования городского пространства в общественном мнении молодежи. Содержательные различия дискурсов мы связываем с трансформацией/отсутствием трансформации смыслового пространства в дискурсах (сохранение бинарной структуры и иерархической организации в законодательном дискурсе и появление сетевой структуры в дискурсе арт-мира и общественного мнения), а также с разницей в роли индивидуального начала в формировании дискурса (отсутствие его значимости в законодательном дискурсе и возрастающее значение в двух других).

Полагаем, что тенденция, связанная с возникновением противоречий между разными дискурсами по поводу ряда явлений культуры, будет сохраняться и усиливаться в будущем, потому что в дискурсе молодежного общественного мнения мы встречаем «высказывания», отличающиеся от «высказываний» иных дискурсов. В нашем случае для формирования суждения о граффити и стрит-арте молодежь необязательно руководствуется дискурсом законодательства или «теоретической» составляющей мира искусства. Сохранение тенденции к изменению норм, оценок и прочего можно связать не только с тем, что молодежь, вырастая, будет приносить новые установки в сферы своей деятельности, но и с феноменом, который К. Мангейм назвал «свежий контакт». Это понятие означает возникновение нового взгляда на что-то привычное под влиянием новых внешних факторов, в нашем случае под влиянием контакта поколения родителей с поколе-

нием детей: «С вхождением в культуру нового участника имеет место изменение установки у другого лица, чья установка к наследию, переданному его предшественниками, обновляется» [Мангейм К., 2000, с. 27–28]. Кроме того, как отмечал Мангейм, невозможно передать в неизменном виде опыт старшего поколения младшему в силу разницы значимых событий и условий существования поколений, что особенно ярко наблюдается на рубеже XX–XXI вв.

Выражение признательности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 17-18-01278).

Acknowledgements

This work is supported by the Russian Science Foundation under grant № 17-18-01278.

Список литературы

- Аллахвердиева Н.* Транзитная зона // Транзитная зона: каталог выставки художников стрит-арта. Пермь: Музей современного искусства PERMM, 2015. С. 21–25.
- Бауман З.* Текучая современность / пер. с англ. под ред. Ю.В. Асочакова. СПб.: Питер, 2008. 240 с.
- Грановская О.Л.* Ценностный плюрализм Исаяи Берлина // Ценности и смыслы. 2015. № 4(38). С. 15–24.
- Гройс Б.* Политика поэтики: сб. ст. М.: Ад Маргинем Пресс, 2012. 400 с.
- Делез Ж.* Мая 68-го не было. М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. 96 с.
- Делез Ж., Гваттари Ф.* Тысяча плато: Капитализм и шизофрения / пер. с фр. и послесл. Я.И. Свирского; науч. ред. В.Ю. Кузнецов. Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010. 896 с.
- Дики Дж.* Определяя искусство // Американская философия искусства. Основные концепции второй половины XX века — антиэссенциализм, перцептуализм, институционализм. Антология / под ред. Б. Дземидока, Б. Орлова. Екатеринбург: Деловая книга; Бишкек: Одиссей, 1997. С. 243–252.
- Конев В.А.* Модусы субъективности в культуре // Вестник Самарского государственного университета. 2014. № 1(112). С. 9–14.
- Конев В.А.* О смысле современной культуры // Кантовский сборник. 2017. Т. 36, № 1. С. 104–109. DOI: <https://doi.org/10.5922/0207-6918-2017-1-8>
- Конев В.А.* Человек пьедестала и человек подиума // Международный журнал исследований культуры. 2020. № 2(39). С. 6–17. DOI: <https://doi.org/10.24411/2079-1100-2020-00018>

Коэн Т. Возможность искусства: замечания к предложениям Дики // Американская философия искусства. Основные концепции второй половины XX века — антиэссенциализм, перцептуализм, институционализм. Антология / под ред. Б. Дземидока, Б. Орлова. Екатеринбург: Деловая книга; Бишкек: Одиссей, 1997. С. 253–270.

Куликов В. Накажут за художества // Российская газета. 2020. 3 авг. URL: <https://rg.ru/2020/08/03/v-proekte-novogo-koopvodiatsia-znachitelnye-shtrafy-za-graffiti.html> (дата обращения: 21.03.2021).

Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / пер. с фр. Н.А. Шматко. М.: Ин-т экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998. 160 с.

Липовецки Ж. Эра пустоты. Эссе о современном индивидуализме / пер. с фр. В.В. Кузнецова. СПб.: Владимир Даль, 2001. 336 с.

Лотман Ю. Культура и взрыв / подгот. текста, послесл. Т. Кузовкиной. М.: АСТ, 2019. 256 с.

Мангейм К. Проблема поколений // Мангейм К. Очерки социологии знания: Проблема поколений. Состязательность. Экономические амбиции: пер. с англ. / ИНИОН РАН. М., 2000. С. 8–63.

Музей AZ учреждает международную премию Zverev Art Prize // АртГид. 2021. 26 фев. URL: <https://artguide.com/news/7702> (дата обращения: 21.03.2021).

Раннанорт А. Граффити и High Art / ГЦСИ. 2008. 9 нояб. URL: <http://www.ncca.ru/publications.text?filial=2&id=101> (дата обращения: 26.03.2021).

Статья 20.1. Мелкое хулиганство // «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 09.03.2021). URL: <https://koapru.ru/statja-20.1/> (дата обращения: 21.03.2021).

Статья 214. Вандализм // «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 24.02.2021). URL: <https://ukrfkod.ru/statja-214/> (дата обращения: 21.03.2021).

Статья 7.17. Уничтожение или повреждение чужого имущества // «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 09.03.2021). URL: <https://koapru.ru/statja-7.17/> (дата обращения: 21.03.2021).

Фостер Х., Краусс Р., Буа И.-А., Бухло Б.Х.Д., Джосли Д. Искусство с 1900 года. Модернизм. Антимодернизм. Постмодернизм. М.: Ад Маргинем Пресс, 2015. 816 с.

Хейзинга Й. В тени завтрашнего дня. Человек и культура. Затемненный мир-/ сост., пер. с нидерл. и предисл. Д. Сильвестрова; коммент.

Д. Харитоновича. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2010. 456 с.

Becker H.S. Art Worlds. Berkeley, Los Angeles, London: University of California Press, 1982. 392 p.

Berlin I. Tolstoy and Enlightenment // Berlin I. Russian thinkers. London: Penguin Books, 2000. P. 238–260.

Chalfant H., Prigoff J. Spraycan Art. London: Thames and Hudson Ltd., 1999. 96 p.

Crane D. The Transformation of the Avant-Garde: The New York Art World, 1940–1985. Chicago, IL: University of Chicago Press, 1989. 204 p.

Lachmann R. Graffiti as Career and Ideology // American Journal of Sociology. 1988. Vol. 94, no. 2. P. 229–250. DOI: <https://doi.org/10.1086/228990>

Mailer N. The Faith of Graffiti. N.Y.: HarperCollins, 2009. 128 p.

Naegeli H. Wolkepost. Zuerich: Diogenes, 2021. 144 S.

Получена: 09.04.2021. Принята к публикации: 04.07.2021

References

Allakhverdieva, N. (2015). [Transit zone]. *Tranzitnaya zona: katalog vystavki khudozhnikov strit-arta* [Transit zone: Catalog of the exhibition of street art artists]. Perm: Museum of Modern Art PERMM Publ., pp. 21–25.

[Article 20.1. Hooliganism]. *Kodeks Rossiyskoy Federatsii ob administrativnykh pravonarusheniyakh ot 30.12.2001 N 195-FZ (red. ot 09.03.2021)* [Code of Administrative Offenses of the Russian Federation No. 195-FZ of December 30, 2001 (ed. of 09.03.2021)]. Available at: <https://koapru.ru/statja-20.1/> (accessed 21.03.2021).

[Article 214. Vandalism]. *Ugolovnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii ot 13.06.1996 N 63-FZ (red. ot 24.02.2021)* [Criminal Code of the Russian Federation No. 63-FZ of June 13, 1996 (ed. of 24.02.2021)]. Available at: <https://ukrfkod.ru/statja-214/> (accessed 21.03.2021).

[Article 7.17. Destruction of, or damage to, another's property]. *Kodeks Rossiyskoy Federatsii ob administrativnykh pravonarusheniyakh ot 30.12.2001 N 195-FZ (red. ot 09.03.2021)* [Code of Administrative Offenses of the Russian Federation No. 195-FZ of December 30, 2001 (ed. of 09.03.2021)]. Available at: <https://koapru.ru/statja-7.17/> (accessed 21.03.2021).

Bauman, Z. (2008). *Tekuchaya sovremennost'* [Liquid modernity]. Saint Petersburg: Piter Publ., 240 p.

- Becker, H.S. (1982). *Art worlds*. Berkeley, Los Angeles, London: University of California Press, 392 p.
- Berlin, I. (2000). *Tolstoy and enlightenment. Russian thinkers*. London: Penguin Books Publ., pp. 238–260.
- Chalfant, H. and Prigoff, J. (1999). *Spraycan Art*. London: Thames and Hudson Publ., 96 p.
- Cohen, T. (1997). [The possibility of art: Remarks on Dickey's proposals]. *Amerikanskaya filosofiya iskusstva. Osnovnye kontseptsii vtoroy poloviny XX veka — antiessentsializm, pertseptualizm, institutsionalizm. Antologiya, pod red. B. Dzemiidoka, B. Orlova* [American philosophy of art. The main concepts of the second half of the 20th century are anti-essentialism, perceptualism, institutionalism. Anthology, ed. by B. Dzemiidok, B. Orlov]. Yekaterinburg: Delovaya Kniga Publ., Bishkek: Odissey Publ., pp. 253–270.
- Crane, D. (1989). *The transformation of the avant-garde: The New York art world, 1940–1985*. Chicago: University of Chicago Press, 204 p.
- Deleuze, G. (2016). *Maya 68-go ne bylo* [May 68 did not take place]. Moscow: Ad Marginem Publ., 96 p.
- Deleuze, G. and Guattari, F. (2010). *Tsytyacha plato: Kapitalizm i shizofreniya* [A thousand plateaus: Capitalism and schizophrenia]. Yekaterinburg: U-Faktoria Publ.; Moscow: Astrel Publ., 896 p.
- Dickie, G. (1997). [Defining art]. *Amerikanskaya filosofiya iskusstva. Osnovnye kontseptsii vtoroy poloviny XX veka — antiessentsializm, pertseptualizm, institutsionalizm. Antologiya, pod red. B. Dzemiidoka, B. Orlova* [American philosophy of art. The main concepts of the second half of the 20th century are anti-essentialism, perceptualism, institutionalism. Anthology, ed. by B. Dzemiidok, B. Orlov]. Yekaterinburg: Delovaya Kniga Publ., Bishkek: Odissey Publ., pp. 243–252.
- Foster, H., Krauss, R., Bois, Y.-A., Buchloh, B.H.D. and Joselit, D. (2015). *Iskusstvo s 1900 goda. Modernizm. Antimodernizm. Postmodernizm* [Art since 1900. Modernism. Antimodernism. Postmodernism]. Moscow: AdMarginem Publ., 816 p.
- Granovskaya, O.L. (2015). [Isaiah Berlin's value pluralism]. *Tsennosti i smysly* [Values and Meanings]. No. 4(38), pp. 15–24.
- Groys, B. (2012). *Politika poetiki* [The politics of poetics]. Moscow: AdMarginem Publ., 400 p.
- Huizinga, J. (2010). *V teni zavtrashnego dnya. Chelovek i kul'tura. Zatemnennyy mir* [In the shadow of tomorrow. Man and culture. The darkened world: An essay]. Saint Petersburg: Ivan Limbakh Publ., 456 p.
- Konev, V.A. (2014). [The modes of subjectivity in culture]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Samara State University]. No. 1(112), pp. 9–14.
- Konev, V.A. (2017). [About the meaning of modern culture]. *Kantovskiy sbornik* [Kant's collection]. Vol. 36, no. 1, pp. 104–109. DOI: <https://doi.org/10.5922/0207-6918-2017-1-8>
- Konev, V.A. (2020). [Pedestal person and podium person]. *Mezhdunarodnyy zhurnal issledovaniy kul'tury* [International Journal of Cultural Research]. No. 2(39), pp. 6–17. DOI: <https://doi.org/10.24411/2079-1100-2020-00018>
- Kulikov, V. (2020). [Someone will be punished for the arts]. *Rossiyskaya gazeta*. Aug 3. Available at: <https://rg.ru/2020/08/03/v-proekte-novogo-koap-vvodiatsia-znachitelnye-shtrafy-za-graffiti.html> (accessed 21.03.2021).
- Lachmann, R. (1988). Graffiti as career and ideology. *American Journal of Sociology*. Vol. 94, no. 2, pp. 229–250. DOI: <https://doi.org/10.1086/228990>
- Lipovetsky, G. (2001). *Era pustoty. Esse o sovremennom individualizme* [The era of emptiness. Essays on contemporary individualism]. Saint Petersburg: Vladimir Dal' Publ., 336 p.
- Lotman, U. (2019). *Kul'tura i vzryv* [Culture and explosion]. Moscow: AST Publ., 256 p.
- Lyotard, J.-F. (1998). *Sostoyanie postmoderna* [The postmodern condition]. Moscow: IES Publ.; Saint Petersburg: Aletyya Publ., 160 p.
- Mannheim, K. (2000). [Problem of generations]. *Ocherki sotsiologii znaniya: Problema pokoleniy. Sostyazatel'nost'. Ekonomicheskie ambitsii* [Essays on the sociology of knowledge: The problem of generations. Competitiveness. Economic ambitions]. Moscow: INION RAS Publ., pp. 8–63.
- Mailer, N. (2009). *The faith of graffiti*. New York: Praeger Publ., 128 p.
- Muzey AZ uchrezhdaet mezhdunarodnuyu premiyu Zverev Art Prize* [AZ Museum launches international Zverev Art Prize]. 2021. Feb. 26. Available at: <https://artguide.com/news/7702> (accessed 21.03.2021).
- Naegeli, H. (2021) *Wolkepost* [Cloud mail]. Zurich: Diogenes Publ., 144 p.
- Rappaport, A. (2008). *Graffiti i High Art* [Graffiti and High Art]. NCCA. Nov. 9. Available at: <http://www.ncca.ru/publications.text?filial=2&id=101> (accessed 26.03.2021).

Received: 09.04.2021. Accepted: 04.07.2021

Об авторе

Кузовенкова Юлия Александровна

кандидат культурологии, доцент, аналитик
лаборатории социосредовых исследований

Уральский государственный
педагогический университет,
620017, Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26;
e-mail: mirta-80@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0085-6103>
ResearcherID: ABG-6686-2021

About the author

Yuliya. A. Kuzovenkova

Candidate of Culturology, Associate Professor,
Analyst of the Laboratory
of Socio-Environmental Research

Ural State Pedagogical University,
26, Kosmonavtov av., Ekaterinburg, 620017, Russia;
e-mail: mirta-80@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0085-6103>
ResearcherID: ABG-6686-2021

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Кузовенкова Ю.А. Между искусством и вандализмом: дискурсивная представленность граффити и стрит-арта // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2021. Вып. 4. С. 592–603.
DOI: 10.17072/2078-7898/2021-4-592-603

For citation:

Kuzovenkova Yu.A. [Between art and vandalism: discourse representation of graffiti and street art]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologia. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2021, issue 4, pp. 592–603 (in Russian). DOI: 10.17072/2078-7898/2021-4-592-603

УДК 111.1+793.3

DOI: 10.17072/2078-7898/2021-4-604-612

К ПРОБЛЕМНЫМ ВОПРОСАМ ФИЛОСОФИИ ТАНЦА: СЕМИОТИЧЕСКИЙ И ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ ТАНЦЕВАЛЬНЫХ ДВИЖЕНИЙ

Крысанков Тимофей Георгиевич

Челябинский государственный институт культуры (Челябинск)

Одной из центральных задач философии танца является исследование танцевальных движений как основного художественного выразительного средства хореографического искусства. Цель данной статьи — выйти за границы семиотической интерпретации танцевальных движений, проанализировать их вне контекста какой-либо телесной «движенческой» практики и выявить их онтологическое основание, являющееся имманентным свойством природы самого человека. На основе анализа различных философских, культурологических и искусствоведческих исследований определяются природа и специфика выразительности языка хореографического искусства. Осуществлено критическое осмысление семиотического подхода в исследовании выразительных особенностей танцевальных движений. Обосновывается его ограниченность, связанная с интерпретацией природы танцевальных движений в контексте понимания природы искусства. При помощи метода феноменологической редукции танец представлен как самостоятельный феномен. Выделяются три важных свойства природы танцевальных движений: они совершаются спонтанно под действием положительных эмоций, связаны с особым психическим состоянием человека, способствуют гармонизации жизненного мира. В качестве «источка» двигательной активности человека в танце утверждается «аффект радости» — переживаемое человеком состояние счастья, положительные и радостные эмоции, ориентирующие человека на самоосуществление. Научная новизна исследования состоит в определении онтологического аспекта танцевальных движений как совершающихся в результате воздействия «аффекта радости» и переводящих в объективированную форму энергию, возникающую в теле человека. Ощущая возросшую способность собственного тела к действию, его внутреннюю энергию, выполняя танцевальные движения, человек испытывает чувство удовлетворения и удовольствия, в результате чего и его внутренний мир приводится в гармонию.

Ключевые слова: философия танца, семиотический аспект танцевального движения, кинетический язык, онтологический аспект танцевального движения, феноменологическая редукция, «аффект радости».

ON PROBLEMATIC ISSUES OF DANCE PHILOSOPHY: SEMIOTIC AND ONTOLOGICAL ASPECTS OF DANCE MOVEMENTS

Timofey G. Krysanov

Chelyabinsk State Institute of Culture (Chelyabinsk)

One of the core objectives of dance philosophy is research into dance movements as the main means of artistic expression in choreography. This article aims to break the tether of semiotic interpretation of dance movements, to analyze them outside the context of any corporal movement-based practice, and to determine their ontological base, being an irrevocable and immanent quality of human nature itself. Based on various research works in the fields of philosophy, culture studies and art studies, the nature and specific features of the choreographic arts' expressive language are defined. Semiotic approach to the ex-

pressive specifics of dance movements is critically re-evaluated. Its limitations connected with the interpretation of the nature of dance movements in the context of understanding the nature of art are substantiated. With the help of the method of phenomenological reduction, the dance is represented as an independent phenomenon. Three important qualities of the nature of dance movements are identified: they occur spontaneously under the influence of positive emotions, have a connection with a person's special mental state, contribute to the harmonization of a person's lifeworld. Dancing is characterized by «happiness affect», being a source of an individual's motional activity. This is the state of happiness, positive and joyful emotions that direct a person towards self-actualization. The research is novel in that it defines the ontological aspect of dance movements as those occurring as a result of the «happiness affect» and transferring the energy arising in the human body into an objectified form. Feeling the increased ability of their body to act and its internal energy, doing dance movements, a person experiences satisfaction and joy, and as a result harmony fills their lifeworld.

Keywords: dance philosophy, semiotic aspect of dance movements, kinesthetic language, ontological aspect of dance movements, phenomenological reduction, «happiness affect».

Введение

Хореографическое произведение искусства по своей природе является синтетическим. Для полного и всестороннего раскрытия авторского замысла в нем используется целый спектр различных выразительных средств: костюм, сценическое оформление, освещение, музыкальное сопровождение, актерская выразительность. Часто хореографические произведения создаются на литературной основе и имеют определенный сюжет. И, конечно, центральное положение среди других выразительных средств в хореографическом произведении (согласно определениям) должен занимать танец, ибо хореографическое искусство — это искусство танца. Но что представляет собой танец, если речь идет о нем как о выразительном средстве? Какова природа танцевальной выразительности и в чем ее специфика? Отсутствие глубокого философского анализа самого феномена танца, вероятно, и составляет причину, по которой подобные проблемные вопросы, особенно ярко проявившиеся в хореографическом искусстве в последнее время, не находят пока своего решения.

Традиционная характеристика танца в рамках искусствоведческих, культурологических и философских исследований представляет его как «существующий в быту психофизический процесс самовыражения посредством ритмизированных телодвижений» [Меланьин А.А., 2010, с. 4]. При подобном взгляде танец считается изначально обладающим выразительной спецификой, а хореографическое произведение представляет собой просто систематизированный и структурированный по определенным законам художественный «продукт», создаваемый для

представления зрителю. Потому для большинства современных исследователей вопрос о природе танцевальной выразительности, ее характерных отличиях от иных выразительных средств не считается дискуссионным или неясным. Однако проблема состоит в том, что танцевальная культура современного общества крайне многообразна, и, несмотря на простоту и ясность понятия «танец», в современных исследованиях оно не имеет единого толкования. Различные исследователи не могут сойтись в определении общих существенных характеристик данного феномена. А потому вопрос о природе танцевальной выразительности и ее специфике следует считать дискуссионным.

Семиотический аспект танцевальных движений

«Хореография (от греческого *choreia* — пляска и *graflo* — пишу) — или искусство танца — имеет в своей основе ритмически организованные, условные движения человеческого тела, образно воплощающие чувства и мысли» [Вычужанова Л.К., 2009а, с. 15]. Из данного определения видно, что основными выразительными элементами танца являются ритмически организованные движения человеческого тела, способные образно воплощать чувства и мысли танцующего человека.

Вопросы выразительности танцевальных движений и их коммуникативной специфики к настоящему времени разработаны довольно подробно. Они исторически находились в области исследований специальных хореографических дисциплин и анализировались с позиций искусствоведения, эстетики, психологии искусства; в XX в. к их исследованию стали активно под-

ключаться методы лингвистического анализа. Сегодня изучение выразительных характеристик танцевальных движений является одним из центральных направлений исследования в философии танца («дансологии» — термин В.В. Ромма). Разработкой данных проблемных вопросов занимаются известные отечественные (В.В. Ромм, И.А. Герасимова, В.Л. Круткин, Е.К. Луговая, Л.К. Вычужанова, Н.В. Атитанова, Т.А. Акиндинова, А.В. Амашукели) и зарубежные (С. Лангер, М. Шитс, F.E. Sparsott, J.L. Hanna, В. Kagen) исследователи. Специфика выразительных особенностей танцевальных движений рассматривается данными авторами в русле таких философских направлений, как феноменология, философская антропология, герменевтика, структурализм, концепция «символических форм».

Таким образом, к настоящему времени накоплен огромный интеллектуальный ресурс в осмыслении выразительных возможностей танцевальных движений. В большинстве работ данной направленности хореографическое искусство рассматривается как знаково-символическая система, а танцевальные движения характеризуются в их семиотическом аспекте. Рассуждая о причинах, благодаря которым танцевальные движения способны выражать какие-либо душевные переживания, исследователи склонны представлять танцевальные движения как особого рода невербальный язык — кинетический (используется много различных наименований: хореографический язык, язык танца, язык тела, язык жестов, пластический язык и др.).

Человек способен обмениваться информацией с другими людьми различными способами: словесным, звукоинтонационным, жестомимическим. Последний и выступает основанием языка хореографии. Согласно общепринятым суждениям жестомимический и звукоинтонационный способы передачи информации являются более древними по отношению к словесному. Некоторые исследователи объясняют это тем фактом, что словесный способ передачи информации свойствен только человеку, в то время как остальные присущи в том числе и представителям животного мира [Вычужанова Л.К., 2009b; Уразымбетов Д.Д., 2015]. Другие, аргументируя это суждение, акцентируют внимание на теле как первичном средстве взаимодействия челове-

ка с окружающей действительностью [Герасимова И.А., 2000; Сокольчик А.Н., 2011; Пшикова Е.С., 2014]. Для данных авторов характерно представление о теле как «непосредственно данному» человеку аппарате чувствования, восприятия и постижения мира.

Подробный философский анализ языка хореографии в своей диссертации «Язык хореографии. Философский анализ» проводит известный российский исследователь танца Л.К. Вычужанова. По ее мнению, словесный способ передачи информации (будучи более поздним и, соответственно, более совершенным) обладает большей эффективностью, более широким спектром интеллектуальной выразительности за счет присущей ему «информационной емкости и коммуникативной мощности» [Вычужанова Л.К., 2009а, с. 54]. Но тем не менее он не является абсолютным, т.е. он не способен транслировать всю полноту душевных переживаний человека. Потому два других способа передачи информации, унаследованные человеком от его предков, — жестомимический и звукоинтонационный — сохранились. Разработанные и структурированные человеком, они образовали, соответственно, кинетический и иневербально-звуковой языки. И если в обыденной жизни они присутствуют в качестве сопутствующих речи выразительно-коммуникативных средств (жесты, мимика, восклицания), то в области художественного творчества они имеют равное со словесным языком положение, как язык танца или музыки [Вычужанова Л.К., 2009b].

Ряд исследователей в своих работах склонны рассматривать движения человека как материализацию его душевного состояния [Пименова Ж.В., 2013; Уразымбетов Д.Д., 2015]. Движения при подобном взгляде выступают своеобразным «пластическим мотивом», «телесной интонацией» человека. В процессе создания хореографического произведения автор использует эти «пластические мотивы» с целью создания художественного образа, в динамике которого и происходит коммуникация со зрителем. Поскольку кинетический язык (как и любой другой) не является абсолютным, то коммуникация основана не на точном воспроизведении реальности в художественном образе, а на метафорическом отражении жизни. Таким образом, ритм и движения тела человека выступают теми элементами невербального текста, которые и со-

здают коммуникативное пространство хореографического произведения.

Хореографическое искусство прошло долгий путь развития, в течение которого его язык трансформировался из примитивных ритмически упорядоченных движений в четко структурированные танцевальные системы. В хореографической среде существуют разногласия между сторонниками «выразительного» (семиотический подход) и «изобразительного» (эстетический подход) начал в танце. В зависимости от взглядов хореографов, отдававших предпочтение тому или иному началу в танце, развитие хореографического искусства шло по двум ключевым направлениям. Первое из них — это хореографическая драма, второе — танцевальная симфония. Так, одной из ключевых проблем, обозначаемой в диссертационном исследовании Н.В. Атитановой «Танец как смысловая универсалия: от выразительного движения к “движению” смысла», является проблема выявления смыслового синтеза их методов. Проблема осложняется еще и тем фактом, что выразительное начало в танцевальных движениях не исключает наличия в них элементов изобразительного и наоборот [Атитанова Н.В., 2000].

Ограниченность семиотического подхода

Исследование двигательной активности человека в танце с точки зрения семиотики и анализ хореографического искусства как знаково-символической системы позволяют исследователям проводить комплексное рассмотрение хореографического искусства в контексте художественной и интеллектуальной жизни общества. Это способствует прояснению многих проблемных вопросов, касающихся выразительной специфики танцевальных движений. В частности, данный подход дал возможность поставить и конкретизировать ряд вопросов гносеологического характера в хореографическом искусстве, рассмотреть специфику хореографической образности, исследовать проблемы восприятия и понимания произведений хореографического искусства и т.д. Однако при всей продуктивности данного подхода следует указать и на его существенную ограниченность.

Она заключается в том, что при подобном взгляде на хореографическое искусство двигательная активность человека в танце исследуется в определенном и весьма узком контексте.

Искусство в целом (и хореографическое как один из его видов) представляет собой одну из форм культурной деятельности человека, в которой познание окружающей действительности происходит при помощи художественных образов. Искусство представляет собой «имагинативную» форму постижения бытия [Хмелевская С.А., 2018] и обладает собственной логикой. Анализируя хореографическое искусство (а следовательно, и сами танцевальные движения) подобным образом, исследователи невольно трактуют их специфику в контексте понимания природы искусства вообще и его специфических функций (познавательной, оценочной, коммуникативной и т.д.). На основании этого танцевальные движения, будучи основным выразительным средством в хореографическом производстве, рассматриваются исследователями как «средства объективации, обобществления и материализации производимой в искусстве идеальной предметности — знаний, ценностей, проектов, образов» [Гевленко Ю.А., 2009, с. 87]. И потому рассматриваемые как особая знаковая система, как язык, они представляются в качестве инструмента фиксации мыслей и чувств человека, как средство взаимодействия людей друг с другом.

И не случайно подобный взгляд относительно танцевальных движений уравнивает их в значении с жестом. Данное мнение (танцевальное движение = жест) укоренилось в отечественной хореографической традиции. Его можно встретить в ответах не только на вопрос о коммуникативной природе хореографических произведений, но и на вопрос о генеалогии хореографического искусства: «Искусство пляски древнее всех видов искусств, потому что первоисточник пляски есть жест» [Вашкевич Н.Н., 2009, с. 25], а также в ответах на вопрос о природе хореографического искусства: «Поза классического танца — это своего рода жест, вытекающий из осмысленного и выразительно выполненного действия, но жест такой, в котором принимает участие все тело танцовщика» [Тарасов Н.И., 2005, с. 19]. Часто подобные суждения подкрепляются отсылкой к высказываниям крупных мыслителей прошлого, например, Платона или Лукиана [Пименова Ж.В., 2013, с. 67]. Не вступая в дискуссию с подобными суждениями, следует задаться иным вопросом: исчерпываются ли выразительные возможности танцевальных

движений их смысловой значимостью? Очевидно, что нет.

Нельзя сказать, что характеристика танцевальных движений как особого невербального кинетического языка полностью объясняет их специфику, их природу. Подобное описание, конечно, не полностью их нивелирует, но, тем не менее, оставляет неучтенными важные отличия танцевальных движений от выразительных средств в других видах искусства. Ведь выразительные средства в любом виде искусства так или иначе служат материалом для объективации некой идеальной предметности, они выступают средствами фиксации мыслей и чувств человека. Разница только в их материальной форме. В музыке это звуки, в живописи — краски, в литературе — слова, в танце — движения (жесты). И все они служат средствами авторского выражения и взаимодействия со зрителем. Но ведь возможности того или иного выразительного средства не исчерпываются только его коммуникативной спецификой. Поэтичность языка не объясняется смысловым значением слов; как и различные визуальные эффекты, достигаемые в изобразительном искусстве, невозможно объяснить через смысловое значение изображаемых предметов, символов или знаков. Следовательно, и выразительные возможности танцевальных движений будет неверно связывать только с их коммуникативными и эстетическими особенностями.

Ритмически организованные движения тела являются основными выразительными элементами танца, соответственно — и основными выразительными элементами в хореографическом произведении. Однако человек проявляет двигательную активность не только в танце. А так как любое движение человека (для стороннего наблюдателя) может наделяться смысловым значением и становиться знаком, то, следуя данной логике, в качестве выразительного средства в хореографическом произведении могут быть использованы абсолютно любые движения человека. Получается, что любое движение человека, рассмотренное в контексте понимания природы искусства и его специфических функций, будет «имманентно семиотичным» (термин М.С. Кагана). Это не просто уравнивает в значении танцевальное движение и жест, но и вообще нивелирует особенности танцевальных движений, т.е., игнорируются их отличия от любых

других проявлений двигательной активности человека. К тому же если любое движение человека сторонний наблюдатель способен наделять смыслом, то, следовательно, выразительность нельзя считать сущностным (отличительным) свойством танцевальных движений.

Тем не менее понимание сущности двигательной активности человека в танце крайне важно для анализа выразительных возможностей танцевальных движений. Ведь все многообразие видов искусства существует потому, что разнятся их художественные выразительные средства. «Каждый вид искусства формирует ему одному присущие приемы, создает свой неповторимый язык, находит свои особые способы создания художественного образа» [Рязанова Ю.Н., 2016, с. 4]. Поэтому для определения специфики танцевальных движений необходимо прежде всего выйти за границы их семиотической интерпретации и перейти к выявлению их сущностных признаков, которыми отличается природа танцевальных движений. То есть исследовать танец и танцевальные движения в онтологическом аспекте.

Но прежде следует обратить внимание на две важные проблемы. Во-первых, танцевальная культура современного общества отличается многообразием проявлений: это не только профессиональные произведения хореографического искусства, но и множество бытовых, развлекательно-игровых, лечебно-оздоровительных, спортивных, медитативных и других танцев. Однако это не является специфической особенностью настоящего времени — танец исторически был важной составляющей религиозных и светских ритуалов, магических обрядов, народных представлений и праздников, спортивных состязаний и тренировочных упражнений. Иными словами, существование в настоящее время множества телесных движенческих практик, использующих различные возможности танца, исторически обусловлено. И тогда анализ этих телесных движенческих практик исследователями как особых проявлений феномена танца вполне обоснован.

Во-вторых, и это отмечают сами исследователи, коммуникативный (семиотический) аспект танцевальных движений не выявляет их сущности. Например, известный московский исследователь танца И.А. Герасимова, в монографии «Танец. Эволюция кинестезического мышле-

ния» справедливо замечает, что природу танцевальных движений можно анализировать с различных позиций. Одни авторы обращают внимание на положительную роль танца в гармонизации жизненного мира человека, другие связывают сущность двигательной активности человека в танце с потребностью в эмоциональной разрядке. И.А. Герасимова выделяет «когнитивный» аспект танцевальных движений, акцентируя внимание на связи двигательной активности человека в танце с уровнем развития его сознания: формами опыта, чувствования и понимания [Герасимова И.А., 2000].

Онтологический аспект танцевальных движений

Обозначая онтологический аспект двигательной активности человека в танце, целесообразно воспользоваться методом феноменологической редукции — «эпохе». То есть «вынести за скобки» все те аспекты, с которыми танцевальные движения могут быть связаны, будучи включенными в ту или иную телесную движенческую практику, и акцентировать внимание на имманентной характеристике танцевальных движений, отличающей их от любой другой двигательной активности человека.

Любое движение человека должно быть обусловлено некой причиной, его породившей. Последняя, если речь идет о танцевальных движениях, вполне свободно определяется из контекста той или иной телесной движенческой практики, в которую танец оказывается включен. Но для осознания предельного, онтологического основания танцевального движения самого по себе, его собственной природы необходимо вывести его за пределы какого-либо контекста и рассмотреть в «чистом» виде. То есть выявить то, что является неотъемлемым, имманентным и атрибутивным свойством природы самого человека.

На основе анализа танцевальных движений в контексте той или иной телесной движенческой практики можно выделить их некоторые характерные особенности. Так, например, во время праздников танцы, вероятно, возникали спонтанно, под воздействием переполюнявших человека чувств и чаще всего представляли собой демонстрацию удалости, ловкости и силы (при том, что эта демонстрация всегда имела и эстетическую составляющую). Будучи включенными

ми в религиозные ритуалы, танцы (наряду со многими другими способами) помогали человеку погрузиться в особое психическое состояние, в некий сакральный мир, где был возможен контакт с мистическими силами. Присутствуя в том или ином общественном ритуале, танец способствовал единению людей, гармонизации жизненного мира человека [Морина Л.П., 2003]. Таким образом, можно выделить три важных свойства природы танцевальных движений: 1) они возникают спонтанно и неосознанно, как некий эмоциональный выплеск; 2) они связаны с особым психическим состоянием человека; 3) они способствуют гармонизации жизненного мира человека.

В таком случае становится хорошо заметно различие между танцевальными движениями и жестами. Ведь при подобной характеристике танцевальные движения оказываются очень близки к движениям, выполняющим так называемую «компенсаторную функцию». Цель последних состоит в сохранении уравновешенного психического состояния человека в моменты сильного эмоционального напряжения. Так, например, в состоянии отчаяния человек может неосознанно покачиваться всем телом; переживая сильное горе — запрокинуть голову и схватиться за нее руками; от нетерпения производить частые удары рукой или ногой; бить кулаком от злости и т.д. Но если «компенсаторные» движения связаны преимущественно с негативными эмоциями и впечатлениями, то особенность танцевальных движений состоит в том, что они всегда связаны с переживанием человеком счастливого состояния и испытываемыми в этом состоянии положительными эмоциями. И на этом различии, крайне важном для понимания онтологического основания танцевальных движений, необходимо остановиться подробнее.

Следует иметь в виду, что человек существует в мире не автономно, отдельно и независимо, а наряду со многими иными элементами реальности, воздействию которых он постоянно подвергается и которые также подвергаются воздействию с его стороны. Любое взаимодействие с внешними вещами может либо способствовать его существованию, либо противоречить этому, либо же быть нейтральным. В результате этих взаимодействий человек, говоря словами Б. Спинозы, может «испытывать аффекты». В том случае, когда взаимодействие с внешней

вещью способствует существованию человека, он испытывает «аффект радости», если же противоречит — «аффект печали».

Природа человека такова, что он стремится к тем вещам, которые вызывают в нем «аффект радости», и старается избегать тех вещей, которые вызывают «аффект печали». Если человек испытывает «аффект печали», то все его стремление будет направлено на устранение этого аффекта любым доступным способом. В этом стремлении и состоит онтологическое основание «компенсаторных» движений. Но двигательная активность человека в танце всегда связана с «аффектом радости», с переживанием человеком счастливого состояния. Человек, испытывающий радость, наоборот, должен всячески стремиться сохранить ее.

«Аффект радости», в понимании Б. Спинозы, есть страсть, посредством которой душа переходит к большему совершенству, т.е. становится более способной к мышлению. Но душа и тело нераздельны: тело есть объект идеи, составляющей человеческую душу, а душа, в свою очередь, осознает себя посредством испытываемых телом впечатлений [Спиноза Б., 2001]. Потому «аффект радости» выражается не только в совершенствовании способности души к мышлению, но и в усиливающейся способности тела к действию.

Из этого следует простая схема возникновения танцевального движения: 1. Аффект радости, вызванный какой-либо причиной; 2. Переход души к большему совершенству, соответственно — тела к большей способности к действию. В результате этого человек и проявляет танцевальную активность, т.е. «вырабатывает» излишнюю энергию, возникающую в его теле под воздействием «аффекта радости».

В этом и состоит «исток» двигательной активности человека в танце. Когда человек счастлив, он невольно начинает двигаться быстрее обыкновенного; движения его тела становятся более ловкими, легкими, изящными и грациозными. «Счастье — это гармонично-радостное и восторженное ощущение бытия, ориентирующее индивида на самоосуществление» [Лапухина М.В., 2006, с. 13]. Когда же это радостное состояние в человеке возрастает до высокого уровня, до степени восторга, он невольно начинает пританцовывать. Ощущая возросшую способность собственного тела к действию, его

внутреннюю энергию, человек испытывает ощущение полноты жизни. В результате чего и внутренний мир человека приводится в гармоничное состояние. Это и является онтологическим аспектом танцевальных движений.

Предполагая некоторые возражения, необходимо уточнить несколько моментов. Двигательная активность человека в танце, имеющая в своем «исток» радостные эмоции, у каждого человека проявляется по-разному. Люди отличаются друг от друга, по-разному сопротивляются тем или иным страстям, следовательно, то или иное событие у каждого человека вызывает разную реакцию. К тому же, испытывая те или иные радостные эмоции, человек не обязательно совершает танцевальные движения; возможно, это просто отразится на его двигательной активности — придаст большую ловкость, легкость и изящество другим его движениям.

Заключение

Танец выступает основным выразительным средством в хореографических произведениях, а его основными составными элементами являются ритмически организованные движения человеческого тела. Движения человека отражают его внутреннее состояние, мысли и чувства, и для наблюдающего со стороны они могут наделяться каким-либо смысловым значением. С этой точки зрения телесная выразительность человека вполне оправданно трактуется как особый невербальный кинетический язык. В процессе художественного творчества автор хореографического произведения акцентирует внимание на движениях человека именно в этом аспекте: он видит в них своеобразный «пластический мотив», из которого он и создает собственный хореографический текст, организует коммуникативное пространство хореографического произведения. Но в то же время характеристика танца как основного выразительного средства хореографического произведения будет неполной без учета онтологического аспекта танцевальных движений. Истоком двигательной активности человека в танце можно считать «аффект радости» — переживаемое человеком состояние счастья, положительные и радостные эмоции. В таком состоянии человек ощущает прилив жизненных сил. Потому танцевальные движения можно охарактеризовать как «антипрагматичные», их задача состоит в выработке

излишней энергии, возникающей в человеческом теле в результате переживания радостных эмоций. Но танец как ничто другое дает человеку чувство удовлетворения и ощущение полноты жизни. И эта особенность является важной для понимания специфики танца как выразительного средства, а следовательно, и для понимания оригинальности и неповторимости художественного языка произведений хореографического искусства. Продолжение исследования в данном направлении состоит в выяснении соотношения семиотического и онтологического аспектов в процессе функционирования произведений хореографического искусства.

Список литературы

Атитанова Н.В. Танец как смысловая универсалия: От выразительного движения к «движению» смысла: дис. ... канд. филос. наук. Саранск, 2000. 163 с.

Вашкевич Н.Н. История хореографии всех веков и народов. СПб.: Лань; Планета музыки, 2009. 190 с.

Вычужанова Л.К. Язык хореографии: философский анализ: дис. ... канд. филос. наук. Уфа, 2009. 173 с.

Вычужанова Л.К. Язык хореографического искусства как знаково-символическая система // Вестник Башкирского университета. 2009. Т. 14, № 1. С. 230–234.

Гевленко Ю.А. Семиотический анализ танца // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 320. С. 87–89.

Герасимова И.А. Танец: эволюция кинестезического мышления // Эволюция. Язык. Познание / под общ. ред. И.П. Меркулова; Ин-т философии РАН. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 84–112.

Лапухина М.В. Аналитика сущности счастья в русской традиционной культуре: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Тамбов, 2006. 22 с.

Меланьин А.А. Методы анализа танцевального движения: автореф. дис. ... канд. искусствоведения. М., 2010. 24 с.

Морина Л.П. Мифология и феноменология танца: автореф. дис. ... канд. филос. наук. СПб., 2003. 20 с.

Пименова Ж.В. Эстетика жеста в контексте танцевальной коммуникации // Научный вестник Московского государственного технического университета гражданской авиации. 2013. № 191. С. 66–70.

Пишкова Е.С. Танец как вид человеческой деятельности: Проблема происхождения и определения // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2014. № 3(17). С. 139–144.

Рязанова Ю.Н. Новые средства выразительности в балетном искусстве XX века (к проблеме соотношения традиции и новаторства): дис. ... канд. искусствоведения. М., 2016. 208 с.

Сокольник А.Н. Танцующее тело как идеальная материя для выражения мысли // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2011. № 130. С. 291–295.

Спиноза Б. Этика / пер. с лат. В.И. Модестова. Минск: Харвест; М.: АСТ, 2001. 336 с.

Тарасов Н.И. Классический танец. Школа мужского исполнительства. 3-е изд. СПб.: Лань, 2005. 496 с.

Уразымбетов Д.Д. Семиотические аспекты хореографии // Вестник Академии Русского балета им. А.Я. Вагановой. 2015. № 1(36). С. 106–113.

Хмелевская С.А. Логика имагинативных форм постижения бытия // Социально-политические науки. 2018. № 2. С. 278–280.

Получена: 04.07.2021. Принята к публикации: 12.09.2021

References

Atitanova, N.V. (2000). *Tanets kak smyslovaya universal'ya: ot vyrazitel'nogo dvizheniya k «dvizheniyu» smysla: dis. ... kand. filos. nauk* [Dance as a semantic universal: From expressive movement to «movement» of meaning: dissertation]. Saransk, 163 p.

Gerasimova, I.A. (2000). [Dance: the evolution of kinesthetic thinking]. *Evolutsiya. Yazyk. Poznanie* [Evolution. Language. Knowledge]. Moscow: Yazyki Russkoy Kul'tury Publ., pp. 84–112.

Gevenko, Yu.A. (2009). [Semiotic analysis of dance]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State University]. No. 320, pp. 87–89.

Khmelevskaya, S.A. (2018). [Logic of imaginative forms of comprehension of being]. *Sotsial'no-politicheskie nauki* [Sociopolitical Sciences]. No. 2, pp. 278–280.

Lapukhina, M.V. (2006). *Analitika suschnosti schast'ya v russkoy traditsionnoy kul'ture: avtoref. dis. ... kand. filos. nauk* [Analysis of the essence of happiness in russian traditional culture: Abstract of Ph.D. dissertation]. Tambov, 22 p.

Melan'in, A.A. (2010). *Metody analiza tantseval'nogo dvizheniya: avtoref. dis. ... kand. iskusstvovedeniya* [Methods of dance movement analysis: Abstract of Ph.D. dissertation]. Moscow, 24 p.

Morina, L.P. (2003). *Mifologiya i fenomenologiya tantsa: avtoref. dis. ... kand. filos. nauk* [Mythology and phenomenology of dance: Abstract of Ph.D. dissertation]. Saint Petersburg, 20 p.

Pimenova, Zh.V. (2013). [Gesture aesthetics in the context of dance communication]. *Nauchnyy vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta grazhdanskoy aviatsii* [Civil Aviation High Technologies]. No. 191, pp. 66–70.

Pshikova, E.S. (2014). [Dance as a type of human activity: The problem of origin and definition]. *Nauka o cheloveke: gumanitarnye issledovaniya* [The Science of Person: Humanitarian Researches]. No. 3(17), pp. 139–144.

Ryazanova, Yu.N. (2016). *Novye sredstva vyrazitel'nosti v baletnom iskusstve XX veka (k probleme sootnosheniya traditsii i novatorstva): dis. ... kand. iskusstvovedeniya* [New means of expression in the ballet art of the 20th century (on the problem of the relationship between tradition and innovation): dissertation]. Moscow, 208 p.

Sokol'chik, A.N. (2011). [The dancing body as the ideal matter for the expression of thought]. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagog-*

icheskogo universiteta im. A.I. Gertsena [Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences]. No. 130, pp. 291–295.

Spinoza, B. (2001). *Etika* [Ethics]. Minsk: Kharvest Publ.; Moscow: AST Publ., 336 p.

Tarasov, N.I. (2005). *Klassicheskiy tanets. Shkola muzhskogo ispolnitel'stva* [Classical dance. School of male performance]. Saint Petersburg: Lan' Publ., 496 p.

Urazimbetov, D.D. (2015). [Semiotic aspects of choreography]. *Vestnik Akademii Russkogo baleta im. A.Ya. Vaganovoy* [Bulletin of the Vaganova Ballet Academy]. No. 1(36), pp. 106–113.

Vashkevich, N.N. (2009). *Istoriya khoreografii vseh vekov i narodov* [The history of choreography of all ages and peoples]. Saint Petersburg: Lan' Publ., Planet Muzyki Publ, 190 p.

Vychuzhanova, L.K. (2009). [The language of choreographic art as a sign and symbolic system]. *Vestnik bashkirskogo universiteta* [Bulletin of Bashkir University]. Vol. 14, no. 1, pp. 230–234.

Vychuzhanova, L.K. (2009). *Yazyk khoreografii: filosofskiy analiz: dis. ... kand. filos. nauk* [The language of choreography: a philosophical analysis: dissertation]. Ufa, 173 p.

Received: 04.07.2021. Accepted: 12.09.2021

Об авторе

Крысанков Тимофей Георгиевич
аспирант кафедры философских наук

Челябинский государственный институт культуры,
454091, Челябинск, ул. Орджоникидзе, 36а;
e-mail: tkrysanov@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9067-1144>
ResearcherID: ABG-6773-2021

About the author

Timofey G. Krysanov
Postgraduate Student of the Department
of Philosophical Sciences

Chelyabinsk State Institute of Culture,
36a, Ordzhonikidze st., Chelyabinsk, 454091, Russia;
e-mail: tkrysanov@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9067-1144>
ResearcherID: ABG-6773-2021

Просьба сослаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Крысанков Т.Г. К проблемным вопросам философии танца: семиотический и онтологический аспекты танцевальных движений // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2021. Вып. 4. С. 604–612. DOI: 10.17072/2078-7898/2021-4-604-612

For citation:

Krysanov T.G. [On problematic issues of dance philosophy: semiotic and ontological aspects of dance movements]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psihologiya. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2021, issue 4, pp. 604–612 (in Russian). DOI: 10.17072/2078-7898/2021-4-604-612

ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.923.3

DOI: 10.17072/2078-7898/2021-4-613-627

**К ВОПРОСУ ОБ ОРГАНИЗАЦИИ ПСИХОЛЕКСИЧЕСКОГО
ИССЛЕДОВАНИЯ РУССКОЙ ТАКСОНОМИИ ЧЕРТ**

*Мишкевич Арина Михайловна, Щебетенко Сергей Александрович,
Калугин Алексей Юрьевич*

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва)

Традиционно для выявления структуры личности используется психолексический подход. Он предполагает, что все значимые индивидуальные различия должны быть отражены в языке и, следовательно, с помощью анализа языка они могут быть выявлены. В частности, на основании психолексического исследования английского языка была получена модель Большая Пятёрка. В данной статье обсуждаются некоторые аспекты организации психолексического исследования и возможные источники первоначального анализа языка: свободные самоописания, ежедневные разговоры, словари и т.д. Сделан вывод о преимуществе использования списков, составленных профессиональными лингвистами, — как правило, это словари. Рассмотрены части речи, которые можно взять за основу при анализе слов. Обычно исследователи сосредотачиваются на прилагательных, реже добавляют к списку существительные. Однако анализ литературы показывает необходимость использования всех возможных для подобного исследования частей речи. Акцентируются особенности немецкой и голландской методологий отбора слов. Сделан вывод о некотором преимуществе немецкой методологии. Наконец, приведены аргументы в пользу проведения психолексического исследования на русском языке и выявления русской таксономии черт личности. Предлагается примерный план такого исследования.

Ключевые слова: психолексический подход, черты личности, русская таксономия, организация исследования.

**ON THE ORGANIZATION OF A PSYCHO-LEXICAL STUDY
OF THE RUSSIAN PERSONALITY TRAIT TAXONOMY**

Arina M. Mishkevich, Sergei A. Shchebetenko, Alexey Yu. Kalugin

HSE University (Moscow)

According to the psycho-lexical hypothesis, any substantial individual differences in human behavior, emotions, cognition and motivation are supposed to be reflected in the language, which means that by analyzing the language one will be able to identify these differences. Further, using the factor analysis of self-reported individual differences, it is possible to identify the structure of personality traits. For example, based on a psycho-lexical study of English descriptors, the Big Five has been articulated. Meanwhile, the Russian taxonomy of personality traits has remained understudied. In the present article, we discuss some aspects of the organization of a psycho-lexical study. First, we analyze possible sources for the initial analysis of a language: free self-descriptions, everyday talks, dictionaries, etc. A conclusion is made about the advantage of using lists, normally dictionaries, compiled by professional linguists. In our future study, we also plan to use a similar list, namely, a corpus of the Russian language. Second, possible parts of speech taken as a basis for the analysis of words are discussed. Usually researchers focus on adjectives, less often they add

nouns to the list. However, the analysis of scientific literature shows the need to use all possible parts of speech for such a study. In our research, we plan to use adjectives, nouns, adverbs, and verbs. Third, features of German and Dutch word selection methodologies are analyzed. We conclude that the German methodology may be preferable to the Dutch methodology in some aspects; therefore, we plan to employ the former in our study. Finally, the need for a psycho-lexical study in Russian and its blueprint are discussed.

Keywords: psycho-lexical approach, personality traits, Russian taxonomy, research organization.

Введение

На протяжении всей истории развития дифференциальной психологии вопрос о структуре личности остается ключевым и, надо сказать, одним из наиболее разработанных. Во многом его выражением стал так называемый психолексический подход. Его сторонники исходят из идеи, что все значимые в жизни человека индивидуальные различия отражаются в языке. На основе применения психолексического подхода на английском языке была получена пятифакторная структура личности (известная как «Большая Пятерка»), — пожалуй, одна из самых популярных моделей личности в психологических исследованиях на сегодняшний день. Насколько эта модель универсальна с кросс-культурной точки зрения? С одной стороны, пятифакторная структура была подтверждена более чем в 50 странах [McCrae R.R., Terracciano A., 2005; Schmitt D.P. et al., 2007]. С другой стороны, данные исследования основаны на так называемом etic-подходе, представляющем собой оценку определенной модели в новых культурных условиях. Это, конечно, не предрасполагает к поиску автохтонных моделей и в этом смысле заметно ограничивает учет культурных особенностей личности [Ash-ton M.C., Lee K., 2001; Heine S.J., Buchtel E.E., 2009; Triandis H.C., Suh E.M., 2002], если таковые имеются.

Существует два основных подхода к оценке кросс-культурной устойчивости структуры личности [Benet-Martínez V., Waller N.G., 1997; Cheung F.M. et al., 2011]. Как уже отмечалось, первый подход, etic, предполагает сравнение черт личности в разных культурах с использованием определенной, заранее установленной модели. Он поддерживает эквивалентность и тем самым облегчает кросс-культурный анализ целевого конструкта вроде структуры черт личности. Применение etic-подхода способствует международной популярности какой-

либо изначально региональной модели, такой как «Большая Пятерка». На российской выборке в рамках etic-подхода адаптирован ряд методик измерения пяти черт личности (напр.: [Князев Г.Г. и др., 2010; Осин Е.Н. и др., 2015; Хромов А.Б., 2000; Martin T.A. et al., 2002; Shchebetenko S.A. et al., 2020 и др.]); исследования с использованием этих методик подтверждают пятифакторную структуру.

Второй подход, emic [Cheung F.M. et al., 2011], предполагает изучение культурно-специфических вариаций целевого конструкта (напр., структуры черт) «без оглядки» на какие-либо априорные модели. Это позволяет изучать конструкт «от начала до конца» — по общепринятой схеме, но с уникальным, определенным данной средой содержанием. Глобальные модели появляются в emic-подходе на позднем этапе в качестве кросс-культурного синтеза, возникающего из сравнения множества региональных emic-структур.

Психолексический подход лежит в основе и etic-, и emic-подходов. С одной стороны, в рамках etic-исследований глобальные модели личности оказываются производными «словарных таксономий» какого-то определенного языка, обычно — английского. Однако параллельно этому психолексический подход поддерживает и emic-исследования, поскольку позволяет начать изучение черт «с чистого листа» в новой культуре и в новом языке. В результате возникают условия для эмпирического обнаружения «новых» черт личности, отсутствующих в глобальных моделях, что особенно ярко проявляется в азиатских [Katigbak M.S. et al., 2002; Yik M.S.M., Bond M.H., 1993] и африканских [Thalmayer A.G. et al., 2020] исследованиях.

На русском языке нам известна только одна попытка реализации emic-подхода — это работа А.Г. Шмелева с коллегами [Похилько В.И., Федотова Е.О., 1984; Шмелев А.Г. и др., 1991; Шмелев А.Г., Похилько В.И., 1985; Shme-lyov A.G., Pokhil'ko V.I., 1993]. Однако данное

исследование имеет ряд ограничений и отличий от традиционного психолексического подхода, что значительно затрудняет кросс-культурный анализ полученной русской таксономии. Так, изначально Шмелев с коллегами опирались на методологию личностных конструктов Дж. Келли, изучая скорее суждения о понятиях, чем суждения о людях и их поведении [Saucier G., Goldberg L.R., 2001]. Кроме того, оценки в данном исследовании были получены от профессиональных советских психологов, а не наивных носителей языка. Все это отличается от принятой методологии подобных исследований, что признается и самими авторами [Shmelyov A.G., Pokhil'ko V.I., 1993, p. 3]. Таким образом, несмотря на важность и новаторство исследований Шмелева с коллегами, вопрос о русской таксономии черт остается малоизученным.

Психолексический подход

Психолексический подход основывается на предположении, что из языка могут быть выделены слова, описывающие индивидуальные различия, а затем с помощью факторного анализа идентифицированы черты [Goldberg L.R., 1982]. Это позволяет отойти от экспертных суждений о структуре индивидуальных различий и строить модели личности на основании эмпирических данных [Goldberg L.R., 1981]. Кроме того, поскольку организация подобных исследований имеет уже достаточно устоявшиеся традиции, есть возможность кросс-культурного сравнения полученных структур личности [Thalmayer A.G. et al., 2020].

Принято считать, что современный этап начинается с немецких исследований Клагеса [Klages L., 1929] и Баумгартен [Baumgarten F., 1933], которые далее получили развитие в американских работах Олпорта и Одберта [Allport G.W., Odbert H.S., 1936] и Кеттелла [Cattell R.B., 1943]. С тех пор психолексический подход был применен более чем к 30 языкам (см.: [De Raad B. et al., 2010; De Raad B., Mlađić B., 2017]).

Психолексическое исследование традиционно включает в себя четыре основных шага [Thalmayer A.G. et al., 2020]:

1. Извлечение из языка всех слов, описывающих индивидуальные различия (дескрипторов).

2. Сокращение полученного списка до приемлемого количества путем удаления синонимов, а также редко используемых слов.
3. Предъявление полученного списка носителям языка для оценки по ним себя или знакомого.
4. Факторный анализ полученных самооценок либо оценок другого для того, чтобы определить структуру индивидуальных различий (какие характеристики меняются совместно, образуя факторы более высокого порядка).

Источники слов

Прежде чем приступить к изучению таксономии на определенном языке, исследователю необходимо решить ряд частных, но важных вопросов: 1) откуда будут извлекаться слова, описывающие индивидуальные различия, т.е. какой источник языка будет взят за основу — словарь, самоописания, корпус языка и т.д.; 2) какие именно слова будут извлекаться, какой части речи; 3) каковы критерии извлечения слов, т.е. на каком основании будут отбираться одни слова и исключаться другие.

Существуют разные источники для получения изначального списка дескрипторов. Один из них — извлечение слов из повседневной коммуникации людей либо использование свободных самоописаний. В таком случае мы имеем доступ к «живому» повседневному языку. С другой стороны, мы оказываемся ограничены опытом, словарным запасом, особенностями культуры данной конкретной выборки. Некоторые слова используются только в определенных контекстах, слова могут быть частью региональной лексики, принадлежать определенному жаргону, поколению [De Raad B., Mlađić B., 2017]. Исследователь также ограничен активным словарным запасом респондентов, не имея доступа к пассивному.

По этой причине в психолексических исследованиях обычно используют письменные источники, чаще всего словари. У словарей есть одно важное преимущество: они составляются профессиональными лингвистами и охватывают популяцию слов во всем ее многообразии [De Raad B., Barelde D.P.H., 2008, p. 348]. Встречаются и другие источники, например, в исследовании таксономии в рамках языка хин-

ди кроме словарей использовали пять романов, написанных в XX в. [Singh J.K. et al., 2013]. Однако «словарный» метод не лишен недостатков. Например, любой, даже самый современный словарь все же не успевает за развитием и изменением языка.

Еще одним важным вопросом является размер изначального списка слов, необходимый для получения полной таксономии личности. В основном исследователи стараются брать большие словари; но не будет ли таксономия неполной, если взять сокращенный вариант словаря? Ответить на этот вопрос непросто, поскольку психолексические исследования сложны в своей организации и проведении, а значит, их не так много. Еще меньше исследований на одном и том же языке, которые позволили бы сравнить эффективность отдельных аспектов процедуры (например, влияние размера изначального списка слов на результат).

Одними из немногих подобных примеров являются исследования, проведенные на итальянском языке примерно в одно время двумя разными исследовательскими группами и содержащими некоторые процедурные различия [Caprara G.V., Perugini M., 1994; Di Blas L., Forzi M., 1998]. В частности, в исследовании Ди Блас и Форци [Di Blas L., Forzi M., 1998] был использован несокращенный словарь итальянского языка, включающий 127 000 записей, а Капрара и Перуджини [Caprara G.V., Perugini M., 1994] использовали сокращенный словарь, включающий 40 000 записей. Несмотря на разницу в словарях, полученные списки слов, относящихся к личности, оказались похожими (подробнее сравнение исследований см.: [De Raad B. et al., 1998]). Таким образом, результаты итальянских исследований указывают на возможность использования сокращенного словаря, а также на то, что размер изначального списка слов не так важен. Однако стоит отметить, что это всего один случай и сложно делать на его основе однозначные выводы об универсальной применимости такого подхода.

Части речи

Следующий важный вопрос: какие именно части речи будут использованы в исследовании? Логичным видится использование *прилагательных*, поскольку их роль в языке заключает-

ся в описании каких-либо признаков [Barelds D.P.H., De Raad B., 2015; De Raad B., Mlačić B., 2017]. Действительно, использование прилагательных доминирует в психолексических исследованиях [De Raad B., Mlačić B., 2017]. Но использование только прилагательных может искажать реальную картину индивидуальных различий, поскольку разные части речи могут передавать различное психологическое содержание, варьирующее от статичных, подходящих для черт прилагательных до подвижных, транзитивных глаголов, передающих текущее поведение [De Raad B., 1992; De Raad B. et al., 1988].

Пожалуй, следующей по популярности частью речи в психолексических исследованиях являются *существительные*. Одним из первых ученых, изучавшим потенциал существительных в психолексических исследованиях, был Голдберг [Goldberg L.R., 1982]. Он пришел к выводу, что существительные, по сравнению с прилагательными, несут больше негативных смыслов и зачастую являются более разговорными, жаргонными. В то же время не во всех существительных оценочный компонент преобладает над описательным, поэтому существительные вполне подходят для изучения индивидуальных различий [De Raad B., Hoskens M., 1990]. Показано, что включение существительных в список слов меняет получаемую структуру индивидуальных различий [Barelds D.P.H., De Raad B., 2015; De Raad B., Hoskens M., 1990; Saucier G., 2003]. А. Английтнер с коллегами [Angleitner A. et al., 1990] предлагают различать существительные-типы (например, «агрессор») и существительные-атрибуты (например, «агрессия»). Последние зачастую обладают меньшей оценочностью. Кроме этого, разные типы существительных образуют разные черты. Например, эмоциональная стабильность не проявляется в существительных-типах, но присутствует в существительных-атрибутах [Barelds D.P.H., De Raad B., 2015].

Наречия также могут использоваться для описания человека [De Raad B., Mlačić B., 2017]. Однако эта часть речи применяется в исследованиях существенно реже, чем прилагательные и существительные.

Самая редко используемая часть речи — *глаголы*. Они выпадают из поля зрения ученых, поскольку относятся к явлениям временного

характера, а черты трактуются как постоянные, повторяющиеся явления [De Raad B., 2000]. Однако даже при такой специфике глаголы могут быть важны для описания личности. Так, в своей классической иерархической структуре личности Айзенк [Eysenck H.J., 1947] предполагает, что в основе черт как статистических абстракций лежат конкретные поведенческие реакции. Этот тезис не оспаривается в современных структурных моделях (напр.: [Cramer A.O.J. et al., 2012; DeYoung C.G., 2015; Fleeson W., Jayawickreme E., 2015]). Действительно, привлекательность прилагательных [Goldberg L.R., 1990] объясняется тем, что они передают повторяемость поведения и в этом смысле статичность личностных структур. Поэтому прилагательные подходят на роль эмпирического материала для изучения верхних слоев иерархии личности. С другой стороны, глаголы вполне могут передавать специфику нижележащих слоев черт, относящихся к флюидным, конкретным реакциям. Глаголы в наименьшей степени содержат оценку, негативный смысл [Barelds D.P.H., De Raad B., 2015; Bolinger D., 1980]. Более того, структура индивидуальных различий при использовании только глаголов, похоже, значительно отличается от структуры, полученной на существительных и прилагательных. Так, Б. Де Раад на голландском языке получил двухфакторную структуру личности при использовании только глаголов: были выделены факторы эмоциональной стабильности и доброжелательности [De Raad B., 1992].

При очевидной пользе от включения в исследование глаголов ученые все же делают это нечасто. Вероятно, это связано еще и со сложностью отбора подходящих слов ввиду описанной выше транзитивной природы глаголов. Есть несколько способов отбора глаголов. Во-первых, это критерий частоты [De Raad B. et al., 1988]. В этом плане Де Раад с коллегами предлагают отбирать глаголы, используя следующую фразу: «Если кто-то [глагол] чаще других, то это поведение демонстрирует его личность».

Во-вторых, Г.Р. Семин и К. Фидлер [Semin G.R., Fiedler K., 1988] предложили классификацию, согласно которой глаголы сортируются по трем категориям: описание действий (нейтральные глаголы, содержащие конкретное описание действий с четким началом и концом.

Например, «целоваться», «звонить»), интерпретация действий (описание поведения с положительными и отрицательными коннотациями. Например, «помогать», «обманывать») и глаголы состояний (ментальные или эмоциональные состояния, где нет четкого начала и конца, обычно абстрактные утверждения, которые нельзя проверить. Например, «любить», «ненавидеть», «доверять»). В итоговый список попадают глаголы только из двух последних категорий. Два рассмотренных критерия могут сочетаться. Например, в исследовании чешской таксономии [Hřebíčková M., 2007] использовался сначала критерий Де Раада, потом категории Семина и Фидлера.

Таким образом, показано, что разные части речи выполняют разные роли при описании человека. Использование разных категорий при отборе слов приводит к разному результату. Соответственно, сочетание слов различных частей речи в одном исследовании позволит получить более полную таксономию черт, а исключение каких-либо категорий слов скорее всего приведет к выпадению отдельных элементов, черт.

Немецкая и голландская методологии

В рамках психолексического подхода традиционно применяется один из двух вариантов отбора дескрипторов, условно называемых «голландским» [Brokken F.B., 1978; De Raad B. et al., 1998] и «немецким» [Angleitner A. et al., 1990].

Голландский вариант состоит из двух этапов [Brokken F.B., 1978]. На первом этапе производится отбор из словаря всех прилагательных, которые можно отнести к человеку, за исключением слов, не подходящих под категорию «устойчивый признак». На втором этапе из оставшихся слов осуществляется отбор по двум критериям: «критерий природы» и «критерий личности». По первому критерию прилагательное подходит в том случае, если его можно вставить в предложение: «Этот человек [прилагательное] по своей природе». Второй критерий предполагает, что прилагательное может быть ответом на вопрос: «Мистер X, что он за человек?» [Brokken F.B., 1978].

Позднее голландская методология была дополнена анализом слов других частей речи. Глаголы, как описано выше, предлагалось от-

бирать, учитывая частоту [De Raad B. et al., 1988]. Критерием для отбора существительных является возможность описать, типологизировать, охарактеризовать и т.п. человека с помощью этого слова [De Raad B., Hoskens M., 1990].

В рамках немецкой методологии отбора слов разработана четкая и подробная схема [Angleitner A. et al., 1990]. Первый этап схож с голландским подходом: из списка слов (чаще всего словаря) отбираются те, с помощью которых можно описать человека либо отличить поведение одного человека от поведения другого. Для этого также предлагается использовать стандартные фразы (например, для существительных-типов: «Можем ли мы назвать его/ее [существительное]»? (например, «агрессором») и т.д.). В более поздних исследованиях [Church A.T. et al., 1996; Gorbaniuk O. et al., 2011; Hřebíčková M., 2007] на этом этапе отбора предлагалось также исключать слова (1) связанные с политическим, философским или литературным контекстом и связанные с искусством или религиозным контекстом; (2) описывающие национальный статус, географическое происхождение или профессию; (3) определяемые как разговорные или вульгарные; (4) архаичные.

Второй этап предполагает классификацию оставшихся слов по 5 категориям, 13 подкатегориям [Angleitner A. et al., 1990]:

(1) диспозиции: (1а) темперамент и характер; (1б) способности и таланты;

(2) временные состояния: (2а) состояния (эмоции, настроения и когниции (познавательные процессы)); (2б) физические и телесные состояния; (2в) наблюдаемая активность;

(3) социальные и репутационные аспекты: (3а) роли и взаимоотношения; (3б) социальные эффекты; (3в) чистые оценки; (3г) установки и мировоззрения;

(4) наружные характеристики и внешний вид: (4а) анатомия и телосложение; (4б) внешний вид, образ, манеры;

(5) термины ограниченной полезности: (5а) термины, зависящие от конкретного контекста, или технические термины; (5б) метафорические, расплывчатые, устаревшие слова.

В итоговый список попадают только слова из первой категории.

Изначально немецкая методология предполагала отбор прилагательных, существительных-типов и существительных-атрибутов. Глаголы в рамках известных нам исследований были отобраны только на польском [Gorbaniuk O. et al., 2019] и чешском [Hřebíčková M., 2007] языках. Стоит, однако, отметить, что ученые, использующие голландскую методологию, также редко берут глаголы для анализа (см., напр.: [De Raad B., 1992; De Raad B., Barelds D.P.H., 2008]).

Основное различие между двумя методологиями состоит в использованных критериях для отбора. В частности, немецкая методология предполагает исключение оценочных признаков (подробнее см.: [Shala R.A. et al., 2020]). В то же время, как подчеркивают Шала с соавт. [Shala R.A. et al., 2020, p. 2], именно учет оценочных слов привел к идентификации «Большой Семерки» на иврите [Almagor M. et al., 1995] и отчасти на испанском языке [Benet-Martínez V., Waller N.G., 1997]. Модель «Большой Семерки» включает два дополнительных фактора: «положительная валентность» и «отрицательная валентность». В защиту немецкой методологии следует сказать, что в большинстве исследований оценочные слова полностью не исключаются, поскольку при классификации слов возможно их отнесение одновременно к нескольким категориям. То есть исключаются только те оценочные слова, которые не содержат описания темперамента и характера (например, слова «злой» и «нечестный», скорее всего, сохраняются, а вот слова «молодец» и «мерзкий», вероятнее всего, будут исключены).

Как показало сравнение немецкого и голландского подходов на итальянском языке, они оба, несмотря на различия в процедуре, в итоге дают достаточно схожую структуру черт [Di Blas L., Forzi M., 1998]. Большинство современных лексических исследований выполнены на основе немецкой методологии (подробнее см.: [De Raad B., Mlačić B., 2017]).

Русская таксономия черт личности

Как упоминалось во введении, одной из немногих попыток применения епис-подхода на русском языке было исследование А.Г. Шмелева с коллегами. В течение 1980-х гг.

авторы осуществили две волны сбора данных, в ходе которых было получено более 1500 дескрипторов. К началу 1990-х гг. этот список преодолел рубеж в 2000 терминов, из которых 68% составляли прилагательные и 32% — существительные [Shmelyov A.G., Pokhil'ko V.I., 1993].

Следует отметить, что исследование Шмелева с коллегами имеет ряд существенных ограничений. Как признают сами авторы [Shmelyov A.G., Pokhil'ko V.I., 1993, p. 3], вследствие ограниченного доступа к зарубежной литературе в начале 1980-х гг. ученые не могли спланировать свое исследование в соответствии с принятой методологией создания таксономии черт и ориентировались вместо этого на психосемантическую традицию Осгуда и методологию личностных конструкторов Келли. В этом смысле русская таксономия была изучена в терминах интернальной (сходство в значениях слов), но не экстернальной (оценка людей [Wiggins J.S., 1968]) структуры личности. То есть полученная структура основана не на самооценках или экспертных оценках людей, а на основе оценки экспертами семантического сходства слов [Shmelyov A.G., Pokhil'ko V.I., 1993].

В целом проект Шмелева встроен в традицию таксономии черт личности *post hoc*. Это порождает системные трудности в применении данных Шмелева с коллегами при оценке русской таксономии и осуществлении кросс-культурного анализа, что отмечается в литературе [De Raad B. et al., 2010; Saucier G., Goldberg L.R., 2001]. Резюмируя сказанное, подчеркнем, что специфика российской структуры черт личности остается малоизученной, а роль описателей черт, относящихся к разным частям речи, в единой иерархии черты не изучалась вовсе.

На основе всего вышеизложенного можно предложить следующий дизайн исследования русской таксономии черт личности.

В качестве словаря для отбора описателей черт могут быть использованы корпуса русского языка (Open Corpora, Национальный корпус русского языка, The Google Books Ngram Viewer и т.п.) либо Большой академический словарь русского языка (на сегодняшний день вышли не все тома нового издания).

Исследования показывают, что разные части речи могут выполнять разную функцию при описании индивидуальных различий, а некоторые факторы можно обнаружить только на определенных категориях слов. Поэтому отбирать для словаря личности следует все возможные части речи — прилагательные, существительные, наречия и глаголы.

Для самой процедуры отбора предпочтительно применять немецкую методологию с элементами голландской (например, отбор глаголов с использованием критерия частоты). Такое исследование могло бы включать в себя следующие этапы:

1. Подготовка слов для анализа экспертами.
 - a. Выделение существительных, прилагательных, наречий, глаголов; приведение к единому формату: единый род, число, падеж; удаление повторяющихся слов; удаление имени, фамилии, отчества; удаление географических топонимов; удаление аббревиатур, названий организаций и торговых марок; удаление устаревших и вульгарных слов; составление словаря для дальнейшего анализа.
 - b. Составление инструкции для оценки слов.
 2. Отбор слов, подходящих для описания личности.
 - a. Отбор из корпуса слов, описывающих человека, либо слов, с помощью которых можно отличить поведение одного человека от поведения другого человека.
 - b. Классификация оставшегося списка слов по пяти категориям: (1) связанные с политическим, философским или литературным контентом и связанные с искусством или религиозным контентом; (2) описывающие национальный статус, географическое происхождение или профессию; (3) определяемые как разговорные или вульгарные; (4) архаичные слова; (5) другие слова, с помощью которых можно описать человека, либо другие слова, с помощью которых можно отличить поведение одного человека от поведения другого человека.
- Поскольку первые четыре категории определяют содержание, irrelevantное личности, для дальнейшего анализа мо-

гут быть взяты только слова из пятой категории.

- c. Классификация оставшихся слов по 5 категориям, 13 подкатегориям [Angleitner A. et al., 1990]: (1) диспозиции; (2) временные состояния; (3) социальные и репутационные аспекты; (4) наружные характеристики и внешний вид; (5) термины ограниченной полезности. Для дальнейшего анализа следует оставить только слова, которые большинство экспертов отнесли к первой категории (прототипичные для данной категории слова (подробнее см.: [Angleitner A. et al., 1990])).
- d. Удаление из полученного списка слов женского и среднего рода при наличии аналогичного слова мужского рода¹; удаление разных форм одного слова (однокоренных слов) при схожем/одинаковом смысле; удаление синонимов.
- e. Исключение из полученного списка малоинформативных и редко используемых для описания человека слов.

3. Сбор данных: предъявление респондентам (минимум 500 человек) полученного списка слов для оценки себя или другого человека, а также одной или нескольких русскоязычных версий опросника «Большой Пятерки» (напр.: [Shchebetenko S.A. et al., 2020; Калугин А.Ю. и др., 2021] и опросника HEXACO [Lee K., Ashton M.C., 2004; Егорова М.С. и др., 2019]).

4. Статистический анализ и интерпретация полученных данных: выделение таксономии черт личности на русском языке.

Заключение

Стабильная и воспроизводимая структура личности является фундаментальной целью исследований в персонологии. В рамках диспозиционного подхода для решения этого вопроса традиционно используют психолексический подход, лежащий в основе теории черт.

Суть этого подхода заключается в следующем. Теория черт исходит из допущения, что поведение человека в целом согласованно и

прогнозируемо. Это, в частности, означает, что отдельные действия человека могут быть предсказаны, исходя из его же действий ранее в схожих ситуациях. Такая согласованность порождает «склонности в поведении и образе мыслей», которые принято называть «чертами». Поскольку язык формулирует также обобщенные суждения, лексический подход предполагает, что любые сколь-нибудь существенные «склонности в поведении и образе мыслей» находят отражение в языковых конструкциях, таких как прилагательные, наречия и др. На этом предположении основана лексическая гипотеза личности, в соответствии с которой все индивидуальные различия отражены в языке; следовательно, с помощью анализа языка можно определить структуру черт личности.

Использование психолексического подхода в английском языке привело к появлению модели «Большая Пятерка» черт, нашедшей широкое применение в современной психологии личности. Согласно этой модели личность состоит из пяти черт: экстраверсии, доброжелательности, добросовестности, нейротизма и открытости опыту.

Активное применение etic-подхода и влияние англоязычной психологии привело к обнаружению «Большой Пятерки» в других языках, включая русский [Shmelyov A.G., Pokhil'ko V.I., 1993]. Это, однако, вступает в противоречие с полужавным признанием неких иных, кросс-культурно более адекватных, решений [Lee K., Ashton M.C., 2004; De Raad B. et al., 2010], которые, в свою очередь, отличны друг от друга. Все это скорее говорит о кросс-культурной вариативности личностных черт.

В российских исследованиях черт также доминирует etic-подход: используется пятифакторная или шестифакторная модели в том виде, в котором они разработаны для английского языка, а также инструменты, созданные для ее измерения. Исследователи выбирают пятифакторную модель, с одной стороны, ориентируясь на достаточную разработанность данной модели, а с другой — из-за отсутствия соответствующего русской культуре аналога.

Альтернативный emic-подход, предполагающий изучение социального объекта с позиции конкретной культуры, в отношении черт личности в современной России практически не

¹ Мужской род в современном русском языке продолжает использоваться в качестве «рода по умолчанию», т.е. для описания объектов без их половой спецификации.

применялся (в качестве исключения см.: [Shmelyov A.G., Pokhil'ko V.I., 1993]). В представленной статье были рассмотрены отдельные вопросы организации подобных исследований.

В психолексических исследованиях обычно используют словари как источники языка, поскольку они составлены профессиональными лингвистами и охватывают язык во всем его многообразии. Однако словари обладают некоторыми недостатками. Например, они могут не успевать за развитием языка; в этом случае можно прибегнуть к использованию корпуса русского языка — динамичного, постоянно пополняемого списка слов.

Кроме этого, в психолексических исследованиях традиционно востребованы прилагательные как основа для анализа с периодическим добавлением к ним существительных. При этом анализ исследований с подбором разных частей речи показывает их специфичную роль в описании индивидуальных различий. При анализе различных категорий слов проявляются разные акценты в структуре личности, поэтому рекомендуем использовать все доступные для анализа части речи, а именно прилагательные, существительные, наречия и глаголы.

В международной практике доминируют две методологии отбора слов — немецкая и голландская. Обе методологии дают схожий результат. Для работы по созданию русской таксономии черт личности предлагаем использовать немецкую методологию (с небольшой модификацией), которая применялась при анализе индивидуальных различий в разных языках, в том числе славянских: чешском, польском и украинском.

Выражение признательности

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФ, грант № 21-18-00127.

Acknowledgements

The research was carried out with the financial support of the RSF, project No 21-18-00127.

Список литературы

Егорова М.С., Паришкова О.В., Митина О.В. Структура российского варианта шестифакторного личностного опросника HEXACO-PI-R // Вопросы психологии. 2019. № 5. С. 33–48.

Калугин А.Ю., Щебетенко С.А., Мишкевич А.М., Сото К.Д., Джон О. Психометрика русскоязычной версии Big Five Inventory–2 // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2021. Т. 18, № 1. С. 7–33. DOI: <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2021-1-7-33>

Князев Г.Г., Митрофанова Л.Г., Бочаров А.В. Валидизация русскоязычной версии опросника Л. Голдберга «Маркеры факторов “Большой пятерки”» // Психологический журнал. 2010. Т. 31, № 5. С. 100–110.

Осин Е.Н., Рассказова Е.И., Неякина Ю.Ю., Дорфман Л.Я., Александрова Л.А. Операционализация пятифакторной модели личностных черт на российской выборке // Психологическая диагностика. 2015. № 3. С. 80–104.

Похилько В.И., Федотова Е.О. Техника репертуарных решеток в экспериментальной психологии личности // Вопросы психологии. 1984. № 3. С. 151–157.

Хромов А.Б. Пятифакторный опросник личности: учеб.-метод. пособие. Курган: Изд-во КГУ, 2000. 23 с.

Шмелев А.Г., Похилько В.И. Экспериментальный подход к построению базисного семантического словаря черт личности // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. 1985. № 3. С. 3–10.

Шмелев А.Г., Похилько В.И., Козловская-Тельнова А.Ю. Репрезентативность личностных черт в сознании носителя русского языка // Психологический журнал. 1991. Т. 12, № 2. С. 27–41.

Allport G.W., Odbert H.S. Trait-names: A psychological study // Psychological Monographs / ed. by J. Peterson. Princeton, NJ: Psychological Review Publications, 1936. Vol. 47, no. 1. 171 p. DOI: <https://doi.org/10.1037/h0093360>

Almagor M., Tellegen A., Waller N.G. The Big Seven model: A cross-cultural replication and further exploration of the basic dimensions of natural language trait descriptors // Journal of Personality and Social Psychology. 1995. Vol. 69, iss. 2. P. 300–307. DOI: <https://doi.org/10.1037/0022-3514.69.2.300>

Angleitner A., Ostendorf F., John O.P. Towards a taxonomy of personality descriptors in German: A psycho-lexical study // European Journal of Personality. 1990. Vol. 4, iss. 2. P. 89–118. DOI: <https://doi.org/10.1002/per.2410040204>

Ashton M.C., Lee K. A theoretical basis for the major dimensions of personality // European Journal of Personality. 2001. Vol. 15, iss. 5. P. 327–353. DOI: <https://doi.org/10.1002/per.417>

Barelds D.P.H., De Raad B. The role of word-categories in trait-taxonomy: evidence from the Dutch personality taxonomy // *International Journal of Personality Psychology*. 2015. Vol. 1, no. 1. P. 15–25.

Baumgarten F. Die Charaktereigenschaften // Beiträge zur Charakter-und Persönlichkeitsforschung. Heft 1. Bern, CH: A. Francke, 1933. 81 S.

Benet-Martínez V., Waller N.G. Further evidence for the cross-cultural generality of the Big Seven factor model: Indigenous and imported Spanish personality constructs // *Journal of Personality*. 1997. Vol. 65, iss. 3. P. 567–598. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1467-6494.1997.tb00327.x>

Bolinger D. The loaded weapon: The use and abuse of language today. L.; N.Y.: Longman, 1980. 224 p.

Brokken F.B. The language of personality (Unpublished doctoral dissertation). Groningen, ND: University of Groningen, 1978.

Caprara G.V., Perugini M. Personality described by adjectives: The generalizability of the Big Five to the Italian lexical context // *European Journal of Personality*. 1994. Vol. 8, iss. 5. P. 357–369. DOI: <https://doi.org/10.1002/per.2410080502>

Cattell R.B. The description of personality: Basic traits resolved into clusters // *The Journal of Abnormal and Social Psychology*. 1943. Vol. 38, iss. 4. P. 476–506. DOI: <https://doi.org/10.1037/h0054116>

Cheung F.M., van de Vijver F.J.R., Leong F.T.L. Toward a new approach to the study of personality in culture // *American Psychologist*. 2011. Vol. 66, iss. 7. P. 593–603. DOI: <https://doi.org/10.1037/a0022389>

Church A.T., Katigbak M.S., Reyes J.A.S. Toward a taxonomy of trait adjectives in Filipino: Comparing personality lexicons across cultures // *European Journal of Personality*. 1996. Vol. 10, iss. 1. P. 3–24. DOI: [https://doi.org/10.1002/\(sici\)1099-0984\(199603\)10:1<3::aid-per234>3.0.co;2-m](https://doi.org/10.1002/(sici)1099-0984(199603)10:1<3::aid-per234>3.0.co;2-m)

Cramer A.O.J., van der Sluis S., Noordhof A., Wichers M. et al. Dimensions of normal personality as networks in search of equilibrium: You can't like parties if you don't like people // *European Journal of Personality*. 2012. Vol. 26, iss. 4. P. 414–431. DOI: <https://doi.org/10.1002/per.1866>

De Raad B. The Big Five personality factors: The psycholexical approach to personality. Göttingen, DE: Hogrefe & Huber Publishers, 2000. 128 S.

De Raad B. The replicability of the Big Five personality dimensions in three word-classes of the Dutch language // *European Journal of Personality*. 1992. Vol. 6, iss. 1. P. 15–29. DOI: <https://doi.org/10.1002/per.2410060103>

De Raad B., Barelds D.P.H. A new taxonomy of Dutch personality traits based on a comprehensive and unrestricted list of descriptors // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2008. Vol. 94, iss. 2. P. 347–364. DOI: <https://doi.org/10.1037/0022-3514.94.2.347>

De Raad B., Barelds D.P.H., Levert E., Ostendorf F. et al. Only three factors of personality description are fully replicable across languages: A comparison of 14 trait taxonomies // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2010. Vol. 98, iss. 1. P. 160–173. DOI: <https://doi.org/10.1037/a0017184>

De Raad B., Di Blas L., Perugini M. Two independently constructed Italian trait taxonomies: Comparisons among Italian and between Italian and Germanic languages // *European Journal of Personality*. 1998. Vol. 12, iss. 1. P. 19–41. DOI: [https://doi.org/10.1002/\(sici\)1099-0984\(199801/02\)12:1<19::aid-per290>3.3.co;2-y](https://doi.org/10.1002/(sici)1099-0984(199801/02)12:1<19::aid-per290>3.3.co;2-y)

De Raad B., Hoskens M. Personality-descriptive nouns // *European Journal of Personality*. 1990. Vol. 4, iss. 2. P. 131–146. DOI: <https://doi.org/10.1002/per.2410040206>

De Raad B., Mlačić B. The lexical foundation of the Big Five factor model // *The Oxford handbook of the five factor model* / ed. by T.A. Widiger. N.Y.: Oxford University Press, 2017. P. 191–216. DOI: <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199352487.013.12>

De Raad B., Mulder E., Kloosterman K., Hofstee W.K. Personality-descriptive verbs // *European Journal of Personality*. 1988. Vol. 2, iss. 2. P. 81–96. DOI: <https://doi.org/10.1002/per.2410020204>

DeYoung C.G. Cybernetic big five theory // *Journal of Research in Personality*. 2015. Vol. 56. P. 33–58. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jrp.2014.07.004>

Di Blas L., Forzi M. An alternative taxonomic study of personality-descriptive adjectives in the Italian language // *European Journal of Personality*. 1998. Vol. 12, iss. 2. P. 75–101. DOI: [https://doi.org/10.1002/\(sici\)1099-0984\(199803/04\)12:2<75::aid-per288>3.0.co;2-h](https://doi.org/10.1002/(sici)1099-0984(199803/04)12:2<75::aid-per288>3.0.co;2-h)

Eysenck H.J. Dimensions of Personality. N.Y.: Praeger, 1947. 308 p.

Fleeson W., Jayawickreme E. Whole trait theory // *Journal of Research in Personality*. 2015. Vol. 56. P. 82–92. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jrp.2014.10.009>

Goldberg L.R. An alternative «description of personality»: the Big Five factor structure // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1990. Vol. 59, iss. 6. P. 1216–1229. DOI: <https://doi.org/10.1037/0022-3514.59.6.1216>

Goldberg L.R. From Ace to Zombie: Some explorations in the language of personality // *Advances in Personality Assessment*. Vol. 1 / ed. by C.D. Spielberger, J.N. Butcher. Hillsdale, NJ: Erlbaum, 1982. P. 203–234.

Goldberg L.R. Language and individual differences: The search for universals in personality lexicons // *Review of Personality and Social Psychology*. Vol. 2 / ed. by L. Wheeler. Beverly Hills, CA: Sage, 1981. P. 141–165.

Gorbaniuk O., Czarnecka E., Chmurzyńska M. Taxonomy of person-descriptive terms in Polish: A psycho-lexical study // *Current Problems of Psychiatry*. 2011. Vol. 12, iss. 1. P. 100–106.

Gorbaniuk O., Korczak A., Toruj N., Czarnejko A. et al. Comprehensive psycholexical classification of Polish person-descriptive terms // *Current Issues in Personality Psychology*. 2019. Vol. 7, iss. 2. P. 142–154. DOI: <https://doi.org/10.5114/cipp.2019.82792>

Heine S.J., Buchtel E.E. Personality: The universal and the culturally specific // *Annual Review of Psychology*. 2009. Vol. 60. P. 369–394. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev.psych.60.110707.163655>

Hřebíčková M. The lexical approach to personality description in the Czech context // *Ceskoslovenská Psychologie*. 2007. Vol. 51. P. 50–61.

Katigbak M.S., Church A.T., Guanzon-Lapeña M.A., Carlota A.J., del Pilar G.H. Are indigenous personality dimensions culture specific? Philippine inventories and the five-factor model // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2002. Vol. 82, iss. 1. P. 89–101. DOI: <https://doi.org/10.1037/0022-3514.82.1.89>

Klages L. *The Science of Character*. London: Allen & Unwin, 1929. 308 p.

Lee K., Ashton M.C. Psychometric properties of the HEXACO personality inventory // *Multivariate Behavioral Research*. 2004. Vol. 39, iss. 2. P. 329–358. DOI: https://doi.org/10.1207/s15327906mbr3902_8

Martin T.A., Costa P.T., Oryol V.E., Rukavishnikov A.A., Senin I.G. Applications of the Russian NEO-PI-R // *The Five-Factor Model of Personality Across Cultures* / ed. by R.R. McCrae, J. Allik. Boston, MA: Springer, 2002. P. 261–277. DOI: https://doi.org/10.1007/978-1-4615-0763-5_13

McCrae R.R., Terracciano A. Universal features of personality traits from the observer's perspective: data from 50 cultures // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2005. Vol. 88, iss. 3. P. 547–561. DOI: <https://doi.org/10.1037/0022-3514.88.3.547>

Saucier G. Factor structure of English-language personality type-nouns // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2003. Vol. 85, iss. 4. P. 695–708. DOI: <https://doi.org/10.1037/0022-3514.85.4.695>

Saucier G., Goldberg L.R. Lexical studies of indigenous personality factors: Premises, products, and prospects // *Journal of Personality*. 2001. Vol. 69, iss. 6. P. 847–879. DOI: <https://doi.org/10.1111/1467-6494.696167>

Schmitt D.P., Allik J., McCrae R.R., Benet-Martínez V. The geographic distribution of Big Five personality traits: Patterns and profiles of human self-description across 56 nations // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 2007. Vol. 38, iss. 2. P. 173–212. DOI: <https://doi.org/10.1177/0022022106297299>

Semin G.R., Fiedler K. The cognitive functions of linguistic categories in describing persons: Social cognition and language // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1988. Vol. 54, iss. 4. P. 558–568. DOI: <https://doi.org/10.1037/0022-3514.54.4.558>

Shala R.A., De Raad B., Arënliu A. The structure of Albanian personality descriptive trait-adjectives: A psycho-lexically based taxonomy // *International Journal of Personality Psychology*. 2020. Vol. 6. P. 1–11. URL: <https://ijpp.rug.nl/article/view/37224> (accessed: 25.07.2021). DOI: <https://doi.org/10.21827/ijpp.6.37224>

Shchebetenko S.A., Kalugin A.Y., Mishkevich A.M., Soto C.J., John O.P. Measurement invariance and sex and age differences of the Big Five Inventory–2: Evidence from the Russian version // *Assessment*. 2020. Vol. 27, iss. 3. P. 472–486. DOI: <https://doi.org/10.1177/1073191119860901>

Shmelyov A.G., Pokhil'ko V.I. A taxonomy-oriented study of Russian personality-trait names // *European Journal of Personality*. 1993. Vol. 7, iss. 1. P. 1–17. DOI: <https://doi.org/10.1002/per.2410070102>

Singh J.K., Misra G., De Raad B. Personality structure in the trait lexicon of Hindi, a major language spoken in India // *European Journal of Personality*. 2013. Vol. 27, iss. 6. P. 605–620. DOI: <https://doi.org/10.1002/per.1940>

Thalmayer A.G., Saucier G., Ole-Kotikash L., Payne D. Personality structure in east and west Africa: Lexical studies of personality in Maa and Supyire-Senufo // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2020. Vol. 119, iss 5. P. 1132–1152. DOI: <https://doi.org/10.1037/pspp0000264>

Triandis H.C., Suh E.M. Cultural influences on personality // *Annual Review of Psychology*. 2002. Vol. 53, iss. 1. P. 133–160. DOI:

<https://doi.org/10.1146/annurev.psych.53.100901.135200>

Wiggins J.S. Personality structure // Annual Review of Psychology. 1968. Vol. 19, iss. 1. P. 293–350. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev.ps.19.020168.001453>

Yik M.S.M., Bond M.H. Exploring the dimensions of Chinese person perception with indigenous and imported constructs: Creating a culturally balanced scale // International Journal of Psychology. 1993. Vol. 28, iss. 1. P. 75–95. DOI: <https://doi.org/10.1080/00207599308246919>

Получена: 17.08.2021. Принята к публикации: 05.11.2021

References

- Allport, G.W., and Odbert, H.S. (1936). Trait-names: A psycho-lexical study. *Psychological monographs*. Princeton: Psychological Review Publications, Vol. 47, no. 1, 171 p. DOI: <https://doi.org/10.1037/h0093360>
- Almagor, M., Tellegen, A., and Waller, N. G. (1995). The Big Seven model: A cross-cultural replication and further exploration of the basic dimensions of natural language trait descriptors. *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 69, iss. 2, pp. 300–307. DOI: <https://doi.org/10.1037/0022-3514.69.2.300>
- Angleitner, A., Ostendorf, F., and John, O.P. (1990). Towards a taxonomy of personality descriptors in German: a psycho-lexical study. *European Journal of Personality*. Vol. 4, iss. 2, pp. 89–118. DOI: <https://doi.org/10.1002/per.2410040204>
- Ashton, M.C., and Lee, K. (2001). A theoretical basis for the major dimensions of personality. *European Journal of Personality*. Vol. 15, iss. 5, pp. 327–353. DOI: <https://doi.org/10.1002/per.417>
- Barelds, D.P., and De Raad, B. (2015). The role of word-categories in trait-taxonomy: evidence from the Dutch personality taxonomy. *International Journal of Personality Psychology*. Vol. 1, no. 1, pp. 15–25.
- Baumgarten, F. (1933). [The character traits]. *Beiträge zur Charakter-und Persönlichkeitsforschung. Heft 1* [Contributions to character and personality research. Book 1]. Bern: A. Francke. 81 p.
- Benet-Martínez, V., and Waller, N.G. (1997). Further evidence for the cross-cultural generality of the Big Seven factor model: Indigenous and imported Spanish personality constructs. *Journal of Personality*. Vol. 65, iss. 3, pp. 567–598. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1467-6494.1997.tb00327.x>
- Bolinger, D. (1980). *The loaded weapon: The use and abuse of language today*. London, New York: Longman Publ., 224 p.
- Brokken, F.B. (1978). *The language of personality (Unpublished doctoral dissertation)*. Groningen: University of Groningen.
- Caprara, G.V., and Perugini, M. (1994). Personality described by adjectives: The generalizability of the Big Five to the Italian lexical context. *European Journal of Personality*. Vol. 8, iss. 5, pp. 357–369. DOI: <https://doi.org/10.1002/per.2410080502>
- Cattell, R.B. (1943). The description of personality: Basic traits resolved into clusters. *The Journal of Abnormal and Social Psychology*. Vol. 38, iss. 4, pp. 476–506. DOI: <https://doi.org/10.1037/h0054116>
- Cheung, F.M., van de Vijver, F.J. and Leong, F.T. (2011). Toward a new approach to the study of personality in culture. *American Psychologist*. Vol. 66, iss. 7, pp. 593–603. DOI: <https://doi.org/10.1037/a0022389>
- Church, A.T., Katigbak, M.S., and Reyes, J.A.S. (1996). Toward a taxonomy of trait adjectives in Filipino: Comparing personality lexicons across cultures. *European Journal of Personality*. Vol. 10, iss. 1, pp. 3–24. DOI: [https://doi.org/10.1002/\(sici\)1099-0984\(199603\)10:1<3::aid-per234>3.0.co;2-m](https://doi.org/10.1002/(sici)1099-0984(199603)10:1<3::aid-per234>3.0.co;2-m)
- Cramer, A.O., van der Sluis, S., Noordhof, A., Wichers, M. et al. (2012). Dimensions of normal personality as networks in search of equilibrium: You can't like parties if you don't like people. *European Journal of Personality*. Vol. 26, iss. 4, pp. 414–431. DOI: <https://doi.org/10.1002/per.1866>
- De Raad, B. (1992). The replicability of the Big Five personality dimensions in three word-classes of the Dutch language. *European Journal of Personality*. Vol. 6, iss. 1, pp. 15–29. DOI: <https://doi.org/10.1002/per.2410060103>
- De Raad, B. (2000). *The big five personality factors: the psycholexical approach to personality*. Göttingen: Hogrefe and Huber Publ., 128 S.
- De Raad, B., and Barelds, D.P. (2008). A new taxonomy of Dutch personality traits based on a comprehensive and unrestricted list of descriptors. *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 94, iss. 2, pp. 347–364. DOI: <https://doi.org/10.1037/0022-3514.94.2.347>
- De Raad, B., and Hoskens, M. (1990). Personality-descriptive nouns. *European Journal of Personality*. Vol. 4, iss. 2, pp. 131–146. DOI: <https://doi.org/10.1002/per.2410040206>
- De Raad, B., and Mlačić, B. (2017). The lexical foundation of the Big Five factor model. *The Oxford handbook of the five factor model*. New York: Oxford

- University Press, pp. 191–216. DOI: <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199352487.013.12>
- De Raad, B., Barelds, D.P., Levert, E., Ostendorf, F. et al. (2010). Only three factors of personality description are fully replicable across languages: A comparison of 14 trait taxonomies. *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 98, iss. 1, pp. 160–173. DOI: <https://doi.org/10.1037/a0017184>
- De Raad, B., Di Blas, L., and Perugini, M. (1998). Two independently constructed Italian trait taxonomies: Comparisons among Italian and between Italian and Germanic languages. *European Journal of Personality*. Vol. 12, iss. 1, pp. 19–41. DOI: [https://doi.org/10.1002/\(sici\)1099-0984\(199801/02\)12:1<19::aid-per290>3.3.co;2-y](https://doi.org/10.1002/(sici)1099-0984(199801/02)12:1<19::aid-per290>3.3.co;2-y)
- De Raad, B., Mulder, E., Kloosterman, K., and Hofstee, W.K. (1988). Personality-descriptive verbs. *European Journal of Personality*. Vol. 2, iss. 2, pp. 81–96. DOI: <https://doi.org/10.1002/per.2410020204>
- DeYoung, C.G. (2015). Cybernetic big five theory. *Journal of Research in Personality*. Vol. 56, pp. 33–58. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jrp.2014.07.004>
- Di Blas, L., and Forzi, M. (1998). An alternative taxonomic study of personality-descriptive adjectives in the Italian language. *European Journal of Personality*. Vol. 12, iss. 2, pp. 75–101. DOI: [https://doi.org/10.1002/\(sici\)1099-0984\(199803/04\)12:2<75::aid-per288>3.0.co;2-h](https://doi.org/10.1002/(sici)1099-0984(199803/04)12:2<75::aid-per288>3.0.co;2-h)
- Egorova, M.S., Parshikova, O.V., Mitina, O.V. (2019) [Structure of the Russian variant of a six-factor HEXACO personality inventory]. *Voprosy psihologii*. Iss. 5, pp. 33–48.
- Eysenck, H.J. (1947). *Dimensions of personality*. New York: Praeger, 308 p.
- Fleeson, W., and Jayawickreme, E. (2015). Whole trait theory. *Journal of Research in Personality*. Vol. 56, pp. 82–92. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jrp.2014.10.009>
- Goldberg, L.R. (1981). Language and individual differences: The search for universals in personality lexicons. *Review of Personality and Social Psychology*. Beverly Hills: Sage Publ., vol. 2, pp. 141–165.
- Goldberg, L.R. (1982). From Ace to Zombie: Some explorations in the language of personality. *Advances in Personality Assessment*. Hillsdale: Erlbaum Publ., vol. 1, pp. 203–234.
- Goldberg, L.R. (1990). An alternative «description of personality»: the Big Five factor structure. *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 59, iss. 6, pp. 1216–1229. DOI: <https://doi.org/10.1037/0022-3514.59.6.1216>
- Gorbaniuk, O., Czarnecka, E., and Chmurzyńska, M. (2011). Taxonomy of person-descriptive terms in Polish: A psycho-lexical study. *Current Problems of Psychiatry*. Vol. 12, iss. 1, pp. 100–106.
- Gorbaniuk, O., Korczak, A., Toruj, N., Czarnejko, A. et al. (2019). Comprehensive psycho-lexical classification of Polish person-descriptive terms. *Current Issues in Personality Psychology*. Vol. 7, iss. 2, pp. 142–154. DOI: <https://doi.org/10.5114/cipp.2019.82792>
- Heine, S.J. and Buchtel, E.E. (2009). Personality: The universal and the culturally specific. *Annual Review of Psychology*. Vol. 60, pp. 369–394. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev.psych.60.110707.163655>
- Hřebíčková, M. (2007). The lexical approach to personality description in the Czech context. *Ceskoslovenská Psychologie [Czechoslovak Psychology]*. Vol. 51, pp. 50–61.
- Hromov, A.B. (2000). *Pyatifaktornyj oprosnik lichnosti: ucheb.-metod. posobie [The Five-Factor Personality Questionnaire: Training Manual]*. Kurgan: Izd-vo KGU. 23 p.
- Kalugin, A.Yu., Shchebetenko, S.A., Mishkevich, A.M., Soto, C.J., John, O.P. (2021) [Psychometric Properties of the Russian Version of the Big Five Inventory-2]. *Psihologiya. Zhurnal Vysshej shkoly ekonomiki [Psychology. Journal of the Higher School of Economics]*. Vol. 18, no. 1, pp. 7–33. DOI: <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2021-1-7-33>
- Katigbak, M.S., Church, A.T., Guanzone-Lapeña, M.A., Carlota, A.J. and del Pilar, G.H. (2002). Are indigenous personality dimensions culture specific? Philippine inventories and the five-factor model. *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 82, iss. 1, pp. 89–101. DOI: <https://doi.org/10.1037/0022-3514.82.1.89>
- Klages, L. (1929). *The science of character*. London: Allen & Unwin Publ., 308 p.
- Knyazev, G.G., Mitrofanova, L.G. and Bocharov, A.V. (2010). [Validation of the Russian version of L. Goldberg's «Big Five Factor Markers» questionnaire]. *Psihologicheskij zhurnal [Journal of Psychology]*. Vol. 31, no. 5, pp. 100–110.
- Lee, K. and Ashton, M.C. (2004). Psychometric properties of the HEXACO personality inventory. *Multivariate Behavioral Research*. Vol. 39, iss. 2, pp. 329–358. DOI: https://doi.org/10.1207/s15327906mbr3902_8
- Martin, T.A., Costa, P.T., Oryol, V.E., Rukavishnikov, A.A., Senin, I.G. (2002). Applications of the Russian NEO-PI-R. *The Five-Factor Model of Per-*

- sonality Across Cultures*. Boston, MA: Springer Publ., pp. 261–277. DOI: https://doi.org/10.1007/978-1-4615-0763-5_13
- McCrae, R.R. and Terracciano, A. (2005). Universal features of personality traits from the observer's perspective: data from 50 cultures. *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 88, iss. 3, pp. 547–561. DOI: <https://doi.org/10.1037/0022-3514.88.3.547>
- Osin, E.N., Rasskazova, E.I., Neyaskina, Yu.Yu., Dorfman, L.Ya. and Aleksandrova, L.A. (2015). [Operationalization of the five-factor personality trait model on a Russian sample]. *Psihologicheskaya diagnostika* [Psychological diagnostics]. Iss. 3, pp. 80–104.
- Pohil'ko, V.I. and Fedotova, E.O. (1984). [The Repertory Grid Technique in Experimental Personality Psychology]. *Voprosy psihologii*. No. 3, pp. 151–157.
- Saucier, G. (2003). Factor structure of English-language personality type-nouns. *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 85, iss. 4, pp. 695–708. DOI: <https://doi.org/10.1037/0022-3514.85.4.695>
- Saucier, G. and Goldberg, L.R. (2001). Lexical studies of indigenous personality factors: Premises, products, and prospects. *Journal of Personality*. Vol. 69, iss. 6, pp. 847–879. DOI: <https://doi.org/10.1111/1467-6494.696167>
- Schmitt, D.P., Allik, J., McCrae, R.R. and Benet-Martínez, V. (2007). The geographic distribution of Big Five personality traits: Patterns and profiles of human self-description across 56 nations. *Journal of Cross-Cultural Psychology*. Vol. 38, iss. 2, pp. 173–212. DOI: <https://doi.org/10.1177/0022022106297299>
- Semin, G.R. and Fiedler, K. (1988). The cognitive functions of linguistic categories in describing persons: Social cognition and language. *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 54, iss. 4, pp. 558–568. DOI: <https://doi.org/10.1037/0022-3514.54.4.558>
- Shala, R.A., De Raad, B. and Arënliu, A. (2020). The structure of Albanian personality descriptive trait-adjectives: A psycho-lexically based taxonomy. *International Journal of Personality Psychology*. Vol. 6, pp. 1–11. Available at: <https://ijpp.rug.nl/article/view/37224> (accessed 25.07.2021). DOI: <https://doi.org/10.21827/ijpp.6.37224>
- Shchebetenko, S.A., Kalugin, A.Y., Mishkevich, A.M., Soto, C.J. and John, O. (2020). Measurement invariance and sex and age differences of the Big Five Inventory–2: Evidence from the Russian version. *Assessment*. Vol. 27, iss. 3, pp. 472–486. DOI: <https://doi.org/10.1177/1073191119860901>
- Shmelev, A.G. and Pohil'ko, V.I. (1985). [Experimental approach to constructing a basic semantic dictionary of personality traits]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psihologiya* [Herald of Moscow University. Series 14. Psychology]. No. 14, pp. 3–10.
- Shmelev, A.G., Pohil'ko, V.I. and Kozlovskaya-Tel'nova, A.Yu. (1991). [Representativeness of Personality Traits in the Mind of a Russian Language Speaker]. *Psihologicheskij zhurnal* [Journal of Psychology]. Vol. 12, iss. 2, pp. 27–41.
- Shmelyov, A.G. and Pokhil'ko, V.I. (1993). A taxonomy-oriented study of Russian personality-trait names. *European Journal of Personality*. Vol. 7, iss. 1, pp. 1–17. DOI: <https://doi.org/10.1002/per.2410070102>
- Singh, J.K., Misra, G. and De Raad, B. (2013). Personality structure in the trait lexicon of Hindi, a major language spoken in India. *European Journal of Personality*. Vol. 27, iss. 6, pp. 605–620. DOI: <https://doi.org/10.1002/per.1940>
- Thalmayer, A.G., Saucier, G., Ole-Kotikash, L. and Payne, D. (2020). Personality structure in east and west Africa: Lexical studies of personality in Maa and Supyire-Senufo. *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 119, iss. 5, pp. 1132–1152. DOI: <https://doi.org/10.1037/pspp0000264>
- Triandis, H.C. and Suh, E.M. (2002). Cultural influences on personality. *Annual Review of Psychology*. Vol. 53, iss. 1, pp. 133–160. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev.psych.53.100901.135200>
- Wiggins, J.S. (1968). Personality structure. *Annual Review of Psychology*. Vol. 19, iss. 1, pp. 293–350. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev.ps.19.020168.001453>
- Yik, M.S.M. and Bond, M.H. (1993). Exploring the dimensions of Chinese person perception with indigenous and imported constructs: Creating a culturally balanced scale. *International Journal of Psychology*. Vol. 28, iss. 1, pp. 75–95. DOI: <https://doi.org/10.1080/00207599308246919>

Received: 17.08.2021. Accepted: 05.11.2021

Об авторах

Мишкевич Арина Михайловна

кандидат психологических наук,
старший научный сотрудник
департамента психологии

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
101000, Москва, ул. Мясницкая, 20;
e-mail: ArinaMishkevich@ya.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6666-3454>
ResearcherID: Z-3500-2019

Щебетенко Сергей Александрович

доктор психологических наук, доцент,
профессор департамента психологии

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
101000, Москва, ул. Мясницкая, 20;
e-mail: sshchebetenko@hse.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5790-9731>
ResearcherID: N-2935-2013

Калугин Алексей Юрьевич

кандидат психологических наук, доцент,
старший научный сотрудник
департамента психологии

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
101000, Москва, ул. Мясницкая, 20;
e-mail: kaluginau@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3633-2926>
ResearcherID: X-7824-2018

About the authors

Arina M. Mishkevich

Candidate of Psychology,
Senior Researcher of the School of Psychology

HSE University,
20, Myasnitskaya st., Moscow, 101000, Russia;
e-mail: ArinaMishkevich@ya.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6666-3454>
ResearcherID: Z-3500-2019

Sergei A. Shchebetenko

Doctor of Psychology, Docent,
Professor of the School of Psychology

HSE University,
20, Myasnitskaya st., Moscow, 101000, Russia;
e-mail: sshchebetenko@hse.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5790-9731>
ResearcherID: N-2935-2013

Alexey Yu. Kalugin

Candidate of Psychology, Docent,
Senior Researcher of the School of Psychology

HSE University,
20, Myasnitskaya st., Moscow, 101000, Russia;
e-mail: kaluginau@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3633-2926>
ResearcherID: X-7824-2018

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Мишкевич А.М., Щебетенко С.А., Калугин А.Ю. К вопросу об организации психолексического исследования русской таксономии черт // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2021. Вып. 4. С. 613–627. DOI: 10.17072/2078-7898/2021-4-613-627

For citation:

Mishkevich A.M., Shchebetenko S.A., Kalugin A.Yu. [On the organization of a psycho-lexical study of the Russian personality trait taxonomy]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologia. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2021, issue 4, pp. 613–627 (in Russian). DOI: 10.17072/2078-7898/2021-4-613-627

УДК 159.9+316.356.2

DOI: 10.17072/2078-7898/2021-4-628-642

ИМПЛИЦИТНЫЕ ПРЕДСКАЗАНИЯ УДОВЛЕТВОРЕННОСТИ БРАКОМ ПО ВОСПРИЯТИЮ ЭКСПРЕССИВНЫХ ЧЕРТ

Ветошкина Екатерина Евгеньевна, Балева Милена Валерьевна

Пермский государственный национальный исследовательский университет (Пермь)

Исследование посвящено проблеме определения зон прогностической точности обыденного восприятия. Изучались имплицитные представления женщин о степени удовлетворенности браком объектов мужского пола с контрастно выраженными полюсами личностных черт. В исследовании приняли участие 100 женщин в возрасте от 17 до 48 лет ($M = 22,11$, $SD = 4,23$). На первом этапе респондентки заполняли опросник «Большая пятерка-2». После этого они изучали ответы на этот же опросник, данные якобы молодым человеком, демонстрирующим яркую выраженность одной из четырех черт: экстраверсии, интроверсии, доброжелательности или враждебности. После этого участницам предлагалось заполнить опросник «Удовлетворенность браком» так, как это, по их мнению, сделал бы этот молодой человек. Данные обрабатывались с помощью ANOVA. Было выявлено, что женщины приписывают экстравертированным и интровертированным мужчинам одинаковый уровень удовлетворенности браком. В основе таких суждений лежит, по всей видимости, механизм проекции, благодаря которому субъекты с высокой экстраверсией прогнозируют более успешный брак экстраверту, а интровертированные субъекты приписывают интроверту и экстраверту одинаково успешный брак. Таким образом, с поправкой на действие проективного механизма можно сказать, что имплицитная теория экстравертированной личности согласуется с данными исследований о связях экстраверсии и субъективного благополучия. Доброжелательным мужчинам женщины приписывали значимо более высокую удовлетворенность браком, чем враждебным мужчинам. Это свидетельствует о том, что имплицитная теория доброжелательной личности не воспроизводит объективной вариабельности сценариев ее межличностного взаимодействия. Полученные результаты расширяют представления об ограничениях имплицитных теорий и могут быть использованы для учета и предупреждения когнитивных искажений в сфере социального восприятия.

Ключевые слова: имплицитные теории, социальная перцепция, экстраверсия, доброжелательность, Большая Пятерка, удовлетворенность браком.

IMPLICIT PREDICTIONS OF MARRIAGE SATISFACTION BASED ON PERCEPTION OF EXPRESSIVE FEATURES

Ekaterina E. Vetoshkina, Milena V. Baleva

Perm State University (Perm)

The paper deals with the problem of determining the zones of predictive accuracy of everyday perception. We studied implicit representations of women about the satisfaction with marriage among males with contrasting personality traits. The research involved 100 females aged from 17 to 48 ($M = 22.11$, $SD = 4.23$). At the first stage, the respondents filled out the Big Five-2 questionnaire. After that, they studied the responses to the same questionnaire supposedly given by a man with one of the four traits vividly expressed: extraversion, introversion, benevolence, or hostility. The participants were then asked to fill out the Marriage Satisfaction Questionnaire in the way they thought this man would do it. The data were analyzed using ANOVA. It was found that women attribute the same level of satisfaction with marriage to extroverted and introverted men. These judgments appear to be based on a projection mechanism,

which is manifested in the fact that subjects with high extraversion predict a more successful marriage for an extrovert, and introverted subjects attribute an equally successful marriage to both an introvert and an extrovert. Thus, taking the projective intervention into account, it can be concluded that the implicit theory of the extraverted personality is consistent with research data on links between extraversion and subjective well-being. Women also ascribed significantly higher marital satisfaction to the benevolent men than to the hostile ones. This indicates that the implicit theory of benevolent personality does not reproduce the objective variability of interpersonal interaction scenarios of such a personality. The results obtained expand the understanding of the implicit theories limitations and can be helpful in preventing cognitive distortions in the field of social perception.

Keywords: implicit theories, social perception, extraversion, benevolence, Big Five, marital satisfaction.

Введение

ИмPLICITНЫЕ теории личности представляют собой тот воображаемый мир свойств и возможных поступков другого человека, который определяет наши отношения и реакции в его адрес. В каком-то смысле можно сказать, что эта воображаемая реальность весомее, чем реальность объективная, поскольку именно наше осознанное восприятие людей лежит в основе большинства социальных решений. В последнее время в когнитивной психологии появилось понимание того, что переработка человеком информации о мире вообще и других людях в частности осуществляется по принципам, напоминающим статистические процедуры (напр.: [Hsu M. et al., 2009; Warren P.A. et al., 2018]). В то же время в психологии принято различать житейский взгляд на мир и данные научных исследований, полученные с помощью статистических процедур [Dunning D. et al., 1990; Ross L., Nisbett R.E., 2011]. На первый взгляд эти подходы выглядят как конкурирующие, или взаимоисключающие. Однако если принять во внимание феномен когнитивных искажений [Канеман Д., 2017], становится понятной возможная причина несовпадения человеческих суждений со строгой логикой статистического (вероятностного) вывода. Актуальным как с фундаментальной, так и с практической точки зрения является вопрос определения зон прогностической точности обыденного восприятия. Например, насколько точен интуитивный вывод о добросовестности или глупости другого человека, с какой вероятностью ему можно доверять? Может ли человек по нарциссизму предсказать лидерство, по экстраверсии — удовлетворенность жизнью и т.д.? Настоящее исследование вносит вклад в пони-

мание ограничений житейского взгляда на личность.

ИмPLICITНЫЕ теории и восприятие личностных черт

Автором термина «имPLICITНЫЕ теории личности» является Дж. Брунер [Bruner J.S., Tagiuri R., 1954]. Этот термин был введен для обозначения житейских (наивных) представлений о личности, объединяющих ее наблюдаемые и связанные с ними ненаблюдаемые характеристики. Эти представления формируются в индивидуальном опыте, однако в них можно найти общие закономерные черты. ИмPLICITНЫЕ теории являются основой формирования аттитюдов по отношению к Другому, поскольку содержат представления о его устойчивых свойствах, предпочтениях и вероятных поступках.

Исследования в области социальной перцепции показали, что личностные черты обладают разным потенциалом «наблюдаемости». Это предполагает, что легкость и точность вывода о наличии у объекта той или иной черты неодинакова. Вопрос дифференцированной наблюдаемости черт впервые был поставлен Д. Фандером и К. Доброт [Funder D.C., Drobrot K.M., 1987]. Было показано, что некоторые свойства человека (например, разговорчивость или энергичность) легко фиксируются через непосредственное наблюдение. Другим же чертам (например, великодушию или тревожности) требуется, так сказать, больше времени, чтобы проявить себя. Если же речь идет о кратком периоде наблюдения, черты второго типа могут не проявиться совсем, и в этом смысле они являются ненаблюдаемыми. Точность оценок Другого выше по наблюдаемым чертам, например, экстраверсии и доброжелательности, и ниже по ненаблюдаемым чертам,

например, нейротизму или открытости опыту [Ambady N. et al., 1995; Vazire S., 2010].

В исследовании М.В. Балевой и коллег [Балева М.В. и др., 2019] был показан прогностический потенциал имплицитной теории личности, сформированной на основе черт Темной триады для конструирования диспозиционных черт личности по модели Большой пятерки. Выявлено, что житейские представления о личности Другого, сформированные из набора прилагательных, характеризующих разнообразные проявления характера, образуют пятифакторную структуру, которая соответствует структуре базовых (диспозиционных) черт. При этом личность «темного» Другого оценивалась как менее доброжелательная, менее честная и менее добросовестная, но более экстравертированная и открытая новому опыту. Это соответствует обнаруженным в исследованиях корреляциям между показателями Темной триады, Большой пятерки и HEXACO. Данное исследование является одним из немногочисленных примеров соотнесения житейских и научных представлений о личности в парадигме вероятностного вывода.

Взаимосвязи личностных черт и межличностных отношений

В исследованиях личности конструкт черт является самым популярным предметом исследования, поскольку рассматривается как некая первооснова поведения, обладающая прогностическим потенциалом (см.: [Bäckström M., Björklund F., 2021]). Прежде всего это относится к базовым, или диспозиционным, чертам. Так, например, в исследованиях социального поведения была установлена связь доброжелательности с подчинением [Côté S., Moskowitz D.S., 1998], конструктивным поведением в конфликте [Field R.D. et al., 2014], а также с депрессией и отказом от оказания поддержки [Mongrain M. et al., 2018]; экстраверсии — с удовлетворенностью отношениями [Barrett L.F., Pietromonaco P.R., 1997; Berry D.S., Hansen J.S., 1996], личным благополучием [Margolis S., Lyubomirsky S., 2020] и низкой уступчивостью [Никотина Т.А., 2017]; нейротизма — с негативными эмоциями при социальном взаимодействии [Barrett L.F., Pietromonaco P.R., 1997] и альтруизмом [Pinazo D. et al., 2016]. В исследовании О.О. Фоминой бы-

ло установлено, что дружелюбие и склонность к подчинению вносят отрицательный вклад в уровень субъективного благополучия [Фомина О.О., 2017], а экстраверсия, согласно многочисленным данным, наоборот, способствует росту субъективного благополучия и положительных эмоций (напр.: [Lucas R.E., Fujita F., 2000; Smillie L.D. et al., 2012, 2015]).

Черты личности не обнаруживают линейной связи с конкретным поведением и не могут служить его надежными предикторами [Bleidorn W. et al., 2018; Denissen J.J. et al., 2019; Hutteman R. et al., 2014; Specht J., 2017]. Фундаментальность данного факта была остроумно продемонстрирована в исследовании Д. Сина и Н. Молчановски [Sinn D.L., Moltshaniwskyj N.A., 2005], выделивших устойчивые черты «застенчивой робости» — «агрессивной смелости» в поведении кальмара, но не обнаруживших их корреляций с ситуативными контекстами. Межличностное поведение предполагает большое разнообразие контекстов, а кроме этого, может рассматриваться через большое число измеряемых переменных — от влечения до желания помочь или причинить вред. Несмотря на многофакторность феномена межличностных отношений с точки зрения его предикторов, а также его многоаспектность с точки зрения рассматриваемых исходов, есть все основания предполагать, что черты личности вносят определенный вклад как в восприятие, так и в конструирование взаимодействий между партнерами. Данное предположение основано на понимании черты как совокупности *типичных* поведенческих проявлений, которые, воспроизваясь многократно, формируют устойчивые поведенческие паттерны, с трудом отделимые от сформировавшего их контекста (подробнее см.: [Branje S.J.T. et al., 2004; Fanti K.A. et al., 2017; Fleeson W., Law M.K., 2015]).

Черты и свойства личности как фактор удовлетворенности браком

На удовлетворенность браком влияет множество факторов: темперамент супругов [Сагилян Э.М., 2019; Neff L.A., Karney B.R., 2009], их совместимость [Гаврилова Е.А., 2011; Busby D.M. et al., 2010], локус контроля [Miller P.C. et al., 1986], тип привязанности [Сычев О.А., 2017], тип семьи, в которых воспитывались су-

пруги [Whisman M.A., 2014], а также показатели детско-родительских отношений, личности ребенка и социально-психологических установок супругов [Баландина Л.Л., 2014].

Отдельную категорию исследований в сфере брачных отношений и удовлетворенности браком составляют работы, основанные на анализе диспозиционных черт. Полученные результаты не всегда согласуются друг с другом ввиду специфики исследуемых показателей брачных отношений, и это лишний раз свидетельствует в пользу ограниченного предсказательного потенциала базовых черт. Кроме этого, в силу подверженности контекстуальной изменчивости они не остаются стабильными в течение всего периода супружеских отношений. Так, в исследовании Дж. Лавнера и коллег [Lavner J.A. et al., 2018] показано, что с течением времени, проведенного в браке, у мужей и жен происходит снижение уровня доброжелательности, у жен — снижение открытости и нейротизма, а у мужей — снижение экстраверсии и повышение сознательности. Интересно, что эти результаты не различались по возрасту супругов, демографическим характеристикам, продолжительности отношений до брака, сожительству до брака и первоначальному уровню удовлетворенности браком или статусу родителей. Вместе с тем в этом же исследовании зафиксировано, что эти изменения опосредованы динамикой удовлетворенности браком и в случае ее устойчиво высоких показателей проявляются в меньшей степени. Это дает основания рассматривать связь черт и удовлетворенности браком как достаточно стабильный конструкт. В работе Т. Фишера и Дж. Макналти [Fisher T.D., McNulty J.K., 2008] обнаружено влияние нейротизма на низкую удовлетворенность браком (при медирующей роли сексуальной удовлетворенности супругов). Дж. Рантанен и ее коллеги [Rantanen J. et al., 2005] показали, что доброжелательность связана с психологическим стрессом у мужей и жен, а С. Бранье и коллеги [Branje S.J.T. et al., 2004] выявили, что данная черта коррелирует с высокой оценкой внутрисемейной поддержки. В исследовании П. Даренфорс и ее коллег [Dyrenforth P.S. et al., 2010] обнаружены эффекты доброжелательности, добросовестности и эмоциональной стабильности партнера на удовлетворенность отношениями. Ю.Ю. Дмитрук [Дмитрук Ю.Ю.,

2004] приводит данные об экстраверсии (направленности в общении) как об одном из факторов личностной идентификации, определяющем благополучие в супружеской паре.

Постановка проблемы исследования

Учитывая потенциал имплицитных теорий личности, особенно в части наиболее наблюдаемых диспозиционных черт, можно предположить, что житейский опыт аккумулирует вероятностные исходы брачных отношений по поведенчески заметным (экспрессивным) чертам.

Целью исследования является изучение имплицитных представлений об удовлетворенности браком через восприятие объектов с контрастно выраженными полюсами экстраверсии и доброжелательности. С учетом содержания изучаемой имплицитной теории, т.е. ее фокусировки на восприятии брачных отношений, наиболее подходящим в данном случае представляется анализ межполового восприятия, т.е. имплицитные теории женщин о мужчинах и мужчин — о женщинах. В настоящей статье излагаются результаты по выборке женщин, которые можно рассматривать как пилотажные.

Мы предположили, что восприятие явных вербальных маркеров экстраверсии–интроверсии и доброжелательности–враждебности объектов-мужчин формирует имплицитные представления женщин о специфике их удовлетворенности брачными отношениями. Есть основания полагать, что эти представления согласуются с результатами исследований о взаимосвязях диспозиционных черт личности с субъективным межличностным благополучием. В качестве объективных свидетельств о связи черт с удовлетворенностью отношениями мы взяли описанные выше эмпирические факты о соответствующих коррелятах экстраверсии и доброжелательности [Дмитрук Ю.Ю., 2004; Фомина О.О. 2017; Barrett L.F., Pietromonaco P.R., 1997; Berry D.S., Hansen J.S., 1996; Branje S.J.T. et al., 2004; Dyrenforth P.S. et al., 2010; Lucas R.E., Fujita F., 2000; Margolis S., Lyubomirsky S., 2020; Smillie L.D. et al., 2012, 2015; Rantanen J. et al., 2005]. Поскольку данные о связях экстраверсии являются достаточно согласованными, можно ожидать ее положительной имплицитной связи с удовлетворенностью отношениями. Данные о связях доброжелательности, наоборот, являются противоречи-

выми, что позволяет сформировать противоположные сценарии ее имплицитной связи с субъективным межличностным благополучием.

Таким образом, в исследовании были выдвинуты следующие гипотезы:

1. Экстравертированному объекту будет имплицитно приписываться более высокая, а интровертированному объекту — более низкая удовлетворенность браком.

2. Доброжелательный и враждебный объекты не будут значимо различаться по показателям имплицитных оценок их удовлетворенности браком.

Метод

Участники

В исследовании приняли участие 100 женщин в возрасте от 17 до 48 лет ($M = 22,11$, $SD = 4,23$). Участие в исследовании было добровольным. Все респондентки давали письменное согласие на обработку персональных данных.

Процедура

Сбор данных осуществлялся в онлайн-формате с использованием Гугл-форм. Вначале участникам предлагалось заполнить опросник «Большая пятерка-2». После этого они изучали ответы на этот же опросник, данные якобы молодым человеком. После этого участникам предлагалось заполнить опросник «Удовлетворенность браком» так, как это, по их мнению, сделал бы этот молодой человек.

Описание опросных методик

Опросник «Большая пятерка-2» [Shchebetenko S.A. et al., 2020] представлял собой описание 61 характеристики человека, каждую из которых респонденткам необходимо было оценить по 5-балльной шкале (от «совсем не согласен» до «полностью согласен») в зависимости от того, насколько она выражена, по их собственному мнению, у них самих. В соответствии с ключом подсчитывались шкальные значения для 5 показателей: экстраверсии, доброжелательности, добросовестности, нейротизма и открытости опыту.

Тест-опросник удовлетворенности браком [Тест-опросник..., 2001] представлял собой одномерную шкалу, состоящую из 24 утверждений, относящихся к разным сферам семейной

жизни. Исходя из трех вариантов ответа («верно», «трудно сказать», «неверно») респонденткам предлагалось заполнить данный вопросник от лица молодого человека, образ которого предьявлялся ранее в качестве стимульного материала.

Стимульный материал

Стимульный материал был изготовлен на основе опросника «Большая пятерка-2» и представлял собой скриншоты ответов на вопросы. Всего было сделано четыре набора таких скриншотов. Испытуемым сообщалось, что перед ними ответы, данные неким молодым человеком, состоящим в браке 4 года и 10 месяцев. Его имя указывалось в верхней части бланка. Первый из четырех наборов, подписанный именем Александр, имитировал образ яркого экстраверта, второй, подписанный именем Борис, — образ яркого интроверта. Третий набор, подписанный именем Вадим, воспроизводил образ максимально доброжелательного человека, а четвертый, подписанный именем Георгий, — максимально враждебного. Все образы создавались за счет варьирования ответов по шкале экстраверсии и доброжелательности (по отдельности) от их полного соответствия до полного несоответствия ключу. Остальные шкалы, не участвующие в создании нужного образа, наполнялись амбивалентными ответами персонажа.

Анализ данных

Статистическая обработка данных проводилась в программе SPSS с использованием дисперсионного ANOVA.

В качестве основного выбирался однофакторный вариант данного анализа, в котором в качестве независимой переменной выступал тип стимула (с двумя уровнями: низкая и высокая выраженность экстраверсии / доброжелательности), а в качестве зависимой переменной — суммарная оценка удовлетворенности объекта восприятия брачными отношениями (по результатам заполнения опросника от его лица).

В качестве вспомогательного использовался двухфакторный вариант ANOVA, в котором в качестве независимых переменных (факторов) выступали низкий и высокий уровни выраженности идентичных черт субъекта и объекта восприятия, а в качестве зависимой перемен-

ной, как и в предыдущем случае, — оценка удовлетворенности объекта восприятия брачными отношениями. Данный вариант анализа использовался для контроля проективного характера имплицитных суждений респонденток.

Результаты

Анализ распределения осуществлялся по показателям экстраверсии и доброжелательности респонденток. Значения асимметрии и эксцесса для этих переменных оказались меньше 0,5 ($As = 0,28$, $Ex = -0,32$ для экстраверсии и $As = -$

0,44, $Ex = -0,44$ для доброжелательности). Таким образом, был сделан вывод о соответствии распределения выборочных данных закону нормального распределения.

В табл. 1 представлены полученные с помощью однофакторного дисперсионного анализа средние значения и стандартные отклонения удовлетворенности браком, приписываемые объектам восприятия с контрастной выраженностью экстраверсии.

Таблица 1. Средние значения и стандартные отклонения имплицитных представлений об удовлетворенности браком у воспринимаемых объектов с минимальной и максимальной выраженностью экстраверсии

Table 1. Implicit representations about marital satisfaction in perceived objects with low and high extraversion (means and standard deviations)

Уровень экстраверсии объекта восприятия	Значение удовлетворенности браком (имплицитные представления)	Критерий Фишера	p
Низкий (Борис)	24,44 ± 7,94	1,37	0,248
Высокий (Александр)	27,20 ± 8,02		

Полученные результаты свидетельствуют об отсутствии статистически значимых различий по показателю имплицитных представлений об удовлетворенности браком у воспринимаемых объектов с минимальной и максимальной личностной экстраверсией ($F = 1,37$, $p < 0,248$). Это свидетельствует о том, что разница в имплицитных представлениях об удовлетворенности браком между воспринимаемым экстравертом и интровертом девушки считают незначительной. То есть девушки приписывают яркому интроверту Борису и яркому экстраверту Александру одинаковую удовлетворенность браком. Это противоречит выдвинутой гипотезе исследования.

Для проверки вероятной обусловленности полученного результата механизмом проекции использовался двухфакторный дисперсионный анализ, в котором отслеживалось совместное влияние собственной экстраверсии респонденток и экстраверсии объекта восприятия на имплицитные суждения о его удовлетворенности браком.

В табл. 2 представлены средние значения и стандартные отклонения выраженности приписываемой объекту удовлетворенности браком при разных сочетаниях уровней экстраверсии объекта и субъекта восприятия.

Таблица 2. Средние значения и стандартные отклонения имплицитных представлений об удовлетворенности браком при разных сочетаниях уровней экстраверсии объекта и субъекта восприятия

Table 2. Implicit representations about object's marital satisfaction as the result of subject's and object's low and high extraversion levels combinations

Уровень экстраверсии субъекта	Уровень экстраверсии объекта	
	низкий (Борис)	высокий (Александр)
Низкий	25,74 ± 8,44	23,40 ± 8,36
Высокий	21,38 ± 5,97	31,00 ± 5,83

Примечание. Взаимодействие факторов экстраверсии субъекта и объекта восприятия: $F = 6,60$, $p < 0,05$.

По итогам двухфакторного дисперсионного анализа были выявлены статистически значимые взаимодействия факторов экстраверсии субъекта и объекта восприятия по показателю имплицитных представлений об удовлетворенности браком ($F = 6,60, p < 0,05$). Это означает, что фактор собственной экстраверсии субъекта восприятия опосредует его имплицитные представления о том, насколько удовлетворены браком люди экстравертированного и интровертированного типа.

На рис. 1 представлено графическое отображение выраженности имплицитных представлений об удовлетворенности браком при разных уровнях экстраверсии субъекта и объекта восприятия.

В табл. 3 представлены данные о статистической значимости различий имплицитных представлений об удовлетворенности браком при разных сочетаниях уровней экстраверсии субъекта и объекта восприятия.

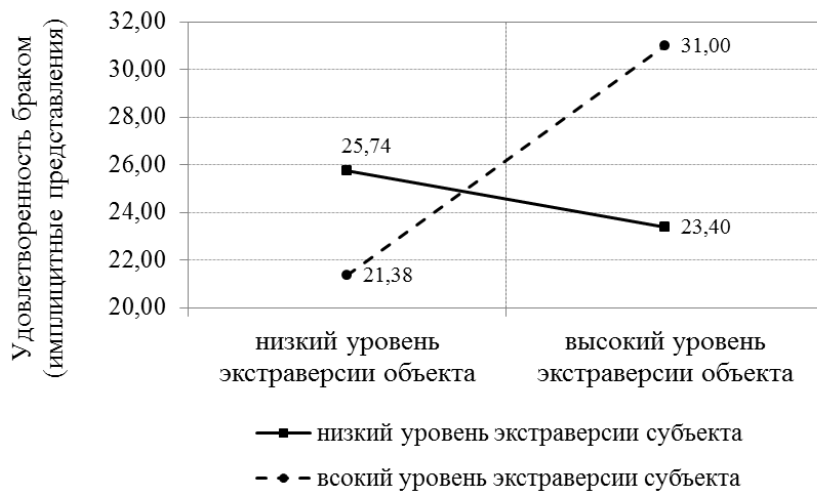

Рис. 1. Графическое отображение выраженности имплицитных представлений об удовлетворенности браком при разных уровнях экстраверсии субъекта и объекта восприятия

Fig. 1. Graphic reproduction of implicit ideas about object's marital satisfaction at different levels of subject's and object's extraversion

Таблица 3. Уровни значимости различий средних значений имплицитных представлений об удовлетворенности браком при разных сочетаниях уровней экстраверсии субъекта и объекта восприятия

Table 3. Implicit ideas about object's marital satisfaction at different levels of subject's and object's extraversion: significance levels between mean values

	Уровень экстраверсии		{1}	{2}	{3}	{4}
	субъекта	объекта				
{1}	низкий	низкий		0,434	0,179	0,082
{2}	низкий	высокий	0,434		0,576	0,030
{3}	высокий	низкий	0,179	0,576		0,010
{4}	высокий	высокий	0,082	0,030	0,010	

С помощью post-hoc анализа было выявлено, что субъекты с низким уровнем экстраверсии (сплошная линия на графике) считают, что экстравертированный Александр и интровертированный Борис одинаково удовлетворены своим браком ($p > 0,10$). Однако субъекты с высоким

уровнем экстраверсии (пунктирная линия на графике) полагают, что экстравертированный Александр в значимо большей степени удовлетворен браком, чем интровертированный Борис ($p < 0,01$). Таким образом, мы видим, что имплицитные представления о связи экстраверсии

с удовлетворенностью браком соответствуют данным научных исследований у экстравертов и не соответствуют у интровертов.

В табл. 4 представлены полученные с помощью однофакторного дисперсионного анализа

средние значения и стандартные отклонения удовлетворенности браком, приписываемые объектам восприятия с контрастной выраженностью доброжелательности.

Таблица 4. Средние значения и стандартные отклонения имплицитных представлений об удовлетворенности браком у воспринимаемых объектов с минимальной и максимальной выраженностью доброжелательности

Table 4. Implicit representations about marital satisfaction in perceived objects with low and high agreeableness (means and standard deviations)

Уровень доброжелательности объекта восприятия	Значение удовлетворенности браком (имплицитные представления)	Критерий Фишера	p
Низкий (Георгий)	18,15 ± 8,11	39,83	0,001
Высокий (Вадим)	32,00 ± 8,02		

По итогам анализа были выявлены статистически значимые различия по показателю имплицитных представлений об удовлетворенности браком у воспринимаемых объектов с минимальной и максимальной доброжелательностью ($F = 39,83, p < 0,001$).

На рис. 2 представлено графическое отображение выраженности имплицитных представлений об удовлетворенности браком при разных уровнях доброжелательности объекта восприятия.

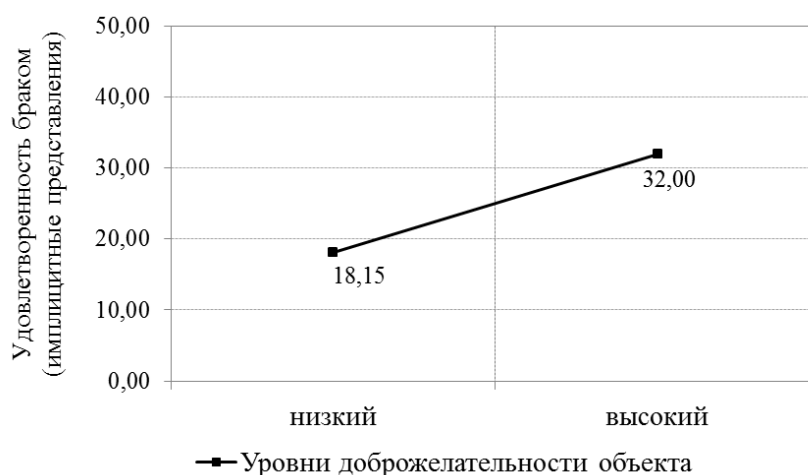

Рис. 2. Графическое отображение выраженности имплицитных представлений об удовлетворенности браком при разных уровнях доброжелательности объекта восприятия

Fig. 2. Graphic reproduction of implicit ideas about object's marital satisfaction at different levels of object's agreeableness

Контроль проективного характера полученного результата с помощью двухфакторного дисперсионного анализа не обнаружил статистически значимых взаимодействий факторов доброжелательности субъекта и объекта по по-

казателю имплицитных представлений об удовлетворенности браком ($F = 0,78, p > 0,10$).

Обсуждение

Результаты проведенного исследования демонстрируют содержательную специфику имплицитных представлений об удовлетворенности браком.

цитных теорий личности в области прогноза удовлетворенности браком и позволяют соотнести ее с объективными закономерностями, обнаруженными в исследованиях.

Во-первых, показано, что имплицитные представления о связи экстраверсии с удовлетворенностью браком соответствуют данным исследований у экстравертов и не соответствуют у интровертов. Чем можно объяснить данный факт? На наш взгляд, тут возможны две версии.

Одна версия заключается в том, что интроверты, в отличие от экстравертов, менее чувствительны к индивидуальным различиям между людьми. Опираясь на исходные представления об экстраверсии К.Г. Юнга (см.: [Beebe J., 2016]), можно сказать, что интроверты склонны занимать позицию наблюдателя. Они обращены преимущественно на собственный внутренний мир, а не на внешние события. Как следствие, они менее активны во взаимодействиях, по сравнению с экстравертами, имеют менее разнообразный социальный опыт и менее развитый социальный интеллект.

Другая версия заключается в том, что имплицитные представления об удовлетворенности браком модифицируются субъектами «в свою пользу». При оценке удовлетворенности браком у похожего на них объекта женщины, по всей видимости, «не опускают» эту оценку ниже собственной прогностической. Другими словами, у женщин-интровертов срабатывает своеобразный стоп-сигнал, восстанавливающий когнитивное соответствие прогноза собственной удовлетворенности будущим браком «фактической» удовлетворенности браком объекта, похожего на них.

Второй важный факт, полученный в нашем исследовании, заключается в том, что девушки воспринимают удовлетворенность браком высокодоброжелательного и низкодоброжелательного (враждебного) объекта в соответствии с их уровнем доброжелательности. Это означает, что имплицитная теория личности в отношении очевидно доброжелательного, уступчивого, «приятного» человека содержит устойчивые представления о его межличностном (в том числе брачном) благополучии. Испытуемые считают, что доброжелательные люди успешны в общении и, как следствие, удовлетворены им. Наоборот, враждебные личности, по мнению

испытуемых, придерживаются заведомо проигрышной, дезадаптивной стратегии и, как следствие, получают результат, который не может их самих удовлетворить. Эта имплицитная теория, однако, не соответствует данным исследований, которые свидетельствуют о том, что качество общения доброжелательных личностей может восприниматься ими контрастным образом — как положительно, так и отрицательно. К сожалению, в доступной литературе мы не нашли исследований, направленных на прояснение этих противоречий. Тем не менее можно предположить, что субъективное восприятие благополучия межличностных отношений зависит не только от доброжелательности самого субъекта, но и от индивидуальных особенностей партнера, а также контекста взаимодействия. Как представляется, имплицитная теория личностной доброжелательности не отражает этих нюансов, воспроизводя упрощенный вариант картины межличностных отношений. Таким образом, можно констатировать, что в отношении доброжелательного объекта житейские представления не соответствуют объективной картине, отраженной в результатах научных исследований.

Выводы

Вопреки выдвинутым гипотезам, опирающимся на общее предположение о возможной согласованности имплицитных теорий личности с данными исследований [Балева М.В. и др. 2019; Stricker L.J. et al., 1974], наши результаты свидетельствуют о неспособности житейских суждений верно предсказать характер межличностных отношений Другого по очевидным маркерам его диспозиционных черт.

1. Было выявлено, что в рамках имплицитных представлений девушки приписывают экстравертированным и интровертированным юношам одинаковую удовлетворенность браком. В основе таких суждений лежит, по всей видимости, механизм проекции, благодаря которому субъекты с высокой экстраверсией прогнозируют более успешный брак экстраверту, чем интроверту, а интровертированные субъекты приписывают интроверту и экстраверту одинаково успешный брак. Таким образом, с поправкой на действие проективного механизма можно утверждать, что имплицитная теория личности все же способна воспроизводить дан-

ные исследований о более высокой удовлетворенности отношениями людей экстравертированного типа.

2. Доброжелательным мужчинам женщины приписывают значимо более высокую удовлетворенность браком, чем враждебным мужчинам. Это свидетельствует об упрощенном характере имплицитных представлений о коррелятах доброжелательности по принципу эффекта ореола. В целом имплицитная теория доброжелательной личности не воспроизводит объективной вариабельности сценариев ее межличностного взаимодействия.

Полученные результаты расширяют представления об ограничениях имплицитных теорий и могут быть использованы для учета и предупреждения когнитивных искажений в сфере социального восприятия.

Список литературы

Баландина Л.Л. Удовлетворенность браком в системе родительско-детских и супружеских отношений // Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия № 1. Психологические и педагогические науки. 2014. № 1. С. 125–136.

Балева М.В., Ковалева Г.В., Полянина О.И. Житейские представления о личности Другого с яркой выраженностью темнотриадических черт. Сравнение с данными научных исследований // Вестник РГГУ. Серия: Психология. Педагогика. Образование. 2019. № 2. С. 51–76. DOI: <https://doi.org/10.28995/2073-6398-2019-2-51-76>

Гаврилова Е.А. Психологическая категория «отношения» как основополагающая для изучения гармоничного брака // Социосфера. 2011. № 1. С. 27–32.

Дмитрук Ю.Ю. Идентификация личности в супружеской паре как фактор субъективного благополучия семейных отношений: дис. ... канд. психол. наук. Петропавловск-Камчатский, 2004. 282 с.

Канеман Д. Думай медленно... решай быстро. М.: АСТ, 2017. 656 с.

Никотина Т.А. Влияние экстраверсии и интроверсии на построение межличностных отношений в юношеском возрасте // Молодежная наука: тенденции развития. 2017. № 4. С. 47–53.

Сагилян Э.М. Влияние особенностей темпераментов супругов на уровень их межличностной совместимости // Гуманитарные исследования в XXI веке. 2019. № 3. С. 32–37.

Сычев О.А. Социально-психологические факторы удовлетворенности отношениями в молодых супружеских парах // Социальная психология и общество. 2017. Т. 8, № 1. С. 56–74. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2017080104>

Тест-опросник удовлетворенности браком // Психологические тесты: в 2 т. / под ред. А.А. Карелина. М.: ВЛАДОС, 2001. Т. 2. С. 173–179.

Фомина О.О. Межличностные предикторы психологического благополучия // Мир науки, культуры, образования. 2017. № 1(62). С. 226–229.

Ambady N., Hallahan M., Rosenthal R. On judging and being judged accurately in zero-acquaintance situations // Journal of Personality and Social Psychology. 1995. Vol. 69, no. 3. P. 518–529. DOI: <https://doi.org/10.1037/0022-3514.69.3.518>

Bäckström M., Björklund F. Is the general factor of personality really related to frequency of agreeable, conscientious, emotionally stable, extraverted, and open behavior? An experience sampling study // Journal of Individual Differences. 2021. Vol. 42, no. 3. P. 148–155. DOI: <https://doi.org/10.1027/1614-0001/a000341>

Barrett L.F., Pietromonaco P.R. Accuracy of the five-factor model in predicting perceptions of daily social interactions // Personality and Social Psychology Bulletin. 1997. Vol. 23, iss. 11. P. 1173–1187. DOI: <https://doi.org/10.1177/01461672972311005>

Beebe J. Extraversion-Introversion (Jung's Theory) // Encyclopedia of Personality and Individual Differences / ed. by V. Zeigler-Hill, T. Shackelford. N.Y.; Cham: Springer, 2016. URL: https://link.springer.com/referenceworkentry/10.1007%2F978-3-319-28099-8_1073-1 (accessed: 16.07.2021). DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-319-28099-8_1073-1

Berry D.S., Hansen J.S. Positive affect, negative affect, and social interaction // Journal of Personality and Social Psychology. 1996. Vol. 71, no. 4. P. 796–809. DOI: <https://doi.org/10.1037/0022-3514.71.4.796>

Bleidorn W., Hopwood C.J., Lucas R.E. Life events and personality trait change // Journal of Personality. 2018. Vol. 86, iss. 1. P. 83–96. DOI: <https://doi.org/10.1111/jopy.12286>

Branje S.J.T., van Lieshout C.F.M., van Aken M.A.G. Relations Between Big Five Personality Characteristics and Perceived Support in Adolescents' Families // Journal of Personality and Social Psychology. 2004. Vol. 86, no. 4. P. 615–628. DOI: <https://doi.org/10.1037/0022-3514.86.4.615>

- Bruner J.S., Tagiuri R.* The perception of people // Handbook of social psychology / ed. by G. Lindzey. Cambridge, MA: Addison-Wesley, 1954. Vol. 2. P. 634–654. DOI: <https://doi.org/10.21236/ad0024982>
- Busby D.M., Carroll J.S., Willoughby B.J.* Compatibility or restraint? The effects of sexual timing on marriage relationships // Journal of Family Psychology. 2010. Vol. 24, no. 6. P. 766–774. DOI: <https://doi.org/10.1037/a0021690>
- Côté S., Moskowitz D.S.* On the dynamic covariation between interpersonal behavior and affect: Prediction from neuroticism, extraversion, and agreeableness // Journal of Personality and Social Psychology. 1998. Vol. 75, no. 4. P. 1032–1046. DOI: <https://doi.org/10.1037/0022-3514.75.4.1032>
- Denissen J.J., Luhmann M., Chung J.M., Bleidorn W.* Transactions between life events and personality traits across the adult lifespan // Journal of Personality and Social Psychology. 2019. Vol. 116, no. 4. P. 612–633. DOI: <https://doi.org/10.1037/pspp0000196>
- Dunning D., Griffin D.W., Milojkovic J.D., Ross L.* The overconfidence effect in social prediction // Journal of Personality and Social Psychology. 1990. Vol. 58, no. 4. P. 568–581. DOI: <https://doi.org/10.1037/0022-3514.58.4.568>
- Dyrenforth P.S., Kashy D.A., Donnellan M.B., Lucas R.E.* Predicting relationship and life satisfaction from personality in nationally representative samples from three countries: The relative importance of actor, partner, and similarity effects // Journal of Personality and Social Psychology. 2010. Vol. 99, no. 4. P. 690–702. DOI: <https://doi.org/10.1037/a0020385>
- Fanti K.A., Colins O.F., Andershed H., Sikki M.* Stability and change in callous-unemotional traits: Longitudinal associations with potential individual and contextual risk and protective factors // American Journal of Orthopsychiatry. 2017. Vol. 87, no. 1. P. 62–75. DOI: <https://doi.org/10.1037/ort0000143>
- Field R.D., Tobin R.M., Reese-Weber M.* Agreeableness, social self-efficacy, and conflict resolution strategies // Journal of Individual Differences. 2014. Vol. 35, no. 2. P. 95–102. DOI: <https://doi.org/10.1027/1614-0001/a000131>
- Fisher T.D., McNulty J.K.* Neuroticism and marital satisfaction: The mediating role played by the sexual relationship // Journal of Family Psychology. 2008. Vol. 22, no. 1. P. 112–122. DOI: <https://doi.org/10.1037/0893-3200.22.1.112>
- Fleeson W., Law M.K.* Trait enactments as density distributions: The role of actors, situations, and observers in explaining stability and variability // Journal of Personality and Social Psychology. 2015. Vol. 109, no. 6. P. 1090–1104. DOI: <https://doi.org/10.1037/a0039517>
- Funder D.C., Dobroth K.M.* Differences between traits: Properties associated with interjudge agreement // Journal of Personality and Social Psychology. 1987. Vol. 52, no. 2. P. 409–418. DOI: <https://doi.org/10.1037/0022-3514.52.2.409>
- Hsu M., Krajbich I., Zhao C., Camerer C.F.* Neural response to reward anticipation under risk is nonlinear in probabilities // The Journal of Neuroscience. 2009. Vol. 29, iss. 7. P. 2231–2237. DOI: <https://doi.org/10.1523/jneurosci.5296-08.2009>
- Hutteman R., Hennecke M., Orth U., Reitz A.K., Specht J.* Developmental tasks as a framework to study personality development in adulthood and old age // European Journal of Personality. 2014. Vol. 28, iss. 3. P. 267–278. DOI: <https://doi.org/10.1002/per.1959>
- Lavner J.A., Weiss B., Miller J.D., Karney B.R.* Personality change among newlyweds: Patterns, predictors, and associations with marital satisfaction over time // Developmental Psychology. 2018. Vol. 54, no. 6. P. 1172–1185. DOI: <https://doi.org/10.1037/dev0000491>
- Lucas R.E., Fujita F.* Factors influencing the relation between extraversion and pleasant affect // Journal of Personality and Social Psychology. 2000. Vol. 79, no. 6. P. 1039–1056. DOI: <https://doi.org/10.1037/0022-3514.79.6.1039>
- Margolis S., Lyubomirsky S.* Experimental manipulation of extraverted and introverted behavior and its effects on well-being // Journal of Experimental Psychology: General. 2020. Vol. 149, iss. 4. P. 719–731. DOI: <https://doi.org/10.1037/xge0000668>
- Miller P.C., Lefcourt H.M., Holmes J.G., Ware E.E., Saleh W.E.* Marital locus of control and marital problem solving // Journal of Personality and Social Psychology. 1986. Vol. 51, no. 1. P. 161–169. DOI: <https://doi.org/10.1037/0022-3514.51.1.161>
- Mongrain M., Barnes C., Barnhart R., Zalan L.B.* Acts of kindness reduce depression in individuals low on agreeableness // Translational Issues in Psychological Science. 2018. Vol. 4, no. 3. P. 323–334. DOI: <https://doi.org/10.1037/tps0000168>
- Neff L.A., Karney B.R.* Stress and reactivity to daily relationship experiences: How stress hinders adaptive processes in marriage // Journal of Personality and Social Psychology. 2009. Vol. 97, no. 3. P. 435–450. DOI: <https://doi.org/10.1037/a0015663>
- Pinazo D., Barrós-Loscertales A., Peris R., Ventura-Campos N., Ávila C.* Neuroticism predisposes to

donation more than agreeableness: An fMRI study // *Journal of Neuroscience, Psychology, and Economics*. 2016. Vol. 9, iss. 2. P. 100–108. DOI: <https://doi.org/10.1037/npe0000054>

Rantanen J., Pulkkinen L., Kinnunen U. The Big Five personality dimensions, work-family conflict, and psychological distress: a longitudinal view // *Journal of Individual Differences*. 2005. Vol. 26, no. 3. P. 155–166. DOI: <https://doi.org/10.1027/1614-0001.26.3.155>

Ross L., Nisbett R.E. *The person and the situation: Perspectives of social psychology*. London, UK: Pinter & Martin Ltd., 2011. 320 p.

Shchebetenko S.A., Kalugin A.Y., Mishkevich A.M., Soto C.J., John O.P. Measurement invariance and sex and age differences of the Big Five Inventory-2: Evidence from the Russian version // *Assessment*. 2020. Vol. 27, iss. 3. P. 472–486. DOI: <https://doi.org/10.1177/1073191119860901>

Sinn D.L., Moltchanivskyj N.A. Personality traits in Dumpling Squid (*Euprymna tasmanica*): context-specific traits and their correlation with biological characteristics // *Journal of Comparative Psychology*. 2005. Vol. 119, no. 1. P. 99–110. DOI: <https://doi.org/10.1037/0735-7036.119.1.99>

Smillie L.D., Cooper A.J., Wilt J., Revelle W. Do extraverts get more bang for the buck? Refining the affective-reactivity hypothesis of extraversion // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2012. Vol. 103, no. 2. P. 306–326. DOI: <https://doi.org/10.1037/a0028372>

Smillie L.D., Wilt J., Kabani R., Garratt C., Revelle W. Quality of social experience explains the relation between extraversion and positive affect // *Emotion*. 2015. Vol. 15, no. 3. P. 339–349. DOI: <https://doi.org/10.1037/emo0000047>

Specht J. Personality development in reaction to major life events // *Personality Development across the Lifespan* / ed. by J. Specht. San Diego, CA: Elsevier, 2017. P. 341–356. DOI: <https://doi.org/10.1016/b978-0-12-804674-6.00021-1>

Stricker L.J., Jacobs P.I., Kogan N. Trait interrelations in implicit personality theories and questionnaire data // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1974. Vol. 30, no. 2. P. 198–207. DOI: <https://doi.org/10.1037/h0036646>

Vazire S. Who knows what about a person? The self–other knowledge asymmetry (SOKA) model // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2010. Vol. 98, no. 2. P. 281–300. DOI: <https://doi.org/10.1037/a0017908>

Warren P.A., Gostoli U., Farmer G.D., El-Deredy W., Hahn U. A re-examination of «bias» in

human randomness perception // *Journal of Experimental Psychology: Human Perception and Performance*. 2018. Vol. 44, iss. 5. P. 663–680. DOI: <https://doi.org/10.1037/xhp0000462>

Whisman M.A. Dyadic perspectives on trauma and marital quality // *Psychological Trauma: Theory, Research, Practice, and Policy*. 2014. Vol. 6, no. 3. P. 207–215. DOI: <https://doi.org/10.1037/a0036143>

Получена: 28.07.2021. Принята к публикации: 15.09.2021

References

Ambady, N., Hallahan, M. and Rosenthal, R. (1995). On judging and being judged accurately in zero-acquaintance situations. *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 69, no. 3, pp. 518–529. DOI: <https://doi.org/10.1037/0022-3514.69.3.518>

Bäckström, M. and Björklund, F. (2021). Is the general factor of personality really related to frequency of agreeable, conscientious, emotionally stable, extraverted, and open behavior? An experience sampling study. *Journal of Individual Differences*. Vol. 42, no. 3, pp. 148–155. DOI: <https://doi.org/10.1027/1614-0001/a000341>

Balandina, L.L. (2014). [Contentment in matrimony in the system of parent-child and spousal relationships]. *Vestnik Permskogo gosudarstvennogo humanitarno-pedagogicheskogo universiteta. Seriya № 1. Psikhologicheskie i pedagogicheskie nauki* [Bulletin of the Perm State Humanitarian Pedagogical University. Psychological and Pedagogical Sciences]. No. 1, pp. 125–136.

Baleva, M.V., Kovaleva, G.V. and Polyanina, O.I. (2019). [Implicit judgments about the Other with vivid manifestations of dark triad traits. Comparison with research data]. *Vestnik RGGU. Seriya «Psikhologiya. Pedagogika. Obrazovanie»* [RSUH/RGGU Bulletin. Series: Psychology. Pedagogics. Education]. No. 2, pp. 51–76. DOI: <https://doi.org/10.28995/2073-6398-2019-2-51-76>

Barrett, L.F. and Pietromonaco, P.R. (1997). Accuracy of the five-factor model in predicting perceptions of daily social interactions. *Personality and Social Psychology Bulletin*. Vol. 23, iss. 11, pp. 1173–1187. DOI: <https://doi.org/10.1177/01461672972311005>

Beebe, J. (2016). Extraversion-Introversion (Jung's Theory). *Encyclopedia of personality and individual differences*, ed. by V. Zeigler-Hill, T. Shackelford. New York, Cham: Springer Publ. Available at: <https://link.springer.com/referenceworkentry/10.1007%2F978-3-319-28099->

8_1073-1 (accessed: 16.07.2021). DOI:

https://doi.org/10.1007/978-3-319-28099-8_1073-1

Berry, D.S. and Hansen, J.S. (1996). Positive affect, negative affect, and social interaction. *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 71, no. 4, pp. 796–809. DOI: <https://doi.org/10.1037/0022-3514.71.4.796>

Bleidorn, W., Hopwood, C.J. and Lucas, R.E. (2018). Life events and personality trait change. *Journal of Personality*. Vol. 86, iss. 1, pp. 83–96. DOI: <https://doi.org/10.1111/jopy.12286>

Branje, S.J.T., van Lieshout, C.F.M. and van Aken, M.A.G. (2004). Relations between Big Five personality characteristics and perceived support in adolescents' families. *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 86, no. 4, pp. 615–628. DOI: <https://doi.org/10.1037/0022-3514.86.4.615>

Bruner, J.S. and Tagiuri, R. (1954). The perception of people. *Handbook of social psychology*, ed. by G. Lindzey. Cambridge, MA: Addison-Wesley Publ., vol. 2, pp. 634–654. DOI: <https://doi.org/10.21236/ad0024982>

Busby, D.M., Carroll, J.S. and Willoughby, B.J. (2010). Compatibility or restraint? The effects of sexual timing on marriage relationships. *Journal of Family Psychology*. Vol. 24, no. 6, pp. 766–774. DOI: <https://doi.org/10.1037/a0021690>

Côté, S. and Moskowitz, D.S. (1998). On the dynamic covariation between interpersonal behavior and affect: Prediction from neuroticism, extraversion, and agreeableness. *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 75, no. 4, pp. 1032–1046. DOI: <https://doi.org/10.1037/0022-3514.75.4.1032>

Denissen, J.J., Luhmann, M., Chung, J.M. and Bleidorn, W. (2019). Transactions between life events and personality traits across the adult lifespan. *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 116, no. 4, pp. 612–633. DOI: <https://doi.org/10.1037/pspp0000196>

Dmitruk, Yu.Yu. (2004). *Identifikatsiya lichnosti v supruzheskoi pare kak faktor sub'ektivnogo blagopoluchiya semeinykh otnoshenii: dis. ... kand. psikhol. nauk* [Personal identification in a married couples as a factor of the family relations subjective well-being: dissertation]. Petropavlovsk-Kamchatsky, 282 p.

Dunning, D., Griffin, D.W., Milojkovic, J.D. and Ross, L. (1990). The overconfidence effect in social prediction. *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 58, no. 4, pp. 568–581. DOI: <https://doi.org/10.1037/0022-3514.58.4.568>

Dyrenforth, P.S., Kashy, D.A., Donnellan, M.B. and Lucas, R.E. (2010). Predicting relationship and

life satisfaction from personality in nationally representative samples from three countries: The relative importance of actor, partner, and similarity effects. *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 99, no. 4, pp. 690–702. DOI: <https://doi.org/10.1037/a0020385>

Fanti, K.A., Colins, O.F., Andershed, H. and Sikki, M. (2017). Stability and change in callous-unemotional traits: Longitudinal associations with potential individual and contextual risk and protective factors. *American Journal of Orthopsychiatry*. Vol. 87, no. 1, pp. 62–75. DOI: <https://doi.org/10.1037/ort0000143>

Field, R.D., Tobin, R.M. and Reese-Weber, M. (2014). Agreeableness, social self-efficacy, and conflict resolution strategies. *Journal of Individual Differences*. Vol. 35, no. 2, pp. 95–102. DOI: <https://doi.org/10.1027/1614-0001/a000131>

Fisher, T.D. and McNulty, J.K. (2008). Neuroticism and marital satisfaction: The mediating role played by the sexual relationship. *Journal of Family Psychology*. Vol. 22, no. 1, pp. 112–122. DOI: <https://doi.org/10.1037/0893-3200.22.1.112>

Fleeson, W. and Law, M.K. (2015). Trait enactments as density distributions: The role of actors, situations, and observers in explaining stability and variability. *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 109, no. 6, pp. 1090–1104. DOI: <https://doi.org/10.1037/a0039517>

Fomina, O.O. (2017). [Interpersonal predictors of psychological well-being]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* [The World of Science, Culture and Education]. No. 1(62), pp. 226–229.

Funder, D.C. and Drobny, K.M. (1987). Differences between traits: Properties associated with interjudge agreement. *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 52, no. 2, pp. 409–418. DOI: <https://doi.org/10.1037/0022-3514.52.2.409>

Gavrilova, E.A. (2011). [Psychological category «relations» as the basis of harmonious marriage]. *Sotsiosfera* [Sociosphere]. No. 1, pp. 27–32.

Hsu, M., Krajbich, I., Zhao, C. and Camerer, C.F. (2009). Neural response to reward anticipation under risk is nonlinear in probabilities. *The Journal of Neuroscience*. Vol. 29, iss. 7, pp. 2231–2237. DOI: <https://doi.org/10.1523/jneurosci.5296-08.2009>

Hutteman, R., Hennecke, M., Orth, U., Reitz, A.K. and Specht, J. (2014). Developmental tasks as a framework to study personality development in adulthood and old age. *European Journal of Personality*. Vol. 28, iss. 3, pp. 267–278. DOI: <https://doi.org/10.1002/per.1959>

- Kaneman, D. (2017). *Dumay medlenno... reshay bystro* [Thinking, fast and slow]. Moscow: AST Publ., 656 p.
- Karelin, A.A. (ed.) (2001). [Marriage satisfaction questionnaire]. *Psikhologicheskie testy: v 2 t.* [Psychological tests: in 2 vols]. Moscow: VLADOS Publ., vol. 2, pp. 173–179.
- Lavner, J.A., Weiss, B., Miller, J.D. and Karney, B.R. (2018). Personality change among newlyweds: Patterns, predictors, and associations with marital satisfaction over time. *Developmental Psychology*. Vol. 54, no. 6, pp. 1172–1185. DOI: <https://doi.org/10.1037/dev0000491>
- Lucas, R.E. and Fujita, F. (2000). Factors influencing the relation between extraversion and pleasant affect. *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 79, no. 6, pp. 1039–1056. DOI: <https://doi.org/10.1037/0022-3514.79.6.1039>
- Margolis, S. and Lyubomirsky, S. (2020). Experimental manipulation of extraverted and introverted behavior and its effects on well-being. *Journal of Experimental Psychology: General*. Vol. 149, iss. 4, pp. 719–731. DOI: <https://doi.org/10.1037/xge0000668>
- Miller, P.C., Lefcourt, H.M., Holmes, J.G., Ware, E.E. and Saleh, W.E. (1986). Marital locus of control and marital problem solving. *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 51, no. 1, pp. 161–169. DOI: <https://doi.org/10.1037/0022-3514.51.1.161>
- Mongrain, M., Barnes, C., Barnhart, R. and Zalan, L.B. (2018). Acts of kindness reduce depression in individuals low on agreeableness. *Translational Issues in Psychological Science*. Vol. 4, no. 3, pp. 323–334. DOI: <https://doi.org/10.1037/tps0000168>
- Neff, L.A. and Karney, B.R. (2009). Stress and reactivity to daily relationship experiences: How stress hinders adaptive processes in marriage. *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 97, no. 3, pp. 435–450. DOI: <https://doi.org/10.1037/a0015663>
- Nikotina, T.A. (2017). [The influence of extraversion and introversion on the construction of interpersonal relationships in adolescence]. *Molodezhnaya nauka: tendentsii razvitiya* [Youth Science: Development Trends]. No. 4, pp. 47–53.
- Pinazo, D., Barrós-Loscertales, A., Peris, R., Ventura-Campos, N. and Ávila, C. (2016). Neuroticism predisposes to donation more than agreeableness: An fMRI study. *Journal of Neuroscience, Psychology, and Economics*. Vol. 9, iss. 2, pp. 100–108. DOI: <https://doi.org/10.1037/npe0000054>
- Rantanen, J., Pulkkinen, L. and Kinnunen, U. (2005). The Big Five personality dimensions, work-family conflict, and psychological distress: a longitudinal view. *Journal of Individual Differences*. Vol. 26, no. 3, pp. 155–166. DOI: <https://doi.org/10.1027/1614-0001.26.3.155>
- Ross, L., Nisbett, R.E. (2011). *The person and the situation: Perspectives of social psychology*. London: Pinter & Martin Publ., 320 p.
- Sagilyan, E.M. (2019). [Influence of the characteristics of the spouses' temperaments on the level of their interpersonal compatibility]. *Gumanitarnye issledovaniya v XXI veke* [Humanities Research in the 21 Century]. No. 3, pp. 32–37.
- Schebetenko, S.A., Kalugin, A.Yu., Mishkevich, A.M., Soto, C.J. and John, O.P. (2019). Measurement invariance and sex and age differences of the Big Five Inventory-2: Evidence from the Russian version. *Assessment*. Vol. 27, iss. 3, pp. 472–486. DOI: <https://doi.org/10.1177/1073191119860901>
- Sinn, D.L. and Moltschanivskyj, N.A. (2005). Personality traits in Dumpling Squid (*Euprymna tasmanica*): context-specific traits and their correlation with biological characteristics. *Journal of Comparative Psychology*. Vol. 119, no. 1, pp. 99–110. DOI: <https://doi.org/10.1037/0735-7036.119.1.99>
- Smillie, L.D., Cooper, A.J., Wilt, J. and Revelle, W. (2012). Do extraverts get more bang for the buck? Refining the affective-reactivity hypothesis of extraversion. *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 103, no. 2, pp. 306–326. DOI: <https://doi.org/10.1037/a0028372>
- Smillie, L.D., Wilt, J., Kabbani, R., Garratt, C. and Revelle, W. (2015). Quality of social experience explains the relation between extraversion and positive affect. *Emotion*. Vol. 15, no. 3, pp. 339–349. DOI: <https://doi.org/10.1037/emo0000047>
- Specht, J. (2017). Personality development in reaction to major life events. *Personality development across the lifespan*. San Diego: Elsevier Publ., pp. 341–356. DOI: <https://doi.org/10.1016/b978-0-12-804674-6.00021-1>
- Stricker, L.J., Jacobs, P.I. and Kogan, N. (1974). Trait interrelations in implicit personality theories and questionnaire data. *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 30, no. 2, pp. 198–207. DOI: <https://doi.org/10.1037/h0036646>
- Sychev, O.A. (2017). [Sociopsychological factors affecting the relationship satisfaction in young married couples]. *Sotsial'naya psikhologiya i obschestvo* [Social Psychology and Society]. Vol. 8, no. 1, pp. 56–74. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2017080104>

Vazire, S. (2010). Who knows what about a person? The self–other knowledge asymmetry (SOKA) model. *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 98, no. 2, pp. 281–300. DOI: <https://doi.org/10.1037/a0017908>

Warren, P.A., Gostoli, U., Farmer, G.D., El-Deredy, W. and Hahn, U. (2018). A re-examination of «bias» in human randomness perception. *Journal of Experimental Psychology: Human Perception and*

Performance. Vol. 44, iss. 5, pp. 663–680. DOI: <https://doi.org/10.1037/xhp0000462>

Whisman, M.A. (2014). Dyadic perspectives on trauma and marital quality. *Psychological Trauma: Theory, Research, Practice, and Policy*. Vol. 6, no. 3, pp. 207–215. DOI: <https://doi.org/10.1037/a0036143>

Received: 28.07.2021. Accepted: 15.09.2021

Об авторах

Ветошкина Екатерина Евгеньевна
студентка направления «Психология»

Пермский государственный национальный исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: katamgnu@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7221-3406>
ResearcherID: ABG-6792-2021

Балева Милена Валерьевна
кандидат психологических наук, доцент,
доцент кафедры психологии развития

Пермский государственный национальный исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: milenabaleva@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7334-3635>
ResearcherID: ABE-8676-2020

About the authors

Ekaterina E. Vetoshkina
Psychology Student

Perm State University,
15, Bukirev st., Perm, 614990, Russia;
e-mail: katamgnu@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7221-3406>
ResearcherID: ABG-6792-2021

Milena V. Baleva
Candidate of Psychology, Docent,
Associate Professor of the Department
of Developmental Psychology

Perm State University,
15, Bukirev st., Perm, 614990, Russia;
e-mail: milenabaleva@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7334-3635>
ResearcherID: ABE-8676-2020

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Ветошкина Е.Е., Балева М.В. ИмPLICITные предсказания удовлетворенности браком по восприятию экспрессивных черт // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2021. Вып. 4. С. 628–642. DOI: [10.17072/2078-7898/2021-4-628-642](https://doi.org/10.17072/2078-7898/2021-4-628-642)

For citation:

Vetoshkina E.E., Baleva M.V. [Implicit predictions of marriage satisfaction based on perception of expressive features]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologia. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2021, issue 4, pp. 628–642 (in Russian). DOI: [10.17072/2078-7898/2021-4-628-642](https://doi.org/10.17072/2078-7898/2021-4-628-642)

УДК 159.923.3

DOI: 10.17072/2078-7898/2021-4-643-653

ЧЕРТЫ ТЕМНОЙ ТРИАДЫ И ОТНОШЕНИЕ К ОБРАЗУ ПОЛЬЗОВАТЕЛЯ СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ «ИНСТАГРАМ»

Корниенко Дмитрий Сергеевич

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации (Москва)*

Стряпунина Наталья Анатольевна

Пермский государственный национальный исследовательский университет (Пермь)

Развитие социальных сетей привело к расширению возможностей для самопрезентации и изменению межличностного взаимодействия. Социальная сеть «Инстаграм», ориентированная на визуальное представление информации и образов пользователей, дает разнообразные возможности для самопрезентации пользователей. Активные исследования позволили установить специфику проявления реалистичной и фальшивой самопрезентации в социальных сетях и связь последней с социальной тревожностью, поиском внимания и идеализацией собственного Я. Корреляция самопрезентации с личностными чертами, в частности, с синдромом Темной триады (макиавеллизм, нарциссизм, психопатия), наиболее ярко проявляется для нарциссизма как поиска восхищения со стороны других. При этом вопрос о том, как воспринимается образ пользователя социальной сети другими людьми, остается открытым. В данном исследовании оценивались образы пользователя социальной сети «Инстаграм» по характеристикам самопрезентации (привлекательность, реалистичность, стремление произвести впечатление и демонстративность), а также компонентам отношения (когнитивный, эмоциональный и поведенческий) и черты Темной триады респондентов. Было установлено, что компоненты отношения к образу положительно связаны с привлекательностью и реалистичностью образа в социальной сети, но не обнаруживают связей со стремлением произвести впечатление и демонстративностью. Черты Темной триады, напротив, заставляют сомневаться в реалистичности предъявляемого образа, что может рассматриваться как предрасположенность к распознаванию обмана в социальных сетях. Так, нарциссизм снижает, а психопатия повышает оценку стремления другого произвести впечатление, а макиавеллизм и психопатия вносят негативный вклад в отношении к пользователю социальной сети и оценку его самопрезентации. Однако выраженность черт Темной триады приводит и к недооценке интеллектуальных и эмоциональных характеристик другого, а также снижению желания взаимодействовать с ним, что может сокращать количество положительных ответных действий в социальной сети.

Ключевые слова: социальные сети, самопрезентация, Инстаграм, Темная триада, макиавеллизм, нарциссизм, психопатия, отношение.

ATTITUDE TO THE IMAGE OF THE INSTAGRAM USER AND THE DARK TRIAD

Dmitry S. Kornienko

*Institute for Social Sciences of the Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration under the President of the Russian Federation (Moscow)*

Natalya A. Stryapunina

Perm State University (Perm)

The development of social network sites (SNS) entails expanded opportunities for self-presentation and changes in interpersonal interactions. The social network platform Instagram, focused on the visual presen-

tation of information and images of users, provides a variety of opportunities for their self-presentation. Active research established that the specifics of the manifestation of realistic and false self-presentation in social networks is related to social anxiety, attention and admiration seeking, and idealization of the authentic self. The connection between self-presentation and personality traits, in particular, with the Dark Triad symptom complex (Machiavellianism, narcissism, psychopathy) is most clearly manifested for narcissism as a search for admiration from others. At the same time, the question of how other people perceive the image of the SNS user remains open. In this study we assessed the images of a user of the social networking service Instagram according to the characteristics of self-presentation (attractiveness, realism, desire to impress, and demonstrativeness); attitude components (cognitive, emotional, and behavioral) and Dark Triad traits of the study participants. Attitude components are positively associated with attractiveness and realism of the image on the social network but did not show any connection with the desire to impress and demonstrativeness. The traits of the Dark Triad, on the contrary, raise doubts about the realism of the presented image, which can be considered as a predisposition to recognize deception on social networking sites. Narcissism reduces while psychopathy increases the evaluation of Instagram users' desire to impress others. Machiavellianism and psychopathy negatively contribute to the attitude toward the Instagram user and evaluation of their self-presentation. However, the Dark Triad features also lead to an underestimation of the intellectual and emotional characteristics of the other. As a result, this decreases the desire to interact with them, which probably reduces the likelihood of positive responses in the SNS.

Keywords: social network sites, self-presentation, Instagram, Dark Triad, Machiavellianism, narcissism, psychopathy, attitude.

Социальная сеть «Инстаграм», появившаяся в 2010 г., за десять лет привлекла более миллиарда пользователей, стала пятой по популярности среди социальных медиа [Digital..., 2021] и является площадкой для реализации самых различных функций — от традиционных для социальных сетей (ведение личного или публичного дневника и коммуникация с другими пользователями) до коммерческих, образовательных и социально-политических. «Инстаграм», как и другие сети, позволяет размещать фото, видео, тексты, взаимодействовать с подписчиками и предоставляет различные возможности для проявления собственной идентичности и поддержания социальных связей [Bazarova N., Choi Y.H., 2014; Wang J-L. et al., 2014]. Исследования личностных черт показали, что открытость новому опыту и нарциссизм являются свойствами, в наибольшей степени связанными с характеристиками самопрезентации в социальных сетях и различной активностью в них [Amichai-Hamburger Y., Vinitzky G., 2010; Barry C.T. et al., 2017].

Социальные сети дают разнообразные возможности для самопрезентации и представления различных сторон своего Я. Начиная с работ И. Гоффмана [Гоффман И., 2000] самопрезентация понимается как тактика предоставления информации и процесс управления ею для создания впечатления о себе. Исследователи представления себя в социальных сетях, в част-

ности, в «Фейсбук», опираются на когнитивный подход к Я-концепции [Harter S. et al., 1997], рассматривая структуру самопрезентации, состоящую из трех Я: реального, идеального и фальшивого [Michikyan M. et al., 2014]. Изучение самопрезентации в контексте перфекционизма ориентирует на такие характеристики, как демонстрация совершенства и избегание проявления несовершенства, что также акцентирует в самопрезентации создание нереалистичного представления о себе [Золотарева А.А., 2011]. В целом, множество исследований выполненных в последние годы, позволили обозначить структуру, функции, значение самопрезентации в социальной сети для человека и конкретные способы управления впечатлением о себе [Войкунский А.Е., 2014; Щукина М.А. и др., 2018; Shim M. et al., 2016].

Значительная часть исследователей противопоставляет реалистичную и нереалистичную самопрезентацию, в основе которых лежат различия в самооценке, социальной тревожности и стремлении к идеализации собственного Я [Geary C. et al., 2021]. Рассматривать самопрезентацию исключительно как стремление к обману других людей нет оснований, так как она может иметь функцию поиска социального одобрения и поддержки, в том числе от незнакомых людей, поиска близости с другими и социального контроля, проявляющегося через реакции общества на презентацию себя челове-

ком. В сравнении с другими социальными сетями «Инстаграм» в большей степени связана со стремлением к презентации своего образа как более привлекательного [Kirkaburun K. et al., 2020]. Кроме того, воспринимаемые возможности социальной сети «Инстаграм» по размещению различной информации и взаимодействию с другими усиливает самопрезентацию в сети и приводит к увеличению количества дружеских связей [Lee D., Vorah P., 2020].

Исследования самопрезентации в связи с чертами Темной триады показывают, что представление человеком собственного реалистичного Я связано с макиавеллизмом и тревожным нарциссизмом [Geary C. et al., 2021]. Отдельный интерес представляют исследования, посвященные особенностям самопрезентации через «селфи» — автопортреты [Никитина Е.А., 2019]. В частности, было установлено, что публикация селфи (количество, частота, количество положительных реакций от других) в социальной сети связана прежде всего с таким аспектом нарциссизма, как грандиозность, стремление к поиску восхищения, внимания со стороны других и переживания положительных эмоций [Geary C. et al., 2021; McCain J. et al., 2016].

Вопрос о том, как воспринимаются другими пользователями образ, который представляет человек в социальной сети, является частным аспектом проблемы социального восприятия, который может рассматриваться как с позиции приписывания черт тому, кого воспринимают, так и с позиции черт того, кто воспринимает. Нельзя пройти мимо фактов о том, что восприятие лица другого (искусственно созданные лица) в значительной степени связано с правильным приписыванием черт Темной триады и доброжелательности, тогда как в отношении других черт результаты неоднозначны [Alper S. et al., 2021; Shiramizu V. et al., 2019]. В контексте данной работы важно знать и то, как черты Темной триады (макиавеллизм, нарциссизм и психопатия) могут определять также восприятие другого. В целом было показано, что люди с высокими значениями Темной триады предпочитают и положительно оценивают людей со сходными характеристиками [Jonason P. et al., 2015]. При восприятии контрастных образов (обладающих или не обладающих высокой выраженностью черт макиавеллизма, нарциссизма

и психопатии) обнаружено, что отношение к «хорошему» образу отрицательно, а к «плохому» положительно связано с чертами Темной триады. Однако люди с высокой выраженностью Темной триады склонны оценивать «плохой» образ как более интересный и недооценивать «хороший» образ [Корниенко Д.С. и др., 2018].

Такими образом, социальные сети выступают и как новая площадка для межличностного взаимодействия, и как возможность презентации собственного реалистичного или нереалистичного образа. При этом социальные сети предоставляют новые возможности для проявления и самопрезентации различных сторон личности с помощью разнообразных средств, а восприятие пользователями в социальных сетях друг друга также, как и в обычной жизни, находится под влиянием их собственных характеристик. В связи с этим представляет интерес изучение отношения к образу пользователя и оценка его самопрезентации в социальной сети «Инстаграм» применительно к личностным характеристикам воспринимающего субъекта. Основными предположениями являются: во-первых, компоненты отношения (когнитивный, эмоциональный и поведенческий) будут обнаруживать положительные связи с оценками характеристик самопрезентации пользователя социальной сети, во-вторых, основываясь на нашем предыдущем исследовании [Корниенко Д.С. и др., 2018], можно ожидать, что черты Темной триады будут негативно коррелировать с оценкой образа пользователя социальной сети.

Организация исследования

Процедура

Данное исследование предполагало два этапа. Первый этап заключался в отборе фотографий из действующего аккаунта пользователя социальной сети «Инстаграм». С разрешения пользователя были отобраны восемь фотографий, на которых был изображен один человек (пользователь аккаунта), без постановочного позирования, в различной одежде, нейтральном окружении (природа, дом, кафе), без явных опознавательных признаков. Данные фотографии были представлены группе экспертов, которых просили оценить четыре характеристики самопрезентации по шкале от 1 (минимальная вы-

раженность) до 5 (максимальная выраженность). В инструкции были приведены краткие описания каждой из характеристик самопрезентации. Далее был проведен анализ различий в оценках характеристик самопрезентации и отобраны шесть фотографий, которые имели значимые различия в оценках. Затем эти шесть фотографий представлялись участникам основного исследования.

На втором этапе исследования участникам предлагалось оценить фотографии по характеристикам самопрезентации, шкале оценке образа и заполнить краткий опросник Темной триады.

Выборка

Выборку первого этапа исследования составили 14 человек в возрасте от 20 до 43 лет ($M = 33$; $SD = 5,75$). Данная выборка рассматривалась как экспертная, так как состояла из людей, являющихся владельцами или управляющими профилем в социальной сети «Инстаграм», имеющими от 9,9 до 211 (Мода = 11) тыс. подписчиков. Содержание профилей связано со следующим: красота и здоровье, психология и саморазвитие, спорт, туризм, продажа одежды и рекламы, кулинария. Данная выборка считается экспертной еще и потому, что в деятельность участников (в том числе и профессиональную) входит размещение фотографий, текста, видеоматериалов, отслеживание и анализ тенденций представления визуального материала в социальной сети. Поэтому они могут дать оценку в том, как представляет материал конкретный пользователь, как выражены характеристики самопрезентации. Блогеры рассматриваются как группа людей, являющихся продвинутыми пользователями в социальной сети, обладающих знаниями о медиаповедении, формировании эффективной самопрезентации в социальных сетях, продвижении различных идей и создании информации (контента); они имеют более «насмотренный взгляд», осведомлены и имеют представление о проявлении характеристик самопрезентации в социальных сетях [Бурлаченко Л.С., 2019].

Выборку второго этапа составили 91 человек (89 % — женщины) в возрасте от 23 до 45 лет ($M = 35,08$; $SD = 6,39$), набранные по принципу «снежного кома», являющиеся пользователями социальной сети «Инстаграм».

Все участники исследования получали ссылку на опрос, созданный в Google Forms.

Методы

Оценивались четыре *характеристики самопрезентации образа* пользователя: привлекательность, реалистичность, стремление произвести впечатление и демонстрация совершенства по шкале от 1 (минимальная выраженность) до 5 (максимальная выраженность). Основной выборке исследования предлагались утверждения о каждой характеристике, например: «Оцените, насколько человек, представленный на фотографии, стремится произвести впечатление на зрителей». Выбор данных характеристик основан на структуре самопрезентации, предлагаемой М. Михикяном с коллегами [Michikyuan M. et al., 2014]. Привлекательность и стремление произвести впечатление соответствуют обманному Я, связанному со стремлением впечатлить другого и показать различные стороны своего Я; реалистичность — с презентацией реального или фальшивого Я, со стремлением к обману; демонстрация совершенства — с представлением идеального Я, а также с перфекционистской самопрезентацией.

Шкала отношения к образу [Щебетенко С.А. и др., 2006] позволяет оценить особенности восприятия образа как позитивного («своего») или негативного («чужого») на основе 15 утверждений по шкале от 1 (совершенно не согласен) до 7 (совершенно согласен).

Короткий опросник «Темная дюжина» дает возможность измерить личностные черты, входящие в Темную триаду (макиавеллизм, психопатия, нарциссизм). Участнику исследования предлагается оценить степень согласия с каждым из 12 утверждений по пятибалльной шкале от 1 (не согласен) до 5 (согласен) [Корнилова Т.В. и др., 2015].

Результаты

Предварительный анализ

Попытка сгруппировать обобранные фотографии на три группы, различающиеся по характеристикам самопрезентации, показала, что значимые различия обнаруживаются по характеристикам демонстрация совершенства и стремление произвести впечатление. Однако значимых различий по компонентам отношения (ко-

гнитивному, эмоциональному и поведенческому) выявлено не было. В связи с этим оценки всех фотографий рассматривались обобщенно. Установлено также, что из четырех характеристик самопрезентации привлекательность и реалистичность образа обнаруживают значимые взаимосвязи со всеми компонентами отношения к образу¹.

Взаимосвязь между чертами Темной триады и оценками образа пользователями социальной сети «Инстаграм»

В ходе корреляционного анализа была обнаружена взаимосвязь оценки стремления произвести впечатление с психопатией ($r = 0,293$, $p < 0,005$). Оценка реалистичности образа выявила отрицательную корреляцию с макиавеллизмом ($r = -0,290$, $p < 0,005$) и психопатией ($r = -0,215$, $p < 0,04$). Оценка демонстрации совершенства положительно коррелировала с психопатией ($r = 0,237$, $p < 0,02$). Общий показатель по шкалам Темной триады показал отрицательную корреляцию только с оценкой реалистичности образа ($r = -0,259$, $p < 0,02$)

Взаимосвязь между чертами Темной триады и характеристиками отношения к образу

Корреляционный анализ между характеристиками отношения к образу и чертами Темной триады показал, что когнитивный, эмоциональный и поведенческий компоненты обнаружили отрицательную связь с макиавеллизмом ($r_k^* = -0,398$, $p < 0,001$), ($r_\varepsilon = -0,426$, $p < 0,001$), ($r_\mu = -0,335$, $p < 0,001$) и психопатией ($r_k = -0,398$, $p < 0,001$), ($r_\varepsilon = -0,383$, $p < 0,001$), ($r_\mu = -0,392$, $p < 0,001$). Общий показатель по чертам Темной триады выявил отрицательные взаимосвязи со всеми компонентами отношения к образу ($r = -0,321$: $-0,419$, $p < 0,01$).

Вклад черт Темной триады в характеристики оценки образов с различными характеристиками самопрезентации

Для выявления вклада черт Темной триады в оценку образов с различной самопрезентацией был проведен регрессионный анализ, в который

в качестве независимых переменных включались показатели черт Темной триады, в качестве зависимых оценок образов пользователя социальной сети — привлекательность, стремление произвести впечатление, реалистичность, демонстрация совершенства.

В результате проведенного анализа для оценки параметра самопрезентации стремление произвести впечатление была получена модель ($R^2 = 0,12$; $F(3,87) = 5,025$; $p < 0,003$), в которой значимыми предикторами являются черты Темной триады — психопатия ($\beta = 0,41$; $t = 3,28$; $p < 0,001$) и нарциссизм ($\beta = -0,24$; $t = -2,13$; $p < 0,036$).

Для оценки реалистичности образа была получена модель ($R^2 = 0,083$; $F(3,87) = 2,811$; $p < 0,044$), в которой обнаружен единственный значимый предиктор — макиавеллизм ($\beta = -0,27$; $t = -1,97$; $p < 0,05$).

Для оценок привлекательности образа и демонстрации совершенства не было получено значимых моделей регрессии.

Вклад черт Темной триады в характеристики отношения к образу пользователя социальной сети

Для выявления вклада черт Темной триады в характеристики отношения к образам с различными характеристиками самопрезентации также был проведен регрессионный анализ, в который в качестве независимых переменных включались показатели черт Темной триады, а в качестве зависимых переменных — компоненты отношения к образу (когнитивный, эмоциональный, поведенческий компоненты).

В результате проведенного анализа была получена модель ($R^2 = 0,2$; $F(3,87) = 7,022$; $p < 0,001$), в которой значимыми предикторами когнитивного компонента являются черты Темной триады — макиавеллизм ($\beta = -0,28$; $t = -2,13$; $p < 0,036$) и психопатия ($\beta = -0,24$; $t = -1,97$; $p < 0,05$). Значимые модели были получены для эмоционального ($R^2 = 0,21$; $F(3,87) = 7,585$; $p < 0,001$) и поведенческого компонентов ($R^2 = 0,16$; $F(3,87) = 6,86$; $p < 0,001$). Макиавеллизм ($\beta = -0,32$; $t = -2,49$; $p < 0,015$) является предиктором для эмоционального, а психопатия ($\beta = -0,31$; $t = -2,56$; $p < 0,012$) — для поведенческого компонента ($\beta = -0,31$; $t = -2,56$; $p < 0,012$). Нарциссизм не выступил значимым предиктором для компонентов отношения к образу.

¹ Подробное обсуждение представлено в работе: [Стряпунина Н.А].

* Здесь и далее: к — когнитивный, э — эмоциональный, п — поведенческий компоненты отношения.

Обсуждение результатов

Взаимосвязи оценок образа и компонентов отношения показывают, что чем привлекательнее и реалистичнее образ, тем лучше отношение респондентов к нему как к возможному собеседнику, интересному человеку, с которым хотелось бы продолжить взаимодействие, выше оценка его когнитивных и эмоциональных особенностей. Так, в исследовании Н.Ю. Шалаевой [Шалаева Н.Ю., 2013] отмечено, что в сознании современного человека привлекательность связана с естественностью, реалистичностью. Реалистичные, естественные образы воспринимаются положительно как более понятные, соответственно, вызывают больше доверия и положительных чувств. Поэтому реалистичные образы воспринимаются другими пользователями социальных сетей как привлекательные. При этом связей компонентов отношения с оценками стремления продемонстрировать себя в лучшем свете нет, что позволяет выдвинуть предположение, что, несмотря на значимость внешности в социальном восприятии, намеренная демонстративность слабо участвует в формировании компонентов отношения. Вероятно, намеренная демонстративность и стремление произвести впечатление в самопрезентации могут рассматриваться как отдельная характеристика отношения и оценки образов в социальной сети.

Фактор привлекательности как значимый в социальном взаимодействии был исследован неоднократно [Погонцева Д.В., Лабунская В.А., 2016; Лабунская В.А., 2019; Балева М.В., 2020], показана его роль в формировании первого впечатления, в связи с этим можно предполагать, что внешне приятный образ пользователя социальной сети становится привлекательным для другого и по внутренним индивидуальным характеристикам, что выражается в положительном отношении.

Реалистичность образа низко оценивается респондентами с высоким уровнем макиавеллизма. Вероятно, люди, склонные к манипулированию другими и использованию различных тактик влияния, рассматривают образы, представляемые в социальных сетях, как менее соответствующие реальности. Ценность реалистичности восприятия пользователя социальной сети состоит в том, что в ответ на его фото-

графии и другой материал аудитория реагирует своим поведением: ставит лайки, пишет комментарии, интересуется другими фотографиями, чтобы узнать больше о человеке.

Интерес представляет тот факт, что высокая импульсивность и низкий самоконтроль, а также склонность к нарушению норм (как проявления психопатии) усиливают оценку демонстративности пользователя социальной сети и желание представить перфекционистский образ. В данном случае высокая психопатия может инициировать формирование впечатления, что пользователь стремится представить собственный образ, отличающийся от реальности.

Черты Темной триады способствуют скорее негативной оценке образа в социальной сети. В качестве предположения можно высказать идею о том, что высокие макиавеллизм и психопатия, возможно, обеспечат разоблачение у пользователей социальной сети, так как образ будет представляться как нереалистичный и стремящийся произвести впечатление, обусловленный манипулированием представлениями о себе. Нарциссизм совместно с психопатией также участвует в оценке стремления другого человека произвести впечатление. При этом нарциссизм снижает, а психопатия повышает оценку стремления произвести впечатление. Можно предположить, что такой результат связан с особенностями восприятия образов в социальных сетях, а именно со спецификой конструирования самопрезентации, возможностью экспериментирования с собственной идентичностью [Манеров В.Х. и др., 2006]. Как отмечает А.Е. Войкунский, в социальных сетях пользователи привыкли искажать информацию о себе для создания более интересного, привлекающего внимание образа [Войкунский А.Е., 2014]. Возможным объяснением является то, что люди не склонные к восхищению собой и не ощущающие собственного превосходства над другими, но при этом импульсивные и не склонные к эмпатии, будут реально оценивать стремление другого произвести впечатление в социальной сети. Таким образом, высокая выраженность макиавеллизма и психопатии позволяет и оценивать другого как более реалистичного, и разоблачать обманную стратегию в самопрезентации, в то время как высокий нарциссизм делает человека менее чувстви-

тельным к распознаванию стремления производить впечатление.

Рассматривая связи черт Темной триады и компонентов отношения к образу, можно сделать вывод, что на отношение пользователей к предъявляемому образу оказывает влияние наличие выраженных черт макиавеллизма и психопатии. То есть высокая склонность к манипулятивному, импульсивному поведению, нарушению этических норм и низкой эмпатии приводит к снижению оценок интеллектуальных характеристик другого. В то же время оценка эмоциональных характеристик и желание возможного взаимодействия связаны только с макиавеллизмом и психопатией соответственно. На уровне поведенческих реакций можно предположить, что люди с высоким макиавеллизмом и психопатией в силу негативного отношения будут чаще оставлять негативные комментарии под фотографиями, не будут ставить лайки и отписываться от аккаунта пользователя. Подобный результат об отрицательной связи черт Темной триады и компонентов отношения согласуется с фактами восприятия образа «хорошего человека», обнаруженными ранее [Корниенко Д.С. и др., 2018]; вероятно, оценка другого, не демонстрирующего негативных сходных черт, будет снижать положительное отношение к нему.

Выводы

Привлекательность и реалистичность образа в социальной сети связаны с положительным отношением к пользователю социальной сети на когнитивном, эмоциональном и поведенческом уровне. При этом стремления производить впечатление и демонстративности таких связей не обнаруживают. Это позволяет высказать предположение о том, что в формировании общего впечатления о пользователе социальной сети участвует именно реалистичная, а не фальшивая самопрезентация.

Среди черт Темной триады высокий макиавеллизм связан с низкой оценкой реалистичности, а высокая психопатия с высокой оценкой стремления произвести впечатление, что, возможно, с одной стороны, является результатом выраженности данных черт и тем самым негативной установкой по отношению к иным, с другой — со стратегией разоблачения фальшивой самопрезентации другого. В формировании

негативного отношения к пользователю социальной сети прежде всего проявляются высокий макиавеллизм и психопатия. Вместе с тем высокий нарциссизм связан с низкой оценкой стремления производить впечатление, что также может указывать на то, что люди, ощущающие собственную исключительность и превосходство, оценивают самопрезентацию других ниже.

Ограничения исследования

Полученные результаты могут указывать на необходимость учитывать специфику материала для исследования. Фотографии пользователя социальной сети, предъявлявшиеся респондентам, взяты из социальной сети «Инстаграм» и уже являются отобранными для публикации (т.е. не случайны) самим пользователем в профиле. Таким образом, эти фотографии уже могут содержать характеристики самопрезентации, связанные со стремлением показать себя с лучшей стороны. В будущих исследованиях планируется рассмотреть образы, имеющие полярные оценки по характеристикам самопрезентации на большей выборке.

Выражение признательности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-013-00775.

Acknowledgements

The research was funded by RFBR, project No. 20-013-00775

Список литературы

- Балева М.В. Я и Другой: модели оценки и социального сравнения // Вестник РГГУ. Серия: Психология. Педагогика. Образование. 2020. № 1. С. 54–76. DOI: <https://doi.org/10.28995/2073-6398-2020-1-54-76>
- Бурлаченко Л.С. Понимание молодежью блогинга как профессиональной деятельности // Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда. 2019. Т. 4, № 1. С. 183–198.
- Войкунский А.Е. Социальная перцепция в социальных сетях // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. 2014. № 2. С. 90–104.
- Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни / пер. с англ. А.Д. Ковалёва. М.: Канон-пресс-Ц; Кучково-поле, 2000. 304 с.

Золотарева А.А. Адаптация методики «Шкала перфекционистской самопрезентации» П. Хьюитта // Психологический журнал. 2011. Т. 32, № 6. С. 59–66.

Корниенко Д.С., Балева М.В., Руднова Н.А. Хороший и простой, плохой и сложный: как воспринимается образ другого при разных уровнях Темной триады // Психологические исследования. 2018. Т. 11, № 62. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2018v11n62/1644-kornienko62.html> (дата обращения: 04.07.2021).

Корнилова Т.В., Корнилов С.А., Чумакова М.А., Талмач М.С. Методика диагностики личностных черт «Темной триады»: апробация опросника «Темная дюжина» // Психологический журнал. 2015. Т. 36, № 2. С. 99–112.

Лабунская В.А. Взаимовлияние самооценок привлекательности внешнего облика, его вклада в положение человека в обществе и самоотношения студентов // Психологическая наука и образование. 2019. Т. 24, № 5. С. 37–46. DOI: <https://doi.org/10.17759/pse.2019240504>

Манеров В.Х., Королева Н.Н., Богдановская И.М., Проект Ю.Л. Мирообразование и личностные феномены Интернет-коммуникации. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2006. 191 с.

Никитина Е.А. Селфи-поведение и самооценка привлекательности лиц // Лицо человека: познание, общение, деятельность / под ред. К.И. Ананьевой, В.А. Барабанщикова, А.А. Демидова. М.: Моск. ин-т психоанализа, 2019. С. 332–340.

Погонцева Д.В., Лабунская В.А. Лукизм: лицо, тело, душа // Лицо человека в пространстве общения / отв. ред. К.И. Ананьева, В.А. Барабанщиков, А.А. Демидов. М.: Когито-Центр, 2016. С. 98–110.

Стряпунина Н.А. Особенности восприятия в социальной сети «Инстаграм» в связи с характеристиками самопрезентации и самомониторингом // Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия № 1. Психологические и педагогические науки. (в печати).

Шалаева Н.Ю. Особенности социальных представлений о привлекательности в современном обществе // Известия Самарского научного центра РАН. 2013. Т. 15, № 2(4). С. 986–991.

Щебетенко С.А., Балева М.В., Корниенко Д.С. Стереотип и социальная угроза как факторы восприятия иммигрантов русскими // Вестник Пермского государственного института искусства и культуры. 2006. № 2(2). С. 138–151.

Щукина М.А., Яковлева И.В., Крайнюков С.В., Тютюнник Е.И., Бондарева М.О., Аверьянова О.Ю. Особенности визуальной самопрезентации участников деловой коммуникации в виртуальной образовательной среде // Психологические исследования. 2018. Т. 11, № 59. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2018v11n59/1573-shchukina59.html> (дата обращения: 04.07.2021).

Alper S., Fatih B., Onurcan Y. All the Dark Triad and Some of the Big Five Traits Are Visible in the Face // Personality and Individual Differences. 2021. Vol. 168. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0191886920305419?via%3Dihub> (accessed: 04.07.2021). DOI: <https://doi.org/10.1016/j.paid.2020.110350>

Amichai-Hamburger Y., Vinitzky G. Social Network Use and Personality // Computers in Human Behavior. 2010. Vol. 26, iss. 6. P. 1289–1295. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.chb.2010.03.018>

Barry C.T., Doucette H., Loflin D., Rivera-Hudson N., Herrington L. Let Me Take a Selfie: Associations between Self-Photography, Narcissism, and Self-Esteem // Psychology of Popular Media Culture. 2017. Vol. 6, iss.1. P. 48–60. DOI: <https://doi.org/10.1037/ppm0000089>

Bazarova N., Choi Y.H. Self-Disclosure in Social Media: Extending the Functional Approach to Disclosure Motivations and Characteristics on Social Network Sites // Journal of Communication. 2014. Vol. 64, iss. 4. P. 635–657. DOI: <https://doi.org/10.1111/jcom.12106>

Digital 2021: Global overview report. URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2021-global-overview-report> (accessed: 04.07.2021).

Geary C., March E., Grieve R. Insta-Identity: Dark Personality Traits as Predictors of Authentic Self-Presentation on Instagram // Telematics and Informatics. 2021. Vol. 63. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0736585321001088?via%3Dihub> (accessed: 04.07.2021). DOI: <https://doi.org/10.1016/j.tele.2021.101669>

Harter S, Bresnick S, Bouchev H.A, Whitesell N.R. The development of multiple role-related selves during adolescence // Developmental Psychopathology. 1997. Vol. 9, iss. 4. P. 835–853. DOI: <https://doi.org/10.1017/s0954579497001466>

Jonason P., Lyons M., Blanchard A. Birds of a «Bad» Feather Flock Together: The Dark Triad and Mate Choice // Personality and Individual Differences. 2015. Vol. 78. P. 34–38. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.paid.2015.01.018>

Kirkaburun K., Alhabash S., Tosuntas S.B., Griffiths M.D. Uses and gratifications of problematic social media use among university students: A simultaneous examination of the big five of personality traits, social media platforms, and social media use motives // *International Journal of Mental Health and Addiction*. 2020. Vol. 18, iss. 3. P. 525–547. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11469-018-9940-6>

Lee D., Borah P. Self-Presentation on Instagram and Friendship Development among Young Adults: A Moderated Mediation Model of Media Richness, Perceived Functionality, and Openness // *Computers in Human Behavior*. 2020. Vol. 103. P. 57–66. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.chb.2019.09.017>

McCain J, Borg Z., Rothenberg A., Churillo K., Weiler P., Campbell K. Personality and Selfies: Narcissism and the Dark Triad // *Computers in Human Behavior*. 2016. Vol. 64. P. 126–133. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.chb.2016.06.050>

Michikyan M., Subrahmanyam K., Dennis J. Can you tell who I am? Neuroticism, extraversion, and online self-presentation among young adults // *Computers in Human Behavior*. 2014. Vol. 33. P. 179–183. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.chb.2014.01.010>

Shim M., Lee-Won R.J., Park S.H. The self on the Net: The joint effect of self-construal and public self-consciousness on positive self-presentation in online social networking among South Korean college students // *Computers in Human Behavior*. 2016. Vol. 63. P. 530–539. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.chb.2016.05.054>

Shiramizu V., Kozma L., DeBruine L., Jones B. Are Dark Triad Cues Really Visible in Faces? // *Personality and Individual Differences*. 2019. Vol. 139. P. 214–216. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.paid.2018.11.011>

Wang J-L., Jackson L., Gaskin J., Wang H-Z. The Effects of Social Networking Site (SNS) Use on College Students' Friendship and Well-Being // *Computers in Human Behavior*. 2014. Vol. 37. P. 229–236. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.chb.2014.04.051>

Получена: 07.07.2021. Принята к публикации: 16.08.2021

References

Alper, S., Fatih, B. and Onurcan, Y. (2021). All the Dark Triad and some of the Big Five traits are visible in the face. *Personality and Individual Differences*. Vol. 168. Available at: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0191886920305419?via%3Dihub> (accessed 04.07.2021). DOI: <https://doi.org/10.1016/j.paid.2020.110350>

Amichai-Hamburger, Y. and Vinitzky, G. (2010). Social network use and personality. *Computers in Human Behavior*. Vol. 26, iss. 6, pp. 1289–1295. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.chb.2010.03.018>

Baleva, M.V. (2020). [Self and other: Assessment and social comparison models]. *Vestnik RGGU. Seriya: Psikhologiya. Pedagogika. Obrazovanie* [RSUH/RGGU Bulletin. Series: Psychology. Pedagogics. Education]. No. 1, pp. 54–76. DOI: <https://doi.org/10.28995/2073-6398-2020-1-54-76>

Barry, C.T., Doucette, H., Loflin, D., Rivera-Hudson, N. and Herrington, L. (2017). Let me take a selfie: Associations between self-photography, narcissism, and self-esteem. *Psychology of Popular Media Culture*. Vol. 6, iss. 1, pp. 48–60. DOI: <https://doi.org/10.1037/ppm0000089>

Bazarova, N. and Choi, Y.H. (2014). Self-disclosure in social media: Extending the functional approach to disclosure motivations and characteristics on social network sites. *Journal of Communication*. Vol. 64, iss. 4, pp. 635–57. DOI: <https://doi.org/10.1111/jcom.12106>

Burlachenko, L.S. (2019). [Young generation insight into blogging as career]. *Institut psikhologii Rossiyskoy akademii nauk. Organizatsionnaya psikhologiya i psikhologiya truda* [Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. Organizational Psychology and Labor Psychology]. Vol. 4, no. 1, pp. 183–198.

Digital 2021: Global overview report. Available at: <https://datareportal.com/reports/digital-2021-global-overview-report> (accessed 04.07.2021).

Geary, C., March, E. and Grieve, R. (2021). Instasociality: Dark personality traits as predictors of authentic self-presentation on Instagram. *Telematics and Informatics*. Vol. 63. Available at: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0736585321001088?via%3Dihub> (accessed 04.07.2021). DOI: <https://doi.org/10.1016/j.tele.2021.101669>

Gofman, I. (2000). *Predstavlenie sebya drugim v povsednevnoy zhizni* [The presentation self in daily life]. Moscow: Kanon-Press-Ts, Kuchkovo-Pole Publ., 302 p.

Harter, S., Bresnick, S., Bouchev, H.A and Whitesell, N.R. (1997). The development of multiple role-related selves during adolescence. *Developmental Psychopathology*. Vol. 9, iss. 4, pp. 835–853. DOI: <https://doi.org/10.1017/s0954579497001466>

Jonason, P., Lyons, M. and Blanchard, A. (2015). Birds of a «bad» feather flock together: The Dark Triad and mate choice. *Personality and Individual Differences*. Vol. 78, pp. 34–38. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.paid.2015.01.018>

- Kirkaburun, K., Alhabash, S., Tosuntas, S.B. and Griffiths, M.D. (2020). Uses and gratifications of problematic social media use among university students: A simultaneous examination of the big five of personality traits, social media platforms, and social media use motives. *International Journal of Mental Health and Addiction*. Vol. 18, iss. 3, pp. 525–547. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11469-018-9940-6>
- Kornienko, D.S., Baleva, M.V. and Rudnova, N.A. (2018). [«Good and simple, bad and complex»: the perceived image of another and the Dark triad.]. *Psikhologicheskie issledovaniya* [Psychological Studies]. Vol. 11, no. 62. Available at: <http://psystudy.ru/index.php/num/2018v11n62/1644-kornienko62.html> (accessed 04.07.2021).
- Kornilova, T.V., Kornilov, S.A., Chumakova, M.A., Talmach, M.S. (2015). [The Dark Triad Personality Diagnostic Methodology: Approbation of the Dark Dozen Questionnaire]. *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological Journal]. Vol. 36, no. 2, pp. 99–112.
- Labunskaya, V.A. (2019). [Cross-impact of self-assessments of attractiveness, its contribution to social status and self-attitude in students]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie* [Psychological Science and Education]. Vol. 24, no. 5, pp. 37–46. DOI: <https://doi.org/10.17759/pse.2019240504>
- Lee, D. and Borah, P. (2020). Self-presentation on Instagram and friendship development among young adults: A moderated mediation model of media richness, perceived functionality, and openness. *Computers in Human Behavior*. Vol. 103, pp. 57–66. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.chb.2019.09.017>
- Manerov, V.H., Koroleva, N.N., Bogdanovskaya, I.M. and Proekt, Yu.L. (2006). *Miroobrazovanie i lichnostnye fenomeny Internet-kommunikatsii* [World education and personality phenomena of Internet communication]. Saint Petersburg: HSPU Publ., 191 p.
- McCain, J., Borg, Z., Rothenberg, A., Churillo, K., Weiler, P. and Campbell, K. (2016). Personality and selfies: Narcissism and the Dark Triad. *Computers in Human Behavior*. Vol. 64, pp. 126–133. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.chb.2016.06.050>
- Michikyan, M., Subrahmanyam, K. and Dennis, J. (2014). Can you tell who I am? Neuroticism, extraversion, and online self-presentation among young adults. *Computers in Human Behavior*. Vol. 33, pp. 179–183. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.chb.2014.01.010>
- Nikitina, E.A. (2019). [Selfie-behavior and self-evaluation of face attractiveness]. *Litso cheloveka: poznanie, obschenie, deyatel'nost'* [Human face: cognition, communication, activity]. Moscow: MIP Publ., pp. 332–340.
- Pogontseva, D.V. and Labunskaya, V.A. (2016). [Lookism: face, body, soul]. *Litso cheloveka v prostranstve obshcheniya* [Human face in the space of communication]. Moscow: Kogito-Tsentr Publ., pp. 98–110.
- Schebetenko, S.A., Baleva, M.V. and Kornienko, D.S. (2006). [Stereotype and social threat as factors of perception of immigrants by Russians]. *Vestnik permskogo gosudarstvennogo institute iskusstva i kul'tury* [Bulletin of the Perm State Institute of Art and Culture]. No. 2(2), pp. 138–151.
- Schukina, M.A., Yakovleva, I.V., Kraynikov, S.V., Tutunnik, E.I., Bondareva, M.O. and Aver'yanova, O.Yu. (2018). [Features of the visual self-presentation of participants of business communication in the virtual educational environment]. *Psikhologicheskie issledovaniya*. Vol. 11, no. 59. Available at: <http://psystudy.ru/index.php/num/2018v11n59/1573-shchukina59.html> (accessed 04.07.2021).
- Shalaeva, N.Yu. (2013). [Characteristics of social representations about attractiveness of modern society]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra RAN* [Izvestia of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences]. Vol. 15, no. 2(4), pp. 986–991.
- Shim, M., Lee-Won, R.J. and Park, S.H. (2016). The self on the Net: The joint effect of self-construal and public self-consciousness on positive self-presentation in online social networking among South Korean college students. *Computers in Human Behavior*. Vol. 63, pp. 530–539. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.chb.2016.05.054>
- Shiramizu, V., Kozma, L., DeBruine, L. and Jones, B. (2019). Are Dark Triad cues really visible in faces? *Personality and Individual Differences*. Vol. 139, pp. 214–216. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.paid.2018.11.011>
- Stryapunina, N.A. [Features of perception in the social network «Instagram» in connection with the characteristics of self-presentation and self-monitoring]. *Vestnik Permskogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta. Seriya #1. Psikhologicheskiye i pedagogicheskiye nauki* [Vestnik of the Perm State Humanitarian and Pedagogical University. Series no. 1: Psychological and pedagogical sciences]. (in print).
- Voykunskiy, A.E. (2014). [Social perception in online social network sites]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psikhologiya* [Moscow University Psychology Bulletin]. No. 2, pp. 90–104.

Wang, J-L., Jackson, L., Gaskin, J. and Wang, H-Z. (2014). The effects of social networking site (SNS) use on college students' friendship and well-being. *Computers in Human Behavior*. Vol. 37, pp. 229–236. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.chb.2014.04.051>

Zolotareva, A.A. (2011). [Adaptation of P. Hewitt's «Perfectionistic self-presentation scale»]. *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological Journal]. Vol. 32, no. 6, pp. 59–66.

Received: 07.07.2021. Accepted: 16.08.2021

Об авторах

Корниенко Дмитрий Сергеевич

доктор психологических наук, доцент,
доцент кафедры общей психологии

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте
Российской Федерации,

119571, Москва, пр. Вернадского, 82/1;

e-mail: dscorney@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6597-264X>

ResearcherID: L-5971-2015

Стряпунина Наталья Анатольевна

магистрант направления «Психология»

Пермский государственный национальный
исследовательский университет,

614990, Пермь, ул. Букирева, 15;

e-mail: 9082433119@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1313-5935>

About the authors

Dmitry S. Kornienko

Doctor of Psychology, Docent,
Associate Professor of the Department
of General Psychology

Institute for Social Sciences of the Russian
Presidential Academy of National Economy
and Public Administration under the President
of the Russian Federation,

82/1, Vernadsky av., Moscow, 119571, Russia;

e-mail: dscorney@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6597-264X>

ResearcherID: L-5971-2015

Natalya A. Stryapunina

Graduate student in Psychology

Perm State University,

15, Bukirev st., Perm, 614990, Russia;

9082433119@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1313-5935>

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Корниенко Д.С., Стряпунина Н.А. Черты Темной триады и отношение к образу пользователя социальной сети «Инстаграм» // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2021. Вып. 4. С. 643–653. DOI: [10.17072/2078-7898/2021-4-643-653](https://doi.org/10.17072/2078-7898/2021-4-643-653)

For citation:

Kornienko D.S., Stryapunina N.A. [Attitude to the image of the Instagram user and the Dark Triad]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologia. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2021, issue 4, pp. 643–653 (in Russian). DOI: [10.17072/2078-7898/2021-4-643-653](https://doi.org/10.17072/2078-7898/2021-4-643-653)

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.334.22

DOI: 10.17072/2078-7898/2021-4-654-661

**РОЛЬ ОРГАНИЗАЦИОННОГО ДОВЕРИЯ
В ОБЕСПЕЧЕНИИ ЭФФЕКТИВНОСТИ И ПРОДУКТИВНОСТИ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОВРЕМЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
(ОПЫТ ЗАРУБЕЖНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ)***Гордеева Светлана Сергеевна, Маркова Юлия Сергеевна**Пермский государственный национальный исследовательский университет (Пермь)*

Обоснована значимость социального феномена «организационное доверие» как механизма стабильного функционирования современной организации в условиях риска социокультурной и социально-экономической среды. Актуализирована целесообразность социологического анализа доверия в организации для повышения эффективности и продуктивности ее деятельности. Определена сущность «организационного доверия» как феномена позитивных ожиданий, благодаря которому доверитель готов приписывать добрые намерения и быть уверенным в словах и действиях доверенных лиц. Конкретизированы некоторые свойства доверенных лиц: доброжелательность и компетентность как необходимые условия для формирования высокого уровня доверия в организации. На основе анализа материалов зарубежных социологических исследований дифференцированы виды организационного доверия: обобщенное, вертикальное и горизонтальное, а также выделены их специфические характеристики. Установлено, что обобщенное доверие основывается на прошлом опыте взаимодействий, это расчет на выигрыш в будущем. Подчеркивается, что вертикальное и горизонтальное организационное доверие имеют свойство функциональности, т.е. ограничено профессиональными ролями сотрудников. Доказательная база свидетельствует о том, что отношения работников, основанные на доверии, являются одним из условий эффективной трудовой деятельности в организации современного типа. Установлено, что доверие сотрудников повышает их приверженность организации и удовлетворенность трудом, способствует укреплению сотрудничества и командной работы. Обоснована целесообразность эмпирической проверки теоретических положений, в частности, того, что организационное доверие положительно влияет на эффективность и продуктивность развития современной организации: чем выше доверие в организации, тем выше ее способность достигать поставленных стратегических, тактических, оперативных целей, обеспечивать производительность труда, продуцировать инновации, поддерживать высокую мотивацию персонала и благоприятный социально-психологический климат.

Ключевые слова: доверие, организационное доверие, организация, эффективность, продуктивность.

**THE ROLE OF ORGANIZATIONAL TRUST IN ENSURING
THE EFFICIENCY AND PRODUCTIVITY OF THE ACTIVITIES
OF A MODERN ORGANIZATION (EXPERIENCE OF FOREIGN RESEARCH)***Svetlana S. Gordeyeva, Yulia S. Markova**Perm State University (Perm)*

The paper deals with the social phenomenon «organizational trust». The importance of organizational trust as a mechanism for the stable functioning of a modern organization in conditions of the socio-

cultural and socio-economic environment being under risk is substantiated. The feasibility of a sociological analysis of trust in an organization with the purpose of enhancing its efficiency and productivity is demonstrated. The essence of «organizational trust» is defined as a phenomenon of positive expectations due to which the principal is ready to ascribe good intentions to the trustees and be confident about their words and actions. Benevolence and competence of trustees are demonstrated to be necessary conditions for the formation of a high level of trust in an organization. Based on the analysis of materials from foreign sociological studies, the types of organizational trust are differentiated: generalized, vertical and horizontal, and their specific characteristics are identified. Generalized trust is found to be based on past experience of interactions, this is the expectation of future gains. It is emphasized that vertical and horizontal organizational types of trust have the property of functionality, i.e. they are limited by the professional roles of employees. The evidence base indicates that employee relationships based on trust are one of the conditions for effective labor activity in a modern organization. It has been found that the trust of employees increases their commitment to the organization and job satisfaction, contributes to strengthening the cooperation and teamwork. The expediency of empirical verification of theoretical propositions is substantiated, in particular of the idea that organizational trust has a positive effect on the efficiency and productivity of the modern organization's development: the higher the trust in the organization, the higher its ability to achieve its strategic, tactical, operational goals, ensure labor productivity, produce innovations, maintain high staff motivation and a favorable socio-psychological climate.

Keywords: trust, organizational trust, organization, efficiency, productivity.

Введение

В условиях динамичных изменений экономической, общественной и политической жизни общества современные организации и предприятия вынуждены гибко реагировать на текущие события и процессы и приспосабливаться к ним. Высокая социокультурная и социально-экономическая рискогенность вызывает потребность в поиске механизмов, позволяющих организациям поддерживать стабильное развитие. Одним из таких механизмов является организационное доверие. Согласно мнению N. Luhman [Luhman N., 2000], доверие есть свойство системы, обеспечивающее стабильность и автономность независимо от уровня ее функционирования (межличностный, организационный, институциональный, уровень общества). Доверие дает возможность системе функционировать в условиях неопределенности социальных действий, а значит, выполняет для системы функцию безопасности. Актуальность обращения к проблематике организационного доверия на современном этапе возрастает в силу высокой востребованности модернизационных и инновационных идей, продуктов и технологий, требующих активизации человеческого потенциала сотрудников в среде риска, нормативной нестабильности, необходимости адаптироваться к иницилируемым в организации преобразованиям.

Социологическое осмысление значения доверия в обеспечении организационного развития имеет длительную историю. Н. Spencer [Spencer H., 1981] благодаря анализу функциональной структуры социальной организации показал, что деятельность организации будет эффективной в случае успешного функционирования ряда взаимосвязанных элементов: кооперативного сотрудничества, взаимного уважения к правам членов коллектива и взаимного доверия членов организации. Если в коллективе созданы условия для успешной реализации выделенных выше элементов, следует ожидать у членов коллектива формирования чувств добросовестности и справедливости. P. Sztompka [Sztompka P., 1999], понимая доверие как «позитивный залог» в условиях риска, подчеркивает, что важным следствием сформированной культуры доверия является не только снижение неопределенности и рисков, но и стимулирование профессиональной активности, инициативности, инновационности.

Таким образом, исследование вопроса о роли организационного доверия в развитии современных организаций представляется высокозначимым и своевременным. Цель данной работы — на основании обзора современных исследований проанализировать значение организационного доверия для обеспечения эффективности и продуктивности деятельности организации в настоящее время.

Концептуализация организационного доверия

Сущность понятия «организационное доверие» и его составляющих достаточно конкретизирована в социологической литературе. Широкую популярность в научных работах получила интегративная модель доверия R.C. Mayer [Mayer R.C. et al., 1995], согласно которой доверие определяется через готовность (желание) одной стороны быть уязвимой к действиям другой, предполагая, что вторая сторона выполнит важные дляверяющего субъекта действия независимо от степени контроля над его поведением. Схожую точку зрения высказывают D. Rousseau с соавт. [Rousseau D. et al., 1998], говоря о доверии как о состоянии, для которого характерно принятие уязвимости в трудовом коллективе в условиях позитивных ожиданий от поведения других. Оба выделенных определения имеют схожие компоненты: готовность быть уязвимым и позитивные ожидания в отношении действий других. На наш взгляд, доверие — это степень позитивных ожиданий, с которой человек готов приписывать добрые намерения другим людям и быть уверенным в их словах и действиях.

Согласно взглядам J.A. Gilbert & T.L. Tang [Gilbert J.A., Tang T.L., 1998], организационное доверие есть чувство уверенности в поддержке со стороны работодателя, вера в ответственность его поведения и убежденность, что руководитель выполнит взятые на себя обязательства.

Организационное доверие, как правило, связано с ситуациями неопределенности и разделения рисков между участниками трудовой деятельности. Так, согласно интегративной модели [Schoorman F.D. et al., 2007] организационное доверие ведет к ситуации принятия риска в отношениях между участниками. Доверие — это «готовность идти на риск», а уровень доверия является показателем величины риска, на который готов пойти работник. В условиях доверия у работников формируется чувство, что другие сотрудники не будут «использовать» их в своих личных интересах. S.D. Boon & J.G. Holmes [Boon S.D., Holmes J.G., 1991] обозначили доверие как состояние, связанное с уверенными, позитивными ожиданиями относительно мотивов поведения другого человека в условиях риска. Отмечается важность открытости системы коммуникаций, действующей внутри трудового

коллектива. В широко цитируемой работе D.J. McAllister [McAllister D.J., 1995] доверие определяется как уверенность в словах другого и готовность действовать, руководствуясь словами и поступками другого человека.

Внутриорганизационное доверие рассматривается как сложное обобщенное суждение доверителя в отношении доверенного лица с учетом его доброжелательности и компетентности [Cook J., Wall T., 1980], где доброжелательность — это позитивные намерения по отношению к доверителю и искренняя забота о его благополучии, а компетентность — способность (с точки зрения наличия необходимых навыков и знаний) выполнять свои обязанности. Согласно теории R.C. Mayer [Mayer R.C. et al., 1995], доброжелательность доверенного лица тесным образом сопряжена с такими категориями, как лояльность, открытость, забота и поддержка. Хотя взаимосвязь компетентности и доброжелательности кажется логичной, остается неясным вопрос, оказывает ли каждый из этих элементов свое уникальное влияние на формирование доверия. Будет ли достаточным основанием для формирования доверия лишь высокий уровень компетентности работников? Необходима ли взаимная связь компетентности и доброжелательности для формирования доверия в организации? Являются ли выделенные компоненты дублирующими, замещающими друг друга в условиях организации? Значительное число авторов придерживается мнения о необходимости взаимосвязи компетентности и доброжелательности как условия формирования высокого уровня доверия. Компетентность имеет более рациональную природу, тесно связана с чувством справедливости и обеспечивает предсказуемость действий доверителя в условиях неопределенности. Доброжелательность, в свою очередь, создает эмоциональную привязанность к доверенному лицу, а сопутствующие доброжелательности забота и поддержка способствуют формированию ощущения позитивного эффекта.

Характеристика разновидностей доверия

Объектами доверия выступают общество в целом (обобщенное доверие), коллеги (горизонтальное доверие), непосредственный руководитель и организация в целом (вертикальное доверие).

В понимание сущности обобщенного доверия внес свой вклад представитель теории социального обмена Н.А. Симон [Simon H.A., 1957], который считал, что в основе повторного обмена лежит опыт. В случае повторения ситуации, которая ранее имела успех, повышается вероятность того, что человек будет действовать аналогичным образом. Другими словами, человек руководствуется прошлым опытом своего индивидуального доверия, опираясь на знания, накопленные в ходе длительной истории взаимодействия с другими людьми. Поскольку доверие формируется с течением времени и основывается на прошлом опыте взаимодействий, временной фактор, выраженный в возрасте доверителя и его опыте, может обслуживать склонность, предрасположенность к доверию [Colquitt J.A. et al., 2007]. В ситуации, связанной с доверием, всегда существует фактор уязвимости, неопределенности и риска, поскольку доверие предполагает передачу ресурсов в руки человека, который будет действовать в своих интересах или интересах доверителя [Coleman J.S., 1994].

Следовательно, доверие определяется как готовность человека ожидать, что другой будет действовать в твоих интересах и не воспользуется сложившейся ситуацией не в твою пользу. Кроме того, в обобщенном доверии доверитель не имеет предварительной информации о другой стороне и не имеет возможности ее контролировать. А значит, доверие — это расчет на выигрыш в будущем, ожидание успеха. Как отмечают Т.Р. Тилер & Р.М. Крамер [Tyler T.R., Kramer R.M., 1996], доверие есть субъективный вероятностный расчет потенциальных затрат и выгоды от будущих взаимодействий.

Исследования Т. Ямагиси с коллегами [Yamagishi T. et al., 1999] доказывают, что люди с более высоким уровнем обобщенного доверия не являются наивными и бесхитростными, а, наоборот, действуют осмотрительно, опираясь на доступную информацию о доверенном лице, в случае же отсутствия информации — на прошлый опыт. Авторы подчеркивают, что обобщенное доверие является следствием, «побочным продуктом» развития у индивида социального интеллекта («social intelligence»), который способен считывать сигналы неблагонадежности.

В вертикальных отношениях между руководителями и подчиненными руководители доверяют сотрудникам решение производственных задач, при этом компетентность сотрудников является важным элементом оценки их работы руководителями. Так, D.L. Knoll & H. Gill [Knoll D.L., Gill H., 2011] обнаружили, что сотрудники, к которым относятся справедливо, с уважением и достоинством, воспринимают своих руководителей как доброжелательных, и, следовательно, надежных, и заслуживающих доверия. К. Крот & Д. Левика [Krot K., Lewicka D., 2012] утверждают, что вертикальное доверие, как правило, сложнее по своей структуре, чем горизонтальное, и не может быть однозначно оценено. Вертикальное доверие формируется в условиях контроля со стороны руководителя и наличия у него властных полномочий, а это оказывает существенное влияние на подчиненных. В соответствии с принципами теории социального обмена (Р. Блау) работники с высоким уровнем доверия к своему руководителю оценивают действия руководителя как благонадежные, готовы находиться в ситуации уязвимости перед руководством, не тратят усилий для поддержания своего положения и поэтому могут в полной мере сосредоточиться на выполнении своих непосредственных профессиональных обязанностей. Подчеркивается, что для вертикального типа доверия характерно знание руководителем своих подчиненных. Представитель социологической теории рационального выбора J.S. Coleman [Coleman J.S., 1994] отмечает необходимость перераспределения функций в системе благодаря феномену доверия. Доверитель в роли руководителя делегирует доверенному лицу (подчиненному) определенные полномочия и права, а тот, в свою очередь, принимая оказанное ему доверие и выполняя свои профессиональные обязанности, уже сам доверяет руководителю, который, например, реализует систему вознаграждений за труд.

Горизонтальные отношения и доверие к коллегам предполагают, что работники будут поддерживать других членов коллектива и не будут использовать их в своих интересах, например, замалчивая информацию. Доверие коллег, по оценке исследователей N. Феррес с соавт. [Ferres N.J. et al., 2004], побуждает сотрудников выполнять профессиональные обязанности, ру-

ководствуясь верой в подлинность слов и действий своих коллег.

Доверие в вертикальных и горизонтальных отношениях взаимосвязаны, так, межличностное доверие в вертикальных отношениях может влиять положительно или отрицательно на межличностное доверие в горизонтальных отношениях и наоборот. Высокий уровень вертикального доверия может положительно повлиять на доверие горизонтальное. В то же время отсутствие вертикального доверия может повлечь снижение доверия в горизонтальных связях в организации.

В отличие от обобщенного доверия, которое имеет характер полного, доверие в организации частичное и функциональное, т.е. ограничено выполняемыми в организации профессиональными ролями. Руководитель в ходе трудовой деятельности доверяет сотруднику выполнение должностных обязанностей, работник ожидает своевременной и справедливой оплаты своего труда, но ни тот ни другой не доверяют друг другу свою жизнь. Кроме того, организационное доверие имеет меньшую нормативную социальную длительность, т.е. менее длительную фазу доверия, и ограничено продолжительностью трудовой деятельности.

Организационное доверие как фактор эффективности и продуктивности организации

В современной литературе эффективность трактуется как способность организации достигать поставленных целей, в свою очередь продуктивность — как способность функционировать с минимальными издержками [Adizes I., 2014]. Отсюда эффективность деятельности организации может быть оценена по ряду критериев, таких как обеспечение рентабельности и прибыли, адаптация к изменениям на основе взаимно разделяемой работниками системы ценностей, сотрудничества и приверженности им. Продуктивность выражается в удовлетворении потребностей клиентов, повышении производительности труда, улучшении качества выпускаемой продукции, снижении числа ошибок в работе.

В социологической литературе высказывается мнение, что доверие в организации повышает эффективность коммуникации и удовлетворенность сотрудников, способствует формированию более позитивного отношения к работе, повышает эффективность и продуктивность решения

организационных задач на уровне коллектива и организации в целом [Davis J.H. et al., 2000]. Напротив, отсутствие доверия может привести к дисфункциональным последствиям, таким как низкая мотивация, низкая приверженность работников, что негативным образом отражается на индивидуальных и организационных показателях эффективности и продуктивности [Tremblay M. et al., 2010]. Но если сотрудники демонстрируют высокий уровень доверия к организации, то это повышает их удовлетворенность работой и готовность прилагать больше усилий в трудовом процессе. Авторы указывают на то, что динамичные, одновременно нестабильные условия функционирования современной организации диктуют необходимость перехода от традиционных иерархических форм управления к более гибким, в основе которых лежит сотрудничество членов, а доверие рассматривается как его важнейший компонент [Costa A.C., Peiró J.M., 2009].

Значимость организационного доверия в трудовом процессе коллектива не ставится под сомнение. Авторы убедительно доказывают, что ценность доверительных отношений внутри организации является основой совместной эффективной трудовой деятельности работников [Kiffin-Petersen S., Cordery J., 2003]. Согласно K. Bijlsma & P. Koopman [Bijlsma K., Koopman P., 2003], доверие — своего рода ключ к достижению эффективности и продуктивности организации, поскольку обеспечивает добровольное сотрудничество. Значимость доверия в эффективной и продуктивной работе предприятия обосновывается двумя причинами. Во-первых, для такого коллектива характерен высокий уровень взаимозависимости его сотрудников, члены коллектива при выполнении своей деятельности априори уязвимы от действий своих коллег. А значит, наиболее приемлемый способ достижения цели и решения поставленных задач — это сотрудничество, а доверие есть его предварительное условие. Уровень взаимной зависимости в коллективе отличается по характеру решаемых задач, системы оплаты и оценки результативности работы. Более высокий уровень зависимости способствует увеличению числа взаимодействий между работниками, потенциально повышая уровень риска, связанного с доверием коллегам. Следуя этой логике, работники с более низким уровнем доверия будут

стремиться снизить свою зависимость от других членов коллектива, а значит, нивелировать ситуацию уязвимости. Низкий уровень доверия может повлечь за собой негативные для коллектива практики со стороны сотрудников, например, замалчивание информации, отказ от оказания помощи и поддержки, наблюдение за поведением сотрудников [Zand D.E., 1972]. Во-вторых, в современных условиях особую значимость приобретает преимущество самоуправления в организации, при этом возрастает ответственность за принятие производственных решений. В отличие от организаций с традиционной системой внешнего контроля, коллективы с высоким уровнем самоуправления способны на саморегулирование организационных процессов. Выполнение производственных задач в условиях самоуправления требует выработки соответствующих механизмов внутреннего контроля совместной работы, устранение ситуации неопределенности, а работа отдельного члена коллектива определяется его вкладом в решение задачи группы.

Таким образом, отношения сотрудников, основанные на доверии, способствуют укреплению сотрудничества между членами коллектива, повышают их приверженность организации, снижают негативные тенденции, включая намерение уволиться [Tschannen-Moran M., Noe W.K., 2000]. Организационное доверие повышает способности коллектива выполнять работу совместными усилиями, а более высокий уровень доверия обеспечивает полную удовлетворенность трудом и приверженность организации [Dirks K.T., 2000]. Создание высокоэффективных и продуктивных организаций, способных решать сложные и меняющиеся задачи, возможно в условиях высокого уровня сотрудничества между членами трудового коллектива. Активное и постоянное сотрудничество в коллективе может быть в условиях, где доверие — главная ценность корпоративной культуры. В доверительной атмосфере коллектива члены достаточно позитивно принимают критику в свой адрес, обсуждают собственные ошибки, открыто выражают свои мысли. Таким образом, доверие способствует организации коллективного поведения, что, в свою очередь, повышает эффективность и продуктивность работы организации.

Заключение

Проведенный обзор классических и современных исследований позволил обосновать высокое значение организационного доверия в обеспечении развития современных организаций и предприятий. Однако важной представляется эмпирическая проверка ключевых теоретических положений, обозначенных в литературе. Количественные и качественные исследовательские дизайны в социологии открывают широкие познавательные возможности в изучении основной исследовательской гипотезы, которая может быть сформулирована по результатам теоретического обзора: чем выше организационное доверие, тем эффективнее и продуктивнее развивается современная организация. Данная гипотеза может быть дополнена следствием: способность организаций достигать поставленных стратегических, тактических, оперативных целей, обеспечивать производительность труда, продуцировать инновации, поддерживать высокую мотивацию персонала и благоприятный социально-психологический климат обусловлена базовой характеристикой межличностных отношений — доверием между сотрудниками. Будущие исследования могут быть сосредоточены на эмпирической проверке выделенных гипотез, что внесет существенный вклад в дальнейшую концептуализацию феномена организационного доверия, а также позволит разработать организационные технологии формирования, поддержания и развития доверительных отношений как важного фактора устойчивого развития организаций в современном обществе.

Выражение признательности

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, грант № 20-011-00488.

Acknowledgements

The research was supported by the Russian Foundation for Basic Research, grant No. 20-011-00488.

References

- Adizes, I. (2014). *Managing Corporate Lifecycles: How Organizations Grow, Age And Die*. Mumbai: Embassy Books Publ., 460 p.
- Bijlsma, K. and Koopman, P. (2003). Introduction: trust within organizations. *Personnel Review*. Vol. 32, no. 5, pp. 543–555. DOI: <https://doi.org/10.1108/00483480310488324>

- Boon, S.D. and Holmes, J.G. (1991). The dynamics of interpersonal trust: resolving uncertainty in the face of risk. *Co-operation and Pro-social Behaviour*. ed. by R.A. Hinde, J. Groebel. Cambridge, MA: Cambridge University Press, pp. 190–211.
- Coleman, J.S. (1994). *Foundations of Social Theory*. Cambridge: Harvard University Press, 993 p.
- Colquitt, J.A., Brent, A., Scott, B.A. and LePine, J. (2007). Trust, trustworthiness, and trust propensity: A meta-analytic test of their unique relationships with risk taking and job performance. *Journal of Applied Psychology*. Vol. 92, iss. 4, pp. 909–927. DOI: <https://doi.org/10.1037/0021-9010.92.4.909>
- Cook, J. and Wall, T. (1980). New work attitude measures of trust, organizational commitment and personal need non-fulfilment. *Journal of Occupational Psychology*. Vol. 53, iss. 1, pp. 39–52. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.2044-8325.1980.tb00005.x>
- Costa, A.C. and Peiró, J.M. (2009). Trust and social capital in teams and organizations antecedents, dynamics, benefits and limitations: an introduction. *Social Science Information*. Vol. 48, iss. 2, pp. 131–141. DOI: <https://doi.org/10.1177/0539018409102402>
- Davis, J.H., Schoorman, F.D., Mayer, R.C. and Tan, H.H. (2000). The trusted general manager and business unit performance: Empirical evidence of a competitive advantage. *Strategic Management Journal*. Vol. 21, iss. 5, pp. 563–576. DOI: [https://doi.org/10.1002/\(sici\)1097-0266\(200005\)21:5<563::aid-smj99>3.0.co;2-0](https://doi.org/10.1002/(sici)1097-0266(200005)21:5<563::aid-smj99>3.0.co;2-0)
- Dirks, K.T. (2000). Trust in leadership and team performance: Evidence from NCAA basketball. *Journal of Applied Psychology*. Vol. 85, iss. 6, pp. 1004–1012. DOI: <https://doi.org/10.1037/0021-9010.85.6.1004>
- Ferres, N., Connell, J. and Travaglione, A. (2004). Co-worker Trust as a Social Catalyst for Constructive Employee Attitudes. *Journal of Managerial Psychology*. Vol. 19, iss. 6, pp. 608–622. DOI: <https://doi.org/10.1108/02683940410551516>
- Gilbert, J.A. and Tang, T.L. (1998). An examination of organizational trust antecedents. *Public Personnel Management*. Vol. 27, iss. 3, pp. 321–338. DOI: <https://doi.org/10.1177/009102609802700303>
- Kiffin-Petersen, S. and Cordery, J. (2003). Trust, individualism, and job characteristics as predictors of employee preference for teamwork. *The International Journal of Human Resource Management*. Vol. 14, iss. 1, pp. 93–116. DOI: <https://doi.org/10.1080/09585190210158538>
- Knoll, D.L. and Gill, H. (2011). Antecedents of Trust in Supervisors, Subordinates, and Peers. *Journal of Managerial Psychology*. Vol. 26, iss. 4, pp. 313–330. DOI: <https://doi.org/10.1108/02683941111124845>
- Krot, K. and Lewicka, D. (2012). The Importance of Trust in Manager-employee Relationships. *International Journal of Electronic Business Management*. Vol. 10, iss. 3, pp. 224–233.
- Luhman, N. (2000). Familiarity, Confidence, Trust: Problems and Alternatives. *Trust: Making and Breaking Cooperative Relations*, ed. by D. Gambetta. Oxford: University of Oxford Publ., pp. 94–107.
- Mayer, R.C., Davis, J.H. and Schoorman, F.D. (1995). An integrative model of organizational trust. *Academy of Management Review*. Vol. 20, no. 3, pp. 709–734. DOI: <https://doi.org/10.2307/258792>
- McAllister, D.J. (1995). Affect-and Cognition-Based Trust as Foundations for Interpersonal Cooperation in Organizations. *Academy of Management Journal*. Vol. 38, no. 1, pp. 24–59. DOI: <https://doi.org/10.2307/256727>
- Rousseau, D., Sitkin, S.B., Burt, R.S. and Camerer, C. (1998). Not So Different After All: A Cross-Discipline View Of Trust. *Academy of Management Review*. Vol. 23, no. 3, pp. 393–404. DOI: <https://doi.org/10.5465/amr.1998.926617>
- Schoorman, F.D., Mayer, R.C. and Davis, J.H. (2007). An integrative model of organizational trust: Past, present, and future. *Academy of Management Review*. Vol. 32, no. 2, pp. 344–354. DOI: <https://doi.org/10.5465/amr.2007.24348410>
- Simon, H.A. (1957). *Models of Man: Social and Rational*. N.Y.: John Wiley & Sons Publ., 287 p.
- Spencer, H. (1981). *The Man Versus the State, with Six Essays on Government, Society and Freedom*, ed. by E. Mack. Indianapolis: Liberty Classics Publ., 550 p.
- Sztompka, P. (1999). *Trust: A sociological theory*. Cambridge: Cambridge University Press, 214 p.
- Tremblay, M., Cloutier, J., Simard, G., Chênevert, D. and Vandenberghe, C. (2010). The role of HRM practices, procedural justice, organizational support and trust in organizational commitment and in-role and extra-role performance. *The International Journal of Human Resource Management*. Vol. 21, iss. 3, pp. 405–433. DOI: <https://doi.org/10.1080/09585190903549056>
- Tschannen-Moran, M. and Hoy, W.K. (2000). A multidisciplinary analysis of the nature, meaning, and measurement of trust. *Review of Educational Research*. Vol. 70, iss. 4, pp. 547–593. DOI: <https://doi.org/10.3102/00346543070004547>

Tyler, T.R. and Kramer, R.M. (1996). Wither Trust? *Trust in Organizations: Frontiers of Theory and Research*. Thousand Oaks, CA: Sage Publ., pp. 1–15. DOI: <https://doi.org/10.4135/9781452243610.n1>

Yamagishi, T., Kikuchi, M. and Kosugi, M. (1999). Trust, gullibility, and social intelligence. *Asian Journal of Social Psychology*. Vol. 2, iss. 1, pp. 145–161. DOI: <https://doi.org/10.1111/1467-839x.00030>

Zand, D.E. (1972). Trust and Managerial Problem Solving. *Administrative Science Quarterly*. Vol. 17, no. 2, pp. 229–239. DOI: <https://doi.org/10.2307/2393957>

Получена/Received: 31.10.2021. Принята к публикации/
Accepted: 01.12.2021

Об авторах

Гордеева Светлана Сергеевна
кандидат социологических наук,
доцент кафедры социологии

Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: ssgordeyeva@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5309-8318>
ResearcherID: AAJ-6327-2021

Маркова Юлия Сергеевна
кандидат социологических наук,
доцент кафедры социологии

Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: julyamarkova@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6271-9403>
ResearcherID: ABG-6689-2021

About the authors

Svetlana S. Gordeyeva
Candidate of Sociology, Associate Professor
of the Department of Sociology

Perm State University,
15, Bukirev st., Perm, 614990, Russia;
e-mail: ssgordeyeva@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5309-8318>
ResearcherID: AAJ-6327-2021

Yulia S. Markova
Candidate of Sociology, Associate Professor
of the Department of Sociology

Perm State University,
15, Bukirev st., Perm, 614990, Russia;
e-mail: julyamarkova@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6271-9403>
ResearcherID: ABG-6689-2021

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Гордеева С.С., Маркова Ю.С. Роль организационного доверия в обеспечении эффективности и продуктивности деятельности современной организации (опыт зарубежных исследований) // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2021. Вып. 4. С. 654–661. DOI: 10.17072/2078-7898/2021-4-654-661

For citation:

Gordeyeva S.S., Markova Yu.S. [The role of organizational trust in ensuring the efficiency and productivity of the activities of a modern organization (experience of foreign research)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psihologiya. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2021, issue 4, pp. 654–661 (in Russian). DOI: 10.17072/2078-7898/2021-4-654-661

УДК 316.628.2+159.947.5

DOI: 10.17072/2078-7898/2021-4-662-672

МОТИВАЦИЯ СТУДЕНТОВ К ВЫПОЛНЕНИЮ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ РАБОТЫ И ЕЕ СВЯЗЬ С УСТАНОВКОЙ НА ПОСТРОЕНИЕ АКАДЕМИЧЕСКОЙ КАРЬЕРЫ В ВУЗЕ

Лапин Павел Михайлович, Балезина Екатерина Андреевна

Пермский государственный национальный исследовательский университет (Пермь)

Предъявляемые требования к выпускникам вузов содержат в том числе наличие навыков научно-исследовательской работы, что предполагает включение в учебные программы такого вида деятельности. НИР студентов входит как в обязательные виды работ, так и выполняемые по желанию самого студента (сверх учебного плана), последние связаны с высоким уровнем мотивации студента. Цель авторов статьи — проанализировать структуру мотивации студентов к выполнению научно-исследовательской работы в вузе и выявить ее связь с установкой молодых людей на построение академической карьеры в вузе после окончания обучения. Методология исследования основана на модели эталонных переменных Т. Парсонса, которая позволяет на теоретическом уровне описать мотивацию студентов к выполнению научно-исследовательской работы в вузе. Некоторые из выделенных теоретических положений (аффективная нейтральность, ориентация на себя) были проверены с помощью эмпирического материала, собранного посредством опроса студентов пермских национальных исследовательских университетов (ПГНИУ, ПНИПУ, НИУ ВШЭ – Пермь). С опорой на идеи Т.В. Разиной и других исследователей мотивации была разработана и апробирована методика выявления структуры мотивации студентов к выполнению научно-исследовательской работы в вузе. Выявлены наиболее ярко выраженные мотивы опрошенных студентов: во-первых, выполнение научно-исследовательской работы способствует саморазвитию в широком смысле, во-вторых, этот процесс представляет для них интерес. Кластерный анализ позволил классифицировать респондентов на 4 группы исходя из специфики их мотивации к выполнению научно-исследовательской работы в вузе: «стратеги», «увлеченные», «ведомые», «случайные». Была обнаружена связь между спецификой мотивации студентов и их установкой на построение академической карьеры в вузе после окончания обучения. Благодаря этому была выявлена и описана группа студентов, которые в большей степени настроены посвятить себя в будущем научно-исследовательской деятельности. Для научных руководителей и управляющего персонала вузов был предложен ряд рекомендаций, которые могут быть полезны при выстраивании кадровой политики вуза.

Ключевые слова: научно-исследовательская работа студентов, мотивация, академическая карьера, национальный исследовательский университет.

STUDENTS' MOTIVATION FOR PERFORMING RESEARCH WORK AND ITS RELATIONSHIP WITH THEIR ORIENTATION TOWARD BUILDING AN ACADEMIC CAREER AT UNIVERSITY

Pavel M. Lapin, Ekaterina A. Balezina

Perm State University (Perm)

The requirements for university graduates include the possession of research skills, which implies the inclusion of this type of activity in the curriculum. Research work of students is included in both compulsory types of work and those performed at will of the student himself (over and above the curriculum), the latter being associated with a high level of students' motivation. The article aims to analyze the structure of stu-

dents' motivation for carrying out research work at university and to identify its connection with the orientation of young people to building an academic career at university after graduation. The methodology is based on Talcott Parsons' model of reference variables. It allowed us to describe the motivation of students at the theoretical level. Some of the selected theoretical positions (affective neutrality, self-orientation) were tested using empirical material collected through a survey of students of Perm national research universities (Perm State University, Perm National Research Politechnic University, Higher School of Economics – Perm). Based on the ideas of T.V. Razina and other researchers of motivation, we developed and tested a methodology for identifying the structure of students' motivation to conducting research work at university. The following were identified as the most pronounced motives of the interviewed students: firstly, they carry out research work for self-development in the broad sense of the word; secondly, the process itself provides them with interest. Cluster analysis made it possible to classify respondents into 4 groups, based on the specifics of their motivation: strategists, enthusiasts, dependents, and and random people. A connection was revealed between the specifics of students' motivation and their determination to build an academic career at university after graduation. As a result, we were able to identify and describe the group of students who are more determined to devote themselves to research work in the future. The paper proposes a number of recommendations for scientific supervisors and managing personnel of universities, which can be helpful in building the personnel policy of universities.

Keywords: student research work, motivation, academic career, national research university.

Введение

В условиях современного типа экономики, основанного на разработке инноваций, необходимо обратить внимание на повышение качества подготовки студентов, получающих высшее образование [Постановление Правительства..., 2013, с. 5]. Выпускники вузов должны обладать широким рядом компетенций: способностью анализировать социально значимые проблемы, находить эффективные управленческие решения, предоставлять экспертные заключения и т.д. [Приказ..., 2015, с. 8]. Благодаря научно-исследовательской работе (НИР) есть возможность прививать молодым людям данные компетенции и повышать тем самым их конкурентоспособность и профессионализм [Алексеева А.В., Пестина И.В., 2014, с. 140]. Научно-исследовательская работа студентов (НИРС) представляет собой целый комплекс мероприятий, направленных на освоение студентами в процессе обучения по учебным планам (обязательно для студентов) и сверх учебного плана (то, что выполняется студентами по желанию) методов, приемов и навыков выполнения научного анализа, проведения эмпирических исследований, представления их результатов научному сообществу. Для реализации НИРС необходим высокий уровень мотивации студентов, который способен обеспечить более интенсивное и качественное выполнение научно-исследовательской работы. Между тем результаты исследований вскрывают неготовность и низкий уровень мотивации студентов к занятиям науч-

но-исследовательской работой [Житников А.Д., 2011; Матерова А.В., 2012], свидетельствуют о том, что после окончания обучения в вузе только 0,5 % молодых людей связывают свою профессиональную деятельность с научной сферой [Осипов Г.В., Савинков В.И., 2014, с. 10]. Исходя из этого, можно говорить о том, что такое положение способно замедлить процесс развития научной сферы.

Мотивацию студентов национальных исследовательских университетов (НИУ) целесообразно выделить как специфичный предмет изучения, т.к. высшие учебные заведения данной категории направлены на развитие российской науки, на создание и внедрение инновационных разработок в различные сферы общества [Назарова И.Б., 2011, с. 4] (медицину, науку, производство и т.д.). В рамках НИУ созданы особые условия для проведения научных исследований: высокая развитость материальной базы (современные лаборатории, новые версии программного обеспечения) и интенсивная циркуляция социального капитала (в рамках НИУ взаимодействуют высококвалифицированные научно-педагогические работники, талантливые студенты и приглашенные зарубежные исследователи) позволяют сформировать особый тип мотивации у студентов к выполнению НИР и поддерживать ее на высоком уровне.

Методология и методы исследования

В рамках данной работы под мотивацией студентов к выполнению НИР понимается совокупность движущих сил (мотивов), побуждаю-

щих студентов выполнять научно-исследовательскую работу [Мошкин А.С. и др., 2017, с. 90].

Сложно выделить теории, направленные на объяснение природы и сущности мотивации именно студентов как представителей особой социальной группы. Как правило, исследователи обращаются к какой-либо фундаментальной теории из области мотивации труда (рассматривая научно-исследовательскую работу как вид труда) и погружают ее в контекст своего исследования, внося нужные изменения и учитывая специфику объекта изучения (студентов). Например, Ю.В. Богданов активно работает в таком формате. Им была разработана «расширенная модель ожидания», которая позволяет увидеть взаимосвязь между выполнением работы (эта работа может носить научно-исследовательский характер в том числе) и полученным удовлетворением [Богданов Ю.В., 2013, с. 255]. Ученый предложил также еще несколько вариантов рассмотрения мотивации студентов к выполнению НИР через призму теоретических взглядов Дугласа МакГрегора: теорию «Х» и теорию «У» [Богданов Ю.В., 2013, с. 256]. К.В. Рочев по аналогии применил типологическую концепцию трудовой мотивации В.И. Герчикова для анализа мотивации студентов [Рочев К.В., 2014].

Воспользуемся той же логикой для обозначения некоторых теоретических положений. Применим модель дихотомических эталонных переменных Т. Парсонса для анализа мотивации студентов к выполнению НИР. Данная модель состоит из пяти пар переменных (факторов), которые определяют поведение индивида. Рассмотрим данные пары и обоснуем, какие переменные (факторы) будут релевантны для описания мотивации студентов к выполнению НИР.

1) **Аффективность – аффективная нейтральность** (индивид либо критически осмысливает ситуацию и анализирует различные альтернативы, либо действует импульсивно, в состоянии аффекта [Парсонс Т., 2000, с. 12]). Мы не можем сказать, что процессу выполнения НИР присущи импульсивные поступки, т.к. он практически всегда связан с целеполаганием, выбором соответствующих средств, рефлексией и обдумыванием вопросов по типу: «С какой целью я занимаюсь НИР? О чем написать научную статью? Где взять нужный эмпирический материал? В каком журнале опубликовать свою ра-

боту? Как выстроить свое выступление на конференции?». Отвечая самому себе (или научному руководителю) на данные вопросы, студент руководствуется рациональными соображениями. Следовательно, при выполнении НИР студенту присущ принцип **аффективной нейтральности**.

2) **Ориентация на себя – ориентация на коллектив** (индивид действует в собственных интересах либо ориентируется на групповые цели [Парсонс Т., 2000, с. 12]). Чисто теоретически студент может выполнять НИР ради коллективных интересов, например, для повышения статуса университета или кафедры. Но результаты эмпирических исследований [Анжаурова И.Г. и др., 2006; Реутов Е.В., Колпина Л.В., 2012; Галиуллина Ф.Ш., 2011] показывают, что НИР направлена на достижение личных целей: получение диплома, углубление знаний, самореализацию и т.д. Таким образом, при выполнении НИР студент **ориентируется на себя**.

3) **Универсализм – партикуляризм** (индивид оценивает результаты деятельности других людей по объективным критериям либо руководствуется личными соображениями, внося значительную долю субъективности [Парсонс Т., 2000, с. 13]). Принятая в научном сообществе норма — проводить объективный анализ нашего мира, в т.ч. людей, пытаясь по максимуму отстраниться от собственных ценностей и убеждений. Слушая выступления коллег на научных конференциях или читая их статьи, студенты стараются оценить их научный вклад, качество собранных данных, обоснованность выбранной методологии и т.д. Таким образом, при занятии НИР студенты руководствуются принципом **универсализма**.

4) **Качества – деятельность** (индивид оценивает других акторов, исходя из их качеств и характеристик, либо анализируя результаты их деятельности [Парсонс Т., 2000, с. 13]). В рамках научного сообщества на первый план выходят результаты научно-исследовательской деятельности индивида, а не его характер, цвет кожи или гендерная идентичность. Таким образом, при выполнении НИР студент руководствуется принципом **деятельности**.

5) **Специфичность – диффузность** (в рамках социальной интеракции сфера обязательств индивида ограничивается заранее, либо он берет на себя множество разноплановых обязанностей [Парсонс Т., 2000, с. 13]). При выполнении НИР

студент руководствуется принципом **специфичности**, т.к. ориентируется только на выполнение конкретной задачи, которая не включает в себя других сфер его жизни.

Изложенная выше теоретическая модель свидетельствует о том, что студенты при выполнении НИР руководствуются пятью принципами: аффективной нейтральностью, ориентацией на себя, универсализмом, специфичностью и принципом деятельности. Первые два положения (принцип аффективной нейтральности и ориентации на себя) были проверены на эмпирическом материале. Для этого была разработана классификация мотивов студентов к выполнению НИР. В основу классификации лег метасистемный подход Т.В. Разиной [Разина Т.В., 2012], который был дополнен идеями других авторов, имеющих опыт проведения эмпирических исследований по тематике мотивации студентов [Афанасенкова Е.Л., 2017; Матерова А.В., 2012; Пономаренко А.А., Ченобытов В.А., 2013; Тенькова В.А., 2015]. В итоге было выделено 8 мотивов студентов к выполнению научно-исследовательской работы:

1) **Социальный:** студент выполняет НИР, т.к. ставит перед собой цель самоутвердиться, добиться славы и популярности. Молодые люди принимают активные усилия для повышения социального статуса, поэтому успешные результаты в научной сфере могут повысить авторитет студента среди однокурсников, друзей и знакомых, а также повысить самооценку.

2) **Коммуникативный:** студент выполняет НИР, т.к. ставит перед собой цель интенсифицировать коммуникации с другими студентами, преподавателями и учеными. Данный мотив важен с точки зрения увеличения количества и качества социальных связей: студент может заниматься наукой, чтобы заводить новые знакомства, т.е. наращивать социальный капитал, а также взаимодействовать с преподавателями в рамках новых социальных контекстов (их паттерны поведения на консультациях или конференциях могут отличаться от тех, которыми они руководствуются во время лекционных и семинарских занятий).

3) **Вынужденный:** студент выполняет НИР под влиянием преподавателей. Данный мотив также актуален, т.к. студент не всегда осознанно принимает решение о занятии наукой, иногда ключевую роль играет внешнее принуждение. Влияние в данном случае имеет скорее негатив-

ный характер, потому что студент вовлекается в НИР неосознанно и в дальнейшем не рефлексировать по поводу своей деятельности.

4) **Ситуативный:** студент выполняет НИР из-за того, что наука в данный момент находится в моде. Для молодых людей характерна нестабильная система ценностей, они могут быстро формировать новые или менять старые, казалось бы, стабильные, установки. По мнению Т.В. Разиной, установка студентов на занятие наукой может сформироваться под влиянием новых научных открытий, быстрых темпов роста некоторых отраслей науки, их финансирования и моды на занятие научными исследованиями [Разина Т.В., 2012, с. 168].

5) **Ценностный:** студент выполняет НИР, потому что это представляет для него интерес. В данном случае акцент делается на сам процесс выполнения научных исследований, а не на их результат. Кроме того, ценностный мотив предполагает наиболее осознанный подход к выполнению НИР: студент рефлексировать по поводу своих интересов и ценностей, понимает, почему он занимается научными исследованиями.

6) **Личностный:** студент выполняет НИР из-за желания наращивать свой человеческий капитал. Данный мотив является достаточно широким, здесь имеет место также повышение общего уровня развития, эрудиции. Научно-исследовательская сфера выступает как источник универсальных знаний и навыков. Например, критическое мышление и навыки формулирования мыслей могут пригодиться студенту во многих социальных контекстах.

7) **Профессиональный:** студент выполняет НИР из-за желания глубже освоить профессиональные знания, повысить возможность устроиться на высокооплачиваемую и престижную работу. Данный мотив актуален для тех молодых людей, кто планирует строить профессиональную карьеру в рамках своей специализации. В отличие от личностного мотива, в котором упор делается на широкие навыки, профессиональный мотив направлен на углубление знаний, акцентирует развитие узких компетенций.

8) **Формально-академический:** студент выполняет НИР из-за желания иметь хорошую успеваемость и получить диплом. Данный мотив имеет место быть, т.к. зачастую результаты НИР играют важную роль при защите курсовых и дипломных работ: опубликованные статьи и выступления на конференциях могут поощряться

«автоматами» на зачетах и экзаменах, дополнительными баллами и неформальными поощрениями со стороны преподавателей. Все это помогает студенту иметь хорошую успеваемость и успешно закончить обучение в университете, получив диплом.

Цель статьи — охарактеризовать мотивацию студентов к выполнению научно-исследовательской работы и выявить, как она связана с их установкой на построение академической карьеры в своем вузе.

Эмпирическую базу исследования составили 287 студентов, обучающихся в пермских национальных исследовательских университетах (НИУ): ПГНИУ, ПНИПУ, НИУ ВШЭ – Пермь по программе бакалавриата на 2–4 курсах. Из них 199 имеют опыт выполнения научно-исследовательской работы¹. Структура выборочной совокупности отражена в табл. 1.

Исследование проводилось в мае 2020 г., сбор данных осуществлялся с помощью онлайн-анкетирования. Выбор метода сбора данных был обусловлен пандемией коронавируса и введенным режимом самоизоляции в Пермском крае. Отбор респондентов производился методом доступных случаев.

Результаты исследования

На основе применения описанной выше классификации мотивов студентов нами была выявлена структура их мотивации (см. рис. 1). Оказалось, что опрошенные студенты выполняют НИР в первую очередь потому, что это помогает им развиваться и представляет интерес (значения индекса проявления мотива² — 0,41 и 0,37

¹ Под опытом выполнения НИР мы подразумеваем наличие у студента опыта выполнения хотя бы одного из следующих видов работ:

- участие в конференции в качестве докладчика;
- участие в научных кружках, группах;
- написание статьи, тезисов без публикации;
- публикация статьи в научном журнале (индивидуально либо в соавторстве).

² Студентам, которые имеют опыт выполнения НИР, предлагалось оценить по 5-балльной шкале свою степень согласия с суждениями типа «Я занимаюсь научно-исследовательской работой, чтобы...» (1 из 8 мотивов из списка). Для выявления силы проявления каждого мотива мы рассчитали индекс по формуле $I = (n^5 + 0,5n^4 - 0,5n^2 - n^1) / n$, где $n5$ — количество респондентов, выбравших вариант ответа «полностью согласен»; $n4$ — количество респондентов, выбравших вариант ответа «скорее согласен»; $n2$ — количество респондентов, выбравших вариант ответа «скорее не согласен»; $n1$ — количество респондентов,

соответственно). Получение диплома и углубление своих знаний для успешного трудоустройства в будущем также являются значимыми мотивами (значения индекса 0,25 и 0,17). Остальные 4 мотива играют менее важную роль в структуре мотивации студентов, об этом говорят их отрицательные значения индексов. Однако среди последних четырех выделяется коммуникативный мотив (значение -0,25), т.е. общение со сверстниками и преподавателями имеет не самое низкое значение.

Далее с помощью кластерного анализа мы разделили респондентов на 4 группы, исходя из специфики их мотивации к выполнению НИР (см. табл. 2).

«Случайные исследователи» 1–2 раза выполнили научно-исследовательскую работу, но не смогли сказать с какой целью: у таких студентов ни один индекс, отражающий силу проявления мотива, не имеет положительного значения. Получается, что они не рефлексируют по поводу своей деятельности, не актуализируют причин своего занятия НИР.

У «ведомых» студентов выражено большинство мотивов: личностный (0,26), ценностный (0,26), формально-академический (0,5), профессиональный (0,28), в том числе и вынужденный (значение индекса 0,38). То есть у них уже сформирована мотивация, они понимают, с какой целью выполняют НИР, но, тем не менее, давление со стороны преподавателя до сих пор актуально как некий дополнительный импульс. Отметим, что максимальную силу проявления имеет формально-академический мотив, т.е. «ведомые» студенты выполняют НИР в первую очередь для успешной учебы и получения диплома. Зачастую именно научный руководитель активно пытается вовлечь своих подопечных в процесс выполнения научно-исследовательской работы. Принимая его предложение о написании научной статьи или выступлении с докладом на конференции, «ведомый» студент таким образом улучшает качество социальной связи с научным руководителем и повышает шансы на успешное написание и защиту выпускной квалификационной работы.

выбравших вариант ответа «полностью не согласен»; n — общее число наблюдений в выборке/подвыборке. Индекс может принимать значения от -1 (соответствует минимальной силе проявления мотива) до 1 (соответствует максимальной силе проявления мотива).

Таблица 1. Структура выборочной совокупности
Table 1. Sample structure

Показатель	ПГНИУ		ПНИПУ		НИУ ВШЭ – Пермь		Всего	
	чел.	доля в выборке, %	чел.	доля в выборке, %	чел.	доля в выборке, %	чел.	доля в выборке, %
Мужчины	36	12	56	20	34	12	126	44
Женщины	64	22	44	15	53	19	161	56
2 курс	24	8	41	14	42	15	107	37
3 курс	46	16	24	8	29	10	99	35
4 курс	30	11	35	12	16	6	81	28
Всего	100	35	100	35	87	30	287	100

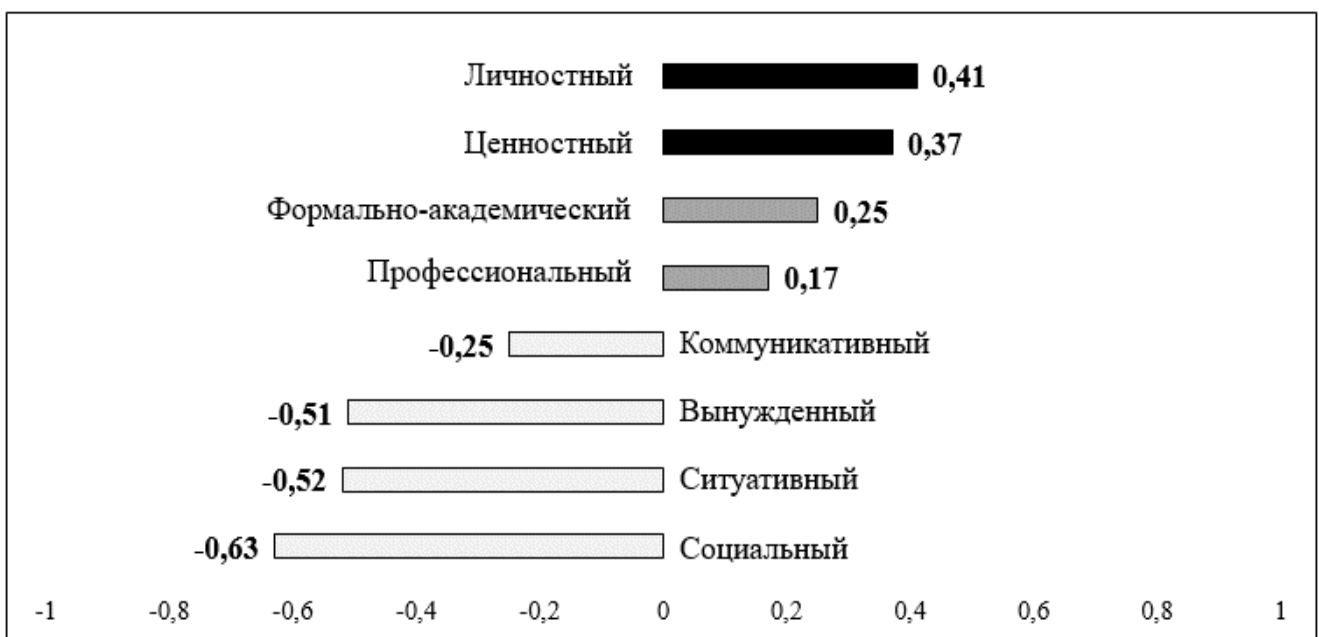

Рис. 1. Сила проявления мотивов студентов к выполнению НИР (средние значения индекса проявления мотива среди тех, кто имеет опыт выполнения НИР, n = 199)

Fig. 1. The strength of the manifestation of students' motives to perform research work (average values of the index of the manifestation of motive among those who have experience in performing research work, n = 199)

«Увлеченные» студенты выполняют НИР, потому что это интересно и благоприятно влияет на саморазвитие, поэтому в их структуре мотивации личностный и ценностный мотивы имеют наибольшую силу проявления (значения индекса 0,61 и 0,63).

«Стратеги», по аналогии с «увлеченными» студентами, имеют достаточно сильно выраженные личностный и ценностный мотивы, однако структуру мотивации дополняют формально-академический (значение индекса 0,73)

и профессиональный (значение индекса 0,8) мотивы. Это значит, что структура их мотивации выстроена с учетом долгосрочной перспективы: они выполняют НИР для того, чтобы успешно закончить обучение, получить диплом и успешно трудоустроиться. Кроме этого, «стратеги» заинтересованы в наращивании социального капитала в рамках выполнения научно-исследовательской работы: об этом говорит положительное значение индекса проявления коммуникативного мотива (0,33).

Таблица 2. Выделенные в результате кластеризации группы студентов (по значению индекса проявления мотива)

Table 2. Groups of students allocated as a result of clustering (values of the index of manifestation of motive)

Мотив	Группа			
	Случайные исследователи (n = 26)	Ведомые (n = 34)	Увлеченные (n = 40)	«Стратеги» (n = 49)
Личностный	-0,75	0,26	0,61	0,89
Ценностный	-0,90	0,26	0,63	0,80
Формально-академический	-0,65	0,50	-0,08	0,73
Профессиональный	-0,88	0,28	-0,09	0,80
Коммуникативный	-0,88	-0,25	-0,34	0,33
Ситуативный	-0,87	-0,31	-0,79	0,04
Социальный	-0,87	-0,46	-0,74	-0,27
Вынужденный	-0,25	0,38	-0,79	-0,82

В рамках исследования был сделан еще один важный вывод: мотивы студентов связаны с их установкой на построение академической карьеры в вузе. Так, *ценностный, ситуативный, формально-академический, личностный, коммуникативный и профессиональный* мотивы имеют положительную связь. Это значит, что студенты, у которых в структуре мотивации к выполнению НИР ярко выражены данные мотивы, имеют положительную установку на построение академической карьеры в вузе. С вы-

нужденным мотивом ситуация обратная: чем сильнее он проявлен, тем негативнее установка на построение академической карьеры. Студенты, столкнувшиеся с принуждением со стороны преподавателя, могли сформировать негативное представление об академической карьере. Например, могли предположить, что в обязанности преподавателя входит оказание давления на студента для повышения его активности в рамках НИР.

Таблица 3. Корреляция силы проявления мотивов студента к выполнению научно-исследовательской работы с установкой на построение академической карьеры в вузе

Table 3. The relationship between the strength of the manifestation of student's motives to carry out research work with the attitude towards building an academic career at a university

Мотив	Теснота связи с установкой на построение академической карьеры ³ (значения r Спирмена)
Вынужденный	-0,19, p < 0,05
Ценностный	0,16, p < 0,05
Ситуативный	0,19, p < 0,05
Формально-академический	0,2, p < 0,05
Личностный	0,21, p < 0,01
Коммуникативный	0,23, p < 0,01
Профессиональный	0,33, p < 0,001

Исходя из вышперечисленного, студентам-стратегам (у них ярко выражен формально-академический и профессиональный мотивы) присуща самая высокая установка на построение академической карьеры в вузе (см. рис. 2):

из них половина приняла бы предложение о работе в вузе после окончания обучения, причем 16 % абсолютно уверены в этом (т.е. выбрали вариант ответа «определенно да»). Далее идут «увлеченные студенты» (ярко выражен личностный и ценностный мотивы), из них каждый третий имеет положительную установку на построение академической карьеры. На третьем месте находится группа студентов, которую мы обозначили как «ведомые» (наряду с другими мотивами у них выделяется вынужденный). Из

³ Установка студента на построение академической карьеры измерялась с помощью вопроса «Если вам предложат работать в вашем вузе после окончания обучения, вы согласитесь?» (1 — определенно нет, 2 — скорее нет, 3 — скорее да, 4 — определенно да).

них 29 % приняли бы предложение о работе в вузе после окончания обучения. Самую низкую установку имеют «случайные исследователи» (у них не выражен ни один мотив), 27 % имеют положительную установку на построение ака-

демической карьеры, но при этом половина абсолютно уверена в том, что они откажутся от работы в вузе, если поступит предложение такого рода.

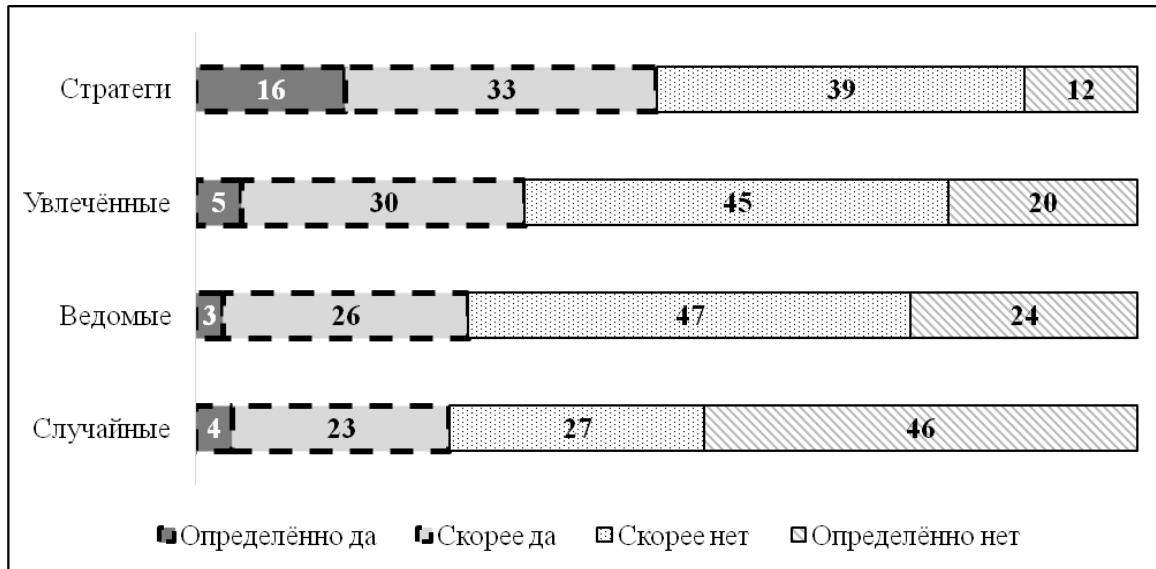

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос: «Если вам предложат работать в вашем вузе после окончания обучения, вы согласитесь?» (% внутри группы)

Fig. 2. Distribution of answers to the question: «If you are offered to work at your university after graduation, will you agree?» (% within the group)

Выводы

Полученные нами эмпирические данные позволяют подтвердить следующие теоретические положения: во-первых, опрошенные студенты руководствуются **принципом аффективной нейтральности** при выполнении НИР, т.к. воспринимают научно-исследовательскую работу в качестве средства достижения некоторой цели и действуют рационально. Это отразили относительно высокие значения личностного, формально-академического и профессионального мотивов. Исключение составляют студенты, которые выполняют НИР только ради самого процесса, а не цели (т.е. руководствуются ценностным мотивом). Теоретически это возможно, однако в выборку нашего исследования такие студенты не попали. Ценностный мотив всегда дополнялся рядом других (например, личностным для группы «увлеченные»). Кроме того, ситуативный мотив имеет отрицательные значения индекса: это означает, что внешние обстоятельства (например, мода на науку) не способны вы-

нудить студентов действовать спонтанно. Во-вторых, респонденты **ориентируются на себя** при выполнении НИР, т.к. практически все мотивы в конечном итоге «несут» какую-либо выгоду для индивида: личностный рост, получение диплома, успешное трудоустройство, наращивание социального капитала.

Было выявлено, что в структуре мотивации опрошенных студентов из НИУ Пермского края доминируют *личностный, ценностный, формально-академический* и *профессиональный* мотивы. Иными словами, чаще всего молодые люди выполняют научно-исследовательскую работу по следующему ряду причин: 1) саморазвиваться в широком смысле этого слова; 2) получить удовлетворение от процесса; 3) иметь хорошую успеваемость и успешно закончить обучение; 4) углубить свои профессиональные компетенции для дальнейшего трудоустройства.

Однако нельзя сказать, что перечисленная выше структура мотивации характерна для всех студентов. Исходя из доминирующих мотивов, мы выделили 4 группы студентов. «Студенты-

стратегии» продемонстрировали самую высокую установку на построение академической карьеры в своем вузе после окончания обучения. Таким образом, в рамках реализации кадровой политики вуза важно обращать внимание на мотивацию студентов к выполнению научно-исследовательской работы.

У научных руководителей есть возможность выявлять молодых людей со специфическим типом мотивации (тех, кого мы обозначили как «стратегии»), получая информацию в рамках общения со студентом на консультациях, либо используя описанный выше инструментарий. Если молодого человека действительно интересует научно-исследовательская или преподавательская деятельность в вузе, можно заранее начинать взаимодействие с ним по этим вопросам: больше информировать о специфике академической карьеры и при необходимости начинать подготовку к ней.

Администрация вуза, в свою очередь, способна организовывать конкурсы и программы, направленные на привлечение внимания студентов к научно-исследовательской траектории профессионального развития. Например, НИУ ВШЭ реализует проект «Учебный ассистент» [Положение о реализации проекта..., 2016, с. 5], который позволяет студентам и аспирантам попробовать себя в роли помощника преподавателя, взяв на себя часть рутинных задач, связанных с чтением учебного курса. Мы считаем, что подобного рода проекты в первую очередь иницируют высокомотивированных «студентов-стратегов». Такие программы способствуют выявлению талантливых и способных студентов и аспирантов и вовлечению их в педагогическую и научно-исследовательскую деятельность в университете. В заключение еще раз подчеркнем, что изучение мотивации студентов к выполнению научно-исследовательской работы представляет ценность для администрации вуза при выстраивании его кадровой политики — при расчете кадрового потенциала и формировании кадрового резерва из числа студентов.

Список литературы

Алексеева А.В., Пестина И.В. Формирование компетенций студентов вуза средствами научно-исследовательской деятельности // Известия Московского государственного технического университета МАМИ. 2014. Т. 5, № 3(21). С. 139–144.

Анжаурова И.Г., Кузнецова Л.А., Соловьева О.А. Мотивация студентов к научно-исследовательской деятельности // Вестник Челябинского государственного университета. 2006. № 4. С. 7–10.

Афанасенкова Е.Л. Различия в учебной мотивации студентов I и IV курсов гуманитарных направлений подготовки // Педагогическое образование в России. 2017. № 10. С. 72–80. DOI: <https://doi.org/10.26170/ro17-10-11>

Богданов Ю.В. Мотивация студента к обучению: теория и практика // Terra Economicus. 2013. Т. 11, № 4, ч. 3. С. 253–257.

Галуллина Ф.Ш. Научно-исследовательская деятельность студентов как фактор формирования профессиональной компетентности // Филология и культура. 2011. № 3(25). С. 235–239.

Житников А.Д. Готовность студентов к научно-исследовательской работе в вузе // Молодежь и наука: сб. материалов VII Всеросс. науч.-техн. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых, посвящ. 50-летию первого полета человека в космос. Красноярск: Сибирский федеральный ун-т, 2011. URL: <http://conf.sfu-kras.ru/sites/mn2011/section10.html> (дата обращения: 16.08.2021).

Матерова А.В. Мотивация научно-исследовательской деятельности студентов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2012. № 1. С. 132–137.

Мошкин А.С., Колесников А.В., Кох Н.Е. Мотивация учебной деятельности студентов // Научные и образовательные проблемы гражданской защиты. 2017. № 1(32). С. 90–96.

Назарова И.Б. Кадровые стратегии российских вузов-лидеров: планы и реализация. М., 2011. 80 с.

Осипов Г.В., Савинков В.И. Динамика аспирантуры и перспективы до 2030 года: статистический и социологический анализ. М.: ЦСПиМ, 2014. 152 с.

Парсонс Т. О структуре социального действия. М.: Академ. проект, 2000. 880 с.

Положение о реализации проекта «Учебный ассистент» / НИУ ВШЭ. 2016. URL: <https://www.hse.ru/data/2016/06/21/1117387326/185554019%5B1%5D.html> (дата обращения: 15.08.2021).

Пономаренко А.А., Ченобытов В.А. Теоретические основы исследования учебной мотивации студентов // Молодой ученый. 2013. № 1. С. 356–358.

Постановление Правительства РФ от 21.05.2013 N 424 (ред. от 23.10.2014) «О федераль-

ной целевой программе “Научные и научно-педагогические кадры инновационной России” на 2014–2020 годы и внесении изменений в федеральную целевую программу “Научные и научно-педагогические кадры инновационной России” на 2009–2013 годы». URL:

<https://base.garant.ru/70384512/> (дата обращения: 20.08.2021).

Приказ от 12.11.2015 N 1328 «Об утверждении ФГОС ВО по направлению подготовки 39.03.01. Социология (уровень бакалавриата)». URL: <http://fgosvo.ru/news/1/1506> (дата обращения: 30.07.2021).

Рафина Т.В. Метасистемный подход к исследованию мотивации научной деятельности // Вестник Сыктывкарского университета. Серия гуманитарных наук. 2012. № 1. С. 155–169.

Реутов Е.В., Колтина Л.В. Формирование у студентов вузов мотивации к научно-исследовательской деятельности // Среднерусский вестник общественных наук. 2012. № 4(1). С. 59–64.

Рочев К.В. Типологический анализ мотивации студентов // Высшее образование в России. 2014. № 2. С. 113–118.

Тенькова В.А. Особенности учебной мотивации студентов // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Проблемы высшего образования. 2015. № 4. С. 87–90.

Получена: 01.09.2021. Принята к публикации: 14.11.2021

References

Afanasenkova, E.L. (2017). [Differences in the educational motivation of students of I and IV courses in the humanitarian areas of studying]. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii* [Pedagogical Education in Russia]. No. 10, pp. 72–80. DOI:

<https://doi.org/10.26170/po17-10-11>

Alekseeva, A.V. and Pestina, I.V. (2014). [Formation of competencies of university students by means of research activities]. *Izvestiya Moskovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta MAMI* [Izvestiya MGTU MAMI]. Vol. 5, no. 3(21), pp. 139–144.

Anzhaurova, I.G., Kuznetsova, L.A. and Solov'eva, O.A. (2006). [Motivation of students for research activities]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University]. No. 4, pp. 7–10.

Bogdanov, Y.V. (2013). [Student motivation for learning: theory and practice]. *Terra Economicus*. Vol. 11, no. 4, pt. 3, pp. 253–257.

Galliulina, F.S. (2011). [Research activities of students as a factor in the formation of professional competence]. *Filologiya i kul'tura* [Philology and culture]. No. 3(25), pp. 235–239.

Materova, A.V. (2012). [Motivation of students research activities]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Psikhologiya i pedagogika* [RUDN Journal of Psychology and Pedagogics]. No. 1, pp. 132–137.

Moshkin, A.S., Kolesnikov, A.V. and Kokh, N.E. (2017). [Motivation of student learning activities]. *Nauchnye i obrazovatel'nye problemy grazhdanskoj zaschity* [Scientific and Educational Problems of Civil Protection]. No. 1(32), pp. 90–96.

Nazarova, I.B. (2011). *Kadrovye strategii rossijskikh vuzov-liderov: plany i realizatsiya* [Personnel strategies of leading Russian universities: plans and implementation]. Moscow, 80 p.

Osipov, G.V. and Savinkov, V.I. (2014). *Dinamika aspirantury i perspektivy do 2030 goda: statisticheskiy i sotsiologicheskij analiz* [Dynamics of graduate studies and prospects until 2030: Statistical and sociological analysis]. Moscow: Centre for Social Forecasting and Marketing Publ., 152 p.

Parsons, T. (2000). *O strukture sotsial'nogo deystviya* [The structure of social action]. Moscow: Akademicheskij Proekt Publ., 880 p.

Polozhenie o realizatsii proekta «Uchebnyy assistent» [Regulations on the implementation of the «Training Assistant» project] (2016). Higher School of Economics. Available at: <https://www.hse.ru/data/2016/06/21/1117387326/185554019%5B1%5D.html> (accessed 15.08.2021).

Ponomarenko, A.A. and Chenobytov, V.A. (2013). [Theoretical foundations of the study of educational motivation of students]. *Molodoy uchenyy* [Young Scientist]. No. 1, pp. 356–358.

Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 21.05.2013 N 424 (red. ot 23.10.2014) «O federal'noy tselevoy programme “Nauchnye i nauchno-pedagogicheskie kadry innovatsionnoy Rossii” na 2014–2020 gody i vnesenii izmeneniy v federal'nyu tselevuyu programmu “Nauchnye i nauchno-pedagogicheskie kadry innovatsionnoy Rossii” na 2009–2013 gody» [Decree of the Government of the Russian Federation of May 21, 2013 No. 424 (ed. October 23, 2014) «On the federal target program “Scientific and scientific-pedagogical personnel of innovative Russia” for 2014–2020 and amendments to the federal target program “Scientific and scientific-pedagogical personnel of innovative Russia” for 2009–2013»]. Available at:

<https://base.garant.ru/70384512/> (accessed 20.08.2021)

Prikaz ot 12.11.2015 N 1328 «Ob utverzhdenii FGOS VO po napravleniyu podgotovki 39.03.01. Sotsiologiya (uroven' bakalavriata)» [Order of Nov. 12, 2015 N 1328 «On the approval of the Federal State Educational Standard of Higher Education in the area 39.03.01. Sociology (bachelor degree)»]. Available at: <http://fgosvo.ru/news/1/1506> (accessed 30.07.2021).

Razina, T.V. (2012). [Metasystem approach to the study of the motivation of scientific activity]. *Vestnik Syktyvkar'skogo universiteta. Seriya gumanitarnykh nauk* [Syktyvkar University Bulletin. Humanities Series]. No. 1, pp. 155–169.

Reutov, E.V. and Kolpina, L.V. (2012). [Formation of motivation among university students for research activities]. *Srednerusskiy vestnik obschestvennykh nauk* [Central Russian Journal of Social Sciences]. No. 4(1), pp. 59–64.

Rochev, K.V. (2014). [Typological analysis of student motivation]. *Vysshее obrazovanie v Rossii* [Higher Education in Russia]. No. 2, pp. 113–118.

Ten'kova, V.A. (2015). [Features of educational motivation of students]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Problemy vysshego obrazovaniya* [Proceedings of Voronezh State University. Series: Problems of Higher Education]. No. 4, pp. 87–90.

Zhitnikov, A.D. (2011). [Students readiness for research work at the university]. *Molodezh' i nauka: Sbornik materialov VII Vserossiyskoy nauchno-tekhnicheskoy konferentsii studentov, aspirantov i molodykh uchenykh, posvyaschennoy 50-letiyu pervogo poleta cheloveka v kosmos* [Youth and Science: Collection of materials of the 7th All-Russian Scientific and Technical Conference of Students, Postgraduates and Young Scientists, dedicated to the 50th anniversary of the first manned flight into space]. Krasnoyarsk: SFU Publ. Available at: <http://conf.sfu-kras.ru/sites/mn2011/section10.html> (accessed 16.08.2021).

Received: 01.09.2021. Accepted: 14.11.2021

Об авторах

Лалин Павел Михайлович

магистрант направления «Социология управления»

Пермский государственный национальный исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: pah-lap@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3760-8277>
ResearcherID: AAX-4964-2021

Балезина Екатерина Андреевна

старший преподаватель кафедры социологии,
директор Центра социологических исследований

Пермский государственный национальный исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: katebalezi@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2456-0913>
ResearcherID: ABG-6783-2021

About the authors

Pavel M. Lapin

Graduate Student in Sociology of Management

Perm State University,
15, Bukirev st., Perm, 614990, Russia;
e-mail: pah-lap@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3760-8277>
ResearcherID: AAX-4964-2021

Ekaterina A. Balezina

Senior Lecturer of the Department of Sociology,
Head of the Center for Sociological Research

Perm State University,
15, Bukirev st., Perm, 614990, Russia;
e-mail: katebalezi@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2456-0913>
ResearcherID: ABG-6783-2021

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Лалин П.М., Балезина Е.А. Мотивация студентов к выполнению научно-исследовательской работы и ее связь с установкой на построение академической карьеры в вузе // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2021. Вып. 4. С. 662–672. DOI: 10.17072/2078-7898/2021-4-662-672

For citation:

Lapin P.M., Balezina E.A. [Students' motivation for performing research work and its relationship with their orientation toward building an academic career at university]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psihologiya. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2021, issue 4, pp. 662–672 (in Russian). DOI: 10.17072/2078-7898/2021-4-662-672

НАШИ РЕЦЕНЗЕНТЫ

Редколлегия журнала

*«Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология»
выражает глубокую благодарность рецензентам 2021 года*

OUR REVIEWERS

*Editorial Board of «Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology»
expresses deepest gratitude to 2021 reviewers*

Антипов Константин Анатольевич — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и политологии Пермского национального исследовательского политехнического университета.

Баландина Людмила Леонидовна — кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и клинической психологии ПГНИУ.

Балева Милена Валерьевна — кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии развития ПГНИУ.

Берзина Елена Михайловна — кандидат философских наук, заведующая кафедрой культурологии и социально-гуманитарных технологий ПГНИУ.

Береснева Наталья Ириковна — доктор философских наук, декан философско-социологического факультета, профессор кафедры культурологии и социально-гуманитарных технологий ПГНИУ.

Бурко Виктор Александрович — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и политологии Пермского национального исследовательского политехнического университета.

Буров Владилен Георгиевич — доктор философских наук, главный научный сотрудник Института философии РАН (Москва).

Волгов Владимир Сергеевич — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии ПГНИУ.

Воронова Ксения Андреевна — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии ПГНИУ.

Германов Игорь Анатольевич — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии ПГНИУ.

Гордеева Светлана Сергеевна — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии ПГНИУ.

Игнатова Екатерина Сергеевна — кандидат психологических наук, и.о. заведующего кафедрой общей и клинической психологии ПГНИУ.

Имакаев Виктор Раульевич — доктор философских наук, заведующий кафедрой образовательных технологий высшей школы Регионального института непрерывного образования ПГНИУ.

Колесниченко Милана Борисовна — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и политологии Пермского национального исследовательского политехнического университета.

Комаров Сергей Владимирович — доктор философских наук, профессор кафедры философии ПГНИУ.

Корниенко Дмитрий Сергеевич — доктор психологических наук, профессор кафедры общей психологии Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Москва).

Корякин Вячеслав Владимирович — кандидат философских наук, доцент кафедры философии ПГНИУ.

Краснов Алексей Витальевич — кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и клинической психологии ПГНИУ.

Кузнецов Александр Евгеньевич — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии ПГНИУ.

Лоскутов Юрий Викторович — кандидат философских наук, доцент кафедры философии ПГНИУ.

Лукьянова Наталья Александровна — доктор философских наук, заведующий кафедрой социально-гуманитарных наук Национального исследовательского Томского политехнического университета.

Маркова Юлия Сергеевна — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии ПГНИУ.

Мишкевич Арина Михайловна — кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии развития ПГНИУ.

Моисеев Вячеслав Иванович — доктор философских наук, профессор кафедры философии, биомедицины и гуманитарных наук Московского государственного медикостоматологического университета им. А.И. Евдокимова (Москва).

Мусаелин Лева Асканазович — доктор философских наук, заведующий кафедрой философии ПГНИУ.

Перцев Александр Владимирович — доктор философских наук, профессор кафедры истории философии, философской антропологии, эстетики и теории культуры Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург).

Панов Вячеслав Федорович — доктор физико-математических наук, профессор кафедры высшей математики ПГНИУ.

Политов Андрей Викторович — кандидат философских наук, доцент кафедры философии и права Пермского национального исследовательского политехнического университета.

Прохоров Александр Октябрьевич — доктор психологических наук, профессор кафедры общей психологии Казанского федерального университета.

Прозументик Кирилл Витальевич — кандидат философских наук, доцент кафедры философии ПГНИУ.

Снетова Нина Васильевна — кандидат философских наук, доцент кафедры философии ПГНИУ.

Хафизова Наталья Алексеевна — кандидат философских наук, доцент кафедры философии и права Пермского национального исследовательского политехнического университета.

Хачатрян Людмила Александровна — кандидат исторических наук, доцент кафедры социологии ПГНИУ.

Шарков Антон Валерьевич — кандидат философских наук, доцент кафедры философии ПГНИУ.

Шевкова Елена Викторовна — кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и клинической психологии ПГНИУ.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Редакционная коллегия научного журнала «Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология» (ISSN 2078-7898, ISSN online 2686-7532) приглашает опубликовать статьи, содержащие оригинальные идеи и результаты исследований, а также переводы и литературные обзоры. Журнал включен в **Перечень рецензируемых научных изданий ВАК России**.

Редакционная коллегия принимает к рассмотрению оригинальные статьи на русском и английском языке по следующим отраслям науки и соответствующим научным специальностям:

09.00.00 Философские науки (рубрика «Философия»)

09.00.01 Онтология и теория познания

09.00.11 Социальная философия

09.00.03 История философии

09.00.13 Философская антропология, философия культуры

19.00.00 Психологические науки (рубрика «Психология»)

19.00.01 Общая психология, психология личности, история психологии

22.00.00 Социологические науки (рубрика «Социология»)

22.00.04 Социальная структура, социальные институты и процессы

22.00.08 Социология управления

22.00.01 Теория, методология и история социологии

Издание включено в международные базы данных **Ulrich's Periodicals Directory** и **EBSCO Discovery Service**, в электронные библиотеки «**IPRbooks**», «**Университетская библиотека on-line**», «**КиберЛенинка**», «**Рукопт**», в электронную систему **Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)**.

Правила оформления текста

При подготовке статей используется редактор Microsoft Word (версия 2003 и ниже). Статья представляется в электронном виде (в формате RTF). Имя файла — фамилия автора (первого из соавторов).

Параметры страницы. Формат страниц А4, поля по 2 см с каждой стороны. Расстояние до верхнего и нижнего колонтитулов — 1,25 см.

Заглавие статьи набирается строчными буквами жирным шрифтом и форматируется по центру.

Основной текст статьи оформляется стилем «Обычный/Normal»: шрифт — Times New Roman, 11 pt, интервал — 1, абзацный отступ — 1 см. Объем статьи от 20000 знаков до 40000 знаков с пробелами. Допускаются выделения курсивом и полужирным шрифтом, а также вставка в текст специальных символов (с использованием шрифтов Symbol). В тексте следует четко различать О (букву) и 0 (ноль); 1 (арабскую цифру), I (римскую цифру) и l (латинскую букву); а также дефис (-) и тире (—). Обозначение веков следует писать римскими цифрами (XIX в.). Рекомендуемые кавычки «...», при выделениях внутри цитат следует использовать другой тип кавычек, например: «...“...”...».

В журнал не принимаются материалы в формате эссе. Рекомендуется разбить текст статьи на **разделы**:

– введение;

– основное содержание (рекомендуется разбить тело статьи на несколько тематических частей и присвоить каждой собственное наименование);

– результаты/обсуждение;

– заключение /выводы.

Заголовки к основным разделам статьи необходимо оформлять в едином стиле. Использование автоматических списков не допускается. Нумерованные списки набираются вручную.

Таблицы должны сопровождаться заголовком вида «Таблица 1. Название таблицы». Слова в таблицах должны быть написаны полностью. В конце заголовков и ячеек таблицы точка не ставится. Русская версия заголовка, названия таблицы и примечания (при наличии) к таблице должна сопровождаться ее переводом на английский язык.

Рисунки должны быть размещены в тексте статьи в виде внедренных объектов. Под рисунками должны располагаться подписи типа «Рис. 1. Название рисунка». В конце всех заголовков и подписей к рисункам точка не ставится. Подписи и примечания (при наличии) к рисункам должны приводиться как на русском, так и на английском языках. Рисунки, графики, диаграммы должны быть четкими, легко читаемыми.

Формулы выполняются в редакторе формул Microsoft Word Equation, версия 3.0 и ниже.

Библиографические ссылки в тексте оформляются на языке источников согласно принципами **Гарвардского стиля оформления** (<http://www.psu.ru/nauka/nauchnye-zhurnaly/metodicheskie-materialy/oformlenie-spiska-literatury-v-latinitse-references>) с указанием страниц источника цитирования (в случае прямого цитирования на конкретных страницах или обращения к конкретному фрагменту источника без прямого цитирования). При этом ссылки на использованную литературу даются в самом тексте статьи в квадратных скобках. В списке литературы не должно быть источников, на которые отсутствуют ссылки в тексте статьи. В списке литературы должны быть все источники, на которые дается ссылка в тексте статьи.

Постраничные сноски для ссылок на литературу **не допускаются**. После завершения основного текста статьи автор может добавить раздел Выражение признательности на русском и английском языках, в которых указывается ссылка на *программу*, в рамках которой выполнена работа, или *фонд поддержки*.

Ссылки в тексте оформляются в следующем виде:

– один автор: [Новиков А.М., 2002, с. 52], [Vernaleken A., 2006, p. 7];

– два автора: [Обухов, Иванова, 1999, с. 130];

– несколько авторов: указывается имя первого автора с последующим «и др.» [Иванова и др., 2002], но в списке литературы издание должно включать все имена авторов;

– несколько ссылок в алфавитном порядке разделяются точкой с запятой: [Орлов, Васильева, 2006; Рябухин, 2009], [Социология города..., 2010, с. 71; Петров, 2010, с. 55];

– две или более работ одного автора: [Береснева, 2014, 2016], [Внутских, 2017а, 2017б];

– книги под редакцией, материалы конференций, энциклопедии, словари, иные публикации: [Психолого-педагогическая..., 2014, с. 198], [Sociology and the end..., 2011].

Список литературы в соответствии с практикой международных научных журналов, рекомендуется составлять как минимум из **15–20 источников**; рекомендуется включать в него ссылки на современные журналы и монографии на иностранных языках.

Список литературы в конце статьи оформляется *автором (авторами)* в двух вариантах: в русском, согласно ГОСТ 7.07-2021 (<http://www.internet-law.ru/gosts/gost/1560/>), но без нумерации источников, и в *английском*, согласно принципам **Гарвардского стиля оформления** (<http://www.psu.ru/nauka/nauchnye-zhurnaly/metodicheskie-materialy/oformlenie-spiska-literatury-v-latinitse-references>) также без нумерации источников.

Русский вариант списка литературы должен содержать все источники, оформленные по ГОСТ 7.07-2021 *в алфавитном (русского языка) порядке без нумерации*. Обязательно указывается: *для книг* — фамилия и инициалы автора (выделенные курсивом), название, город, издательство, год издания, том, *количество страниц*; *для журнальных статей, сборников трудов* — фамилия и инициалы автора, название статьи, полное название журнала, серия, год, том, номер, выпуск, *страницы*; *для материалов конференций* — фамилия и инициалы автора, название статьи, название издания, время и место проведения конференции, город, издательство, год, *страницы*.

Внимание: если источник, помещенный в библиографический список, имеет **идентификатор DOI**, то его указание в разделе Библиографический список в виде активной гиперссылки является обязательным! DOI указывается в конце библиографической записи, отделяясь от страниц точкой и пробелом. Информацию о DOI источников можно найти по адресу: <https://www.crossref.org/>.

Пример:

Внутских А.Ю. Глобальные катастрофические риски в свете концепции единого закономерного мирового процесса // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2017. Вып. 4. С. 528–536. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2017-4-528-536>.

Bard, P. On Emotional Expression After Decortications With Some Remarks on Certain Theoretical Views. *Psychological Review*. 1934, vol. 41, p. 309. DOI: <https://doi.org/10.1037%2Fh0070765>.

Ссылки на кириллице в не русском варианте (белорусском, украинском, словенском и т.д.) должны сопровождаться переводом на русский или английский язык.

Для статей, имеющих в списке литературы **только англоязычные источники**, список литературы делается **только один**, в соответствии с правилами оформления английского варианта списка литературы.

Английский вариант списка литературы («References») должен быть выполнен в соответствии с принципами **Гарвардского стиля оформления** и содержать все источники *в алфавитном (английского языка) порядке без нумерации*.

Необходимо указывать всех авторов цитируемой работы, не ограничиваясь тремя или четырьмя, для того, чтобы они все учитывались в базе данных. Используйте союз and для связи имен последних двух авторов. В английском варианте списка литературы для разделения информации должны использоваться только знаки «.» и «,». Знаки «<», «<—», «/», «//» не применяются.

При написании названия русской книги, статьи, журнала, конференции и т.п. на английском языке желательно использовать общепринятый перевод, если таковой существует (например, роман Н.Г. Чернышевского в английском переводе называется «What Is to Be Done?», а не «What to Do?»). Просим сверяться с официальными сайтами конференций, РИНЦ, англоязычной Википедией и другими источниками, которые могут содержать англоязычные названия. Основное, что должно быть понятно иностранному читателю, не знакомому с русским языком, — это авторы и источник. Транслитерация обязательно должна сопровождаться переводом.

Правила транслитерации для оформления References:

а б в г д е ё ж з и й к л м н о п р с т у ф х ц ч ш щ ь ы ь э ю я
a b v g d e e zh z i y k l m n o p r s t u f kh ts ch sh sch y e yu ya

Для помощи в транслитерации можно воспользоваться сайтом <https://translitionline.com/nastrojki/> настроив транслитерацию в соответствии с указанными выше правилами (следует особо проверить транслитерированное изображение буквы щ).

Русские имена можно транслитерировать либо по приведенным правилам (например, «Ivanov», «Ignatev»), либо по другим, если их иное написание встречается в других источниках или документах автора (например, «Sergei» вместо «Sergey»). Иностранные фамилии должны писаться в общепринятой европейской форме (например, «Agazzi», а не «Agatstsi», «Marx», а не «Marks»).

По правилам английского языка с заглавной буквы пишутся все значащие слова (то есть все слова, кроме артиклей, сочинительных союзов, коротких предлогов и частиц).

Шаблон для оформления книг:

Автор/ы, редакторы, переводчики и др. (фамилия запятая инициалы) Год издания. *Заглавие. Сведения об издании (информация о переиздании, номер издания, серия)*, Место издания, Издательство. Объем — количество страниц.

Название русскоязычной книги приводят в транслитерации, а затем в квадратных скобках переводят на английский язык (для переводных изданий в скобках приводят оригинальное английское название). **Для англоязычных книг** приводят оригинальное английское название.

Примеры:

Panina, T.S. and Vavilova, L.N. (2008). *Sovremennye sposoby aktivizacii obucheniya* [Modern ways of activating learning]. Moscow: Akademiya Publ., 176 p.

Black, V., Kraakman, R. and Tarasova A. (1999). *Kommentarij Federal'nogo zakona «Ob akcionernykh obshchestvakh»* [Commentary to the Federal Law «On Joint-Stock Companies»]. Moscow: COLPI Labirint, 720 p.

Porter, M. (2008). *Konkurentnaya strategiya: metodika analiza otraslei i konkurentov. Per. s angl. 3-e izd.* [Competitive strategy: methodology for analyzing industries and competitors. Trans. from Eng. 3rd ed.]. Moscow, Al'pina Biznes Buks Publ., 453 p.

Turner, A. (2006). *Introduction to Neogeography*. London, O'Reilly Media, 56 p.

Шаблон для оформления статей или отдельных глав с указанием разных авторов из книги или сборника:

Автор/ы, редакторы, переводчики и др. (фамилия запятая инициалы) Год издания. Заглавие статьи: сведения, относящиеся к заглавию. *Заглавие книги: сведения, сведения, относящиеся к заглавию.* Место издания, Издательство, Местоположение статьи — интервал страниц.

Название русскоязычного источника приводят в переводе на английский язык (для переводных изданий приводят оригинальное английское название). **Для англоязычных источников** приводят оригинальное английское название.

Примеры:

Gonobolin, F.N. (1962) *Psihologicheskij analiz pedagogicheskikh sposobnostey* [Psychological analysis of pedagogical abilities]. *Sposobnosti i interesy* [Abilities and interests]. Moscow, APN RSFSR Publ., pp. 63–72.

Шаблон для оформления диссертаций:

Автор (фамилия запятая инициалы) Год издания. *Заглавие: Ph.D. Thesis/D.Sc. Thesis*. Место написания, Издательство (если указано). Объем — количество страниц.

Примеры:

Voskresenskaya, E.V. (2003). *Pravovoe regulirovanie otsenочноi deyatel'nosti: dis. ... kand. jurid. nauk* [Legal regulation of valuation activities: dissertation]. St. Petersburg, 187 p.

Meadows, K. (2017). *Aristotle on ontological priority: Ph.D. Thesis*. Stanford: Stanford University, 185 p.

Шаблон для оформления авторефератов диссертаций:

Автор (фамилия запятая инициалы) Год издания. *Заглавие: Abstract of Ph.D./D.Sc. dissertation*. Место написания, Издательство (если указано). Объем — количество страниц.

Примеры:

Bezrodnaya, V.F. (2004). *Osobennosti formirovaniya grazhdanskogo obshchestva v protsesse politicheskoi modernizatsii Ukrainy: avtoref. dis. ... kand. polit. nauk* [Features of civil society development in the process of political modernization of Ukraine: Abstract of Ph.D. dissertation]. Odessa, 16 p.

Шаблон для оформления статей из газет или журналов:

Автор/ы (фамилия запятая инициалы) Год издания. Заглавие статьи в переводе на английский язык в квадратных скобках: сведения, относящиеся к заглавию. *Название журнала*. Номер выпуска, Местоположение статьи — интервал страниц.

Название русскоязычного источника приводят в транслитерации, а затем в квадратных скобках переводят на английский язык (для переводных изданий в скобках приводят оригинальное английское название). Для англоязычных источников приводят оригинальное английское название.

Примеры:

Nazarchuk, A.V. (2011). [Network research in the social sciences]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 1, pp. 39–51.

Fedosiuk, O. (2005). Trafficking in human beings in criminal law and practice of courts. *Law*. No. 54, pp. 72–73.

Шаблон для оформления источников электронного ресурса удаленного доступа:

Название русскоязычного источника приводят в транслитерации, а затем в квадратных скобках переводят на английский язык (для переводных изданий в скобках приводят оригинальное английское название). Для англоязычных источников приводят оригинальное английское название.

Автор/ы (фамилия запятая инициалы) Год. Заглавие. Available at: URL (без знаков препинания в конце) (accessed — дата обращения).

Примеры:

Vauman, Z. (2011). *Tekuchaya modernost: vzglyad iz 2011 goda* [Flowing Modernity: view from 2011]. Available at: <http://polit.ru/article/2011/05/06/bauman/> (accessed 21.07.2017).

Для статей, имеющих в списке литературы **только англоязычные источники** список литературы делается только один, в соответствии с принципами **Гарвардского стиля оформления**.

Для источников **на других языках** (например, немецком) данные пишутся на английском языке и языке оригинала.

Пример:

Goltz, F. (1892). *Der Hund ohne Grosshirn. Siebente Abhandlung über die Verrichtungen des Grosshirns* [The Dog Without a Cerebrum: Seventh Treatise on the Functions of the Cerebrum]. *Archiv für die gesamte Physiologie* [Archives of All Physiology]. Bd. 51, no. 11–12, pp. 570–614.

Для статей, имеющих в списке литературы **только англоязычные источники** список литературы делается только **один**, в соответствии с правилами оформления английского варианта списка литературы.

Постраничные сноски для ссылок на литературу не допускаются. Допускается указание в формате постраничной сноски на **программу**, в рамках которой выполнена работа, или наименование **фонда поддержки**.

Статья должна сопровождаться:

- **индексом УДК;**
- **аннотацией** на русском и английском языках состоящей минимум из 200 слов;
- **ключевыми словами** (до 15 слов) на русском и английском языках (ключевые слова просим разделять запятыми) с заголовком *Ключевые слова/Keywords*;
- **информацией об авторе** в отдельном файле (на русском и английском языках): фамилия, имя, отчество, место работы и должность, ученая степень, ученое звание, полный почтовый адрес (с индексом) — рабочий и адрес, на который будет выслан авторский экземпляр журнала, телефон, адрес электронной почты;
- **информацией об идентификаторах автора в виде активных гиперссылок: ORCID и ResearchID** (в обязательном порядке, регистрация возможна на сайте <http://orcid.org/> и <https://publons.com/account/login/>);
- **рецензией** научного руководителя (только для аспирантов и соискателей).
- **скан-копией справки об обучении в аспирантуре**, заверенной руководителем учреждения (только для аспирантов).

Текст аннотации не следует разбивать на абзацы. В аннотации следует избегать лишних вводных фраз (например, «В статье рассматриваются...» или «Автором рассматривается...») Аннотация должна раскрывать содержание исследования и включать информацию:

- предмет, тема, цели работы (если они не очевидны из названия статьи);
- метод или методологию проведения работы (если они отличаются новизной и представляют специальный интерес);
- результаты работы;
- область применения результатов;
- выводы (могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье).

При подготовке аннотации на английском следует избегать сложных грамматических конструкций, не используемых в научном английском языке. Следует, например, использовать активный, а не пассивный залог: «The study tested», а не «It was tested in the study».

Подробные рекомендации по подготовке качественной аннотации можно найти в работе эксперта БД SCOPUS О.В. Кирилловой ([http://www.elsevier.com/locate/S0022-0591\(13\)00133-1](http://www.elsevier.com/locate/S0022-0591(13)00133-1)).

Рукопись, полученная редакцией, не возвращается. Редакция оставляет за собой право проводить редакторскую правку текстов статей, не изменяющую их основного смысла, без согласования с автором. Мнение членов редколлегии может не совпадать с мнением авторов статей.

Статьи и сопутствующие материалы отправляются автором на электронный адрес fsf-vestnik@yandex.ru Датой поступления статьи считается день получения рукописи статьи редакцией.

В соответствии с «Положением об этических стандартах редакционной политики Пермского государственного национально-исследовательского университета», автор, направляя рукопись в редакцию, принимает личную ответственность за оригинальность исследования и достоверность представленной в нем информации. Автор несет ответственность за неправомерное использование в научной статье объектов интеллектуальной собственности, объектов авторского права в полном объеме в соответствии с действующим законодательством РФ.

В связи с формированием Министерством юстиции РФ реестров организаций, физических лиц и СМИ, выполняющих функции иностранного агента, убедительно просим авторов проверять текст предоставляемых статей и ссылок в них на предмет включения соответствующих субъектов в следующие реестры:

- Реестр иностранных средств массовой информации и физических лиц, выполняющих функции иностранного агента — <https://minjust.gov.ru/ru/documents/7755/>
- Перечень иностранных и международных неправительственных организаций, деятельность которых признана нежелательной на территории РФ — <https://minjust.gov.ru/ru/documents/7756/>
- Сведения реестра НКО, выполняющих функции иностранного агента — <http://unro.minjust.ru/NKOForeignAgent.aspx>

При наличии указаний/ссылок на физических лиц, организации и СМИ, из указанных реестров необходимо после ФИО, наименования организации или СМИ ставить знак сноски * (звездочку) и на этой же странице под текстом указывать Включен в Реестр такой-то Министерством юстиции РФ и дату включения.

Направляя статью в редакцию, автор подтверждает, что направляемая статья нигде ранее не была опубликована, не направлялась и не будет направляться для опубликования в другие научные издания. Направляя статью в редакцию, автор подтверждает, что ознакомлен и согласен с приведенными выше требованиями, и готов подписать лицензионный договор с Издателем (с текстом лицензионного договора можно ознакомиться в сети Интернет по адресу: <http://philsoc.psu.ru/nauka-na-fsf/nauchnyj-zhurnal-fsf/89-nauka/282-litsenzionnyj-dogovor-s-avtorami>).

Предоставление авторами сторонних рецензий не требуется. Все статьи в обязательном порядке подвергаются процедуре двойного «слепого» рецензирования. Принятые статьи рейтинуются и отбираются к публикации в ближайших выпусках.

Публикации для авторов бесплатные.

Сроки представления рукописей статей и запланированные сроки выхода издания в 2022 году:

Сроки представления рукописей статей	Запланированный срок выхода соответствующего номера Вестника
в № 1 — до 01 февраля	31 марта
в № 2 — до 01 мая	30 июня
в № 3 — до 01 августа	30 сентября
в № 4 — до 01 октября	30 ноября

С электронными версиями опубликованных ранее выпусков Вестника можно ознакомиться в сети Интернет по адресу: <http://philsoc.psu.ru/science/nauchnyj-zhurnal-fsf.html>

Контактная информация редколлегии:

e-mail: fsf-vestnik@yandex.ru, тел. +7(342) 2396-305

GUIDELINES FOR ENGLISH-SPEAKING AUTHORS

The Editorial Board of the *Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology* (ISSN 2078-7898, ISSN online 2686-7532) invites authors of original research to publish their findings in the journal. The journal is on the Russian list of the leading peer-reviewed scientific journals and periodicals where the results of scientific research required for getting the scientific degree of Candidate or Doctor of Sciences (PhD) must be published.

The Editorial Board of the journal accepts original papers in Russian and in English accordingly study fields as follows:

09.00.00 Philosophy

09.00.01 Ontology and Epistemology

09.00.11 Social Philosophy

09.00.03 History of Philosophy

09.00.13 Philosophical Anthropology, Philosophy of Culture

19.00.00 Psychology

19.00.01 General Psychology, Personality Psychology, History of Psychology

22.00.00 Sociology

22.00.04 Social Structure, Social Institutions and Processes

22.00.08 Sociology of Management

22.00.01 Theory, methodology and History of Sociology

The journal is included in the international databases *Ulrich's Periodicals Directory* and *EBSCO Discovery Service*, in the digital library *IPRbooks*, *electronic library system «The University Library On-line»*, *open access scientific library «CyberLeninka»*, *national digital resource «RUCONT»* and *national information-analytical system «Russian Science Citation Index (RSCI)»*.

Guidelines for submission

Articles should be submitted electronically in Microsoft Word (version 2003 or earlier) as a Rich Text File (rtf). The file should be named after the surname of the author (or the first coauthor).

Page Parameters. Please use A4 page size with 2 cm margins on each side with 1.25 cm to headers and footers.

The title of your contribution should be placed centrally in lowercase letters and in bold type.

The main text of your contribution should be typed in Normal style: Times New Roman, 11 pt, interval — 1, paragraph spacing — 1 cm. Articles should aim for a target length of 20 000 to 40 000 characters with spaces. You may use **boldface** or *italic*. Special symbols should be introduced by means of Symbol fonts. Please make sure that there observed distinctions between O (the letter) and 0 (zero); 1 (one), I (Roman figure) and l (Latin letter); intra-word hyphen (-) and dash (—). Centuries should be represented by with Roman numerals (e.g. XIX century). Recommended quotation marks are «. . .»; inside the quotations please use a different type of quotation marks (e.g. «. . .” . . .” . . .»).

The materials in the essay format are not accepted in the journal. We urge to divide the text of your article into the following parts:

- introduction;
- principal content (we recommend subdivide the article body into several components giving a title to each of them);
- results / discussion;
- conclusions / statements.

Headings of the main sections of your paper should be in one style. Please do not use automatic lists. Numbered lists should be done manually.

Tables should be signed as follows «Table 1. Name of Table». Words in tables should not be contracted. Full stop should not be used at the end of headings and in table cells.

Pictures should be placed in the text as embedded objects. Captions should be placed under the pictures (e.g. «Pic. 1. Name of the picture»). Full stop should not be used at the end of headings and captions to pictures. Pictures, graphs, diagrams should be clear, easy to read.

Formulas should be written in Microsoft Word Equation, version 3.0 or earlier.

References should be presented accordingly Harvard style of referencing (<http://www.citethisforme.com/harvard-referencing>) If a quotation is included, the page of the source should also be mentioned in square brackets, e.g.: [Vernaleken A., 2006, p. 7].

We recommend including from 15 to 20 citations in Reference list as minimum. These citations should be presented accordingly Harvard style of referencing (<http://www.citethisforme.com/harvard-referencing>). Generally, Harvard Reference List citations follow this format: Last name, First Initial. (Year published). *Title*. City: Publisher, Page(s), e.g.: Turner, A. (2006), *Introduction to Neogeography*, London, O'Reilly Media, 56 p.

Citations are listed in alphabetical order by the author's last name without numbering. If there are multiple sources by the same author, then citations are listed in the order of the date of publication.

Each resource should be mentioned in the list of references just once. The list of references should contain only those resources, which were cited in the text. All the resources cited in the text should be included in the list of references. Please provide Russian or English translation to non-Russian Cyrillic references.

Note: If cited source has DOI, then DOI name should be given in References as active hyperlink. DOI name should be placed at the end of the item, and it should be divided from the previous text by dot and void interval.

For example:

Bard, P. (1934). On Emotional Expression After Decortications With Some Remarks on Certain Theoretical Views. *Psychological Review*. Vol. 41, p. 309. DOI: <https://doi.org/10.1037%2Fh0070765>.

For **resources in English** the imprint should be given in English only.

For example:

Head, H. and Holmes, G. (1911–1912). Sensory Disturbances from Cerebral Lesions. *Brain*. Vol. 34, p. 102.

For **resources in other languages** (e.g. German) the imprint should be given both in English and in the resource language

For example:

Goltz, F. (1892). Der Hund ohne Grosshirn. Siebente Abhandlung über die Verrichtungen des Grosshirns [The Dog Without a Cerebrum: Seventh Treatise on the Functions of the Cerebrum]. *Archiv für die gesamte Physiologie* [Archives of All Physiology]. Bd. 51, no. 11–12, pp. 570–614.

Please **do not use footnotes**. The author can add a section Acknowledgements after the main text of the article to indicate a **project, scholarship** or **foundation** supporting his or her research.

Your contribution should be accompanied by:

- the index of the Universal Decimal Classification;
- abstract of 200 words (as minimum): abstract should include information about subject, objectives, methodology of the article, discussion of results and conclusion;
- key words (up to 15);
- information about the author (in separate file): surname and first name; place of work and position; academic degree; academic title; information about author's ID as active hyperlink (ORCID and Researcher ID); mail address (with postal code) for your author's copy to be sent to; phone number and e-mail address;
- scanned copy of verified certificate of study (for PhD students only).

Please take notice that submissions received by the Editorial Board will not return to the authors. The editorship may edit the text of the article and make minor amendments, which do not change the general meaning of the text, without the author's consent. Opinions of the Editorial Board may not coincide with the opinion of the author.

Submissions should be sent **to the e-mail address of the Herald**: fsf-vestnik@yandex.ru. The date when the Editorial Board receives the manuscript is considered to be the date of the submission receipt.

According to «Regulations of Ethical Standards of Editorial Policy of Perm State University» the author of the article is responsible for the originality of research and authenticity of the information presented. The author is equally responsible for all copyright permissions in accordance with national and international legislation. By sending his or her article the author confirms that the manuscript has not been published previously and has not been sent to other journals for consideration before and will not be sent to other journals for publication afterwards. By sending his or her article the author confirms that he or she agrees with the requirements of the Guidelines, and is ready to sign the license agreement with the Publisher (see the text of the agreement at web-site: <http://philsoc.psu.ru/science/nauchnyj-zhurnal-fsf.html>).

All articles are exposed to double «blind» reviewing. The approved articles are ranked for selection to the publication in the next issues.

The publication of manuscript is **free**.

Submission deadlines in 2022

Submission deadlines	Planned date of publication
No 1 February 1	March 31
No 2 May 1	June 30
No 3 August 1	September 30
No 4 October 1	November 30

Electronic versions of the previously published issues of the *Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology* may be found here: <http://philsoc.psu.ru/science/nauchnyj-zhurnal-fsf.html>

Contacts

Phone: +7(342) 2396-305

E-mail of the Herald: fsf-vestnik@yandex.ru

Научное издание
Вестник Пермского университета

ФИЛОСОФИЯ. ПСИХОЛОГИЯ. СОЦИОЛОГИЯ

2021
Выпуск 4

Редактор *Л.А. Богданова*
Корректор *Л.И. Семицветова*
Компьютерная верстка *И.Н. Черемных*
(ответственный секретарь коллегии)
Макет обложки *Н.С. Щеколовой*

Подписано в печать 25.12.2021
Дата выхода в свет 29.12.2021
Формат 60X84/8. Усл. печ. л. 22,8
Тираж 500 экз. Заказ

Адрес учредителя и издателя:

614990, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, д.15
Пермский государственный национальный исследовательский университет.

Адрес редакции:

614990, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15
(Философско-социологический факультет).
Тел. +7 (342) 239-63-05

Издательский центр
Пермского государственного
национального исследовательского университета.
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15. Тел.+7 (342) 239-66-36

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии издательства
Пермского национального исследовательского политехнического университета.

614990, г. Пермь, Комсомольский пр., 29, к. 113. Тел. (342) 219-80-33

Распространяется бесплатно и по подписке